

**Ростовский государственный университет
Институт по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук**

А.В. Лубский

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ
МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

*Ответственный редактор
доктор философских наук
ЮГ. Волков*

Москва
Издательство
«Социально-гуманитарные знания»
2005

УДК 30
ББК 63.2
Л 107

Печатается по решению ученого совета
Института по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук
Ростовского государственного университета

Рецензенты:

доктор философских наук *Н.И. Киященко*,
доктор философских наук *Т.П. Матяш*

Лубский А.В.
Л106 Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред.
Ю.Г. Волков - М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. -
352 с.
ISBN 1-5-901715-33-0

В работе осмысливаются когнитивные практики, сложившиеся в историческом познании, выделяются классическая, неклассическая и неоклассическая модели научного исторического исследования, рассматриваются их предметные области, когнитивные стратегии и методологические принципы, а также влияние постмодернистских идей на историческую науку.

Предназначается специалистам в области методологии исторического познания.

УДК 30
ББК 63.2

В оформлении книги использована работа Ф.Гойи «Сон разума рождает чудовищ»
(Из серии «Капричос». 1797 - 1798 гг. Офорт)

ISBN 1-5-901715-33-0

© Лубский А.В., 2005
© Издательство «Социально-
гуманитарные знания», 2005

ВВЕДЕНИЕ

Целокупная Истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки, подобравшие их возомнили себя обладателями всей Истины.

П. Флоренский

Согласно теории когнитивной эволюции, каждая историческая эпоха рождала свои доминирующие способы приобретения знаний. В античные времена приращение знаний осуществлялось через соизмерение разных сущностей («эпоха соразмерности»), в средние века - путем дознания («эпоха единознания»), в Новое время - в результате узнавания («эпоха соответствия»). В новейшее время основным содержанием когнитивной деятельности выступает познание, т.е. построение целостной системы знаний, объединенной с сочувственным восприятием действительности — постижением («эпоха индивидуализации»). При этом подчеркивается, что только познание имеет отношение к знаниям в узком смысле слова как «системе фундаментальных сведений об устройстве естественной природы, артефактов, общества и самого человека»¹.

Сегодня наиболее развитые страны вступают в стадию информационного общества, основанного на производстве, распространении и потреблении научных знаний. В связи с этим некоторые ученые считают, что именно отношение к знаниям, к возможностям их создания и использования все в большей степени будет определять социальную структуру общества, а также роль тех или иных стран в новом мировом порядке. При этом проблематика научного познания признается центральной для понимания общества и человека².

На протяжении XIX-XX вв. ведущие позиции в гуманитарном познании занимала история, которая в европейской интеллектуальной традиции пользовалась репутацией парадигмальной науки о человеке³. Ее важнейшей функцией было производство достоверных знаний о прошлом как историческом опыте и формирование на этой основе

исторического сознания как способа приобщения к традиции.

Историческое познание было всегда беспокоено поиском истины: надежнее истина - крепче историческая память, крепче историческая память - больше социальной уверенности. Для обывденного сознания историческая память важнее истины, память в нем избирательна, а истина эмоциональна. Поэтому в повседневной жизни людям важнее экзистенциальная сторона истины, они жаждут «правды», эмоционально относясь к историческим акцентам. Для научного сознания истина важнее памяти, наука стремится придать ей максимальную достоверность. В современном научном сознании содержанием исторической истины является оценочная характеристика знания в контексте его соотношения, с одной стороны, с предметом исторического исследования, с другой - со сферой процессуального исторического мышления.

В последней трети XX в. методологические основы исторического познания были потрясены «постмодернистским вызовом»⁴. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную» дисциплину: в ней существует огромное количество направлений, течений и школ; методологический сепаратизм размывает стандарты научной профессиональной деятельности; ученые говорят на разных языках, все меньше понимая друг друга и все больше обвиняя своих оппонентов в «ненаучности».

Историческая наука оказалась на распутье: одни соблазняют ее прелестями постмодернистской вседозволенности, другие зовут «вернуться к Геродоту», третьи требуют достоверности, точности и научности, четвертые предлагают выработать новые научные стандарты познавательной деятельности. Наступил, как полагают многие исследователи, затяжной эпистемологический кризис, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени»⁵. Прошлое стало чрезвычайно актуализированным, историческое знание зачастую является зеркальным отражением настоящего. Историческому знанию перестали доверять, оно стало слишком ангажированным и идеологизированным, чтобы казаться истинным, или хотя бы правдивым.

Эпистемологический кризис, охвативший историческую науку, и развернувшиеся методологические «бои за историю» требуют соответствующей философской рефлексии. В этом деле важен и ретроспективный взгляд на историю методологических исканий, и актуальный, поскольку в условиях «распадающегося» методологического сознания стереотипы научного мышления исследователя перестают работать, и перспективный, позволяющий сконструировать будущей исторической науки и обозначить возможные стандарты научной в ней деятельности. «образ»

Историческая наука в России, обретя свободу от «директивных указаний», в настоящее время также находится в эпистемологическом поиске, столкнувшись с проблемой методологической самоидентификации⁶. В ней отчетливо проявились две тенденции: с одной стороны, бывшие «шестидесятники» обнаружили стремление к методологическому реваншу и возрождению «обновленного» марксизма, а с другой - новое поколение историков активно использует методологические идеи, заимствованные из арсенала немарксистской историографии⁷.

В большинстве своем отечественные историки сегодня работают в русле социологического или антропологического подходов к изучению истории. Сторонники первого подхода, испытывая сильное влияние марксистского методологического «наследия», обеспокоены в первую очередь утратой методологии, «позволяющей получать полную и объективную информацию о прошлом»⁸. Сторонники второго подхода, сформировавшегося под влиянием школы «Анналов», развитие исторической науки связывают с утверждением в ней «познающей» методологии и «парадигмы ценностей».

Сколько-нибудь влиятельного постмодернистского крыла в отечественной исторической науке не сложилось⁹. Более того, в конце 80-х - начале 90-х гг. прошлого века постмодернизм в России воспринимался как интеллектуальное течение с явно выраженной гуманитарной направленностью, отказавшееся от жесткого сциентизма позитивистской историографии. Поэтому постмодернизм отечественными исследователями зачастую отождествлялся с антропологическим походом к истории¹⁰. При этом постмодернизм рассматривался как стремление уйти от крайностей примитивного сциентизма и аб-

солютного релятивизма, как поиск «третьего пути», на котором история могла бы избежать опасности растворения, с одной стороны, в «точных» науках, не способных сформировать комплексное видение человека и общества, а с другой - в литературе, не связанной обязательствами по отношению к прошлому. В этом плане к постмодернистам можно было причислять любого историка, поддерживающего главное требование перестроечной историографии — «вернуть истории человека».

Только в середине 90-х гг. XX в. в отечественной исторической эпистемологии появились работы, в которых постмодернизм стал рассматриваться в русле преодоления модернистских норм мышления и связываться со стратегиями постструктурализма и деконструктивизма и отказом от субъектно-объектной дихотомии¹². Однако такая трактовка постмодернизма грозила обесценить практически все профессиональные навыки, которыми гордились российские историки, поэтому их реакция на распространение постмодернистских идей в исторической науке стала в целом негативной¹².

Разнообразие существующих в современном историческом познании когнитивных практик, сложившихся в разное время и в различных социокультурных и эпистемологических контекстах, делает их концептуальную интерпретацию актуальной познавательной задачей.

В отечественной интеллектуальной традиции одной из сильных ее сторон является стремление к изучению природы познания, в том числе и исторического. Уже на рубеже XIX-XX вв. достижения отечественных ученых в области разработки проблем методологии истории выдвинули российскую историческую науку на ведущие позиции в мире. В 20-х - начале 30-х гг. внимание к методологическим проблемам исторического познания было обусловлено развернувшейся критикой «буржуазной» историографии и утверждением в советской исторической науке марксистско-ленинских методологических принципов¹³. Однако в советское время интерес к методологическим проблемам на долгое время был утрачен. Сложившаяся к концу 30-х и благополучно просуществовавшая до конца 50-х гг. «официально проверенная и одобренная» концепция истории, опиравшаяся на теорию общественно-экономических формаций, была пропитана марк-

систко-ленинской идеологией, позволявшей искажать и изымать из обращения исторические источники, подгонять факты под схемы, якобы заданные объективным ходом поступательного развития истории¹⁴.

Потребность в переосмыслении проблем исторической эпистемологии возникла в советской исторической науке лишь в начале 60-х гг., в момент ослабления «идеологической узды» и осознания необходимости обновления обветшалых догм исторического материализма, когда открылись более широкие возможности доступа к архивным источникам и зарубежной литературе¹⁵. В 1964 г. было принято специальное Постановление Президиума Академии наук СССР «О разработке методологических вопросов истории», в котором речь шла о необходимости дальнейшего развития исторической науки в русле марксистско-ленинской методологии исторического познания за счет преодоления догматизма, субъективизма и иллюстративности¹⁶.

Это постановление сыграло большую роль в активизации методологических исследований в СССР. Однако некоторые из советских философов и историков того времени не только занялись преодолением догматизма, но и предприняли попытку нового прочтения марксизма. Поэтому разработка методологических проблем истории в 60-х гг. осуществлялась, с одной стороны, в русле ленинской теории отражения и «очищенной от вульгаризаторских наслоений» марксистской теории общественно-экономических формаций, а с другой - в русле претензий на новое толкование марксизма в целом¹⁷.

В 1964 г. в Институте истории АН СССР был создан сектор методологии истории, который в эпоху интеллектуального «ренессанса» шестидесятников стал главным центром переосмысления отечественной и зарубежной истории, которое осуществлялось под флагом «возвращения к марксизму подлинному и неискаженному». Однако деятельность этого сектора постоянно подвергалась идеологическим гонениям и в начале 70-х гг. закончилась партийными «разборками», закрытием сектора и разгромом «нового направления в исторической науке».

Вместе с тем партократии, расправившейся с методологической «ересью» в советской исторической науке, не удалось погасить

интерес отечественных ученых к методологическим проблемам исторического познания. Более того, он актуализировался в связи с выходом советской исторической науки на международную арену, которая стала переходить от самоизоляции и связанного с ней методологического высокомерия к налаживанию контактов с зарубежными историками. Диалога при этом, как правило, не получалось, а сотрудничество превращалось в методологическую конфронтацию. Однако выход советской исторической науки на международную арену, регулярное участие отечественных историков в международных исторических конгрессах, проведение XIII Международного конгресса исторических наук в СССР, материалы которого были опубликованы на русском языке, создавали интеллектуальную основу для обмена методологическими идеями, несмотря на всю ригористическую риторику адептов марксистско-ленинского учения.

Стремясь направить методологический «бум», охвативший советскую историческую науку, в нужное русло, партийное руководство в 1976 г. официально разрешило дискуссию по проблемам методологии истории, которая развернулась на страницах журнала «История КПСС». В центре ее внимания оказались вопросы, связанные с пониманием того, что такое методология истории и какова ее структура. Ничего принципиально нового в марксистско-ленинскую теорию исторического познания эта дискуссия не внесла. Основные его принципы - объективность, историзм и партийность - были признаны священными, а всякие рассуждения о необходимости разработки каких-то специальных проблем методологии исторической науки были пресечены. Поэтому многие исследователи, проявившие в те годы интерес к методологическим проблемам исторического познания, ушли в источниковедение, где партийно-идеологическое влияние было не столь сильным.

В 70-80-х гг. XX в. в СССР были опубликованы десятки монографий и сотни статей, посвященные методологическим проблемам истории. Одни из них были фундаменталистско-марксистского толка¹⁸, другие - содержали методологические новации¹⁹.

Разработка методологических проблем истории в те годы осуществлялась в русле «ленинской теории отражения» и «марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций» в контек-

сте борьбы с буржуазной методологией истории. Однако сама актуализация методологической деятельности в исторической науке, в которую оказались вовлеченными наиболее творческие ученые, на практике вела не к укреплению марксистских методологических устоев, а к попыткам интегрировать в марксистское методологическое сознание целый ряд новаций, таких как идея многовариантности исторического процесса, проблемы «человека в истории» и «истории в человеке», вопросы культурологического подхода в историческом познании, исторического моделирования и использования количественных методов в исторических исследованиях.

Авторов инновационных работ отличало глубокое знание немарксистской литературы методологического содержания. Это позволяло им под флагом «критики буржуазной историографии» не только знакомить читателей с важнейшими направлениями «буржуазной» методологической мысли, но и по-новому трактовать некоторые аспекты марксистской методологии, прежде всего такие, как особенности исторического познания, взаимодействие объективного и субъективного в изучении прошлого, природа исторического источника и исторического факта, эмпирический и теоретический уровень исторического исследования. Это способствовало тому, что в конце 80-х гг. сквозь толщу марксистского монистического взгляда на историю стали пробиваться ростки идеи методологического плюрализма и возможности ее плюралистической интерпретации. Появлению этих новаций во многом способствовало и то обстоятельство, что в отечественной эпистемологии в те годы стало развиваться новое направление, связанное с разработкой ее «деятельностного» варианта, которое оказалось, как отмечает В.А. Лекторский, полем интеллектуального диссидентства, противостоявшего официальному марксизму-ленинизму и догматической теории отражения²⁰.

Однако в постсоветский период познавательный интерес к методологическим проблемам исторического познания стал угасать. Еще в период перестройки акценты были смещены с вопроса о способах получения исторического знания на результаты исторических исследований: исторические знания стали подвергаться ревизии на предмет «исторической правды». Историческое сознание в 90-х гг. прошлого века оказалось больше озабочено критикой марксизма и

разоблачениями советской версии отечественной и зарубежной истории, чем разработками в сфере методологии исторического познания. Единственной новацией в эпистемологической области оказалось стремление заменить (или дополнить) формационный подход цивилизационным²¹.

В условиях критики марксизма усилилось недоверие к методологии истории вообще, появилась, как отмечает академик А.О. Чубарьян, «аллергия на вопросы методологии в целом»²². Это недоверие обусловливается тем, что методология истории продолжает казаться многим отечественным историкам дисциплиной, слишком отвлеченной от практических потребностей исторического исследования. Более того, в сознании самих историков, подчеркивает А.Н. Мининков, сформировалось отношение к методологии как к мощному орудию идеологического воздействия на них, ограничения их творческой самостоятельности и свободы выражения мысли, как орудию критики, зачастую самой разносной, с «оргвыводами», как это имело место на протяжении многолетней истории развития советской историографии²³.

«Поисковое» состояние, в котором оказалась отечественная историческая наука в конце XX - начале XXI в., сопровождается определенными когнитивными издержками. В ней стало много дилетантизма, порождающего эпистемологический эклектизм в худшем смысле этого слова. Некоторые отечественные историки в погоне за модой и сенсацией забыли о научности и профессиональной этике, и сама историческая наука подверглась нашествию «околонаучного маргинала»²⁴.

В постсоветское время методологическое сознание в отечественной исторической науке развивалось в основном за счет осмысления историками своих собственных исследовательских действий, а также в результате интериоризации зарубежного методологического опыта²⁵. Методологические работы, посвященные непосредственно процессу исторического исследования, стали редкостью²⁶. Вместе с тем появились новые учебные пособия по методологии истории²⁷, а также переводы иностранной литературы, которая, несомненно, «будоражит» отечественное методологическое сознание²⁸.

В философской и научной литературе уже затрагивались некото-

рые из сюжетов, имеющие отношение к проблемам, которые рассматриваются в данной монографии. В работе В.А. Лекторского анализируются вопросы взаимоотношения классической и неклассической эпистемологии. В ней дается также критический разбор тех догматических стереотипов отечественных исследований в области теории познания, которые связаны с «теорией отражения». При этом В.А. Лекторский подчеркивает, что современная критика «теории отражения» иногда сопровождается восхвалением субъективизма и инструментализма. В этом случае догматические и наивные идеи «теории отражения» выбрасываются вместе со свойственным ей эпистемологическим реализмом. А между тем, как отмечает исследователь, большинство специалистов по эпистемологии и философии науки в мире сегодня занимают именно реалистическую позицию²⁹.

Пересмотру классической теории познания применительно к гуманитарным наукам посвящена работа Л.А. Микешиной. Традиционная эпистемология, в которой «очищенный» мир разума представляет собой абстрактный, теоретизированный мир, существующий по своим имманентным законам, является, по ее мнению, ни чем иным, как виртуальным феноменом. Поэтому традиционная эпистемология не приложима к непосредственному, живому познанию. Философия познания должна обращаться, считает Л.А. Микешина, не к абстракции субъекта, но к целостному человеку познающему и интерпретирующему. Богатство познавательного опыта, полагает она, ставит сегодня проблему возможного синтеза многообразных когнитивных практик на основе принципа доверия субъекту познания, в том числе и в исторических исследованиях³⁰.

В связи с выделением различных типов рациональности в настоящее время предпринимаются попытки конструкции различных образов философии и философии истории. Так, В.С. Данилова считает, что в классической философии основным методом исследования является логика, в неклассической – методология научного поиска, в постнеклассической философии методология начинает определяться языком как главным источником философского знания³¹.

Классическая, неклассическая и постнеклассическая философия истории, базируется, как отмечает Е.М. Сергейчик, на различных, исторически обусловленных стилях европейского философского мыш-

ления³². Основой классической философии истории выступает «субстанция как субъект», неклассической - «субъективизация логического», постнеклассической - «историчность субъективного». Однако при этом автор к неклассической философии истории относит и позитивистов, и антипозитивистов, в частности неокантианцев³³.

В современной литературе рассматриваются также отдельные черты классической и неклассической парадигм социального и исторического познания. Базовой чертой классической парадигмы, как отмечают исследователи, является объективизм, стремление к поиску логики истории и теоретическому охвату всех сторон общественной жизни в единой концептуально непротиворечивой схеме. Неклассическая парадигма базируется на опыте феноменологической альтернативы³⁴.

При изучении исторического познания одни исследователи предлагают рассматривать его как процесс, другие - как деятельность. В изучении исторического познания, по мнению К.В. Хвостовой, надо выделять два аспекта: теоретический, направленный на определение места исторического познания в системе других наук, и прагматический, предполагающий изучение исторического познания как процесса, связанного со спонтанным автономным развитием исторического знания, стремлением историка к совершенствованию методики познания³⁵. Деятельностный подход в эпистемологии стал разрабатываться еще в 70-80-х гг. прошлого века в трудах В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, В.С. Швырева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина, которые стремились к созданию единой теории деятельности в рамках марксистской парадигмы³⁶. В настоящее время ставится задача переосмысления деятельностного подхода в русле теорий коммуникации³⁷. При этом признается возможность создания различных вариантов деятельностной теории³⁸, в том числе и применительно к историческому познанию.

Понимание природы методологической деятельности в исторической науке непосредственно связано с трактовкой понятия «методология истории», которое в современной литературе употребляется в различных смыслах. С одной стороны, под «методологией» подразумевают «теорию исторического познания» или «совокупность принципов и методов исторического исследования»³⁹, с другой - специ-

альную дисциплину, обеспечивающую «организацию исследовательского процесса с целью получения нового и максимально достоверного знания»⁴⁰.

Отсутствие четкого различия указанных двух случаев употреблении понятия «методология истории» приводит к тому, что в научной литературе часто смешиваются представления о структуре методологии как системе теоретических знаний, выполняющих функцию когнитивных установок в историческом исследовании, и предмете методологии как научной дисциплины.

По вопросу о структуре методологии истории как системе теоретических знаний важным является положение, высказанное в свое время А.В. Гульгой, о том, что в методологии надо различать две стороны, «из которых одна разрабатывается на основе исследования в той или иной конкретной области, а другая охватывает целый круг проблем, тесно связанных с нашим мировоззрением, и представляет собой философскую проблематику методологии истории»⁴¹. В целом в настоящее время в понимании структуры методологии истории доминирует подход, сложившийся еще в 70-х гг. XX в., согласно которому в ней следует выделять три уровня: 1) философский, 2) общенаучный, 3) частно-научный⁴².

Среди исследователей нет единства в представлениях о предмете методологии истории как научной дисциплины. Одни из них считают, что ее предметом являются вопросы гносеологического характера, такие как принципы, методы и этапы исторического познания⁴³, взаимодействия в нем субъекта и объекта, способы создания исторических теорий, содержание категорий, с которыми имеет дело историк⁴⁴. Другие ученые в предметную область методологии включают не только гносеологические, но и онтологические вопросы, например, закономерности исторического процесса, смысл истории и роль в ней народных масс⁴⁵.

В современной литературе по-разному оценивается сложившаяся в исторической науке методологическая ситуация, которая характеризуется многообразием когнитивных практик⁴⁶. Ученые называют такое состояние методологическим плюрализмом, или методологическим сепаратизмом⁴⁷. При этом одни из них рассматривают методологический плюрализм как свидетельство нормального разви-

тия исторической науки⁴⁸, а другие - как проявление ее кризиса⁴⁹.

Существуют также различные представления о логике и структуре исторического исследования⁵⁰. Одни ученые рассматривают историческое исследование как последовательность определенных процедур: 1) выбор объекта и постановка исследовательской задачи; 2) выявление источник-информационной основы ее решения; 3) разработка методов исследования; 4) реконструкция исследуемой исторической реальности и эмпирическое ее описание; 5) объяснение и теоретическое познание; 6) определение истинности и ценности полученного знания⁵¹. Другие ученые в структуре исторического исследования выделяют: 1) исследовательскую задачу, 2) цель, условия и методы ее достижения; 3) набор гипотез; 4) совокупность исходных предварительных знаний; 5) методы и средства изучения эмпирического знания; 6) проверку гипотез; 5) конечный результат исследования - новое знание⁵². Третьи - в историческом исследовании выделяют эвристическую, эмпирическую и теоретическую стадии, а также социокультурные и научные предпосылки исследовательского процесса⁵³.

Одной из наиболее трудной для разрешения в современной эпистемологии является проблема научности исторического исследования⁵⁴. В рамках классического идеала к критериям научности одни методологи относят проблемность, предметность, обоснованность, интересубъективную проверяемость и системность знания⁵⁵, другие - социальность, системность, проблемность, предметность и познавательность⁵⁶. Критики классического идеала научности исходят из того, что невозможно установить ее универсальные критерии, и поэтому допускают множественность эталонов научности, в том числе и в рамках одной науки⁵⁷.

Одним из атрибутивных признаков научности исторического исследования является рациональность. В современной философской литературе утвердилось представление о том, что, во-первых, саму научную рациональность нужно рассматривать как производное от рациональности вообще, во-вторых, речь должна идти о разных типах научной рациональности - классической, неклассической и постнеклассической⁵⁸.

Некоторые ученые интерпретируют понятие «рациональность»

не просто как разумность, а как «целесообразность». Поэтому критерием рациональности в науке у них выступает достижение цели, которая состоит в получении истинного знания о мире⁵⁹. Однако, по мнению отдельных исследователей, методологический плюрализм в современном научном познании делает стремление к истине когнитивным анахронизмом⁶⁰. Но многие ученые считают, что отказ от категории истины в историческом познании поставит под сомнение профессиональный статус исторической науки и вопрос о ее социальной значимости⁶¹.

Проблема истины в историческом познании является одной из, центральной в современной эпистемологии⁶², в которой существует два альтернативных подхода к ее трактовке. Один из них основывается на принципе корреспонденции как соответствия знания объективной исторической действительности, другой - на принципе когеренции как связи знания с процедурами мышления⁶³. В настоящее время некоторые исследователи считают, что речь об истине в историческом познании может идти только с учетом конкретной исследовательской ситуации, и в этом смысле истина всегда носит контекстный характер⁶⁴.

Кроме того, в философской и научной литературе рассматриваются такие сюжеты, имеющие отношение к проблематике монографии, как влияние позитивизма, философии жизни, неокантианства, школы «Анналов», «лингвистического поворота» и постмодернизма на развитие исторической науки⁶⁵. В работах, посвященных влиянию позитивизма на историческое познание, отмечается стремление позитивистов превратить историю в точную науку, опирающуюся на факты и ориентированную на открытие исторических законов⁶⁶. Однако позитивистская попытка сциентизации исторической науки по образцу естествознания окончилась, как отмечают исследователи, провалом, и это привело позитивистскую эпистемологию в конце XIX в. к кризису⁶⁷. В условиях кризиса позитивизма большое влияние на историческую эпистемологию в начале XX в. стали оказывать различные направления антипозитивистского характера, базирующиеся на идеях философии жизни и неокантианства. При этом главным содержанием исторического познания стало, как отмечают исследователи понимание индивидуального, уникального и неповторимого⁶⁸.

Показывая влияние школы «Анналов» на развитие исторической науки, исследователи отмечают, что ее основателями М. Блоком и Л. Февром в конце 20-х гг. XX в. была разработана программа создания исторической науки как науки о человеке в обществе, мыслящем и чувствующем общественном существе, поэтому основное внимание в этой программе отводилось изучению ментальностей. В методологическом плане программа была эклектичной: она соединяла позитивистские и неокантианские когнитивные установки⁶⁹.

Философы, занимающиеся изучением влиянием «лингвистического поворота» на гуманитарные науки, считают, что обращение к языку как альтернативе картезианского *cogito*, сопровождалось фундаментальным сдвигом во взаимоотношениях между языком и объяснением человеческого поведения⁷⁰. При этом одни историки, как отмечают исследователи, восприняли «лингвистический поворот» как оправдание неизбежности многоголосия мнений, другие - как подтверждение интерпретативной стороны исторического познания, третьи - как санкцию на инструментальный подход к знанию⁷¹. Влияние «лингвистического поворота» на историческую науку, как полагают ученые, явилось одним из условий распространения в ней постмодернистских идей⁷².

В современной литературе существуют различные оценки влияния идей постмодернизма на историческую науку. Одни исследователи называют постмодернистскую парадигму очередным этапом ее развития⁷³, другие - ее альтернативой⁷⁴, третьи - авангардом⁷⁵. Однако большинство профессиональных историков влияние постмодернизма на историческую науку оценивают отрицательно, называя постмодернистскую интерпретацию истории весьма разрушительной⁷⁶, подрывающей статус профессиональной деятельности историков⁷⁷. В результате в современной науке, как отмечают исследователи, сформировался образ «постмодернизма» как угрозы интеллектуальной деятельности вообще и профессиональной историографии, в частности⁷⁸.

Вместе с тем некоторые исследователи полагают, что критика постмодернизма не всегда носит предметный и последовательный характер, а сами отношения между постмодернизмом и исторической наукой не отличаются таким антагонизмом, как это представля-

ется его критикам⁷⁹. Эти исследователи считают, что с постмодернизмом связано осознание того, насколько исторически специфическими были те инструменты, с помощью которых историки пытались расшифровать прошлое⁸⁰, и что в историческом исследовании большое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета⁸¹.

В философской и научной литературе рассматривались также отдельные вопросы, посвященные дискуссиям между позитивистами и неокантианцами в конце XIX - начале XX в., критическим реалистами и постмодернистами в последней четверти XX в. и методологическим поискам в современном историческом познании⁸². Кроме того, существует литература, в которой анализируются различные конструкторы, применяемые в исторических исследованиях, такие как «теория общественно-экономических формаций», «теория постиндустриального общества», «стадиальная теория цивилизаций», «миросистемная теория», «теория модернизации»⁸³; рассматриваются методологические вопросы изучения истории локальных цивилизаций, повседневности, ментальностей, микроисторий⁸⁴, а также использования идей синергетики в исторических исследованиях⁸⁵.

Однако само историческое исследование как рациональная когнитивная деятельность с рефлексией, осуществляемая в рамках различных социокультурных и эпистемологических контекстов, типов научной рациональности и стилей исторического мышления, пока еще не стало предметом социально-философского изучения. Отсутствует также философское осмысление разнообразных когнитивных практик, сложившихся в историческом познании, и концептуальная интерпретация альтернативных моделей исторического исследования.

Не совсем понятна логика развития исторического познания в XIX-XX вв., поскольку она не укладывается в «теорию научных революций», ибо современная историческая наука, являясь «мультипарадигмальной» дисциплиной, обнаруживает эвристический потенциал самых различных способов когнитивной деятельности. Это ставит вопрос о методологических возможностях различных моделей исторического исследования в современном конкурентном эпистемологическом пространстве.

Усложнение проблем, стоящих перед исторической эпистемоло-

гией, актуализирует значение социально-философских обобщений как интеллектуальной способности отвечать на опасности этого усложнения⁸⁶, которые, собственно говоря, обусловили и дезинтеграцию исторического познания, и кризис исторической науки. В научной литературе, посвященной методологическим проблемам исторического исследования, накопился определенный «хаос знаний» и вместе с тем появились некоторые новые эпистемологически значимые факты. Возникла когнитивная потребность концептуального преодоления этого «хаоса знаний» и построения таких теорий эпистемологического содержания, которые учитывали бы современные методологические новации.

В монографии методологические проблемы исторического познания рассматриваются сквозь призму рефлексивного осмысления различных когнитивных практик, существующих в современном историческом познании. На основе предварительно установленных параметров когнитивной деятельности эти практики были концептуально интерпретированы, типологизированы и сведены к трем альтернативным моделям научного исторического исследования - классической, неклассической и неоклассической, а также постмодернистской модели исторического познания.

Основным методом исследования было дискурсивное моделирование, связанное с построением таких когнитивных моделей, в которых презентуются, с одной стороны, сами исследовательские практики, а с другой - конструкты и концепты исследователя.

Концептуальная интерпретация когнитивных практик в историческом познании базировалась на следующих эпистемологических предпосылках:

1. Универсальных принципов научности исторического исследования не существует. В условиях плюралистической интерпретации истории, а это является свидетельством нормального развития исторической науки, определенное научное сообщество предлагает свой - альтернативный - набор принципов научности исторического исследования. Эти принципы составляют когнитивное «ядро» моделей исторического исследования.

2. Несмотря на то, что у каждой модели свой набор принципов научности, они базируются на некотором общем основании, которое

можно назвать атрибутивными признаками научности исторического исследования. Такими признаками научности исторического исследования, вытекающими из его логики, являются: 1) рациональность, 2) стремление к истине, 3) проблемность, 4) целеполагание 5) рефлексивность, 6) предметность, 7) эмпиризм, 8) методологизм, 9) новизна, 10) контекстуальность.

Основные направления концептуальной интерпретации когнитивных практик, существующих в современном историческом познании, были связаны с поиском ответов на следующие вопросы: 1) как определяет историк предмет своего исследования, почему он ставит именно данный класс познавательных задач; 2) какой набор методологических средств и с какой целью используется при решении этих задач и какова их когнитивная эффективность; 3) какова роль исследователя как «субъекта мыслящего» в получении нового исторического знания; 4) как культурно-эпистемологический контекст влияет на когнитивную деятельность исследователя как субъекта социокультурной и научной коммуникации; 5) как «вовлеченность» ученого в предмет своего исследования и социокультурный и эпистемологический контексты влияют на содержание и форму исторического знания и, в конечном счете, на поиск истины в историческом познании.

Такие направления концептуальной интерпретации когнитивных практик позволяют установить индикаторы качественных характеристик альтернативных моделей исторического исследования как когнитивных аналогов этих практик, основанных на принципах научности, которых придерживаются определенные научные сообщества.

Концептуальная интерпретация когнитивных практик и их взаимодействия в историческом познании позволила установить, что в исторической эпистемологии было три когнитивных прорыва, которые привели к появлению новых моделей исторического исследования. Этим прорывам соответствовали три методологические дискуссии: 1) конец XIX - начало XX в. - дискуссия между позитивистами (представителями классической науки) и антипозитивистами, завершившаяся складыванием неклассической модели исторического исследования; 2) середина XX в. - дискуссия между логическими позитивистами и представителями «понимающей» исторической эпистемологии, приведшая в контексте «когнитивной революции» и «лин-

теистического поворота» к распространению в исторической науке идей постмодернизма; 3) последняя четверть XX в. – дискуссия между постмодернистами и «критическими реалистами», создавшая условия для формирования неоклассической модели исторического исследования.

Концептуальная интерпретация когнитивных практик, существующих в современном историческом познании, позволила выявить специфику классической, неклассической и неоклассической моделей научного исторического исследования, а также постмодернистской модели исторического познания.

* * *

Автор выражает глубокую признательность профессору Ю.Г. Волкову, директору ИППК РГУ, за интеллектуальную поддержку и помощь в издании монографии; профессорам Т.П. Матяш, В.С. Любченко, В.О. Пигулевскому и В.Н. Шевелеву за критические замечания и ценные советы при обсуждении рукописи книги; профессору Г.И. Герасимову, общение с которым позволило более обстоятельно отразить некоторые методологические аспекты работы; а также аспирантам и слушателям ИППК РГУ, на учебных занятиях с которыми апробировались, проверялись и уточнялись авторские идеи, теоретические конструкты и концепты.

Примечания

¹ *Клейнер Г.Б.* Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // *Общественные науки и современность.* 2005. № 3. С. 57–58.

² *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 6.

³ *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2001. С. 17–18.

⁴ *Филюшкин А.* Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI века // *Россия XXI.* 2002. № 4. С. 64.

⁵ *Harlan D.* Intellectual History and the Return of Literature // *American Historical Review.* 1989. Vol. 94. P. 881.

⁶ Юдельсон А. В. Образ исторической науки в современной отечественной историографии: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2000.

⁷ Сахаров А. Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 3-6.

⁸ Актуальные теоретические проблемы современной исторической науки: «Круглый стол» в редакции «Вопросов истории» 29 октября 1991 г. // Вопросы истории. 1992. № 8/9. С. 159.

⁹ Юдельсон А. В. Реферат: The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. - London; New York.: Rutledge - 1998 // Образы историографии. М., 2001. С. 314.

¹⁰ Могильницкий Б. Г. Между объективизмом и релятивизмом: дискуссии в современной американской историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 5; Мучник В. М., Николаева Н. Ю. От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Томск, 1994.

¹¹ Зверева Г. И. Историческое знание в контексте культуры конца XX века: Проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. М., 1994. Вып. 2. С. 127-142.

¹² Юдельсон А. В. Реферат: The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins... С 317.

¹³ Клаус В. А. Методологические проблемы советской исторической науки (20-е - начало 30-х гг.): Автореф. дисс.... канд. филос. наук. Л., 1980.

¹⁴ Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 149.

¹⁵ Шейнфельд М. Б. Методологические дискуссии в отечественной исторической науке (60-90-е гг. XX в.). Красноярск, 2003

¹⁵ История и социология. М., 1964. С. 336-338.

¹⁷ Историческая наука и некоторые проблемы современности: Статьи и обсуждения. М., 1969; Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

"Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Мерцалов А. Н. В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984; Иванов В. В. Методология исторической науки. М., 1985.

¹⁹ Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; Гулыга А. В. Искусство истории. М., 1980; Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторической науки. М.,

1981; *Ракитов А.М.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.

²⁰ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая... С. 75.

²¹ Формация или цивилизация? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10; *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3; *Шульдин Б.П.* Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2; *Ионов И.Н.* Теория цивилизаций и неклассическое знание (Социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) // Общественные науки и современность. 2004. № 5.

²² *Чубарьян А.О.* Историческая наука в России в начале XXI в. // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 12.

²³ *Мининков Н.А.* Методология истории: пособие для начинающего исследователя. Ростов н/Д, 2004. С. 8.

²⁴ Там же. С. 13-17.

²⁵ *Лукьянов Д. В.* Эволюция интеллектуальных оснований научно-исторического знания в отечественной историографии второй половины 1980 - 1990-х гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 2001.

²⁶ *Рахманов А. Б.* Актуальные проблемы логики исторического исследования: Автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 1998; *Замчалова И.Ю.* Теоретико-методологические основания исторических исследований и современная научная парадигма: Автореф. дис.... канд. филос. наук. Саратов, 1999; *Морохова Е.И.* Исторический источник, исторический факт в историческом познании. Саратов, 2000; *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001; *Яковлева Е.А.* Ценностная природа факта в историческом познании: Дис.... канд. филос. наук. Иркутск, 2003; *Горюнов А.В.* Специфика познавательной деятельности историка как субъекта познания: Дис.... канд. филос. наук. Ульяновск, 2004; *Лосева О.А.* Соотношение методологических и аксиологических детерминаций исторического познания: философский анализ: Дис.... д-ра филос. наук. Саратов, 2004.

²⁷ *Аникеев А. А.* Проблемы методологии истории: Учеб. пособ. Ставрополь, 1995; *Медушевская О.М., Румянцева М. Ф.* Методология история. М. 1997; *Биск И.Я.* Введение в писательское мастерство историка. Литературная форма исторического труда. Иваново, 1999; *Коломшцев В. Ф.* Методология истории (От источника к исследованию): Учеб. пособие. М, 2001; *Парфенов И.Д.* Методология исторической науки: Курс лекций. Саратов, 2001; *Румянцева М. Ф.*

Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002. *Сергейчик Е.М.* Философия истории. СПб., 2002; *Гольцов В.И.* Введение в историю. Научно-методологические аспекты исторической науки: Учеб. пособие. Самара, 2002; *Аникеев А.А.* Методология классической историографии: Учеб. пособие. Ставрополь, 2005.

²⁸ *Тоги Д.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М., 2000; *Цанто А.С.* Аналитическая философия истории / Пер. с англ. М., 2002; *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Екатеринбург, 2002; *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М., 2003; *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003.

²⁹ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 7-8.

³⁰ *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 12-15; *Бочаров А. В.* Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы. Томск, 2002; *Тош Д.* Стремление к истине... С. 286.

³¹ *Данилова В. П.* Постнеклассический универсализм на основе концепции ноосферогенеза // Философские науки. 2003. № 6. С. 141-142.

³² *Трофимцева С.Ю.* Историософские парадигмы: классическая и постклассическая философия истории: Автореф. дис.... канд. филос. наук. Самара, 2003.

³³ *Сергейчик Е.М.* Философия истории. СПб., 2002. С. 228-236, 429-436, 460-486.

³⁴ *Смирнова Н.М.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // Общественные науки и современность. 1995. № 1; *Аникеев А.А.* Методология классической историографии: Учеб. пособие для студентов вузов. Ставрополь, 2005; *Вжосек В.* Метаморфозы метафор. Неклассическая историография в кругу эпистемологии истории // Вопросы методологии. 1995. № 1,2; *Кузеванов Л.И.* Неклассическая концепция истории // Российский исторический журнал. 1996. № 3.

³⁵ *Хвостова К.В.* История: проблемы познания // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 62.

³⁶ *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Мамардашвили М.К.* Стрела познания. набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996; *Швырев В.С.* Научное познание как деятельность. М., 1984; *Швырев В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988; *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Он же. Избранные труды. М., 1995; *Юдин Э.Г.*

Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

³⁷ *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая... С. 76-87.

³⁸ *Цевятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003. С. 87-100.

³⁹ *Гегфтер М.Я.* Методология истории // Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. Т. 9. М., 1966. С. 387; *Варшавчик М.А.* Вопросы методологии историко-партийной науки // Вопросы истории КПСС. 1976. № 4. С. 92-93; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования... С. 35; *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования... С. 51.

⁴⁰ *Мининкое Н.А.* Методология истории... С. 93; *Ракитое А.И.* Историческое познание... С. 23; *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории... С. 4.

⁴¹ История и социология... С. 80. *Мининкое Н.А.* Методология истории... С. 100-102.

⁴² *Садовский В.Н.* Развитие методологии системных исследований // Общественные науки. 1979. №3. С. 81-84;

⁴³ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Пт. 37. С. 186; *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989. С. 4.

⁴⁴ *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторической науки... С. 3; *Мининков Н.А.* Методология истории... С. 93-94.

⁴⁵ *Дьяков В.А.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974. С. 64-90; *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории... С. 347.

⁴⁶ *Микешина Л.А.* Философия познания... С. 49-52.

⁴⁷ *Мальковская И.А.* Россияведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 78.

⁴⁸ *Репина Л. П.* Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1998-1999. М., 1999. С. 19.

⁴⁹ *Корнев В.В.* Кризис исторической науки в России // Кентавр, 1995. № 4; *Журавлев В.В.* Методология исторической науки. Вчера. Сегодня. Завтра. // Кентавр, 1995. № 6; *Шевелев В.Н.* Новое в исторической науке: пути преодоления методологического кризиса // Гуманитарный ежегодник. 1. Ростов н/Д, 2002. С. 36.

⁵⁰ *Рахманов А. Б.* Актуальные проблемы логики исторического исследования: Автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 1998.

⁵¹ Ковальченко ИД. Методы исторического исследования... С. 206.

⁵² Ракитов А.И. Историческое познание... С. 107-108.

⁵³ Мишков Н.А. Методология истории... С. 144-161.

⁵⁴ Пенза СИ. Проблема границ научности исторического познания в англо-американской аналитической философии истории середины XX века: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Казань, 2000.

⁵⁵ Кезина А.В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. М., 1985. С. 31, 35-36; Ковальченко ИД. Методы исторического исследования... С. 272.

⁵⁶ Герасимов И.Г. Структура научного исследования. М., 1985. С. 217.

⁵⁷ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 308-312.

⁵⁸ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 15; Берега рациональности. Беседа с В.С. Швыревым // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 122.

⁵⁹ Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 248, 254.

⁶⁰ Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

⁶¹ Никифоров А.Л. Революция в теории познания? // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 115; Никифоров А.Л. Философия науки.... С. 237-243.

⁶² Шестакова М.А. Истина и историческое познание. Дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.

⁶³ Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности. Т. 2. Кн. 1. Ярославль, 2004. С. 259-267.

⁶⁴ Хвостова К.В. История: проблемы познания... С. 63.

⁶⁵ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973; Журавлев Л.А. Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторической науки...; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993; Зверева ГИ. Историческое знание в контексте культуры конца XX века: Проблема преодоления власти модернистской парадигмы // Гуманитарные науки и новые информационные технологии. Вып. 2. М., 1994; Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. М., 1996; Бессмертный Ю.Л. Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-

1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4; *Синицын О. В.* Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX - начале XX в. Казань, 1998; *Кравцов В. Н.* Трансформация оснований профессионализма исторического знания в современном историографическом процессе // Образы историографии. М., 2001; *Соколов А. Б.* Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002.

⁶⁶ *Жигунин В. Д.* Проблема исторических закономерностей и буржуазная наука // Критика буржуазных концепций всеобщей истории Вып. IV. Казань, 1976. С. 32-55; *Журавлев Л. А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980; *Петров Ю. В.* Практика и историческая наука. Томск, 1981. С. 213-248; *Власова В. Б.* Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов // Философские науки. 1999. № 3-4. С. 72.

⁶⁷ *Косминский Е. А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947. С. 31-37; *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 51; *Февр Л.* Бои за историю... С. 32, 34-35; *Тош Д.* Стремление к истине... С. 153.

⁶⁸ *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 102-143; *Гайденко П. П.* Дильтей (Dilthey) Вильгельм // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 85; *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 259-260; *Власова В. Б.* Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов... С. 73-74.

⁶⁹ *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

⁷⁰ *Филиппович А. В.* Лингвистический поворот // http://velikanov.ru/philosophy/lingvisticheskij_povorot.asp; *Руденко М. О.* Лингвистический поворот // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/125685.html>

⁷¹ *Трубина Е. Г.* «Метаистория» и историки // *Уайт Х.* Метаистория... С. 505.

⁷² *Кукарцева М. А.* Начало лингвистического поворота в историописании // *Monstera* № 4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М, 2004 // http://abuss.narod.iu'Biblio/kuk_monstera.htm; *Тош Д.* Стремление к истине... С. 170-171.

⁷³ *Зверева Г. И.* Историческое знание в контексте культуры конца XX века... С. 128.

⁷⁴ *Юдельсон А. В.* Реферат: The Postmodern History Reader... С. 317.

⁷⁵ *Савельев И. М., Полетаева А. В.* История и время. В поисках утраченного. М, 1997. С. 660.

⁷⁶ *Золотухина-Аболина Е. В.* Постмодернизм: распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 191-192; *Осипов А. Л.* Пост-

модернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3. С. 16.

⁷⁷ Володихин Д. «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // <http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>; Ким С.Г. В поисках интегральной версии историописания (по материалам немецкой науки 1990-х годов) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 9. М., 2002. С. 30.

⁷⁸ Кравцов В.Н. Критика постмодернистской версии исторического знания в английской и американской историографии 1980 - 1990-х гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М, 2000; Кравцов В.Н. Трансформация оснований профессионализма исторического знания... С. 194-195.

⁷⁹ Гречко У.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 170, 166; Тош Д. Стремление к истине... С. 178.

⁸⁰ Энгельштейн Л. Постсоветские мысли о ключах к русской духовной истории // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 14.

⁸¹ Мальковская И.А. Россиеведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 79.

⁸² Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX - начала XX в. М, 1958; Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX в. Томск, 1978; Ястребицкая А.Л. «Новая историческая наука» в контексте современной культурной традиции // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 1. М., 1998; Репина Л.П. Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1998-1999; М., 1999; Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000; Хвостова К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // Одиссей Человек в истории. М, 2000.

⁸³ Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1; Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3; Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 11; Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997; Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // Общественные науки и современность. 1998. № 2; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Поли-

тическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования. М., 2003; *Федотова В.Т.* Теория модернизации и Россия // Гуманитарный ежегодник. 3. Ростов н/Д, 2004.

⁸⁴ *Орлова И.Б.* Цивилизационная парадигма в исследовании социально-исторического процесса: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. М., 1999; *Ионов И. К.*, *Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002; *Зюзов К.Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза // *Философия и общество: Научно-теоретический журнал.* М., 2004. № 3; *Оболенская С.В.* «История повседневности» в историографии ФРГ//Одиссей. Человек в истории. М., 1990; *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы.* М., 1989; *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // *Одиссей.* М., 1996; *Репина Л.И.* Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 7. М., 2001.

⁸⁵ *Андреев А.А., Бородкин Л.И., Левандовский М.И.* История и хаос: новые подходы в синергетике // *Сравнительный анализ цивилизаций.* М., 2000; *Сапронов М.В.* Концепция самоорганизации в обществознании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1; *Бородкин Л.И.* «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // *Новая и новейшая история.* 2003. № 2.

⁸⁶ *Ахиезер А.С., Рябова М. Э.* Социальная философия в усложняющемся мире//*Общественные науки и современность.* 2005. № 3. С. 137-138.

Глава 1.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Современные историки гордятся своей объективностью, но этим они выдают, сколь мало осознаются ими собственные их предрассудки.

О. Шпенглер

§ 1. Природа методологической деятельности в исторической науке

В философии познания утвердилось положение, что наука - это «система с рефлексией». Рефлексия не просто сопровождает научное исследование, она есть необходимое условие и обязательный компонент исследовательской деятельности¹. В настоящее время понятие рефлексии употребляется в двух значениях: как «процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения» и как «принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок», «благодаря чему становится возможным присвоение познанного»². Рациональный смысл рефлексии в научном познании связывается с осознанием скрытых, неявных предпосылок научного знания³.

В историческом познании рефлексия приобретает особое значение в рамках деятельностного подхода, различные варианты которого в отечественной философской традиции разрабатывались такими отечественными философами, как В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, В.С. Швырев, Г.П. Шедровицкий, Э.Г. Юдин⁴. Сегодня деятельностный подход, по мнению В.А. Лекторского, нуждается в переосмыслении. Современная деятельностная теория, пишет он, по-видимому, должна включать ряд моментов, в частности, момент трансформации внешнего предмета или ситуации и момент коммуникации. Кроме того, надо исходить из того, что эта теория деятельности неотделима от соответствующих речевых актов, которые впле-

тены в реальные практические действия и сами в свою очередь рассматриваются как действия (коммуникация как действие, как создание, порождение)⁵.

В настоящее время бессмысленны претензии на создание некоей «единой теории деятельности». Возможны попытки создания разных вариантов деятельностной теории⁶, в том числе и для объяснения исторического познания. В основе одного из них может лежать представление об историческом Познании⁷ как конструктивной творческой деятельности по воспроизводству исторической реальности в научном сознании, обусловленной социокультурным и эпистемологическим контекстами, методологической позицией субъекта познания, а также используемыми научно-исследовательскими средствами. В таком понимании исторического познания рефлексия в нем связана с преодолением представлений, отождествляющих содержание исторического знания с исторической реальностью.

Синтезируя различные подходы к пониманию рефлексии, можно утверждать, что в историческом познании она направлена, с одной стороны, на осмысление историком своих собственных исследовательских действий (внутренняя рефлексия), с другой - на осмысление исследовательских действий самого историка, представляя собой как бы рефлекссию над рефлексией (внешняя рефлексия).

Внутренняя рефлексия связана с формированием сознательных конструктивных установок историка в конкретном научном исследовании. Внутренняя рефлексия, будучи проявлением рационального характера познавательной деятельности, связана с выявлением условий постановки научной проблемы и ее осознанием, определением цели и задач исследования, выбор методологических его оснований, поиском методов решения конкретных исследовательских задач. Как таковая, внутренняя рефлексия неотчуждаема от практической научной проблемной ситуации, в рамках которой она возникает.

Внешняя рефлексия в историческом познании - это прежде всего работа с фактически осуществляемым познанием и существующим знанием. Она выступает условием и средством анализа познавательной деятельности в исторической науке. Такое представление о внешней рефлексии оказывается сопряженным с образом специализированной концептуальной деятельности по изучению историчес-

кого познания с позиций определенного идеала научно-исследовательской деятельности, принятого в научном сообществе.

Отсюда следует, что если внутренняя рефлексия является индикатором научности исторического исследования, то внешняя рефлексия выступает показателем уровня развития исторической науки. Иными словами, развитие исторической науки до поры до времени может и не предполагать рефлексии над самой рефлексией. Потребность во внешней рефлексии особенно возрастает в период кризисного состояния исторической науки или в ситуации обостренной конкуренции между научно-исследовательскими в ней парадигмами.

Значение рефлексии в исторической науке обусловлено тем, что познавательная деятельность в ней, как правило, складывается на основе исторически возникших и уже проверенных традиций, требований, навыков, приемов и методов исследования. Вместе с тем она постоянно сопряжена с постановкой новых проблем, поиском новых путей и способов изучения исторической реальности, с разработкой более совершенных средств познания, формированием новых идей даже в тех случаях, когда решение вопроса, казалось, уже было найдено. Поэтому рефлексия в историческом познании представляет собой деятельность методологического характера, и поэтому познавательная деятельность в исторической науке претерпевает постоянные изменения, благодаря прежде всего инновационной направленности методологических в ней исследований.

Когнитивная эффективность внешней и внутренней рефлексии в исторической науке зависит от уровня развития в ней методологического сознания. Методологическое сознание в исторической науке составляет та сфера интеллектуальной деятельности и ее результатов, в которой происходит осмысление путей, способов и форм производства исторических научных знаний и его оптимальной организации. Методологическое сознание представляет собой идеальную конструкцию реальных исследовательских действий ученого и сформированную на ее основе систему представлений о когнитивной стратегии исторического познания, способах ее реализации и рациональных требованиях к конечному научному результату.

Методологическое сознание в исторической науке содержит множество рациональных связанных между собой разнородных ком-

понентов, обеспечивающих его когнитивную эффективность в частных познавательных ситуациях. Можно выделить два генетических уровня методологического сознания. Первый – опытный уровень методологического сознания – составляет совокупность содержательных элементов, которые были выработаны преимущественно средствами научной интуиции в процессе «живой» практики научных исторических исследований и осмысления их результатов, которые закрепляются в формах непосредственного методологического опыта ученого. Их концептуальная связанность невысока и базируется преимущественно на операциональных понятиях. Второй уровень методологического сознания охватывает множество теоретически содержательных элементов, которые были выработаны в ходе освоения результатов специальной профессиональной деятельности, представленной методологическими исследованиями в исторической науке. В методологическом сознании они закрепляются в мыслительных структурах, апперцептивных формах, концептуальных построениях и теоретических моделях, обобщающих опыт исторического познания в целом.

Модусом методологического сознания является методологическое знание. Оно не является непосредственно знанием о предмете исторического исследования, но соотносится с этим предметом и воспроизводящим его историческим знанием через способы познавательной деятельности. Непосредственным предметом методологического знания являются практически выделенные и дискретно зафиксированные компоненты познавательной деятельности субъекта и логика ее развертывания. Методологическое знание носит дифференцированный характер, обусловленный основополагающими идеями, принципами и категориями, вокруг и с помощью которых оно систематизируется. В результате чего конструируются теоретические системы различного концептуального содержания, оказывающие существенное влияние на формирование стилей научного мышления в исторической науке.

В реальной исследовательской практике методологическое сознание историка включает в себя элементы, сформировавшиеся на основе, во-первых, личного познавательного опыта ученого; во-вторых, усвоенного им группового опыта, который был приобретен в ре-

зультате познавательной деятельности научного сообщества, к которому принадлежит историк, и нашел выражение в интеллектуальной атмосфере, в которой действует ученый, в господствующем стиле мышления; в-третьих, накопленного исторического опыта познания, закрепленного в парадигмах научной деятельности, апробированных научной практикой и развернутых подчас в целые модели исторического исследования.

В процессе исторического познания методологическое сознание вовлекается в непосредственно исследовательскую деятельность, ориентируя и организуя ее. При этом методологическое сознание выполняет проективную функцию, предвосхищая предстоящие познавательные действия "исследователя и развертывая систему когнитивных операций, направленных на взаимодействие с предметом исследования и результирующих в научном историческом знании. Если методологическое знание представляет собой конструкт познавательной деятельности, то функция методологического сознания, включающего этот конструкт, состоит в создании и реализации своеобразной аксиологии исследовательского процесса, с помощью которой достигается необходимый самоконтроль познавательных действий, их самооценка с позиций соответствия этих действий принятым в определенном научном сообществе методологическим схемам и признанным стандартам научной деятельности, а также аутентичности познавательных средств, их целесообразности и оправданности.

Методологические знания являются результатом научного методологического исследования. Его проблематика и направленность во многом зависят от понимания природы методологической деятельности в исторической науке, т.е. тех принципиальных оснований, которые позволяют выделить ее в качестве специфического направления научного поиска. Эти основания, придающие целенаправленный характер методологической деятельности в исторической науке, находятся не в самой деятельности, а в сфере представлений о ее предмете. При этом надо отметить, что понимание природы методологической деятельности в исторической науке в значительной степени затруднено тем обстоятельством, что в философской и научной литературе существуют различные толкования самого понятия «методология» и, соответственно, различные представления о том, что такое «методология истории».

В отечественной и зарубежной литературе понятие методологии часто используют в качестве синонима для обозначения, в одних случаях, совокупности приемов, методов и иных познавательных средств, применяемых в науке, а в других - специального учения о принципах, способах, методах и средствах научного познания⁷.

Кроме того, в научной литературе часто используется понятие «методология науки». При этом одни исследователи придают ей статус «самостоятельной дисциплины», другие считают ее всего лишь вспомогательным «направлением исследования» в рамках отдельных научных дисциплин. При этом отмечается, что методология науки тесно связана с философией, особенно с такими ее разделами, как гносеология (теория познания) и диалектика, а также логика (формальная), которая главное внимание уделяет прояснению структуры готового, «ставшего» знания, на описание его формальных связей и элементов на языке символов и формул при отвлечении от конкретного содержания высказываний и умозаключений. Начиная с Нового времени методологические идеи стали разрабатываются не только в философии, но и в рамках возникающих и развивающихся частных наук, в том числе и в исторической. Однако вопросы методологии не могут быть ограничены лишь философскими или внутринаучными рамками, а должны рассматриваться в широком социокультурном контексте⁸. Поэтому в современной методологии науки все большее место занимают вопросы, связанные с динамикой познавательных проблем, обусловленной культурно-исторической природой познавательных средств, изменчивостью категорий и понятий⁹.

Понятие «методология истории» также употребляется в различных смыслах. В отечественной философии и исторической науке вопрос о том, что такое «методология истории», актуализировался в 70-х гг. прошлого века, когда стало ясно, что историческая наука, превратившись в «служанку» исторического материализма, не выходит на необходимый уровень теоретических обобщений, а сам методологический потенциал материалистического понимания истории стал угасать. В условиях господства марксистской идеологии и тесно связанной с ней монистической интерпретации истории все усилия методологов были направлены на то, чтобы придать марксистской методологии новый импульс. Однако в целом повышенный интерес в со-

ветской исторической науке к методологическим вопросам в 70–80-х гг. XX в. был симптомом кризиса марксистской историографии. Но именно в эти годы выходит целый ряд монографий, посвященных методологическим вопросам исторической науки¹⁰, организуются методологические дискуссии, в академических учреждениях создаются методологические сектора, а в учебных заведениях — методологические семинары.

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в исторической науке тех лет смешивались представления о методологии истории как системе теоретических знаний и методологии как научной дисциплины, в рамках которой протекает специфическая научная деятельность. Вместе с тем в ходе методологических дискуссий пришло осознание того, что разграничивать эти понятия необходимо, поскольку знания методологического характера существуют с момента зарождения исторической мысли, а «методология истории» как специальная научная дисциплина стала оформляться лишь в конце XIX – начале XX в. в связи с распространением в исторической науке идей неокантианской философии истории. В этой философии произошел отказ от интерпретации исторического процесса и на первый план выдвинулась гносеологическая и методологическая проблематика, связанная с анализом процесса и результатов исторического познания".

В научной литературе последней четверти XX в. существовало несколько представлений о том, что такое «методология истории». Одни исследователи считали, что методология истории – это система определенных мировоззренческих, теоретических положений (законов, понятий, выводов), используемых ученым в качестве познавательных принципов, идей в научно-исследовательской работе¹². Другие рассматривали методологию истории как теорию исторического познания. Третьи полагали, что методология исторической науки – это не только теория исторического познания, но и совокупность исследовательских методов. Некоторые исследователи представляли методологию истории как науку о методах исторического исследования, а также теорию практики их использования в исторических исследованиях¹³. В работах Б.Г. Могильницкого получила аргументацию идея выделения методологии истории в специальную научную дисциплину¹⁴.

Таким образом, в 70-80-х гг. XX в. постепенно стало складываться представление о том, что о «методологии истории» можно говорить в двух смыслах. Во-первых, под «методологией» подразумевается «теория исторического познания, которая «разрабатывает принципы и средства добывания знаний о прошлом, систематизации и истолкования полученных данных с целью выяснения сущности исторического процесса и реконструкции его во всей конкретности и целостности»¹⁵. Во-вторых, этим термином обозначается специальная научная дисциплина. В частности, А.И. Ракитов предлагает различать методологию в широком и узком смысле слова. В широком смысле под методологией он понимал совокупность общих установок и философских принципов, определяющих конечные цели деятельности. Под методологией в узком смысле слова, т.е. собственно методологией истории, – более специальную дисциплину, задача которой состоит в теоретическом исследовании, анализе, реконструкции и обосновании методов соответствующей деятельности¹⁶.

В настоящее время ситуация в исторической науке, связанная с прояснением в методологическом сознании понятия «методология истории», осталась на уровне 80-х гг. XX в. В одних случаях методологией называют совокупность философских принципов и конкретных установок, представляющих собой систему теоретических знаний, которые определяют и нормируют направление, цели и конечные результаты исторического исследования. В других – этим термином обозначают научную дисциплину, представляющую собой специфическое направление исследовательской деятельности в исторической науке. При этом следует подчеркнуть, что многие проблемы относительно содержания понятия «методология истории» порождены как раз отсутствием четкого различия указанных двух случаев его употребления. Поэтому часто смешиваются представления о структуре методологии как системе теоретических знаний, определяющих процесс исторического исследования, и предмете методологии как научной дисциплины.

На наш взгляд, понятие методологии истории не целесообразно сводить к «теории исторического познания», т.е. исторической эпистемологии¹⁷. Методологию истории не следует также отождествлять с методологией исторического исследования как системой познава-

тельных установок, определяющих направление исследовательской деятельности, ее предмет, когнитивную стратегию, цели, задачи, структуру, а также принципы и методы получения нового исторического знания.

В этом плане понятие методологии исторического исследования по содержанию близко таким понятиям, как «методологическое сознание» и «парадигма исторического исследования». Причем речь идет о методологическом сознании не как определенной сфере интеллектуальной деятельности, в которой происходит осмысление путей, способов и форм производства исторических научных знаний и его оптимальной организации, а методологическом сознании как результате этой деятельности, выполняющем в историческом исследовании проективную функцию.

Таким результатом выступает методологическое знание, причем знание не в виде эмпирического описания различных процедур и приемов получения исторического знания, что является методикой исторического исследования, а в теоретической форме, обобщающей и объясняющей эту методику из оснований, лежащих за ее пределами.

В связи с этим необходимо уточнить возможности употребления понятия «теоретическое знание» в историческом исследовании. В научной литературе часто употребляют понятия «теоретические знания» и «методологические знания». Причем под первыми понимают прежде всего знания предметного характера, а под вторыми – гносеологического. Подобное представление сужает содержание понятия «теория» в историческом познании, а также возможности его употребления. Теория – это знание, которое раскрывает сущность исторического явления, типизирует и объясняет его с точки зрения причинной взаимообусловленности или взаимосвязей с другими явлениями. Причем таким явлением может выступать как историческая реальность, фиксируемая в предмете исторического исследования, так и процесс ее непосредственного познания. Поэтому в историческом познании теоретические знания могут возникать не только в результате изучения его предмета, но и самого процесса исторического исследования. Следовательно, теоретические знания в исторической науке по содержанию бывают двух видов – онтологическими и гносеологическими. Первые можно назвать предметными тео-

ретическими, вторые – методологическими теоретическими знаниями. Поэтому в научном дискурсе корректнее будет использовать понятия не теоретических и методологических знаний, а предметных и методологических, эмпирических и теоретических знаний.

Теоретические знания превращаются в методологические только в том случае, если они интериоризированы методологическим сознанием исследователя и становятся проективной основой исторического исследования. В этом случае знания теоретического характера выполняют функцию когнитивных «фильтров», опосредствующих взаимодействие субъекта и предмета исторического исследования. Как отмечают исследователи, это – так называемое «предпосылочное»¹⁸, или «внеисточниковое знание»¹⁹. Такого рода «фильтры» иногда называют паттернами, которые представляют собой синкретическое единство конструктивного и концептуального. Это – «образы», с одной стороны, предмета исторического исследования, а с другой – самого процесса исследования²⁰.

Понятие методологии исторического исследования является близким к понятию парадигмы исторического исследования. Это объясняется тем, что в современной методологии науки понятие парадигмы используется для обозначения системы предписаний и правил познавательной деятельности, или моделей научного исследования. «Под парадигмами, – писал Т. Кун, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»²¹. Парадигмы исторического исследования, которых придерживаются в научной деятельности те или иные научные сообщества историков, задают способ видения предметной области исторического исследования, определяют выбор его методологических ориентиров и формулируют основные правила познавательной деятельности в историческом исследовании.

Однако близость этих понятий не означает их тождественности. В их структуре есть общее – методологическое знание. Однако в «парадигме исторического исследования» это знание постулируется и нормативизируется. В «методологии исторического исследования» это знание приобретает функцию методологической установки, благодаря методологическому сознанию исследователя, в котором ме-

тодологическое знание выбирается, анализируется, синтезируется и концептуализируется, т.е. перерабатывается и усваивается (интериоризируется), а затем реализуется (экстериоризируется).

Методология исторического исследования имеет многоуровневую структуру. В научной литературе существует представление о том, что первый ее уровень представляют знания философского характера. На этом уровне методологическую функцию выполняет эпистемология как теория познания. Второй уровень - это научные концепции и формальные методологические теории, в состав которых входят теоретические знания о сущности, структуре, принципах, правилах и методах научного исследования вообще. Третий уровень представлен теоретическими знаниями, которые отличаются прежде всего своей предметной привязанностью и отнесенностью методологических рекомендаций только к определенному классу исследовательских задач и познавательных ситуаций, специфических для данной области знаний.

На наш взгляд, такое выделение уровней методологии исторического исследования слишком расширено, и поэтому оно элиминирует специфику той системы теоретического знания, которое непосредственно выполняет методологическую функцию в конкретном историческом исследовании. Специфицируя понимание методологии научного познания применительно к историческому исследованию, в структуре методологии конкретно-исторического исследования можно выделить следующие уровни:

1. Модель исторического исследования как система нормативного знания, определяющего предметную область исторического познания, его когнитивную стратегию, основные познавательные средства и роль ученого в получении нового исторического знания.

2. Парадигма исторического исследования как образец и стандарт постановки и решения определенного класса исследовательских задач, принятая в научном сообществе, к которому принадлежит исследователь.

3. Исторические теории, имеющие отношение к предметной области конкретно-исторического исследования, формирующие его научный тезаурус, модель предмета и используемые в качестве объяснительных конструктов или понимающих концептов.

4. Методы исторического исследования как способы решения отдельных научно-исследовательских задач.

Понятием «методология истории» будем называть специальную научную дисциплину, сформировавшуюся в рамках исторической науки с целью теоретического обеспечения эффективности проводимых в ней исторических исследований. Историческая наука в этом плане представляет собой систему различных научных отраслей и дисциплин: 1) отрасли, изучающие непосредственно историческую реальность (история России, экономическая история, история первой мировой войны и т.д.); 2) историография - научная дисциплина, предметом которой является история исторической науки; 3) источниковедение, изучающее возможности и способы использования исторических источников в исторических исследованиях; 4) методология истории, предмет которой - процесс исторического исследования.

Собственно методологическая деятельность в исторической науке как внешняя рефлексия осуществляется в рамках методологии истории как научной дисциплины. Поэтому понимание природы методологической деятельности зависит от представлений о предмете этой научной дисциплины.

В конце XIX - начале XX в. в исторической науке доминировало представление о том, что предметом методологии истории как научной дисциплины являются методы исторического исследования²². В 70-90-х гг. XX столетия одни исследователи считали, что предметом методологии истории являются «закономерности процесса исторического познания»²³. Другие подчеркивали, что методология истории «изучает природу, принципы и методы исторического познания»²⁴. Третьи исследователи полагали, что предметом методологии истории являются проблемы специфики взаимодействия субъекта и объекта в исторической науке, социальная природа исторических источников и их гносеологические функции, специфика исторических фактов, уровни исторического познания, пути формирования исторических теорий²⁵. Некоторые ученые в предметную область методологии истории включали не только гносеологические вопросы, связанные теорией познания в исторической науке, но и онтологические, такие как закономерности исторического процесса, история и современность²⁶, смысл истории, роль народных масс в истории, а также та-

кие специальные вопросы, как источниковая база исторической науки и классификация исторических источников²⁷.

В настоящее время некоторые исследователи считают, что из предметной области методологии как научной дисциплины надо убрать все, что относится к историософской проблематике, т.е. связанное с теорией исторического процесса. В частности, Н.А. Мининков пишет, что «методология истории в узком и конкретном смысле может быть представлена в качестве научной дисциплины, обеспечивающей организацию исследовательского процесса с целью получения нового и максимально достоверного знания. Такой взгляд на методологию истории требует придания ей определенной структуры, включающей в себя обоснование основных этапов и «аучных принципов исследовательской работы, классификации и объяснения порядка применения ее методов, выделения и уяснения сущности категорий, с которыми имеет дело исследователь»²⁸.

Методологическая деятельность в исторической науке осуществляется в сфере методологического сознания в рефлексивной форме. В плане внутренней рефлексии методологическая деятельность индивидуализирована и конкретизирована. Она связана с поиском наиболее аутентичных и эффективных когнитивных способов постановки научной проблемы, определения цели конкретного исторического исследования, класса исследовательских задач и перспективных путей их решения, направленных на получение нового научного знания. В этом плане индивидуальная методологическая деятельность носит конструктивный и проективный характер, с помощью которой достигается необходимый самоконтроль познавательных действий, их самооценка с позиций соответствия выработанным паттернам. В этом смысле каждый исследователь - сам себе методолог.

В плане внешней рефлексии методологическая деятельность носит идеализированный нормативный характер, абстрагированный от конструктивной и проективной конкретики. Методологическая деятельность в этом смысле является «рефлексией над рефлексией», т.е. когнитивная активность методолога направлена на изучение процесса исторического исследования. Такая методологическая деятельность носит профессиональный характер, независимый от за-

дач конкретных исторических исследований.

Таким образом, методологическая деятельность в исторической науке имеет две основные ориентации: 1) критико-аналитическую и 2) проектно-конструктивную. Реализуя первую ориентацию, методолог выступает как исследователь познавательной деятельности в исторической науке. При этом он должен осуществить рефлексию особого рода - критическую и исследовательскую. Реализуя проектно-конструктивную ориентацию, методолог помогает специалисту перестраивать и развивать свой предмет. Важным результатом критической деятельности методолога является «распредмечивание» понятий и других дисциплинарных представлений. В рамках проектно-конструктивной ориентации осуществляется обратная процедура - «опредмечивание», т.е. построение новых понятий и идеальных объектов. Так как методолог ориентирован на построение нового предмета, он аргументирует необходимость построения новых понятий, выявляет нужные для этого средства и методы, разрабатывает план и стратегию действий, иногда создает первые фрагменты нового предмета. Это означает, что методологическая работа реализует себя, с одной стороны, как особого рода исследование, с другой - как род интеллектуального проектирования²⁹.

Как всякая деятельность, методологическая деятельность может быть описана в рамках следующей модели: «среда - предмет - цель - средства - процесс - результат». Средой методологической деятельности является методологическое сознание определенного научного сообщества. Предметом этой деятельности, т.е. тем, на что направлена активность методолога, выступает историческое исследование. Цель методологической деятельности состоит в создании теории исторического исследования, ее средствами являются, во-первых, эмпирические данные, описывающие конкретные случаи исторического исследования и его методики, во-вторых, теоретические конструкты, объясняющие, обобщающие, типизирующие эти «случаи» и стандартизирующие различные методики, в-третьих, различного рода концепты, необходимые для понимания и интерпретации конкретики исторических исследований. Процесс методологической деятельности определяется общей логикой научного исследования, в котором исходной точкой выступает постановка проблемы, а его ди-

намикой является решение проблемы. Результат методологической деятельности – это новые конструкты и концепты исторического исследования, носящие объяснительный, понимающий и, в силу этого, нормативно-предписывающий и стандартизированно-универсальный характер.

Таким образом, природа методологической деятельности в исторической науке обусловлена ее предметом. Несколько упрощая, можно сказать, что если историк познает историческую реальность, то методолог изучает ученого за работой, выясняя, что делает последний, реконструируя прошлое, и это изучение носит критически рефлексивный характер.

Значение методологической деятельности в исторической науке обусловлено тем, что историческое исследование, как правило, складывается на основе исторически возникших и уже проверенных традиций, требований, способов, приемов и методов. Вместе с тем оно постоянно сопряжено с постановкой новых проблем, поиском новых путей и способов изучения исторической реальности, разработкой более совершенных средств исторического познания, формированием новых идей даже в тех случаях, когда решение проблемы, казалось, уже было найдено. Поэтому познавательная деятельность в исторической науке претерпевает постоянные изменения. Игнорировать их в исследовательской практике невозможно, напротив, необходимо располагать данными, характеризующими деятельность ученых, ее способность к изменениям под воздействием тех или иных элементов процесса исторического исследования или эпистемологического контекста в целом. Эти данные образуют эмпирическую основу для разработки методологических конструктов и концептов исторического исследования.

Следовательно, предметом методологии истории как научной дисциплины является само историческое исследование. Его можно изучать в различных аспектах: психологическом, науковедческом, методологическом. Психологический предполагает анализ различных творческих установок в выявлении роли интуиции, личностных характеристик ученого и т.д. Науковедческий, или историографический, аспект – это изучение истории исторических исследований, способов его социальной детерминации. Методологический аспект связан с

познанием внутренней структуры исторического исследования, когнитивных его предпосылок, специфики познавательного отношения субъекта исторического исследования к его предмету.

Выделение исторического исследования в качестве предмета методологии истории как научной дисциплины и, соответственно, методологической деятельности ставит важные вопросы: является ли это исследование целесообразным или оно носит произвольный характер, какие условия определяют возможность получения нового исторического знания, существуют ли логика и нормы научно-исследовательской деятельности историка, познаваем ли ее процесс.

Внутренний мир историка всегда требует определенной свободы творчества, он связан с вдохновением, интуицией, воображением и некоторыми другими неповторимыми психическими качествами ученого. Поэтому в данном отношении историческое исследование как творчество является искусством³⁰. Вместе с тем историческое исследование, чтобы быть научным, должно проводиться в соответствии с определенными принципами и требованиями, которые должен соблюдать ученый. Поэтому свобода творчества, «вспышки озарения» в исторической науке неизбежно соседствуют с представлениями ученого о необходимых элементах целенаправленной познавательной деятельности. В связи с этим альтернатива - либо организация, либо свобода научного поиска - является методологически некорректной.

„ Историческое исследование - это не только научное творчество, но и в известной мере ремесло, т.е. познавательная деятельность, подчиненная определенным нормативным требованиям. Изучение этих норм, приведение их в систему целенаправленной деятельности, теоретическое ее обоснование дает возможность осуществлять сознательный контроль над процессом конкретно-исторического исследования, постоянно совершенствовать его практику, а также передавать опыт исследовательского мастерства и обучать ему.

Изучая реальные эпистемологические условия, элементы, структуру и динамику конкретных исторических исследований, методология истории ставит одной из своих главных задач построение общей теории научного исторического исследования, которая могла бы интерпретировать отдельные действия ученого и объяснять исследо-

вательскую практику при помощи почерпнутых из этой теории посылок о ее содержании. В этом состоит непосредственно практическое значение методологии истории как научной дисциплины.

§ 2. Методологическая ситуация в современной исторической науке

Методологическая ситуация в современной исторической науке проявляется в особом состоянии методологического сознания, которое характеризуется фрагментарностью и разорванностью. В нем конкурируют между собой множество познавательных парадигм. Одни исследователи называют такое состояние методологическим плюрализмом, другие - методологическим сепаратизмом. В частности, И.А. Мальковская пишет, что от «методологического монизма» мы не перешли к «методологическому плюрализму». Вместо него в сознании родился своеобразный дух «плюралистически дискретного монизма», породивший и интеллектуальный сепаратизм³¹.

Особое состояние методологического сознания в современной исторической науке является порождением общей эпистемологической ситуации, сложившейся к концу XX в. Характеризуя эту ситуацию, Л.А. Микешина пишет, что этот век «дал много новых когнитивных практик или предложил нетрадиционное философское осмысление старых. Среди них: так называемый «лингвистический поворот», при котором теория познания заменяется теорией значения и некоторыми другими учениями о языке; феноменологические подходы к познанию; герменевтический опыт, выраженный в общей теории понимания и интерпретации; практики деконструктивизма и постмодернизма. Иными словами, возникли и возникают различные практики когнитологии с ее сценариями, ситуационными моделями и фреймами; наконец, происходит осмысление когнитивных феноменов в контексте синергетики».

Существующие когнитивные практики, считает Л.А. Микешина, можно свести к двум типам. Первый тип берет за образцы модели мышления «строгих» наук и реализует варианты гносеологических и логико-методологических практик. Этот тип когнитивных практик опирается на традицию так называемой систематической эпистемо-

логии, осуществляемой по правилам «нормального» дискурса, проявляющего природу человеческого познания (учения Дж. Локка, И. Канта, неокантианцев, марксистская теория познания как теория отражения, феноменология Э. Гуссерля, критический рационализм К. Поппера, аналитические концепции познания). В систематической эпистемологии присутствуют два когнитивных императива. Первый заключается в требовании элиминации субъекта познания из его результатов, поскольку именно это рассматривается как условие объективности знания. Второй императив, также гарантирующий объективность знания, состоит в требовании вооружения познающего субъекта научным методом, правильным способом описания и объяснения реальности.

Второй тип когнитивных практик, беря за образцы гуманитарные и художественные модели мышления, включает все богатство практик экзистенциально-антропологической традиции. Основу этой традиции составляет эпистемология, имеющая антисистематический, периферийный, «наставительный» (по Р. Рорти) характер, как у Витгенштейна, Хайдеггера, Гадамера, Дерриды. Дискурс и понятийный аппарат этих практик нетрадиционен, даже эпатирует, часто интенсивно метафоричен, близок к поэзии, афоризмам, арсеналу художественного мышления³². В антисистематической эпистемологии когнитивные императивы систематической эпистемологии рассматриваются как «логический диктат», господство рассудочности, а следование правилам и методам, логической необходимости - как тотализация, «избавление» человека познающего от свободы, когда бремя выбора и ответственности сброшено³³.

Таким образом, в развитии современной эпистемологии присутствуют две тенденции. Одна из них связана с построением эпистемологии как «строгой науки», стремящейся представить субъектно-объектные отношения во все более жестких абстракциях. Вторая тенденция обусловлена стремлением не только сохранить субъект, но и представить его в теории познания как целостность, в единстве чувствования, мышления и деятельности.

Эти две тенденции отчетливо обнаруживаются и в современной I исторической эпистемологии, где развернулась борьба между рассудочно-социологически и экзистенциально-антропологически

ориентированными теориями исторического познания. В рамках рассудочно-социологической эпистемологии господствует принцип монистической интерпретации исторической реальности. Исследователи, придерживающиеся этого принципа, признают возможность получения такого исторического знания, которое бы полностью соответствовало изучаемой исторической реальности, обеспечивая тем самым однозначность содержания объективно истинного знания. Это порождает уверенность в возможность построения такой единственно верной исторической теории, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны. Принцип монистической интерпретации истории предполагает, что только одна из конкурирующих теории обязательно должна быть истинной, а остальные ложными. В связи с этим ученые, исповедующие это принцип, всегда претендуют на монопольное обладание научной истиной. При монистической интерпретации истории существенным является то, что ее возможности абсолютизируются, тогда как все другие способы интерпретации считаются ограниченными или ложными. Возможности различных монистических интерпретаций истории достаточно велики, ибо с их помощью были достигнуты довольно значительные успехи в историческом познании.

Однако в историческом познании неизбежно возникают методологические ситуации, порождающие проблему эпистемологического выбора. В рамках монистической интерпретации исторической реальности возможность такого выбора отсутствует, ибо в качестве научного признается только один - универсальный - способ интерпретации истории. Это означает необходимость выбора какого-либо одного способа интерпретации истории, что, естественно, сопровождается гносеологическим ригоризмом, т.е. решительным неприятием всех других возможных способов осуществления познавательной деятельности в исторической науке.

Поэтому историки-«монисты» всегда рискуют остаться в рамках лишь частичной интерпретации истории, поскольку каждая из монистических теорий рассматривает свой срез исторической действительности или только в одном ракурсе. Тем самым исследователи, придерживающиеся принципа монистической интерпретации исторической реальности, фактически отказываются принимать во

внимание те факторы, действующие в истории, которые в рамках их теоретических построений оказались несущественными. Однако, абсолютизируя когнитивные возможности своих частичных интерпретаций, они стремятся выдать их за единственно возможные теоретические реконструкции истории.

В рамках экзистенциально-антропологической эпистемологии доминирует принцип плюралистической интерпретации исторической реальности. Согласно этому принципу история может мыслиться в многочисленных вариантах, каждому из которых соответствует свой собственный «наблюдатель» (в широком смысле – историческое сознание определенного сообщества)³⁴.

Методологический смысл принципа плюралистической интерпретации истории состоит в том, что в конкретной когнитивной ситуации применяется свой специфический ориентированный на решение определенных исследовательских задач способ изучения исторической реальности. Поэтому в ходе исторического исследования ученый, учитывая специфику его предмета и характер познавательных задач, сознательно выбирает те способы их решения, которые должны дать необходимый научный результат. При этом в зависимости от специфики предметной области и задач исследования историк легко переходит от одного типа интерпретации к другому, меняя методологические позиции. Вместе с тем принцип плюралистической интерпретации истории содержит требование, согласно которому любая из удачных интерпретаций исторической реальности является ограниченной, и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс исторического познания.

Таким образом, историк-«плюралист» придерживается принципа не универсальности той или иной методологии, основанной на абсолютизации ее познавательных возможностей, а их дополнительности как универсального принципа исторического исследования.

Смысл методологической установки, связанной с плюралистической интерпретацией истории, состоит в том, что по отношению к предмету исторического исследования можно сформулировать множество исследовательских задач, приоритетность которых зависит от методологического сознания исследователя. Однако по отношению к определенному классу исследовательских задач применяется,

как правило, свой специфический способ их решения, давший в рамках определенной познавательной парадигмы необходимый научный результат.

Принцип плюралистической интерпретации истории имеет когнитивную сопряженность с такими концепциями онтологического содержания, как «многослойность социальной реальности» и «многолинейность социального развития». В частности, А.Г. Здравомыслов подчеркивает, что теоретический плюрализм в теории есть прежде всего результат признания «многослойноеTM» социальной реальности³⁵. «Многослойность» социальной реальности связана с тем, что каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами, ценностными установками и символическими рядами. Важным следствием «многослойности» социальной реальности выступает ее многозначность. Поскольку социальность нагружена смыслами, которые субъект воспринимает в качестве оснований действия, то изменение социальной реальности, с этой точки зрения, есть изменение содержания смыслообразующих понятий. Поэтому многозначность социальной реальности является следствием вычленения каждым действующим субъектом в ее составе и конструкции собственного смысла.

В исторической науке концепция «многослойности социальной реальности» трансформировалась в теорию «многомерности исторического процесса». «Многомерность, пишет Ю.А. Поляков, - это понимание исторического процесса как комплексного, отражающего многослойность всех существующих человеческих обществ и множественность влияющих на него локальных и всеобщих, постоянных и преходящих факторов». При этом он отмечает, что «при таком многообразии русел и факторов, из которых складывается исторический процесс, легко выделить одно из русел или гипертрофировать его роль, оставляя в тени другие, умаляя их значение, замалчивая их связи и взаимодействие»³⁶.

Теория «многолинейности» социального развития явилась результатом такого явления, как «открытие мира». Когда европейцы начали открывать мир, они столкнулись с огромным многообразием обществ, каждое из которых демонстрировало невероятное многообразие обычаев и ценностей. Эти общества возникли как следствие реализации

многочисленных региональных вариантов развития. С течением времени внутренняя динамика этих обществ вела к возникновению различных линий развития, часто связанных с особенностями регионов, в которых культурное и социально-политическое развитие шло различными путями.

Уже в 30-х г. XX в. Д.Х. Стюард пришел к мысли о том, что социальная эволюция шла по различным направлениям, т.е. эволюция была многолинейной. Концептуально этот взгляд был оформлен К.Р. Холлпайком в середине 80-х гг. прошлого века в «Принципах социальной эволюции»³⁷. В настоящее время эта теория получила реализацию в представлениях о поливариантности исторического процесса³⁸.

В последнее время стала складываться теория «нелинейной» социальной эволюции. Исследователи, придерживающиеся этой теории, считают возможным говорить не о линии или линиях социальной эволюции, а о непрерывном поле социальной эволюции как многомерном пространстве. При этом они отмечают, что в рамках этого поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, при которой движение в любом направлении возможно в равной степени. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении будет менее вероятным, чем в другом. Поэтому переход к более адекватному пониманию социоэволюционных процессов может быть достигнут, на наш взгляд, через отказ как от однолинейных, так и многолинейных схем социальной эволюции и через последующую разработку ее нелинейных моделей³⁹.

Одной из особенностей сложившейся методологической ситуации в исторической науке является то, что «в современном научном мире, как подчеркивают некоторые исследователи, почти не осталось серьезных историков, которые бы с такой страстью, как еще совсем недавно, отстаивали тезис о возможности и необходимости единого подхода к истории, отражающего одну, единственно верную историческую теорию, способную охватить и передать весь широкий спектр многообразного и многослойного мира истории с его разнообразными особенностями, сложностями и противоречиями, не поддающимися никаким, даже самым основательным и тщательно

§2. Методологическая ситуация в современной исторической науке

продуманным, единым схемам и моделям развития»⁴⁰. В результате в методологическом сознании историков наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической.

Этот переход соответствует той эпистемологической тенденции, существующей в современном научном познании, в которой наука открывает для себя множество реальностей и движение идет от одной-единственной истины и одного изначально данного мира к процессу порождения многообразия верных и при том конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных реальностей. Отсюда вытекает вывод: признание множественности версий мира в различных концептуальных системах делает невозможным существования какого-либо полного описания реальности⁴¹.

В философии существуют различные трактовки понятия «реальность». В рамках классической и неклассической рациональности, реальность – это все существующее в действительности. При этом выделяются объективная, или материальная, реальность и субъективная, или духовная, реальность, которая, как правило, отождествляется с сознанием и его деятельностью⁴². Так, К.В. Хвостова отмечает, что под реальностью она понимает «некоторую данность, реконструируемую на основе источников, в ее феноменологическом разнообразии». Эта данность по природе своей плюралистична, и это, по ее мнению, порождает плюрализм исторических суждений. Тем самым плюрализм в историческом познании К.В. Хвостова объясняет «самим предметом исследования, т.е. множественностью исторической реальности во всех ее многообразных проявлениях»⁴³.

В постнеклассической рациональности историческая реальность – это продукт обусловленного социокультурной спецификой сознания, сопряженный с исторической действительностью. Отсюда вытекает идея множественности «возможных миров» и плюралистичноеTM исторической реальности. Наиболее последовательное развитие эта идея получила в концепции Н. Гудмена, которая оказала большое влияние на современную философию и гуманитарные науки. Согласно Н. Гудмену, действительность не скрыта от нас; однако постигать ее можно не только одним способом, а множеством способов. Конечно, существуют системы, не согласующиеся с нашим опытом, но вместе с тем имеется и множество различных систем, которые «соответ-

ствуют миру, причем некоторые из них представляют собой полностью равнозначные альтернативы»⁴⁴.

В современной философии и методологии науки, как отмечают исследователи, системы знаний трактуются как знаковые системы: идеальные (смысловые) структуры знания в них изначально «привязаны» к языку, а не к реальности. (Правда, в этом случае, как считают некоторые исследователи, трудно объяснить, каким образом можно перейти от автономного «мира знаний» к реальности⁴⁵).

В такой эпистемологической ситуации формируется особый тип методологического сознания, который может быть описан следующими тезисами:

1. История как внешний для исследователя «мир прошлого» сама по себе не дает никаких гарантий адекватности исторического знания.

2. Об исторической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных теорий, с учетом различных перспектив.

3. В историческом исследовании теория определяет, что может (или должно) быть наблюдаемо в «мире прошлого».

4. Историческое познание, протекающее при определенных культурно-когнитивных условиях, обусловлено стилем мышления сообщества, к которому принадлежит ученый, и его интенциональными установками.

5. Исследователь, веря в целесообразность (или смыслообразность) реального мира, создает картину истории в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленной на место реального «мира прошлого», эта картина посылает такие же личные его «послания», как и сам «мир».

6. Исторические знания как результат исследования всегда контекстуальны и индексикальны, поскольку они обусловлены познавательным контекстом и отмечены индексом схематизма, на основе которого они транслируются.

7. Исторические знания как репрезентации «мира прошлого» не являются его «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего.

8. Исторические знания, зависимые от контекста и перспективы,

имеют статус конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от скептических возражений.

9. Исследователь, создавший «картину истории», может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону реального «мира прошлого», хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания историческое исследование приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает историю «саму по себе» в той мере, в какой историческая реальность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные «картины истории», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. «Мир прошлого» начинает встречать нас в разных ипостасях, которые исследователи выбирают для конкретной научной «встречи»⁴⁶.

В результате научное историческое сознание начинает приобретать последовательно антиномическое содержание. Гносеологические корни этого явления кроются в специфике взаимодействия субъекта и объекта в историческом познании. Эта специфика заключается в том, что, обращаясь к прошлому, историк, принадлежа обществу, не вполне принадлежит тому конкретному обществу, которое изучает. Он никогда не сможет стать современником тех исторических событий, которые являются предметом его исследования, а это означает, что время (со всем его содержанием) будет в определенной мере «псевдовременем», а историк – сотворцом новых смыслов. Это сопровождается высказываниями историков по поводу, как предмета исторического исследования, так и способа его изучения, которые носят антиномический характер.

В литературе существует мнение, что «сами антиномии предполагают интуитивный выбор»⁴⁷. Не отрицая значение «озарения» в историческом познании, все же заметим, что антиномические суждения носят вполне рассудочный характер. Эти суждения делаются историком в рамках определенного исторического и методологического сознания, хотя, разумеется, могут и выходить за его пределы – без этого не может быть творчества в науке. Об этом свидетельствуют те списки антиномий исторического познания, которые можно составить, анализируя научный дискурс⁴⁸. Среди наиболее типич-

ных антиномий предметного характера можно назвать следующие:

Первая антиномия: 1) историк имеет дело с индивидом; 2) предметом исторического познания является общество.

Вторая антиномия: 1) в истории существует только уникальное; 2) историческая наука изучает закономерное.

Третья антиномия: 1) история имеет начало и конец, она ограничена во времени и локализована в пространстве; 2) выделить границы какого-либо исторического отрезка невозможно, всякая попытка такого рода – субъективная точка зрения того или иного историка.

Четвертая антиномия: 1) все события в истории причинно обусловлены, в ней нет ни одного события, которое невозможно было бы описать, используя исключительно причинно-следственную систему координат; 2) из исторического описания принципиально неустранима свободная воля субъекта исторического процесса, поэтому исключительно детерминистское описание исторического процесса невозможно.

Типичными антиномиями гносеологического характера являются:

Первая антиномия: 1) историк может рассказать о том, как было в истории «на самом деле»; 2) в языке историка нельзя воспроизвести мир прошлого, его можно только сконструировать.

Вторая антиномия: 1) историк может получить знание, адекватное исторической реальности; 2) историческое знание – это презентация историком своей социокультурной практики.

Третья антиномия: 1) будучи исторической личностью, историк имеет средства и методы объективного описания исторического процесса; 2) будучи сам участником исторических событий, историк не обладает возможностью описать всю совокупность последствий и условий того или иного исторического действия.

Четвертая антиномия: 1) в историческом познании все сложные исторические процессы можно свести к простым, поддающимся фиксации; 2) историк в познании придерживается принципа эмерджентности: история как целостность всегда «больше» суммы элементов, ее составляющих.

Современное методологическое сознание по поводу антиномичности исторического сознания избегает суждений, какие из этих высказываний (тезисы и антитезисы) являются истинными, а какие ложными, ибо они в равной степени и доказуемы, и недоказуемы.

Методологическая ситуация в современной исторической науке характеризуется также тем, что в историческом познании происходит, с одной стороны, мобилизация всего предшествующего эпистемологического опыта и его переосмысление, а с другой - в нем апробируются многочисленные новые методологические идеи и подходы. Это позволило резко расширить информационную базу исторических исследований, а использование компьютерных технологий предоставляет еще большие возможности для такого расширения. На исследователя хлынул такой поток исторической информации, с которым он не в состоянии справиться. Поэтому историческая наука в настоящее время оказалась в ситуации своего рода информационного кризиса, который обусловлен не недостатком сведений об исторической реальности, а невозможностью переработки огромного и разнообразного потока информации о ней. Вследствие этого, исследователь сталкивается с двумя проблемами: 1) выборочного потребления информации, 2) выбора методологического инструментария и оценки его познавательного потенциала и эффективности в исследовательской практике.

Необходимость выбора методологического инструментария обусловлена, как отмечают некоторые исследователи, тем, что ни одна, даже самая передовая теория, не в состоянии охватить и объяснить весь многогранный исторический опыт людей. Кроме того, выбор теоретического языка зависит от позиции самого исследователя⁴⁹. Поэтому историку приходится из множества теорий выбирать ту, которая способна оказать ему реальную помощь при решении конкретной научной проблемы⁵⁰. И в этом, по мнению исследователей, нет никакого эпистемологического эклектизма. Если под эклектизмом, - пишет П. Берк, - подразумевается «отыскание идей в разных местах, то я с радостью признаюсь, что я эклектик. Быть открытым новым идеям, откуда бы они ни исходили, и быть способным применять их к определенным собственным целям, найти способ проверить их обоснованность - вот отличительная черта и хорошего историка, и хорошего теоретика»⁵¹.

Этим обусловлено постепенное утверждение в методологическом сознании идеи методологического плюрализма. Основу этой идеи составляют принципы дополнительности и альтернативности. Эти

принципы базируются на следующих посылах: 1) относительно любого предмета исторического исследования можно поставить неограниченное число познавательных задач; 2) при решении определенного класса познавательных задач могут быть использованы различные исследовательские средства.

Принципы дополнительности и альтернативности в историческом познании имеют эпистемологическую сопряженность с теми представлениями онтологического содержания, которые акцентируют внимание исследователей на необходимость изучения в истории проблемы выбора в альтернативных ситуациях. Согласно теории выбора в обществе всегда сохраняются и сосуществуют различные возможности развития, прежде всего потому, что оно носит вероятностный характер. Условия жизнедеятельности людей определяют лишь возможности развертывания той или иной исторической ситуации. Как это будет происходить, какие исторические возможности превратятся в историческую действительность – это зависит от самих людей, их интересов, ценностных ориентации, от того, как люди сами интерпретируют сложившуюся в обществе ситуацию. Проблема выбора актуализируется в переломные моменты общественного развития, на «крутых поворотах истории».

Альтернативными называются такие ситуации, при которых имеются не только различные возможности дальнейшего развития, но и социальные силы, осознающие эти возможности и способные превратить их в действительность. Большие возможности в изучении альтернативных ситуаций в истории раскрывают идеи и методы синергетики. Интерес к изучению этих ситуаций в истории возник помимо синергетики, однако в рамках синергетики как теории самоорганизации сложных систем дается новая трактовка «механизма» реализации той или иной исторической возможности и превращения ее в историческую действительность. Поэтому альтернатива – это субъективный выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию выбора⁵². В рационалистической традиции, базирующейся на тождестве бытия и мышления, актуализация проблемы альтернативности исторического процесса не могла не стимулировать постановку проблемы альтернативности исторического познания.

Сложившаяся методологическая ситуация в современной исто-

рической науке актуализировала интерес к вопросу о субъективном «мире исторического знания», в котором обнаруживает себя объективный «мир прошлого». В методологическом сознании постепенно преодолевается «жажда объективности», свойственная рассудочно-социологической эпистемологии, и формируется представление о том, что «мир прошлого» становится реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого», а историческое знание — как книга о «реальности прошлого», пишущаяся вновь и вновь различным образом в языках тех или иных культур и исторических эпох. Такое представление о познавательном процессе в исторической науке позволяет ответить на вопросы: почему «каждое поколение пишет свою историю» и почему «история нас ничему не учит»?

В исследовательской практике, где постепенно утверждается принцип методологического плюрализма, представители различных течений и школ отдают предпочтение разным методологическим подходам, используют специфические научные тезаурусы и создают конкурирующие между собой теории предметного содержания.

В результате современная историческая наука стала «ярмаркой идей» и превратилась в мультипарадигмальную научную дисциплину, для которой характерно наличие множества конкурирующих между собой парадигм исторического исследования. Это превращает историческое познание в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных «языковых игр», в результате которых историческая реальность растворяется во множество теоретических конструкторов и ценностных концептов, смысловых миров и метафорических значений.

В связи с этим в методологическом сознании исторической науки в последнее время актуализировалась проблема истины. В исторической эпистемологии существует два альтернативных подхода в трактовке истины. Один из них основывается на принципе корреспонденции как соответствия исторического знания объективной исторической действительности. Другой — на принципе когеренции как связи исторического знания с процедурами исторического мышления. В первом случае истина приобретает статус объективного истори-

ческого знания, которое воспроизводит историческую реальность в процессе ее реконструкции в ходе исторического исследования⁵³. Это переводит проблему истины в историческом познании в плоскость адекватности научного знания исторической действительности. Во втором случае происходит деонтологизация истины. Она лишается объективного статуса и мыслится как субъективный концепт, который создается исследователем в ходе конструирования исторической реальности. Это трансформирует проблему истины в проблему интерпретации, и истина начинает реализовывать себя сугубо в контексте языковой реальности.

Предельным выражением субъективного подхода в историческом познании стал постмодернизм, который вообще элиминировал проблему истины как категории исторической эпистемологии. Постмодернисты считают, что историческое познание осуществляется с помощью знаков и символов, которые обусловлены культурной предрасположенностью и социальными интересами историка. При этом они отмечают, что историк будет неправ, если возомнит, будто он способен преодолеть «груз» всех предрасположенностей своей субъективности.

В когнитивном пространстве постмодернизма, отрицающего тождество бытия и мышления, произошел отказ от принципа бинаризма как оппозиции субъекта и объекта исторического исследования. Множественность несоизмеримых между собой истин, как полагают постмодернисты, разоблачает представления о том, что разум способен продвигаться все дальше и дальше, приближаясь к самой сути реальности⁵⁴. Поэтому историческое знание перестало рассматриваться постмодернистами в качестве продукта когнитивного приближения к познаваемой исторической реальности, существующей независимо от познающего субъекта.

Постмодернисты утверждают, что исследователи не могут претендовать на обладание той внеисторичной «архимедовой» точкой опоры, которая позволила бы судить, действительно ли данный взгляд на исторические события представляет «истину», или нет. В связи с этим в постмодернистской эпистемологии произошел теоретический сдвиг, приведший к акцентуации вопроса «о формах дискурсивных практик», артикулирующих историческое знание, а само историчес-

кое знание стало трактоваться как проявление интерпретационного своеволия субъекта исторического познания.

В последнее время некоторые исследователи под влиянием постмодернизма заявили о том, что стремление к истине – это когнитивный анахронизм, принадлежащий мифологическому сознанию⁵⁵. Они считают, что истинностная гносеология основывается исключительно на мифологизированной вере в возможность достижения абсолютной истины. Поэтому категория истины, по их мнению, является избыточной для тех ученых, которые осознают, что исследователи связаны с изучаемой исторической реальностью посредством идеальных моделей и способов оперирования ими.

Однако отказ от категории истины в историческом познании, как полагают многие современные ученые, ставит под сомнение профессиональный статус исторической науки и вопрос о ее социальной значимости. Они подчеркивают, что стремление к истине является атрибутом научности исторического исследования. Поэтому среди историков преобладает мнение, что при всех различиях в методологических основаниях изучения прошлого, оно направлено на получение научных знаний, более или менее адекватно отражающих его различные стороны. Они считают, что категория научной истины не является устаревшей, а отказ от нее ведет к утрате специфики научного познания и делает неясными его отличия от других видов познавательной деятельности⁵⁶.

Вместе с тем в современном методологическом сознании утверждается представление о том, что в условиях методологического плюрализма ни одна из возможных реконструкций исторической реальности в виде теоретического знания не может претендовать на постижение истины. Однако вся совокупность таких реконструкций, воссоздавая все более многообразную картину исторического прошлого, а также включая это прошлое в контекст проблем, задач, дискуссий сегодняшнего дня, может претендовать на статус исторической истины⁵⁷.

Однако осознание того, что исторические знания во многом являются идеальными конструкциями, и это уже само по себе задает пределы соответствия этих знаний исторической действительности, сделало задачу адекватной ее реконструкции во многих случаях достаточно проблематичной⁵⁸.

В свое время К. Поппер предложил отказаться от представления об истине как соответствии содержания научного знания объекту исследования и заменить понятие истины понятием правдоподобия. В русле такого подхода он стал рассматривать разные исторические теории как различные интерпретации доступных исторических фактов. В настоящее время некоторыми исследователями вопрос о том, что считать истиной в исторической науке, переводится в плоскость представлений об эвристических возможностях ее различных эпистемологических образов, содержащих определенные критерии научности и отвечающих при этом требованиям современных мыслительных коммуникаций. Эти исследователи оперируют корреспондентской концепцией истины, однако научная истина у них всегда контекстна и констатируется при условии принятия методологических постулатов, на основе которых сконструирована конкретная исследовательская ситуация⁵⁹.

Некоторые исследователи считают, что понятие истины в историческом познании сложнее и богаче, нежели в естествознании: в его содержание включается не только идея соответствия объекту, но еще и идея соответствия субъекту, его высшим ценностным представлениям. Для выражения такого содержания понятия истины, по мнению А.Л. Никифорова, можно было бы использовать понятие «правда», которое в гораздо меньшей степени зависит от обоснования, чем понятие истины. Когда некоторое утверждение считается правдой, оно может очень плохо соответствовать исторической действительности. Но оно соответствует представлениям о должном и справедливом, о возможных тенденциях развития общества, и его расхождение с действительностью побуждает людей к действию. Поэтому если истина, отмечает А.Л. Никифоров, целиком детерминируется объектом, то правда сама способна подчинять себе объект. У истины и правды разная онтологическая основа: у истины - объективная действительность, у правды - мир общественных отношений, который творится самими людьми. В связи с этим правда всегда эмоционально окрашена, она соединяет в себе как гносеологический, так и аксиологический аспекты и компенсирует слабость обоснования истины в познании ее эмоциональной привлекательностью⁶⁰.

Наличие разнообразных когнитивных практик в историческом

познании и сопровождающий их методологический плюрализм вызывают неоднозначную реакцию в профессиональном сообществе историков. Некоторые исследователи считают, что это — свидетельство нормального развития исторической науки, и так называемый «кризис истории» - это вполне естественный и даже закономерный «кризис роста дисциплины, которая значительно расширила сферу своего анализа и переживает трудности в определении методов и масштабов их применения, в разработке рабочих гипотез»⁶¹. Однако большинство историков, усматривая кризис исторической науки в ее «мультипарадигмальности», полагают, что он сопровождается деградацией интеллектуального багажа исторической науки, ее неспособностью извлекать положительный опыт из прошлого, а также утратой профессиональной идентичности историков, испытывающих огромное методологическое влияние со стороны представителей других наук, и особенно постмодернизма⁶².

Высказывается также мнение, что кризис исторической науки - это в первую очередь кризис монистических интерпретаций истории, претендующих на универсальность. Так, И.Д. Ковальченко подчеркивал, что кризис современной исторической науки, с одной стороны, связан с поляризацией методологических подходов и, следовательно, конкретно-исторических концепций, «которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания». С другой стороны, этот кризис, по мнению ученого, обусловлен необоснованными претензиями этих методологических подходов на универсальность «в понимании основной сути общественно-исторического развития и ведущих принципов и методов его познания»⁶³.

Отдельные ученые полагают, что не надо отождествлять состояние истории как науки и самоощущение историка. У многих историков, как отмечает В.Н. Шевелев, ощущение кризиса связано с нежеланием принимать многофакторность и вариативность истории; утратой привычных оценок и «установок»; представлением о том, что пересмотр прежних принципов идет слишком медленно. Как бы то ни было, историческая наука становится другой - в этом и заключается прежде всего смысл кризиса⁶⁴.

В связи с кризисом, в котором, по мнению многих исследователей, оказалась историческая наука, в методологическом сознании

встал вопрос: что дальше, каковы пути выхода из этого кризиса?

Одни ученые полагают, что кризис исторической науки - явление временное, и все образуется само собой: историческому сообществу лишь надо «отрезвиться временем», спокойно ожидая наступления стабильности в обществе⁶⁵. Другие считают, что историческая эпистемология в новом веке должна пойти по пути построения теории исторического познания как «строгой науки», стремясь представить субъектно-объектные отношения во все более жестких абстракциях. При этом, размышляют они, возможно, следует вернуться к идеям Просвещения на новом витке исторической спирали⁶⁶. Тем более что значительная часть профессиональной философии, как отмечает Дж. Грей, деятельно занята укреплением такой опоры Просвещения, как утверждение авторитета науки по отношению к другим формам знания⁶⁷.

Однако в этом случае, как подчеркивает А.Л. Микешина, из эпистемологии исчезнет субъект, «как исчезает, по выражению Фуко, лицо, начертанное на прибрежном песке». Поэтому субъекта в эпистемологии, по ее мнению, надо не только сохранить, но и представить его в теории познания как целостность, в единстве мышления и деятельности, т.е. придать процессу познания «человеческое измерение», базирующееся на принципе «доверия субъекту познания», и заменить абстрактного, «частичного» субъекта «целостным человеком познающим»⁶⁸.

В последнее время в методологическом сознании крепнет уверенность, что выход из кризиса лежит в области «синтеза различных методологических идей». Однако синтез этот понимается исследователями по-разному. Ряд исследователей рассматривает синтез как условие создания новой универсальной методологии исторического познания и общей теории предметного содержания, способной охватить всю сложность, многогранность и многообразие исторической реальности⁶⁹. Единство истории, ее инвариантность оправдывают, по мнению Н.И. Смоленского, «поиск наиболее адекватного варианта общеисторической теории, а наличие совокупности теорий в свете этого не может означать их равноценности с точки зрения главного условия, правомерно предъявляемого к ним - степени адекватности постижения действительности»⁷⁰. При этом отмечается, что потреб-

ность в общеисторических теориях, претендующих «в той или иной степени на объяснение истории в целом», всегда существовала в исторической науке. Неисчерпаемость исторической реальности делает возможной создание таких теорий, однако эта неисчерпаемость «превращает в иллюзию претензию любого варианта общеисторической теории на монополию»⁷¹. Поэтому, положительно относясь к методологическому плюрализму в исторической науке, исследователи рассматривают его как необходимое условие разработки наиболее адекватного варианта теории.

Однако в целом мнение ученых по вопросу о возможности и полезности «общеисторической теории» разделилось. Одни считают, что такая универсальная теория необходима, поскольку только в рамках целостного взгляда на историю можно понять отдельные ее сюжеты⁷². Другие полагают, что стремление к созданию единой основополагающей теории для «всех времен и народов», обязательной для всех ученых, чревато издержками для исторической науки⁷³.

Оригинальный взгляд на возможность создания общеисторической теории высказывает П.К.Гречко, который считает, что «целым истории овладеть практически невозможно, не только в силу ее сложности и многообразия, но и по причине ее незавершенности и открытости будущему». Вместе с тем, называя общеисторические теории метапаттернами, он полагает, что «по-другому, не через приемы-паттерны смотреть на социальную реальность, историческую действительность просто нельзя». Метапаттерны у автора выступают в роли архетипических укорененных в методологическом сознании «прообразов идеи истории», представляя собой базовую «интуицию истории как целого»⁷⁴.

Некоторые исследователи «синтез различных методологических идей» понимают по-другому, а именно, как синтез когнитивных практик, а также диалог двух традиций - рассудочно-рациональной (картезианской) в ее современном виде и экзистенциально-антропологической. При этом признается, во-первых, исторический характер субъектно-объектной парадигмы познания и, во-вторых, право создавать когнитивные практики вне этой парадигмы. Главные принципы такого синтеза и диалога усматриваются в таких классических традициях, как укорененность познания в бытии, единство и

категориальная оппозиция субъекта и объекта, различение эмпирического, трансцендентального и экзистенциального субъекта, а также рациональность и преемственность в познавательной деятельности.

При осуществлении синтеза когнитивных практик, как диалога, считает А.Л. Микешина, может быть учтен значительный и успешный опыт различного рода «интерференции» и сопряжений: «прививка» герменевтической проблематики к феноменологическому методу П. Рикером; соединение идей феноменологии, герменевтики, аналитической философии и философии языка К.-О. Апелем; осуществленный Г.Г. Шпетом синтез феноменологических, герменевтических идей и идей концепции сознания, развиваемой в русской философии. Существенное значение для синтеза когнитивных практик имеет возникшее под влиянием постмодернизма признание правомерности не одной, а нескольких научных парадигм и осознание того, что необходимо отказаться от привычного бинарного мышления в оппозициях, снять упрощенную редукцию к противоположным, взаимоисключающим моментам по принципу дизъюнкции (или/или). Все это, по мнению А.Л. Микешиной, требует «содержательной рефлексии и аналитической работы, не сводящейся к выявлению противоположностей»⁷⁵.

Возможность синтеза когнитивных практик некоторыми исследователями усматривается также в том, что в методологическом сознании может быть преодолена «ложность объективистской и конструктивистской альтернатив», и на определенных этапах эти традиции станут не взаимоисключающими, а взаимодополняющими⁷⁶.

В современном методологическом сознании утверждается также идея о том, в историческую эпистемологию должен быть включен такой круг проблем, как влияние социокультурных факторов на содержание знания, способы и результаты познавательной деятельности; превращение внешних ценностных факторов во внутренние когнитивные и логико-методологические детерминанты⁷⁷. В связи с этим следует отметить, что проблематика «ценностного» подхода в историческом познании поднималась отечественными философами еще 70-80-х гг. XX в. связи с рассмотрением вопросов, связанных с изучением творчества в историческом познании и возможности приме-

нения методов герменевтики в исторических исследованиях. «Историк в своей творческой лаборатории, как отмечали исследователи, постоянно пользуется оценочными понятиями и суждениями... Оценка немыслима без понятия ценности, которое имеет большое методологическое значение для исторической науки»⁷⁸. А при выяснении смысла тех или иных текстов «интерпретатор с неизбежностью привносит свою собственную мысль. В результате этого любая интерпретация знакомит нас с содержанием произведения и одновременно отражает, благодаря интерпретатору, мысли и представления его времени»⁷⁹.

В последнее время в исторической науке актуализировались проблемы языка научного дискурса, связанные с тем, что в исторических исследованиях некорректно используются понятия, возникшие в одной социокультурной среде, для описания ситуации в другой социокультурной среде, и теоретических конструктов, разработанных на материале одних цивилизационных ареалов, для объяснения исторических событий в других цивилизационных ареалах. В методологическом сознании складывается представление о том, что использование, например, понятий, возникших в западноевропейской социокультурной среде, для описания российского социокультурного опыта предполагает предварительную культурологическую экспертизу. Речь при этом должна идти или о выяснении степени соизмеримости различных пластов российского и западноевропейского социокультурного опыта, или о поиске областей культурного его совпадения.

Следует отметить, что «наивный эмпиризм созерцательного материализма, как отмечают исследователи, не усматривает здесь особой проблемы, полагая, что культурное своеобразие объектов не исключает возможности находить в них элементы общности и подобия, позволяющие осуществлять полезные сравнения и делать поучительные выводы»⁸⁰. В методологии исторического познания, основанной на принципах историзма и прогрессизма, рационализма и объективности, потребности в культурологической экспертизе используемых понятий не было. Например, в рамках концепции «однолинейного прогрессизма», признающей только одну линию развития, ориентиры которого задаются «продвинутыми» вперед в технико-технологическом отношении странами, и рассматривающей другие страны как «догоняющие» и, соответственно, «повторяющие» с различными модификациями по

срокам или темпам путь уже до них пройденный «наиболее развитыми странами», проблемы экстраполяции понятий из одной социокультурной среды в другую не возникало, поскольку речь шла лишь о стадийных, а не культурно-типологических различиях.

Эта проблема была поставлена еще на рубеже XIX–XX столетий и восходит к методологическим традициям неокантианства Баденской школы. Ее ведущий представитель Г. Риккерт считал, что «культурное значение объекта... покоится не на том, что у него есть общего с другими, но именно на том, чем он отличен от них... В сущности, значение культурного явления зависит исключительно от его индивидуальности, и поэтому в науках о культуре мы должны пользоваться индивидуализирующим методом»⁸¹.

Следует согласиться с тем, что всякое сравнительное изучение культур, их сопоставление путем «подведения под общее» ведет к деструкции самого объекта познания. Но это еще не означает отказа ни от поиска областей «культурного совпадения», ни от определения степени соизмеримости различных пластов социокультурного опыта. Именно такой подход позволяет «завязать» диалог с различными культурами прошлого и настоящего и использовать в научном дискурсе те или иные понятия, ограниченные в смысле области своего возникновения, но приобретающие определенные универсальные черты в плане области применения. Без этого невозможны были бы вообще коммуникативная связь между культурами и их взаимопонимание.

Проблема языка научного дискурса является в настоящее время одной из центральных в таких дисциплинах, как культурная и социальная антропология. Их теоретики исходят из того, что реконструкция смысла древних и современных кур связана не только с установлением упорядоченности внутренних связей культурного объекта, но и с реконструкцией всего культурного контекста. В противном случае исследователь будет явно или неявно осмысливать явления иных культур только в русле собственного социокультурного опыта, используя без всякой семантической коррекции свой собственный язык.

Современные представления о языке научного дискурса свидетельствуют о том, что язык, являясь инструментом символической реконструкции (или конструкции) предмета исторического исследования, структурно содержит культурный код, определяющий способ

мировосприятия данной культуры, а его грамматика в неявном виде включает в себе развернутые представления об устройстве социального универсума, определяющие мышление и поведение людей⁸².

Таким образом, сам язык требует культурологической интерпретации, т.е. понимания социокультурного контекста, к которому он принадлежит. В связи с этим при использовании понятий, возникших в рамках определенного социокультурного опыта, для описания иной социокультурной ситуации и среды, надо учитывать философско-методологическое предостережение П. Фейерабенда, который считал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления»⁸³.

В настоящее время в историческом познании поиск областей культурного совпадения, а также установление степеней культурной соизмеримости наиболее успешно осуществляются в рамках такого направления, как история «повседневности». В отличие от представителей «культурной антропологии», теоретики этого направления рассматривают именно сферу повседневной жизни человека в качестве реального социально-онтологического основания культурной соизмеримости. Б. Вальденфельс образно характеризует повседневность в качестве «плавленного тигля рациональности»⁸⁴, а А. Шюц рассматривает ее как конечную сферу значений выражений обыденного языка и культурной символики⁸⁵.

Таким образом, в методологическом сознании сформировался принцип, требующий при использовании понятий, возникших, например, в западноевропейской социокультурной среде, в научном дискурсе при изучении истории России или той ситуации, которая сложилась в ней в настоящее время, учитывать следующий момент: эти понятия возникли для описания иного социокультурного опыта и в ином языковом контексте.

§ 3. Научность исторического исследования и его модели

Проблема научности познания, в том числе и исторического, оказалась в современной эпистемологии наиболее трудной для разрешения, несмотря на многочисленные попытки выработки идеала научности.

В настоящее время под идеалом научности некоторые исследователи понимают «систему познавательных ценностей и норм, выбор, статус и интерпретация которых зависят от широкого познавательного и социокультурного контекста». Структура идеала научности может быть представлена в виде «пирамиды» когнитивных ценностей и основанных на них требований, предъявляемых к результатам научно-познавательной деятельности. Вершину «пирамиды» составляет ориентированность на истинность, основанием «пирамиды» выступают такие характеристики научного знания, как описание и объяснение, построение и организация знаний, доказательность и обоснование⁸⁶.

Существуют два основных подхода к решению проблемы стандартов научности, т.е. возможности построения эталона научной деятельности: методологический редукционизм, реализуемый в классическом идеале научности, и методологический плюрализм, выступающий основой критики этого идеала.

Классический идеал научности имеет «твердое ядро», состоящее из ряда регулярно воспроизводимых, стабильно действующих «основоположений», которые находят своих активных защитников вплоть до сегодняшнего дня. К таким «основоположениям» можно отнести следующие утверждения: 1) истинность научного знания является основным регулятивом научно-познавательной деятельности; 2) подлинное научное знание должно быть достоверным и надежным, т.е. обосновано «фундаментальным» образом; 3) возможно создание универсального эталона научности, который должен быть выработан на базе наиболее развитой области научного познания в качестве идеала и ориентира для других областей научного знания (методологический редукционизм); 4) научное знание и его методологические

стандарты должны обладать социокультурной автономией; выводы науки должны осуществляться в соответствии с универсальными стандартами научности и определяться только самой изучаемой действительностью, независимо от социокультурных условий ее изучения.

В рамках классического идеала научности существует представление о том, что научность следует рассматривать «как совокупность методологических регулятивов, в значительной мере обеспечивающих направленность, движение познания к содержательно-истинным результатам». В этом плане к минимально необходимым критериям научности одни методологи относят проблемность, предметность, обоснованность, интерессубъективную проверяемость и системность знания⁸⁷, другие – социальность, системность, проблемность, предметность, познавательность⁸⁸.

В истории методологии науки известны различные попытки реализовать стратегию методологического редукционизма и построить соответствующие идеалы на основе выдвижения в качестве эталонного типа познания, например, физики, математики или социально-гуманитарных наук. Однако в целом, как отмечают исследователи, методологический редукционизм оказался несостоятельным выработать идеал научности ни на основе физики, математики или социально-гуманитарных наук⁸⁹. Кроме того, эпистемологический редукционизм, как подчеркивает С. Роуз, выливается в создание единой, безальтернативной картины окружающего нас мира, которая может быть либо истинной, либо ошибочной, но не может быть «иной». При этом эпистемологический редукционизм, считает он, игнорирует то обстоятельство, что познание мира человеком многовариантно, хотя бы потому, что оно опирается на воображение. Поэтому в качестве альтернативы эпистемологическому редукционизму С. Роуз рассматривает эпистемологический плюрализм, полагаемого им в качестве базисного принципа реализации модели «диалектического познания»⁹⁰.

Критики классического идеала научности исходят из того, что, во-первых, ориентация лишь на одну из областей знания при формировании универсальных норм и стандартов научности представляется явно несостоятельной. Во-вторых, считают они, надо исходить из факта наличия существенно различных форм реального научного зна-

ния и, соответственно, особых типов научности, что обусловлено многообразием форм объектов науки. В-третьих, научное познание удовлетворяет весьма различные потребности современной культуры, что ставит под сомнение положение о социокультурной автономии научного знания и методологического стандарта научности.

В рамках альтернативного идеала научности утвердилось положение о том, что феномен науки может быть понят только относительно вненаучного, т.е. социокультурного контекста. При этом подчеркивается, что социокультурные факторы научного развития являются не какими-то дополнительными, а «сущностными детерминантами научного мышления. Они не «присоединяются к собственно научным его детерминантам, а «сплавляются» с последними в неразрывную деятельность»⁹¹.

Основу альтернативного идеала научности составляет методологический плюрализм, который исходит из того, что в науке в целом не может быть единого идеала научности и должно функционировать несколько независимых и равноценных эталонов научности. Этот альтернативный идеал научности базируется на принципах антифундаментализации, плюрализации и экстернализации⁹².

Актуализация принципа антифундаментализации произошла в результате осознания социокультурной обусловленности научного, особенно гуманитарного познания, что привело к «угасанию» надежды на достижение «окончательной» его обоснованности. На смену фундаменталистской обоснованности познания как основы классического идеала научности все больше выдвигается критерий эффективности в решении познавательных проблем.

Принцип плюрализации эталонов научности генетически связан с теми концепциями, в рамках которых наука рассматривается не как единое целое, а как совокупность различных «парадигм» (Т. Кун), «эпистем» (М. Фуко), «исследовательских программ» (И. Лакатос), «исследовательских традиций» (Л. Лаудан), «идеалов естественного порядка» (С. Тулмин), «методологических стандартов» (Ю. Хабермас). Большое влияние на актуализацию принципа плюрализации оказала методологическая концепция П. Фейерабенда, где плюралистическая тенденция в истолковании научности была доведена до своего логического конца. В его работах прослеживается идея о том, что

наука не дана «от бога», не является какой-то абсолютной истиной, а представляет собой просто исторически возникшее мировоззрение «ученых-профессионалов», имеющее, разумеется, такое же право на существование, как и различные альтернативные мировоззрения, но и подлежащее, как и они, любой критике, любым изменениям⁹³. При этом П. Фейерабенд не отрицает в науке определенных норм и стандартов. Он лишь рассматривает их в качестве норм и стандартов «профессионализированного познания» как сугубо исторического феномена⁹⁴.

Таким образом, плюрализация, подрывая монополистические притязания классического идеала научности на универсальность, демонстрирует и обосновывает множественность и эффективность иных идеалов научности. Ригористическое методологическое сознание постепенно уступает место плюралистическому, толерантному.

Принцип экстернализации в альтернативном идеале научности проявляется в признании того, что социокультурные ценности входят в научно-исследовательский процесс, являясь важным мотивирующим фактором. При этом одни исследователи говорят о прямом влиянии социокультурной среды на цели и результаты исследования. Другие - утверждают, что это влияние опосредовано определенными методологическими стандартами. Тем самым современное методологическое мышление не стремится установить универсальные критерии научности, допуская множественность частных эталонов научности, в том числе и в рамках одной науки. Поэтому в настоящее время признается нормальным, что у определенного научного сообщества, например, историков, придерживающегося определенной познавательной парадигмы, свои критерии научности исторического исследования.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что научное историческое исследование - это профессиональная деятельность, которой присущи определенные атрибуты. Поэтому можно выделить не универсальные критерии научности исторического исследования, а ее атрибутивные признаки. Чтобы выявить атрибутивные признаки научности, надо рассмотреть структуру исторического исследования. I

Существуют различные представления о том, какова структура исторического исследования. В XIX в. доминировало представление о

трех стадиях исторического исследования: 1) поисковая, или эвристическая; 2) опытная, или эмпирическая; 3) концептуальная, или теоретическая. Представителями различных методологических течений роль этих стадий в историческом исследовании оценивалась по-разному: гегельянцы особое значение отводили теоретической стадии, позитивисты – эмпирической, полагая, что объяснение исторических фактов и, следовательно, теоретизирование – это задача социологии. В XX в. в рамках антипозитивистской методологии сложилось представление о том, что основным методом исторического познания является индивидуализация, что привело некоторых исследователей вообще к отрицанию возможности теоретического познания.

В отечественной науке одни ученые структуру исторического исследования представляют в виде трех звеньев: 1) объективный исторический процесс, 2) историк-исследователь, 3) условия исторического познания (эмпирический и теоретический уровни)⁹⁵.

Другие в структуре исторического исследования выделяют: 1) исследовательскую задачу, фиксирующую проблемную ситуацию, цель, условия и методы ее достижения; 2) набор гипотез; 3) совокупность исходных предварительных знаний, в том числе теоретических; 4) методы и средства изучения эмпирического материала и проверки гипотез, включая методы логические и математические; 5) конечный результат исследования – новое знание⁹⁶.

Третьи, рассматривая историческое исследование процессуально, выделяют в его структуре следующие процедуры (этапы): 1) выбор объекта и постановка исследовательской задачи; 2) выявление источник-информационной основы ее решения и разработка методов исследования; 3) реконструкция исследуемой исторической реальности и эмпирическое ее познание; 4) объяснение и теоретическое познание; 5) определение истинности и ценности полученного знания и его оценка⁹⁷.

Четвертые в структуре исторического исследования выделяют: 1) социокультурные и научные предпосылки исследовательского процесса; 2) эвристическая, эмпирическая и теоретическая стадии исторического исследования. С этими стадиями исследования частично совпадает движение исследовательской мысли историка, которая описывается схемой: проблема – гипотеза – концепция⁹⁸.

Такие представления о структуре исторического исследования не содержат эмпирически фиксированных индикаторов атрибутивных признаков его научности. Для того чтобы выделить эти индикаторы, надо создать когнитивную модель исторического исследования.

Когнитивная модель - это аналог научного исторического исследования, представленный системой теоретического знания, воспроизводящего логику исторического исследования. Построение когнитивной модели начинается с выбора базового понятия как инструмента его изучения. В этом понятии выделяются смысловой субъект (денотат) - то, что обозначается этим понятием, и смысловые предикаты - то, что характеризует смысловой субъект. Смысловой субъект позволяет выявить сущность исторического исследования, т.е. присвоить ему имя, а смысловые предикаты - выделить его признаки, которые указывают условия эмпирического применения понятия, выявляющие некоторые эмпирически обнаруживаемые индикаторы ненаблюдаемой сущности". Выделение этих признаков позволяет логически расчленить историческое исследование на элементы, выступающие индикаторами научности.

Базовым понятием, используемым в качестве инструмента изучения исторического исследования, является «когнитивная деятельность». Историческое исследование как когнитивная деятельность может быть описано в виде схемы, воспроизводящей ее логику: познавательный интерес - объект - критика исторического знания - проблема - цель - системный анализ объекта - задачи - предмет - средства - действия - результат. В структуру этой модели необходимо включить также понятие среды как условия протекания когнитивной деятельности (см. схему 1).

Среда исторического исследования включает самые различные факторы, влияющие на когнитивную деятельность. Однако в методологическом анализе значение имеет в первую очередь социокультурный и эпистемологический контексты деятельности, которые включает указание на: 1) социокультурную специфику и связанные с ней тип рациональности и стиль исторического мышления; 2) особенности эпистемологического пространства, внешне формирующего методологическое сознание исследователя.

Одним из индикаторов научности исторического исследования

и, следовательно, атрибутивных признаков его является рациональность. Для того чтобы быть научным, историческое исследование, как когнитивная деятельность должно быть рациональным. Основанием любой рациональности, как отмечают исследователи, выступает признание тождества мышления и бытия¹⁰⁰. Поэтому в философии науки рациональность - это высший аутентичный тип сознания и деятельности¹⁰¹. Некоторые исследователи интерпретируют понятие «рациональность» не просто как разумность, а как «целесообразность». Поэтому критерием рациональности в науке у них выступает достижение цели, которая состоит в получении истинного знания о мире¹⁰².

Таким образом, в историческом познании научно рациональной является та исследовательская деятельность, которая приводит к получению истинного знания об исторической реальности, причем знания инновационного характера. Отсюда следует, что одним из индикаторов научности исторического исследования и его атрибутивным признаком является стремление к истине («поиск истины»). Однако при этом сама истинность знания не может рассматриваться в качестве критерия научности исторического исследования. Истинность - это тот предел, к которому движется научно-исследовательский процесс, преодолевая стоящие на его пути заблуждения. Но в этом процессе истинное знание - относительно: оно включает в себя, с одной стороны, частицу истины абсолютной, а с другой - и элементы ограниченности, и даже заблуждения¹⁰³.

Историческое исследование как когнитивная деятельность представляет собой культурно организованную и мотивированную активность, направленную на цель. При этом сознательный мотив, или интенция когнитивной деятельности, является ее субъективным смыслом. Интенция - это направленность мышления на какой-либо предмет, поэтому всякая деятельность, связанная с определенным мотивом, носит предметно-осмысленный характер.

Мотивом когнитивной деятельности в историческом исследовании выступает познавательный интерес к определенному фрагменту исторической реальности, которую в научном познании принято называть объектом исследования. Таким объектом могут быть и исторические процессы, и наполненные смыслом индивидуальные дей-

ствия. В данном случае объект - это то, что вызвало познавательный интерес.

Познавательный интерес, таким образом, выступает атрибутивным признаком научности исторического исследования. Одним из первых, кто предпринял попытку проанализировать значение понятия «интерес» как эпистемологической категории в историческом познании, был Г. Риккерт, который писал: «Что означает, однако, когда мы говорим, что нас интересуют какие-нибудь объекты? Это значит, что мы не только представляем их, но вместе с тем ставим их в известного рода отношение к нашей воле, связывая их с нашими оценками». Интерес к чему-то в истории Г. Риккерт связывал с ценностями познающего субъекта, которые формируется культурой. «Лишь под углом зрения какой-нибудь ценности, - писал он, - индивидуальное может стать существенным, и потому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории»¹⁰⁴. Таким образом, интерес у Г. Риккерта, приобретая методологическое значение, выступает в виде когнитивной структуры, фиксирующей культурный контекст как систему общезначимых ценностей, и, как волевое отношение, определяет предметную область исторических исследований.

В отечественной литературе содержание интереса как эпистемологической категории рассматривается в работе А.И. Ракитова, который пишет, что исторический интерес - это «феномен, порождаемый самой историей. Возникнув и сформировавшись, он входит в набор ценностей определенной эпохи, в ценностную парадигму. Как бы обособившись от своего объективного источника, он приобретает культурную и познавательную самостоятельность»¹⁰⁵.

Таким образом, познавательный интерес к прошлому, с одной стороны, выступает промежуточным звеном между историческим исследованием как когнитивной деятельностью и его культурно-эпистемологическим контекстом. С другой стороны, исторический интерес, закрепившись в основных когнитивных структурах, приобретает статус методологической установки, организующей и направляющей историческое исследование.

По мере осознания исторического интереса как мотива познавательной деятельности он трансформируется в цель. Однако это осоз-

вание означает не одноментальный акт, а является результатом ряда осознанных действий, связанных в начале с выяснением того, что уже известно в исторической науке об объекте познавательного интереса. Затем это известное подвергается критике.

Критика наличной системы исторического знания¹⁰⁶ об объекте познавательного интереса сопровождается рефлексией по поводу ее аутентичности, т.е. полноте и достоверности презентации объекта в этой системе. Полнота исторического знания об объекте познавательного интереса устанавливается путем соотнесения существующих исторических знаний с когнитивной моделью объекта познавательного интереса, возникающей в методологическом сознании исследователя в ходе интериоризации этих знаний.

Установление достоверности презентации объекта в наличной системе исторического знания на этом этапе происходит двумя путями. Первый путь - это выявление противоречий в существующей системе знаний. Второй - соотнесение этой системы знаний с историческими представлениями субъекта познания, в ходе которого исторические знания об объекте познавательного интереса делятся на три части: 1) знания, противоречащие представлениям историка-исследователя; 2) знания, вызывающие сомнения и требующие верификации; 3) знания, вписывающие в знаниевый континуум субъекта исторического исследования.

Выявление неполноты исторических знаний (когнитивных лакун), установление противоречий внутри существующей системы знаний, а также противоречий между этой системой и представлениями субъекта познания, появление когнитивных сомнений - все это создает ситуацию интеллектуального напряжения, порождающего проблемное поле исторического исследования.

В рамках этого поля субъект исторического исследования формулирует проблему в качестве вопроса, отвечая на который он предполагает и больше узнать о прошлом, и глубже постичь тот или иной фрагмент исторической реальности, т.е. получить новое знание об объекте познавательного интереса. Поэтому историческое исследование собственно начинается с постановки проблемы, поскольку проблема придает исследованию целенаправленный характер. Таким образом, проблемность исторического исследования как следствие

критики исторического знания выступает еще одним атрибутивным признаком его научности.

Целью исторического исследования, непосредственно вытекающей из проблемы, является осознанное получение нового исторического знания в процессе поиска истины. Это придает историческому исследованию как когнитивной деятельности целерациональный характер.

Целерациональная деятельность характеризуется однозначностью и ясностью осознания действующим субъектом своей цели, рационально соотнесенной с отчетливо осмысленными средствами, адекватными, с его точки зрения, для достижения поставленной цели¹⁰⁷. Историческое исследование как целерациональная деятельность - это деятельность с рефлексией субъекта познания по поводу цели, средств ее достижения, последствий в контексте «ожиданий» других участников научного сообщества и их ответной реакции.

Это - внутренняя рефлексия, которая в процессе исторического исследования, как когнитивной деятельности, выполняет проективные, нормативную и контрольную функции. В ходе рефлексии определяются когнитивная стратегия исторического исследования, предполагаемые его средства, соотнесенные с целью, последовательность исследовательских действий. Рефлексия как проявление рационального характера познавательной деятельности историка выявляет условия постановки проблемы, придает ей осознанный характер, определяет цели и задачи исследования, выбор методологических ориентации и методов их решения, т.е. рефлексия направлена на разработку программы исторического исследования как его проекта.

Внутренняя рефлексия связана также с сознательным формированием конструктивных установок историка в конкретном научном исследовании, которые выступают в форме нормативных регуляторов когнитивной деятельности. Внутренняя рефлексия связана с постоянным осмыслением историком своих собственных исследовательских действий, и в этом плане она контролирует процесс исторического исследования как когнитивной деятельности. Таким образом, рефлексивность выступает следующим атрибутивным признаком научности исторического исследования.

Цель исторического исследования, ориентирующая ученого на

получение нового исторического знания в процессе поиска истины, определяет, что в связи с этим будет изучаться, т.е. какова будет предметная область исторического исследования.

Предметная область исторического исследования очерчивает только когнитивные границы, в рамках которых возможно получение нового исторического знания, но не когнитивный топос его получения. Чтобы выделить этот топос, надо установить когнитивные зоны, в рамках которых и будет осуществляться научная деятельность историка. Когнитивные зоны задаются познавательными задачами исторического исследования, вследствие чего само историческое исследование становится процессом решения этих задач.

Постановка задач исторического исследования осуществляется в рамках методологического сознания историка на основе предварительного системного анализа объекта исследования. Этот анализ предполагает построение когнитивной модели объекта исторического исследования как теоретической системы, воспроизводящей существенные свойства объекта исторического исследования как целостности.

Системный анализ объекта исследования — это, по существу, моделирование его предметного поля, концептуальное его расчленение и детализация, которые позволяют наметить основные направления научного поиска, сформулировать общую и частные исследовательские гипотезы. Системный анализ объекта как целостности позволяет наметить ключевые понятия, операционализировать их в соответствии с целью исторического исследования и разработать его категориальный аппарат.

Операционализация ключевых понятий предполагает их интерпретацию и «приближение» категориального аппарата исследования к тому фрагменту исторической реальности, который выделен познавательным интересом в качестве объекта исследования. Интерпретация понятий предполагает, во-первых, их инструментализацию, т.е. уточнение спецификации применения понятия к данному объекту исследования; во-вторых, редукцию значения понятия к эмпирическим признакам (индикаторам) объекта исследования; в-третьих, установление логической связи между понятиями в категориальном аппарате исторического исследования.

Таким образом, постановка исследовательских задач, выполненная в результате системного анализа объекта исторического исследования, позволяет определить его предмет в виде списка вопросов, ответы на которые позволят добиться поставленной цели и реализовать когнитивную стратегию конкретного исторического исследования, направленную на получение нового исторического знания, с помощью средств, принятых в данном ученом сообществе в качестве научных. Предметность исторического исследования, следовательно, является одним из атрибутивных признаков его научности.

В качестве средств исторического исследования выступают, с одной стороны, источники эмпирической информации, получившие в исторической науке название исторических источников, с другой – так называемые «внеисточниковые знания», или «предпосылочные теоретические знания», т.е. творчески переработанные в соответствии с мировоззрением историка и усвоенные готовые знания по предмету¹⁰⁸.

Ученый исследует «фрагменты» исторической реальности посредством изучения информации о ней, закодированной в различных текстах-источниках, которые представляют собой определенные формы презентации этой реальности. Поэтому необходимым условием научного исторического исследования является наличие репрезентативной его источниковой базы. Репрезентативность этой базы определяется представительностью и аутентичностью содержащейся в ней эмпирической информации. Представительность информации определяется степенью ее полноты, а аутентичность – степенью соответствия изучаемым «фрагментам» исторической реальности.

Исторические источники являются артефактами, содержащими непреднамеренную или преднамеренную, скрытую или явную информацию об исторической реальности. Степень репрезентативности эмпирической информации определяется с помощью различных методов внешней и внутренней критики текстов-источников. Внешняя критика источников связана с установлением места, времени и условий создания текста, что позволяет выявить влияние внешних факторов на содержание его информации. Внутренняя критика направлена на декодирование информации, на понимание значения и постижение ее смысла.

Представительная и аутентичная источниковая информация является эмпирической основой исторического исследования, позволяющей реконструировать те или иные «фрагменты» исторической реальности. Определенное количество репрезентативной источниковой информации, рассматриваемое ученым как единое и неделимое целое и используемое им в качестве эмпирической основы научного исследования, получило название исторического факта. На основе этих фактов путем их систематизации исследователь описывает «фрагменты» исторической реальности, что является эмпирической стадией исторического исследования. Поэтому одним из атрибутивных признаков научности исторического исследования выступает эмпиризм.

В структуру «предпосылочных знаний» входят различного рода теоретические представления историка о фрагменте исторической реальности, выступающей предметом исторического исследования. Эти теоретические представления иногда называют паттернами. Паттерны - это «призмы», сквозь которые историк смотрит на предмет своего исследования, и которые позволяют, с одной стороны, репрезентовать историческую реальность в историческом знании, а с другой - презентовать в нем представления самого исследователя об этой реальности. Паттерны - это результат деятельности определенных научных сообществ, именуемых научными школами, для которых характерны: 1) познавательный интерес к определенной тематике исторического исследования; 2) общие принципы постановки и решения исследовательских задач; 3) общность теоретических представлений по данной тематике. Паттерны в методологическом сознании ученого являются теоретическим источником креативной деятельности исследователя.

В структуру «предпосылочных теоретических знаний» входят также теоретические знания о том, как можно изучать предмет исторического исследования, т.е. знания методологического характера. Рефлексируя по поводу разных возможностей изучения предмета исследования, ученый, выбирая одну из методологических возможностей, трансформирует вопрос о том, как можно его изучать, в установку - как надо изучать этот предмет. Тем самым определенные теоретические знания гносеологического характера приобретают функцию методологической установки.

Понятие методологической установки стало широко использоваться в отечественной философской и научной литературе, посвященной проблемам методологии научного познания, после знакомства исследователей с идеями Т. Куна о научных революциях¹⁰⁹. В эпистемологии понятие методологической установки употребляется в самых различных значениях¹¹⁰. Опираясь на отечественную традицию в трактовке установки как способа закрепления и консервации деятельности¹¹¹, методологическую установку в историческом исследовании можно определить как готовность к определенному способу познавательного действия.

Такая конструирующая готовность формируется, с одной стороны, в процессе научной социализации и сциентификации (овладения концептуальным аппаратом исторической науки) исследователя, с другой - на основе собственного когнитивного опыта. В связи с этим методологические установки в историческом исследовании носят ситуативный характер, обусловленный спецификой научного окружения. Поэтому при резких изменениях последнего возможна коренная перестройка, а иногда и ломка сложившихся методологических установок. На формирование и смену методологических установок значительное влияние оказывает процесс научной коммуникации.

Методологические установки в историческом исследовании носят модальный, оценочный характер и фиксируются в знаковой форме. Посредством установок осуществляется оценка, проявляется значимость для ученого того или иного способа когнитивного действия, который затем типизируется, стандартизируется, закрепляется, обеспечивая предварительно сформулированную когнитивную реакцию на определенную познавательную ситуацию. Методологические установки в историческом исследовании представляют собой устойчивые алгоритмы познавательных действий по получению нового исторического знания. В структуре методологических установок можно выделить когнитивные (знаниевые), аксиологические (ценностные) и конативные (деятельностные) элементы.

Таким образом, методологические установки выполняют важные атрибутивные функции в историческом исследовании, что делает методологизм одним из атрибутивных признаков научности исторического исследования.

Методологические установки ученого определяют те или иные познавательные его действия в ходе проведения научного исследования. В этом плане когнитивную деятельность исследователя можно разложить на ряд (или совокупность) отдельных действий, каждое из которых имеет свою собственную цель, связанную с решением частных познавательных задач с помощью конкретных познавательных процедур. В единый ряд (или совокупность) все эти действия объединяет их подчиненность общей цели, ориентирующей исследователя на получение нового исторического знания¹¹².

Можно выделить два уровня интерпретации отдельных когнитивных действий. Первый уровень связан с рассмотрением того или иного действия как элемента познавательной деятельности, связанной с производством нового знания в рамках индивидуального методологического сознания. Второй уровень - с рассмотрением действия в культурно-эпистемологическом контексте познавательной деятельности, ибо индивидуальное методологическое сознание, из которого исследователь черпает интенции своей научной деятельности, является порождением этого контекста. Поэтому всякая исследовательская деятельность как совокупность когнитивных действий представляет собой единство двух сторон: внутренней и внешней. Внутренняя сторона деятельности, обусловленная осознанными мотивами-целями, представляет собой последовательность отдельных мыслительных действий, направленных на достижение цели. Внешняя сторона деятельности есть активность субъекта, которая направлена на среду исторического исследования, на взаимодействие с текстами и представляет собой совокупность «действий-диалогов», связанных с достижением целей.

В ходе рефлексии ученого над своими когнитивными действиями, его собственная научная деятельность становится чем-то внешним, к чему он относится так же, как и всякий сторонний наблюдатель. И в этом смысле историк по отношению к своей исследовательской деятельности выступает как интерпретатор. Это дает возможность исследователю понимать свою деятельность определенным образом, т.е. приписывать смысл своим когнитивным действиям. Поэтому историческое исследование как деятельность предполагает постоянную интерпретацию и переинтерпретацию ученым своей когнитивной активности.

Однако следует отметить, что внешний наблюдатель может понять научную деятельность исследователя гораздо полнее и глубже. Для внешнего наблюдателя научная деятельность исследователя – это своего рода текст, который оторвался от своего автора и существует самостоятельно. А текст каждый интерпретатор может понимать по-разному. В этом смысле автор – лишь один из интерпретаторов. Конечно, у автора имеется интерпретация созданного им текста, но она не более правомерна, чем другие интерпретации¹¹³. Поэтому смысловые характеристики когнитивной деятельности исследователя можно представить в виде своеобразной системы координат: координаты индивидуального смысла и координаты контекстуального смысла.

Атрибутивным признаком научности исторического исследования выступает также его результат. Г. фон Вригт считал, что результат является необходимым элементом действия и если он не достигнут, то вообще нельзя говорить, что деятельность была осуществлена¹¹⁴.

Результатом исторического исследования является новое историческое знание, полученное при соблюдении принципов научности, легитимных для определенного научного сообщества. Поэтому исследователь может получить новое знание, но является ли оно научным – это еще вопрос. Разумеется, ответ на это вопрос должен быть следствием внутренней рефлексии самого исследователя. Но этого не достаточно – нужна внешняя рефлексия, т.е. профессиональная экспертиза со стороны научного сообщества, к которому принадлежит исследователь. Однако и в этом случае вердикт будет относительным, поскольку всякая внешняя интерпретация деятельности исследователя носит гипотетический характер. Тем более риск ошибки возрастает, когда мы пытаемся понять научную деятельность исследователей, работающих в иной культурно-эпистемологической среде и придерживающихся других методологических установок. Их методологическое сознание и индивидуальные смысловые контексты будут сильно отличаться от наших, научные значения и смыслы, которые они приписывают своим когнитивным действиям, могут существенно отличаться от того, которые приписали бы этим действиям мы. Может случиться так, что мы вообще не увидим в их познавательной деятельности какого-то ни было научного смысла.

Таким образом, изучение исторического исследования, как когнитивной деятельности, с позиций выявления его атрибутивных свойств, позволило выделить следующие атрибутивные признаки научности, которые присутствуют в исследовательских практиках в исторической науке: 1) рациональность, 2) стремление к истине, 3) проблемность, 4) целеполагание 5) рефлексивность, 6) предметность, 7) эмпиризм, 8) методологизм, 9) новизна, 10) контекстуальность (см. схему 2).

В исторической науке существуют различные когнитивные практики, в которых атрибутивные признаки научности трактуются неоднозначно и модифицируются. Это свидетельствует о том, что все эти практики не могут быть сведены к какому-то общему знаменателю, однако определенные их типы, модели исторического исследования выявить можно.

Модель исторического исследования - это когнитивный аналог, концептуально воспроизводящий его наиболее типичные черты. Модель исторического исследования - это идеальный тип, т.е. логическая модель, являющаяся продуктом теоретического воображения. Такая модель конструируется путем мысленного соединения определенных когнитивных практик со специфическим набором исследовательских принципов и действий в целостный познавательный образ, где они достигают «предела» своей логической взаимосогласованности.

Модель исторического исследования является, во-первых, одним из образцов когнитивной практики в историческом познании; во-вторых, когнитивным «эталонном», посредством сопоставления с которым можно судить о мере удаления или приближения к нему конкретных проявлений данной практики.

В основе различий между моделями исторического исследования лежат разные познавательные интересы и методологические ориентиры, которые определяют особое видение предмета исторического исследования, его когнитивной стратегии, познавательных средств и роли ученого в исследовательской практике.

Наиболее эффективным средством типологизации конкретных исследовательских практик в исторической науке выступает многомерное моделирование, учитывающее различные факторы истори-

ческого исследования и включающее разные ракурсы его рассмотрения.

Внешний ракурс рассмотрения предполагает в структуре модели исторического исследования выделить такие факторы, как социокультурный и эпистемологический контексты, а также стиль исторического мышления. Внутренний ракурс рассмотрения модели требует учета такого фактора, как роль субъекта познания в историческом исследовании. Кроме того, модель исторического исследования включает такие параметры, как принципы познания, предмет и методология исследования, когнитивная стратегия. Эти параметры позволяют не только выделять определенные модели исторического исследования, но и осуществлять их компаративное изучение.

Неустрашимый и положительно оцениваемый методологический плюрализм, которым характеризуется современная историческая наука, связан с поиском не только новых методологических ориентиров, но и с мобилизацией всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур.

Современные исследовательские практики в исторической науке можно свести к трем альтернативным ее научным моделям: классической; неклассической и неоклассической, а также выделить постмодернистскую модель исторического познания, которую, однако, научной в собственном смысле этого слова назвать нельзя. Модели исторического исследования представляют собой методологические конструкции идеального типа, в которых в «чистом» виде зафиксированы наиболее типичные черты различных способов познавательной деятельности в исторической науке.

Модели исторического исследования возникли в разное время, в определенных социокультурных и эпистемологических контекстах. Выделение этих моделей показывает, что развитие исторической науки сопровождалось не плавным кумулятивным накоплением знаний, а когнитивными прорывами, сменой одних стилей научного мышления другими, появлением новых моделей научного исследования, их конкуренцией и доминированием на определенных исторических этапах.

Проблема конкуренции различных подходов в исторической науке стала предметом методологической рефлексии уже в конце

XIX в. в связи с кризисом позитивизма. Различные антипозитивистские течения предложили свои варианты исторического познания, в русле которых в первой половине XX в. сложилась неклассическая модель научного исторического исследования.

Большое влияние на историческую науку во второй половине XX в. оказал постмодернизм, который, с одной стороны, способствовал формированию особого стиля исторического мышления, а с другой, стирая границы между различными видами познавательной деятельности, подверг угрозе профессиональный статус самой исторической науки.

В конце XX в. в исторической науке начало складываться особое критико-реалистическое направление, представители которого подвергли критике не только постмодернизм, но и все предшествующие исследовательские практики в исторической науке. В рамках этого направления стала формироваться неоклассическая модель исторического исследования, которая поставила задачу восстановления профессионального статуса исторической науки и ее социального престижа.

Примечания

¹ Кузнецова Н.И. Наука в ее истории. М., 1982; С. 7. Лойко Л.Е. Статусей функции методологической рефлексии в структуре социально-исторического познания: Автореф. дис. ____ канд. филос. наук. Минск, 1994.

² Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 394; Социологический энциклопедический словарь. На русском, англ., нем., франц. и чеш. яз. М., 1998; С. 303; Философский энциклопедический словарь. М., 1997. С. 394.

³ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 75-87.

⁴ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980; Мамардашвили М.К.. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. М., 1996; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1994; Швырев В. С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988; Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Он же. Избранные труды. М., 1995; Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

⁵ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая... С. 76-87.

⁶ *Цевятко И. Ф.* Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003. С. 87-100.

⁷ *Философский словарь* /Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 258-259; *Малинкин А.И.* Методология социологическая // Современная западная социология... С. 186; *Хоруженко КМ.* Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997. С. 303; *Лоусон Т., Гэррод. Д.* Социология. А -Я: Словарь-справочник. М., 2000. С. 223; *Феррель Ж.* Социология. Терминологический словарь. М., 2003. С. 57.

⁸ *Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А.* Философия науки. М.; Ростов н/Д, 2005. С. 118.

⁹ *Грицанов А.А.* Методология // История философии. Энциклопедия // <http://www.velikanov.ru/philosophy/metodologija.asp>

¹⁰ *Косолапов В.В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980; *Жуков ЕМ.* Очерки методологии истории. М., 1980; *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторической науки. М., 1981; *Ракитов А.И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982; *Мерцалов А.Н.* В поисках исторической истины: Очерк методологии критики буржуазной историографии. М., 1984; *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987; *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.

" *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь... С. 186; *Кон И. С.* Проблемы истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 4. Томск, 1966; *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX - начала XX в. Томск, 1978.

¹² *Иванов В.В.* Методология исторической науки... С. 168.

¹³ *Косолапов ВВ.* Методология и логика исторического исследования... С.51.

¹⁴ *Могильницкий Б.Г.* О содержании понятия «методология истории» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. X. Томск, 1976. С. 4-10.

¹⁵ *Гегфтер М.Я.* Методология истории // Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. Т. 9. М., 1966. С. 387.

¹⁶ *Ракитов А.И.* Историческое познание... С. 23.

¹⁷ Большинство современных исследователей эпистемологию рассматривают именно как теорию познания (см.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая... С. 5).

88 Глава 1. Историческое исследование как методологическая проблема

¹⁸ *Хвостова К.В., Финн В.К.* Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995. С. 74.

¹⁹ *Топольский Е.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. № 5; *Хвостова КВ.* История: проблемы познания... С. 63.

²⁰ *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 19-25.

²¹ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 11; *Черняк В.С.* Парадигма // Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 227.

²² *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь... С. 186.

²³ *Варшавчик М.А.* Вопросы методологии историко-партийной науки // Вопросы истории КПСС. 1976. № 4. С. 89.

²⁴ *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории... С. 4.

²⁵ *Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторической науки... С. 3.

²⁶ *Жуков Е.М.* Очерки методологии истории... С. 347.

²⁷ Историческая наука: вопросы методологии. М., 1986. С. 261.

²⁸ *Мининков Н.А.* Методология истории.. С. 93-94.

²⁹ *Розин В.М.* Методология // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 592-593.

³⁰ *Гулыга А.В.* Искусство истории. М., 1980.

³¹ *Мальковская И.А.* Россияведение: между символом и симулякром... С. 78.

³² *Микешина Л.А.* Философия познания... С. 49-51.

³³ *Сартр Ж.П.* Проблемы метода. М., 1994. С. 12-13.

³⁴ *Гуца А.К.* Многовариантная история России. М.; СПб., 2000. С. 25.

³⁵ *Здравомыслов А.Г.* Теории социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1-2. С. 9-11.

³⁶ *Поляков Ю.А.* Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 5, 10.

³⁷ *Hallpike C.R.* The principles of social evolution. Oxford, 1986; *Кнассен Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 11-15.

³⁸ *Нехамкин В.А.* Поливариантность исторического процесса: методологические предпосылки исследования: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2001

³⁹ *Коротяев А.В., Крадин Н.Н., Лыниша В.А.* Альтернативы социальной

эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации... С. 74-75.

⁴⁰ *Искандеров А.Л.* Два взгляда на историю // Вопросы истории. 2005. №4. С.17.

⁴¹ *Ищенко Е.Н.* Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2. С. 3-7.

⁴² *Иванов А.Е.* Реальность // <http://www.velikanov.ru/philosophy/real'nost'.asp>

⁴³ *Хвостова К.В.* История: проблемы познания... С. 64.

⁴⁴ *Гудмен Н.* Способы создания миров. М., 2001. С. 137-138; *Лебедев М.В.* Миротехнологии Гудмена // Гудмен Н. Способы создания миров... С. 363-364.

⁴⁵ *Смирное Г.А.* Онтология и теория: две парадигмы знания // Общественные науки и современность. 2003. № 6. С. 140.

⁴⁶ *Зандкюлер Х.Й.* Репрезентация, или Как реальность может быть понята философски // Вопросы философии. 2002. № 9. С. 88.

⁴⁷ *Цанковцев С.И.* Антиномии исторического познания // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Москва, 4-6 декабря 2001 г. М., 2001. С. 35-36.

⁴⁸ *Блюхер Ф.Н.* Антиномии исторического знания // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/bluchera.html>

⁴⁹ *Козлова Н.Н.* Позиция исследователя и выбор теоретического языка // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 143.

⁵⁰ *Искандеров А.А.* Два взгляда на историю... С. 18.

⁵¹ *Burke P.* History and Social Theory. Ithaca (New York), 1993. P. 165.

⁵² *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования... С.78-81.

⁵³ *Гущина В.Н.* Методологическое значение понятия «историческая реальность»: Автореф. дис.... канд. филос. наук. М., 1987.

⁵⁴ *Тарное Р.* История западного мышления. М., 1995. С. 337-339.

⁵⁵ *Назаретян А.П.* Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

⁵⁶ *Никифоров А.Л.* Революция в теории познания?... С. 115; *Никифоров А.Л.* Философия науки... С. 237-243.

⁵⁷ *Зуев К.* Следует ли считать архаизмом понятие научной истины? // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 127.

⁵⁸ *Зотов А. Ф.* Истина // Глобалистика: Энциклопедия... С. 415.

⁵⁹ *Кроткое Е.* Эпистемологические образы научной истины // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6. С. 123-124; *Розин В.М.* Контекстное, полифоническое мышление - перспектива XXI века // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5. С. 129; *Хвостова К.В.* История: проблемы познания... С. 63.

⁶⁰ *Никифоров А.Л.* Философия науки... С. 241-243.

⁶¹ *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентации и метаморфозы социальной истории... С. 19.

⁶² *Novik P.* That Noble Dream: Question and the American Historical Profession. New York, 1988; *Ermarth E.* Sequel to History: Postmodernism and the Crisis of Representational Time. Princeton, 1992; *Юдельсон А.В.* Реферат: The Postmodern History Reader... С. 305-311.

⁶³ *Ковальченко И.Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4. С. 3.

⁶⁴ *Шевелев В.Н.* Новое в исторической науке: пути преодоления методологического кризиса // *Гуманитарный ежегодник*. 1. Ростов н/Д, 2002. С. 36.

⁶⁵ *Корнев В.В.* Кризис исторической науки в России... С. 90.

⁶⁶ *Мучник В.М.* Историографическая ситуация на переломе эпох: несколько тезисов в оправдание истории // *Историческое знание и интеллектуальная культура*... С. 11.

⁶⁷ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 279.

⁶⁸ *Миешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы... С. 52, 55-56.

⁶⁹ Актуальные проблемы теории истории: Материалы «круглого стола» // *Вопросы истории*. 1994. № 6. С. 45; *Овсянников В.И.* В поисках новых парадигм социально-гуманитарных наук // *Социально-политический журнал*. 1997. № 4. С. 65-72.

⁷⁰ Методологические поиски в современной исторической науке // *Новая и новейшая история*. 1996. № 3. С. 79.

⁷¹ *Смоленский Н.И.* Возможна ли общеисторическая теория? // *Новая и новейшая история*. 1996. № 1. С. 3-4.

⁷² *Бутенко А.П.* Общая концепция истории и современность // *Социально-политический журнал*. 1998. № 2.

⁷³ *Искандеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI века // *Вопросы философии*. 1996. № 4.

⁷⁴ *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории... С. 19-25.

- ⁷⁵ Микешина Л.А. Философия познания... С. 53-54.
- ⁷⁶ Здравомыслов А.Г. Теории социальной реальности в российской социологии // Мир России. 1999. № 1-2. С. 10.
- ⁷⁷ Микешина Л.А. Философия познания... С. 56.
- ⁷⁸ Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение а историческом познании. М., 1984. С. 66.
- ⁷⁹ Браоевич СМ. Герменевтика: ее методы и претензии (критический очерк) // Философские науки. 1975. № 6. С. 31.
- ⁸⁰ Смирнова Н.М. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 82.
- ⁸¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 120.
- ⁸² Смирнова Н.М. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии... С. 83.
- ⁸³ Файерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 432.
- ⁸⁴ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тишь рациональности // Социо-логос. Вып. I. М., 1991.
- ⁸⁵ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
- ⁸⁶ Философия и методология науки / Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 294.
- ⁸⁷ Кезин А.В. Научность: эталоны, идеалы, критерии. М., 1985. С. 31, 35-36. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования... С. 272.
- ⁸⁸ Герасимов ИГ. Структура научного исследования. М., 1985. С. 217.
- ⁸⁹ Философия и методология науки... С. 308-309.
- ⁹⁰ Rose S. Dialectical and reductionist biology // Biology and philosophy. Dordrecht, 1989. Vol. 4. N 1. P. 20-25.
- ⁹¹ Границы науки: о возможности альтернативных моделей познания. Научно-аналитический обзор. М., 1991. С.П.
- ⁹² Философия и методология науки... С. 312.
- ⁹³ Feyerabend P. Science and ideology: A response to Rollin // New ideas in psychology. Elmsford (New York), 1985. Vol. 4. N 2. P. 153-158.
- ⁹⁴ Feyerabend P. Knowledge and the role of theories // Philosophy of the social sciences. Waterloo (Ont), 1988. Vol. 18. N 2. P. 157-178.
- ⁹⁵ Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования... С. 199-205.

⁹⁶ *Ракитов А. И.* Историческое познание... С. 107-108.

⁹⁷ *Ковалъченко И. Д.* Методы исторического исследования... С. 206.

⁹⁸ *Мининков Н. А.* Методология истории... С. 144-161.

⁹⁹ *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001. С. 85.

¹⁰⁰ *Матяш Т. П.* Античная и научная рациональность // Гуманитарный ежегодник. 3. Ростов н/Д., 2004. С. 170.

¹⁰¹ Социологический энциклопедический словарь... С. 291.

¹⁰² *Никифоров А. Л.* Философия науки... С. 248, 254.

¹⁰³ *Ковалъченко И. Д.* Методы исторического исследования... С. 272.

¹⁰⁴ *Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908. С. 48, 52.

¹⁰⁵ *Ракитов А. И.* Историческое познание... С. 47.

¹⁰⁶ *Суркова Н. В.* Методологические проблемы критики в исторической науке. Дис.... д-ра филос. наук. Самара, 1996.

¹⁰⁷ *Давыдов Ю. Н.* Целерациональное действие // Современная западная социология... С. 393.

¹⁰⁸ *Хвостова К. В.* История: проблемы познания... С. 63.

¹⁰⁹ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

¹¹⁰ *Ворожцов В. П., Москаленко А. Т.* Методологические установки: природа и функции. Новосибирск, 1986. С. 94-95.

¹¹¹ *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. М., 1979; *Асмолов А. Г.* Установка // Психология. Словарь. М., 1990.

¹¹² *Никифоров А. Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998. С. 248.

¹¹³ Там же. С. 214.

¹¹⁴ *Wright G. H. von.* Explanation and Understanding. L., 1971. P. 67-68.

Глава 2.

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наука интересуется тем, как совершается история на самом деле, отказываясь при этом от всякой субъективной оценки прошлого.

Н.И. Кареев

§ 1. Социокультурный и эпистемологический контексты: дискурс Просвещения, классическая рациональность и позитивизм

Классическая модель исторического исследования явилась порождением рационалистической культуры Нового времени. В этой культуре Cogito правил бал, и только он знал Истину или, по крайней мере, путь к ней. Принцип культуры Нового времени, которая объявила себя царством разума, лаконично был сформулирован Гегелем: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно». Эта культура носила утилитаристский характер, логику осмысления любого общественного явления в ней определяла идея пользы и полезности¹.

Классическая модель исторического исследования сформировалась в русле дискурса Просвещения в соответствии с его концепцией логоцентризма - безграничной верой в познавательные и преобразовательные возможности человеческого разума, критикой здравого смысла и обыденного опыта, а также утверждением авторитета науки по отношению к другим формам знания². В связи с этим классическую модель науки иногда называют парадигмой «Разума Просвещения»³. При этом Ю.Н. Давыдов отмечает, что «просветительски обожествленный разум» - это был тот самый прогрессирующий разум, который, по Гегелю, толкает в спину человека, хитроумно ведя его «куда следует». У Маркса он берет этого же человека за шиворот и тащит его «куда надо». В результате происходит то же

самое: прогресс Разума ведет человечество прямехонько к «социократии» (идеал О. Конта). Везде один и тот же тип прогрессистского сознания, где разум действительно фигурировал как высшая ценность»⁴.

Разум как формообразующая умственная деятельность, направленная на установление целесообразности и универсальной связи всех вещей, и рассудок как способность к логическому мышлению с помощью понятий становятся путеводной нитью в лабиринте познания. Мысль в нем двигалась по магистральным траекториям, проложенным абстрактным мышлением и замечала только общее, не удостаивая внимания деталям.

Универсалиями дискурса Просвещения были объективность, порядок, строгая законосообразность всех явлений природы и общества⁵. Предельным выражением объективистского пафоса этого дискурса был приоритет жестких социальных структур перед живыми коммуникациями, стремление к поиску логики истории и теоретическому охвату всех сторон общественной жизни в единой концептуально непротиворечивой схеме⁶.

Логике истории задавал европоцентристский стиль мышления, основанный на методологии однолинейного прогрессизма. В дискурсе Просвещения центральной стала идея единства мировой истории и прогрессивного характера ее развития. Это единство понималось следующим образом: в истории существует лишь одна линия прогресса, и все страны и народы движутся в рамках общего для всех прогрессивного развития, ориентиры которого задаются передовыми европейскими странами. Поэтому мировое развитие и стадии его прогресса сводились исключительно к истории Европы.

Классическая модель исторического исследования сложилась в русле особого типа рациональности, который предполагал, что исследователь прежде всего должен иметь профессиональные знания и усвоить этос науки. Основу научного этоса составляло стремление к поиску истины, которому соответствовала установка на кумулятивный рост объективно-истинного знания.

Разум в классической рациональности дистанцируется от вещей. Он наблюдает, исследует природу вещей как бы со стороны, не будучи детерминирован ничем, кроме свойств и характеристик изучае-

мых объектов. Объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что связано с субъектом и используемыми им средствами познания. Иными словами, классическая рациональность, абстрагируясь от деятельностной природы субъекта, элиминирует из процедур объяснения все то, что не относится к объекту⁷.

Тем самым исследователю отводилась роль «скромного» наблюдателя, который, однако, как подчеркивает Н.Н. Моисеев, способен познать Истину и поставить ее на службу «наблюдателю»⁸. Поэтому основным содержанием тождества мышления и бытия в классической науке было признание возможности отыскать такую одну-единственную идеальную конструкцию, которая полностью соответствовала бы изучаемому объекту, обеспечивая тем самым однозначность содержания истинного знания. Неизменное, всеобщее, безразличное ко всему знание стало в классической рациональности идеалом научности.

Классическая рациональность претендует на познание исторической действительности такой, какой она была сама по себе, без примеси человеческой субъективности. Классическая рациональность изгоняет из исторической науки любые рассуждения о цели, смысле, гармонии, совершенстве, ценностях. Ее идеалом стало афористическое изречение Б. Спинозы о том, что истина требует «не негодовать, не удивляться, но понимать».

Классическая рациональность игнорирует казуальность истории. Она признает только ее каузальность и объясняет исторические явления путем установления между ними причинно-следственных связей, отказываясь, однако, при этом обсуждать проблемы целесообразности в истории и вводить в процедуры объяснения понятие целевой причины. В рамках классической рациональности сложился один из распространенных в историческом познании подходов, который получил название редукционизма, связанного со стремлением объяснять сложный мир истории какой-либо совокупностью факторов.

Классическая рациональность основывается также на представлении о том, что «если слово что-нибудь обозначает, то должна быть какая-то вещь, которая имеется им в виду», поэтому язык обладает способностью адекватно выражать свойства, структуры, закономер-

ности объективной исторической реальности. Все это порождает уверенность в возможность построения одной-единственной истинной исторической теории, доказательные аргументы которой окончательны и бесспорны. В рамках классической рациональности считается, что только одна из конкурирующих теорий обязательно должна быть истинной, а остальные, несовместимые с нею, ложными. Поэтому господствует убеждение, что научная истина не подвержена историческим метаморфозам.

Классическая модель исторического исследования окончательно сформировалась в русле позитивизма XIX в., и поэтому она являлась сциентистской формой исторического познания, в качестве эпистемологического эталона которого выступало естествознание.

Позитивизм утверждался в исторической науке в качестве доминирующего течения под лозунгом отказа от умозрительных рассуждений об исторической реальности, свойственных спекулятивной метафизике и основанной на ней философии истории. В противовес умозрительному философско-историческому теоретизированию позитивисты стремились к созданию «положительной» исторической теории, которая должна, по их мнению, быть такой же доказательной и общезначимой, как и теории в естественных науках. Доказательность исторической теории позитивисты видели прежде всего в обоснованности ее историческими фактами, поэтому одним из принципов позитивистской историографии стал эмпиризм.

Другим принципом позитивистской исторической науки стал холизм. Стремясь к систематичности и целостному воспроизведению исторической реальности, историки-позитивисты опирались на «теорию факторов». Согласно этой теории в истории действуют самые различные самостоятельные силы (географические, экономические, социальные, политические, духовные, психологические), взаимодействие которых и определяет историческое развитие. Тем самым «теория факторов» обуславливала необходимость перехода от простого описания исторических явлений и отражающих их фактов к установлению существующих между ними связей.

Теоретически позитивисты исходили из принципа «равноправия факторов» в историческом процессе. Однако в исследовательской практике при изучении конкретных взаимосвязей между различными

факторами они постоянно тяготели к когнитивному редукционизму, сводя исторический процесс то к социально-экономическим, то географическим, то психологическим основаниям.

Позитивистская историческая наука XIX в. развивалась также под лозунгом объективизма. Позитивисты исходили из того, что цель ученого – это познание исторического прошлого в целом, таким, каким оно было в действительности, и установление общих закономерностей исторического процесса. При этом особое внимание уделялось позиции историка как «нейтрального наблюдателя» который, как отмечал Р.Дж. Коллингвуд, не должен был давать оценки фактов, «его дело – сказать, каковы они были»⁹.

В классической исторической науке принцип объективизма основывался на примате субъектно-объектной дихотомии и необходимости реконструкции истории такой, какой она была на самом деле с помощью научных методов исторического исследования, воздерживаясь при этом от ценностных суждений. С позиций объективизма историческое знание, являясь результатом взаимодействия в историческом исследовании субъекта и объекта, способно адекватно отражать историческую реальность саму по себе, т.е. существующую вне культуры историка и его исторического сознания.

Изучение прошлого в классической науке базировалось также на принципе историзма. Согласно этому принципу историческая реальность – это то, что было в прошлом «на самом деле», и ее надо изучать *per se*, т.е. такой, какой она была в действительности. Историк в рамках классической модели исследования должен был отказываться от любых стандартов и приоритетов, лежащих вне пределов изучаемой им эпохи. Поэтому главным для него было говорить «голосом прошлого» и видеть исторические события «глазами их современников». Принцип историзма в этом плане требовал изучения «истории ради истории», и в классической науке он был синонимом бесстрастного исторического исследования, что вполне соответствовало как принципу объективности научного исследования, так и принципу нейтральности его субъекта.

Классическая модель исторического исследования исходила из жесткого противопоставления его субъекта и объекта¹⁰. Она строилась на абсолютизации позиции исследователя как «нейтрального

наблюдателя», на допущении возможности преодоления субъективности в процессе воспроизводства объективной реальности в научном сознании.

Предельным выражением объективистского и историцистского пафоса классического научного дискурса в историческом исследовании был приоритет «мертвых» форм социальных связей перед «живыми» коммуникациями, склонность к всестороннему социальному проектированию, стремление к предельной точности и отчетливости научных понятий. Поэтому преодоление субъективности в ходе исторического исследования достигалось путем «свободы от ценностей» и превращения изучаемых жизненных практик в «мертвый» корпус исторических фактов, которые рассматривались как «вещи», изолированные оттого «живого» исторического контекста, в котором они реально существовали.

В XX в. большое влияние на развитие представлений о научности классической модели исторического исследования оказал логический позитивизм¹¹. Стремясь к «единству научного знания» и объединению исследовательского инструментария естественных и гуманитарных наук, логические позитивисты считали, что исторические теории должны выводиться из фактов, а в языке исторического описания необходимо строго отделять информативное содержание от эмоциональных оценок. Особое значение логические позитивисты придавали процедуре верификации исторического знания. Они считали, что научные утверждения должны заключать в себе методологию и аргументацию, с помощью которых можно было бы подтвердить сделанные заключения. Понимаемая таким образом научность исторического исследования давала, по мнению логических позитивистов, возможность приблизиться к объективной истине.

§ 2. Классическая модель исторического исследования: предмет и когнитивная стратегия

В основе классической модели исторического исследования лежал принцип социологизма, сочетавший два аспекта: предметный и методологический. Предметный аспект проявлялся в холизме – интерпретации общества как целостной социальной реальности, и в со-

циальном детерминизме, в рамках которого общество представлялось в виде социетальной системы с жесткой взаимозависимостью ее различных структур.

Предметом классической модели исторического исследования выступала надындивидуальная историческая реальность, и это ориентировало историков-позитивистов на изучение, в первую очередь, социальных отношений, процессов и структур. Индивидуальное начало в истории, если и удостоивалось внимания, то всегда выводилось или сводилось к социальному. Поскольку классической модели исторического исследования был присущ социальный редукционизм, то исследователи рассматривали исторические факты как своего рода «вещи», изолированные от того «живого» исторического контекста, в котором они реально существовали. Это превращало изучаемые социальные практики в «мертвый» корпус исторических фактов, требующих рационального объяснения.

Методологический аспект принципа социологизма реализовывался в когнитивной стратегии классической модели исторического исследования, которая носила номотетический характер¹². Она ориентировала исследователя, с одной стороны, на познание общего, приобретающего форму социального закона, а с другой - на открытие исторических закономерностей. Поэтому, выясняя то, как это было «на самом деле» в прошлом, историки стремились к выявлению «общего», присущего определенному классу исторических явлений и установлению их «повторяемости» в историческом процессе.

Целью когнитивной стратегии классической модели исторического исследования была реконструкция исторического прошлого не просто в форме его эмпирических описаний, а в виде различного рода понятий и теоретических концепций. Достижение этой цели позитивисты связывали вначале с описанием на основе исторических фактов объекта исторического исследования с точки зрения его эмпирических характеристик. При этом позитивисты, отождествляя исторические факты с естественнонаучными, абсолютизировали их эмпирический статус в качестве независимых от исследователей описаний исторических явлений¹³.

историческое описание отличается тем, что оно неразрывно связано с повествованием, т.е. исторические факты описываются не

в статике с точки зрения их количественных или качественных характеристик, а в динамике, во времени. В результате историческое описание превращается в повествование об исторических событиях, нарратив. Поэтому «событийный нарратив» является традиционной формой классической модели исторического исследования.

В классической исторической науке к нарративу предъявлялись определенные требования. Во-первых, историческое повествование должно опираться только на достоверные факты, исключая как творческий вымысел, так и разного рода авторские оценки. Во-вторых, нарратив должен быть беспристрастным и включать в себя столько фактов, сколько требуется для того, чтобы можно было, с одной стороны, прояснить связи между фактами, а с другой - восстановить ход событий. В-третьих, историк должен пользоваться ясным языком, эмоционально нейтральным и по возможности общепонятным.

Однако в рамках номотетической стратегии классической модели исторического исследования эмпирически данный объект (историческое описание) еще не представлял собственно научной ценности. Такую ценность он приобретал только в значении типа, т.е. идеализированного объекта, лишенного индивидуальных характеристик. Сами же эти характеристики рассматривались как проявление сущности исторических событий и процессов.

В классической науке идеализированные объекты исторической реальности представляли в виде устойчивых социальных систем и структур, подчиняющихся в своем развитии и функционировании определенным социальным законам и историческим закономерностям. О. Конт считал, что наука начинается с установления и описания фактов и затем переходит к их обобщению и установлению законосообразных связей между ними. В связи с этим историки-позитивисты, как писал Р.Дж. Коллингвуд, «поставили задачу установить все факты, где это только можно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания... Однако «дух» позитивизма предполагал, что установление и описание исторических фактов - это только первая стадия исторического познания... Каждая естественная наука, утверждали позитивисты, начинается с открытия фактов, но затем она переходит к обнаружению связей между ними. Приняв этот тезис, О. Конт предложил создать новую науку, социологию, которая

должна начинаться с открытия фактов... (решение этой задачи он отводил историкам), а затем перейти к поиску причинных связей между этими фактами. Социолог тем самым становился своего рода свехисториком, поднимавшим историю до ранга науки, осмысливая научно те же самые факты, о которых историк мыслит только эмпирически»¹⁴.

Таким образом, О. Конт исходил из своеобразного разделения труда: факты о жизни и деятельности людей должна собирать история, тогда как открытие законов, объясняющих накопленный историками фактический материал, является задачей социологии. Поскольку открытие социальных законов - это задача социологии, постольку история должна заниматься лишь выявлением исторических закономерностей путем изучения взаимосвязей между различными фактами и установления их повторяемости в истории. ^

Стремление в классической науке к установлению «общего», присущего определенному классу исторических явлений, сопровождалось интерпретациями исторических фактов в русле «понятийного дискурса» и рациональными их объяснениями. Особенность объяснительных процедур в классической исторической науке заключается в том, что нарратив в ней, как полагают некоторые исследователи, является одновременно не только описанием, но и объяснением.

Историк повествует об исторических событиях, воспроизводя не только их хронологическую последовательность, но и структурируя исторические факты таким образом, чтобы было ясно, как исходные исторические события преобразовались в конечные. Основой такой структуризации выступает латентная идея о конкретных зависимостях между историческими событиями, которой придерживается изучающий их историк. Иными словами, историк систематизирует факты «в соответствии с некоторым принципом, благодаря которому исторические события и процессы связываются в последовательности, чтобы обрести окончательное значение»¹⁵.

Об этом пишет также А. Данто, который разводит эмпирическую историю (обычное историческое исследование) и теоретическую (субстантивная философия истории). Одной из задач философии истории, поднимающей собственно историю на более высокий уровень познания, является создание двух видов исторических теорий -

описательных и объяснительных. Описательная теория стремится выявить некоторую структуру в череде событий прошлого, объяснительная теория пытается дать истолкование этой структуры в терминах причинности¹⁶.

Наличие такой структуры в историческом нарративе свидетельствует о том, что она является своего рода латентным экспланансом, выполняя объяснительные функции. В связи с этим Г. Люббе пишет: «Историческому объяснению подлежит то, что не может быть объяснено ни логикой поведения, ни законами функционирования системы, а также не выводится из каузальных или статистических причинно-следственных связей. Историческое объяснение в этом смысле идет путем не обращения к разуму действующих лиц и не через законы логики. То, что оно объясняет, оно объясняет, рассказывая историю»¹⁷. Это, конечно, не каузальные или дедуктивные объяснения, которые обычно используются в научных исследованиях. Но, как отмечают специалисты, могут быть разные формы объяснения, и не обязательно придерживаться того взгляда, что все они должны стремиться к какому-то одному типу или имитировать его¹⁸.

В классической модели исторического исследования используются две объяснительные процедуры. Первая связана с традицией, идущей от О. Конта, который заявил, что в социальном знании объяснения возникают вне исторической науки и могут только привноситься в нее. В рамках этой традиции процедура объяснения сводится к подведению исторических фактов под определенную теорию в процессе «восхождения от абстрактного к конкретному»¹⁹. В классической исторической науке в качестве таких теорий использовались теоретические конструкты, разработанные в общественных науках. В исторических исследованиях это приводило к схематизму, поскольку не теории «выводились» из исторических фактов, а сами исторические факты «подгонялись» под социальные теории.

Вторая традиция идет от логических позитивистов, которые, осознавая опасность схематизации истории, в первой половине XX в. выдвинули требование о том, что исторические теории должны выводиться из фактов. Придерживались принципа единства научного метода, они считали, что объяснение является основной функцией науки. Историки, с их точки зрения, должны не только устанавливать

факты и описывать их, но и отвечать на вопрос: «Почему произошло то или иное историческое событие?»

Логическими позитивистами была предложена концепция объяснения в исторической науке через «охватывающие законы». Эта концепция была разработана К. Поппером, К. Гемпелем и П. Оппенгеймом и получила название «дедуктивно-номологической модели объяснения», которая, по их мнению, является идентичной и в естественных, и в гуманитарных науках. В структуре этой модели выделяются следующие элементы: 1) *экспланандум* – суждения о фактах, событиях, которые подлежат объяснению; 2) *эксплананс* – то, на основе чего осуществляется объяснение; 3) логический, дедуктивный вывод экспланандума из эксплананса. В свою очередь, эксплананс состоит из двух составляющих: 1) общих законов, которые используются в объяснении; 2) высказываний, фиксирующих конкретные условия, в которых существует или протекает объясняемое явление²⁰. Таким образом, в этой концепции объяснения в исторической науке речь идет не просто о подведении исторических фактов под общий закон, а о «подведении», но с учетом конкретно-исторических условий.

Историки, прибегая в исследовательской практике к такого рода объяснениям, очень часто делают это неотрефлексированно, поэтому логические позитивисты считали, что если показать исследователям логическую структуру их объяснений, которую они обычно не стараются прояснить, то это может повысить методологический уровень исторической работы. Это, конечно, не означает, пишет В.П. Филатов, что историков нужно принуждать «раскрывать», тщательно расписывать их объяснительные скетчи или четко различать «экспланансы и экспланандумы». Скорее можно надеяться на то, что, осознав, что они используют общенаучные схемы объяснения, они станут более внимательно относиться к методологической стороне своей работы и сознательно пользоваться объяснениями через законы в действительно сложных, нетривиальных случаях²¹.

В целом номотетическая стратегия классической модели исторического исследования предполагала создание такого рода исторических концепций, с помощью которых исследователь мог охватить все стороны исторической реальности в единой логически непроти-

воречивой системе эмпирического и теоретического знания. Эти знания, рассматриваемые как своего рода «слепки» с объективных отношений самой исторической реальности, в классической науке претендовали на статус научных истин, верифицируемых исторической практикой.

Таким образом, нормами классической модели исторического исследования были приоритет «мертвых» форм социальных связей перед «живыми» коммуникациями, общего перед единичным, склонность к всестороннему социальному проектированию, «священный пиетет», смиренность исследователя перед историческими фактами, репрессивность различного рода теоретических концепций как по отношению к предмету исторического исследования, так и по отношению к его субъекту. Репрессивность этих концепций проявлялась прежде всего в том, что они как бы «собирали» историческую реальность в одно целое и задавали историку ракурс ее видения.

Г В классической модели исторического исследования в качестве научного статуса измерения исторического бытия признавалось только общее и "закономерное. Когнитивная стратегия этой модели, носившая номотетический характер, нацеливала ученого на создание исторических теорий, адекватных исторической действительности, и на поиск логики истории как объективного процесса. Схематизируя и «омертвляя» историю, позитивизм с его «пренебрежением» к единичному порождал представление о «неполноценности» конкретной историографии, которая, по мнению историков-позитивистов, являлась лишь простым «складом сырого материала».

Особое место в когнитивной стратегии классической модели исторического исследования отводилось проблеме прошлого и настоящего. Представители классической науки считали, что между прошлым, настоящим и будущим существует неразрывная связь. Поэтому понимание истины, как адекватности исторического знания объективной исторической реальности, позволяло им утверждать, что изучение прошлого помогает лучше понять настоящее. В этом, по их мнению, состоит «полезность» исторических исследований для практики сегодняшнего дня, а также заключается социальный статус исторической науки²².

В основе этих представлений лежит теория «однолинейного прогрессизма», которая сложилась в классической науке в XIX в., но уходящая своими корнями в ту систему научной картины мира, которая базировалась на механицизме, объясняющем развитие общества законами механической формы движения. Теория «однолинейного прогрессизма» основывается на предположении о том, что история движется к вершинам прогресса через преодоление многообразия общественного устройства к единому рационально устроенному будущему. При этом каждое отдельное человеческое сообщество идет по пути, общему для всех, в русле единой линии мирового прогрессивного развития, ориентиры которого задаются наиболее развитыми странами.

В рамках «прогрессистского» стиля мышления прошлое, настоящее и будущее общества органически связаны между собой, а настоящее рассматривается как естественный или закономерный результат предшествующего исторического развития. Поэтому реконструкция прошлого позволяет логически увязать историю с современностью: изучение прошлого дает возможность лучше понимать современность, и опыт прошлого можно использовать в современной общественной практике. Поэтому представители классической исторической науки решительно выступают против тех исследователей, которые отрицают генетическую связь между прошлым, настоящим и будущим. Они считают, что отказ «от установки на всеобъемлющую систематизацию исторического прошлого как необходимого предуготовления настоящего» ведет к угасанию «живого интереса к историческому прошлому как хранилищу полезного или назидательного, причем интереса не музейного, не эрудитско-эстетического, а такого, который стремится мобилизовать прошлое в качестве ценностно-нормативного ресурса или стремится утвердить настоящее как достойный итог прошлого развития»²³.

Это в полной мере относилось и к советской исторической науке, которая являлась одной из разновидностей классической модели исторического исследования. Советскую историческую науку, основанную на марксистско-ленинской методологии, объединяло с классической моделью исторического исследования прежде всего стремление к получению объективно-истинного знания, несмотря на то, что

одним из основных принципов советской историографии был принцип партийности, который требовал интерпретировать исторические события с позиций интересов передового класса и коммунистических ценностей. Казалось бы, что такой субъективизм, явно выраженный в принципе партийности, противоречит основному постулату классической модели исторического исследования о «нейтральности» его субъекта. Но в марксистской парадигме этот субъективный момент приобретал онтологически-объективный характер, поскольку интересы пролетариата и коммунистические ценности объявлялись высшими, совпадающими с объективным ходом развития человечества. Поэтому в марксистской трактовке принцип партийности означал не столько субъективное отношение к действительности, сколько требование занимать объективно-историческую позицию.

В связи с этим изучение прошлого в советской исторической науке было направлено на получение истинных знаний, адекватно отражающих как различные стороны общественно-исторического развития, так и его общий ход. Общество, как писал И.Д. Ковальченко, объективно заинтересовано «в получении истинных знаний, ибо без них нельзя успешно решать задачи, выдвигаемые современностью»²⁴.

Классическая парадигма исторического исследования в своем стремлении к систематичности и целостности неизбежно выходила на идею истории как целого, имеющего определенную логику развития. Возникшие на ее основе теоретические концепты обладали определенным методологическим потенциалом, позволяющим не только типологизировать исторический процесс, но и разрешать противоречие между историческим многообразием человеческих сообществ и развитием человеческого общества как «целого». Это противоречие получило логическое разрешение прежде всего в рамках методологии «прогрессистского» мышления, которая нашла реализацию в таких концептуальных моделях истории, как «теория общественно-экономических формаций», «теория постиндустриального общества», «стадиальная теория цивилизаций», «миросистемная теория», «теория модернизации».

§ 3. Концептуальные модели истории

Теория общественно-экономических формаций. Формационный подход к историческому процессу, который его представители определяли как субстанциональный, связан с нахождением единой основы общественной жизни и выделением стадий исторического процесса в зависимости от видоизменения этой основы²⁵.

Теория общественно-экономических формаций, возникшая в русле материалистического понимания истории, получила широкое распространение в отечественной исторической науке советской эпохи в качестве универсального и «единственно научного» подхода к изучению истории. На нем было «воспитано» несколько поколений историков-марксистов, поэтому и сегодня открытые его приверженцы считают, что «материалистическое понимание истории является наилучшим из всех существующих общих методов исторического познания»²⁶.

Большинство же современных сторонников теории общественно-экономических формаций полагают, что методология К. Маркса нуждается в усовершенствовании и обновлении, избавлении от устаревших догм, доктрин и идеологизации²⁷. Многими историками терминология марксистского теоретического объяснения (класс, классовое сознание, капитализм, кризис, революция) сегодня уже воспринимается как «отзвук языка утраченной эпохи»²⁸. Однако, несмотря на всю понятийную «эквилибристику», свойственную современной отечественной исторической науке, в ней еще широко используется «формационный подход», как в традиционном, так и модифицированном вариантах.

Традиционный вариант «формационного подхода» к истории основывается на представлении о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс «в основу периодизации всемирной истории положили формы собственности. В соответствии с этим они подразделили всемирно-исторический процесс на пять общественно-экономических формаций»²⁹. При этом традиционный вариант базируется на принципе «формационного редукционизма», который в исследовательской практике проявляется в методологической установке, предполагающей сведение всего многообразия исторической действительности («мира людей»)

к формационным характеристикам первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального капиталистического и коммунистического способов производства. При этом специфика различных сфер жизни общества как бы растворяется в экономических и классовых отношениях.

Сторонники модифицированного варианта «формационного подхода» к истории главный источник всемирно-исторического прогресса также видят в «противоречии производительных сил и производственных отношений». Однако они считают, что марксистская формационная теория далеко не совпадает с так называемой формационной «пятичленкой», имевшей до недавнего времени широкое распространение в марксистской литературе. При этом они подчеркивают, что «вопреки предостережениям Маркса эта «пятичленка», конституированная в основном на западноевропейском историческом материале, была представлена в качестве всеобщих, единственно возможных ступеней исторического процесса. Столкнувшись с историческими фактами, осмысление которых не укладывалось в подобную формационную схему, востоковеды и другие исследователи неевропейских стран и регионов объявили о несостоятельности марксизма. Однако подобная «критика» марксизма фактически означает лишь критику суррогата марксизма»³⁰.

В связи с этим одни историки объединяют все добуржуазные сословно-классовые общества, основанные на рентном способе производства, в единую стадию общественной эволюции и противопоставляют ее обществу, базирующемуся на капиталистической прибавочной стоимости³¹. Другие полагают, что базовым звеном формационного развития выступает «формационная триада» - три большие общественные формации³². В окончательном варианте «формационная триада», как отмечают они, была представлена К. Марксом «в виде первичной общественной формации (общая собственность), вторичной общественной формации (частная собственность) и, вероятно, можно так сказать, хотя у К. Маркса и не было подобного словосочетания, - третичной общественной формации (общественная собственность)»³³.

В свое время М. Вебер считал, что понятие «общественная формация» является идеальным типом, «мысленной конструкцией»³⁴. Со-

временные историки, сторонники теории общественно-экономических формаций, подчеркивают, что хотя сама категория «общественная формация» - это «мысленная конструкция», но она не является произвольной, а отражает логику исторического процесса, его сущностные характеристики, исторически определенный общественный способ производства, систему общественных отношений, социальную структуру и т.д. При этом общественно-экономическая формация рассматривается ими не только как исторически определенная ступень развития человеческого общества, но и как определенный его тип.

Вместе с тем сторонники модифицированного варианта теории общественно-экономических формаций отмечают, что «развитие взятых в отдельности стран и регионов богаче формационного развития. Оно представляет все многообразие форм проявления сущности исторического процесса, конкретизирует и дополняет формационные характеристики особенностями хозяйственных укладов, политических институтов, культуры, религиозных верований, морали, законоуложений, обычаев, нравов и т.п.». Поэтому в историческом процессе они различают три «пласта»: первый - поверхностный, событийный; второй - средний, включающий разнообразие народов в этническом, национальном, религиозном, цивилизационном, хозяйственном и другом плане; третий - глубинно-сущностный «пласт», воплощающий в себе единство исторического процесса, его основу и самые общие закономерности. Вклад К. Маркса в теорию исторического познания они видят в том, что им была разработана методология исследования глубинного «пласта» исторического процесса. С мысленным разделением исторического процесса на три «пласта» тесно связана методология его исследования по формуле «отдельное - особенное - общее». В этой формуле под «отдельным» понимаются характерные черты исторически данного общества на определенной стадии его развития, под «особенным» - одинаковые черты группы обществ на той же стадии их развития, а под «общим» - одинаковые (сущностные) характеристики всех обществ, проходящих эту стадию развития. Смысл этой методологической установки состоит в представлении о том, что «будучи общим, человеческое общество (его динамика, т.е. исторический процесс) существует в отдельном и через отдельное»³⁵.

Глава 2. Классическая модель исторического исследования

В русле модифицированного варианта формационного подхода применительно к истории России была разработана концепция «трех эшелонов развития мирового капитализма». Эта концепция, в рамках которой Россия рассматривалась как «вторичная модель капитализма», ориентировала исследователя на изучение не столько стадийных, сколько типологических особенностей развития капитализма в тех или иных странах и регионах³⁶.

Теория постиндустриального общества. В конце XX в. в отечественной исторической науке широкое распространение получила теория постиндустриального общества. Эта теория, достаточно близкая, как считают некоторые исследователи, к марксистским представлениям об истории, рассматривается ими в качестве методологии, «способной обеспечить активное совершенствование отечественного обществоведения»³⁷.

Теория постиндустриального общества была разработана американским ученым Д. Беллом в 70-х гг. прошлого века. Большое влияние на формирование этой теории оказала концепция индустриального общества, идея которого возникла в середине XIX столетия, благодаря, в первую очередь, работам А. де Сен-Симона, и получившая широкое распространение в США и Западной Европе в 50-60-х гг. XX в. (Р. Арон, У. Ростоу, А. Турен и др.).

В отечественной литературе советского периода теория постиндустриального общества изображалась как узкая технократическая доктрина. Однако в действительности она представляет собой многоплановую социально-экономическую концепцию. Эта концепция, обладая высоким прогностическим потенциалом, являлась одной из наиболее динамично развивавшихся социальных теорий во второй половине XX в.

В основе теории постиндустриального общества лежит выделение в общественном развитии трех стадий: доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной. При выделении этих стадий основное внимание акцентируется на технологической специфике, соединенной с анализом фаз экономического развития, вычленимых на основании эволюции отношений обмена и разделения труда. Теоретики постиндустриального общества обратили внимание на то, что традиционное классовое противостояние, которое в марксизме рас-

смаatrивалось в качестве «двигателя истории», являлось, как правило, уделом общественных групп, не имевших серьезной исторической перспективы. Так, античный социум, основными классами которого были рабовладельцы, свободные граждане и рабы, был заменен средневековым строем военной аристократии и зависимых крестьян; на смену последнему пришло общество буржуазии и пролетариата. Во второй половине XX в. рухнул миф о возможности «победы» и «господства» рабочего класса, а западные общества разделились на такие социальные группы, как меритократия и когнитариат, значение которых еще полвека назад было минимальным.

Вместе с тем специалисты обращают внимание на определенную близость методологических основ теории общественно-экономических формаций и теории постиндустриального общества³⁸. Во-первых, в основе обеих теорий лежит признание того, что источником общественного прогресса и его измерителем выступает совершенствование форм и методов материального производства. Во-вторых, обе теории на основе анализа форм и методов общественного производства выделяют в истории человечества три большие фазы. «Основоположники марксизма, – как пишет В.Л. Иноземцев, – различают архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации, а сторонники постиндустриализма – аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество, или первую, вторую и третью «волны» в истории цивилизации». В-третьих, как основоположники марксизма, так и классики постиндустриализма отмечают, что переходы между общественными формациями и границы индустриального общества были ознаменованы революционными изменениями. В-четвертых, в теории общественно-экономических формаций и теории постиндустриального общества существует значительное сходство в изображении того социума, который трактуется как коммунистическая общественная формация, или как постэкономическое общество³⁹.

Эти сходства вызваны, по мнению некоторых исследователей, тем влиянием, которое оказала марксистская социология на авторов теории постиндустриального общества. Это подтверждают и сами создатели теории постиндустриального общества, в частности, Д. Белл, который прямо говорил о своих коллегах, как о постмарксистах⁴⁰.

Стадиальная теория цивилизаций. К концептуальным моделям истории классического толка можно отнести стадиальную теорию цивилизаций, в рамках которой история человечества как единого целого рассматривается сквозь призму перехода от одной стадии цивилизации к другой.

Стадиальный подход к пониманию цивилизаций как этапов прогрессивного развития человечества сложился, по мнению Л. Февра, в XIX в.⁴¹ При этом одни исследователи понимали под цивилизацией ступень общественного развития, следующую за варварством⁴². Другие полагали, что цивилизация «является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе», т.е. цивилизацию отождествляли с буржуазным обществом⁴³.

В настоящее время в рамках стадиального подхода к истории в зависимости от выбора тех или иных аксиоматических критериев выделяют различные типы цивилизаций: «устная, письменная, книжная и экранная»; «космогенная, техногенная и антропогенная»; «традиционная и современная»; «эволюционная и инновационная». Однако в большинстве случаев в историко-стадиальных исследованиях используется технократический критерий, на основе которого выделяют, например, такие типы цивилизаций, как аграрная, промышленная и информационная.

Аграрная цивилизация - это стадия общественного развития, которая характеризуется примитивным сельскохозяйственным производством; иерархической социальной структурой и властью, принадлежащей земельным собственникам; церковью и армией как главными социальными институтами. Промышленная цивилизация - это стадия, для которой характерны бурное развитие тяжелой промышленности, широкое внедрение достижений науки и техники, высокий уровень капиталовложений, значительная доля квалифицированного труда, преобладание городского населения. Информационная цивилизация - это стадия доминирования науки, теоретического знания и общества «высокого массового потребления».

Оригинальную стадийную теорию цивилизаций предлагает С.В. Соколов, который рассматривает цивилизацию как духовную формацию общества, представляющую собой и наднациональную общность людей, и духовно-культурную интеграцию сфер общества, и определенный образ жизни индивидов. Исследователь считает, что цивилизацию образуют прежде всего цивилизационное мировоззрение, идеология, ментальность населения, являющиеся типичными для данной исторической общности людей, институтов, образов жизни. Рассматривая цивилизации как ступени развития человечества, С.В. Соколов выделяет мифологическую, коллективистическую, индивидуалистическую и солидаристическую цивилизации⁴⁴. При этом коллективистическая, индивидуалистическая и солидаристическая цивилизации у него близки по некоторым своим основным чертам, соответственно, к идеациональной, чувственной и идеалистической культурам П.А. Сорокина⁴⁵.

В современной отечественной литературе некоторые исследователи, сторонники стадийной теории цивилизаций, в истории человечества выделяют на основе синтеза марксистских формационных представлений, западных технократических интерпретаций и историко-циклических построений такие мировые цивилизации, как неолитическая, раннеклассовая (бронзовый век), античная (железный век), средневековая (феодалная), преиндустриальная, индустриальная (капиталистическая), постиндустриальная (современная).

Эти исследователи подвергают критике попытки выделять стадии-цивилизации на основе какого-либо одного критерия. Поэтому, рассматривая мировые цивилизации в качестве особых этапов в поступательном движении исторического прогресса и саморазвития человечества, они подчеркивают, что цивилизации характеризуются определенным уровнем потребностей, способностей, знаний, навыков и интересов человека, технологическим и экономическим способом производства, строем политических и общественных отношений, уровнем развития духовного воспроизводства. При этом развитие мировой цивилизации, или стадии общественного прогресса, они рассматривают как долгосрочный (многовековой) исторический цикл, включающий фазы зарождения, становления, зрелости, дряхления, кризиса и реликта. В ходе жизненного цикла каждой цивилизации, по

их мнению, трижды наблюдаются периоды подъема, спада и кризиса (в фазе становления, зрелости и кризиса)⁴⁶.

Отказ в современной отечественной литературе от категории общественно-экономической формации и замену ее понятием «цивилизация» исследователи объясняют двумя причинами: 1) стремлением избавиться от грубого социологизма и детерминизма, примата материального над духовным; 2) осознанием антиисторического характера пятичленной схемы смены общественно-экономических формаций, которая пыталась уложить сложный противоречивый ритм исторического прогресса, отличавшийся самобытностью в судьбах разных стран и народов, в прокрустово ложе догматической схемы. В связи с этим Ю.В. Яковец отмечает, что его подход «исходит из примата человека, его потребностей, знания, умения, культуры, идеологии - всего того, что часто называется обобщающим словом "общественное сознание"»⁴⁷.

Миросистемная теория. В настоящее время в классической исторической науке одной из влиятельных концепций является миросистемный подход. Его последователи в современной России считают, что цивилизационный подход к всемирной истории уже устарел. По их мнению, его ренессанс в России вызван в основном идеологическими причинами. Ортодоксальное понимание смены формаций сейчас также невозможно⁴⁸. Основателями миросистемного подхода считают Ф. Броделя - одного из видных представителей исторической школы «Анналов», а также И. Валлерстайна - американского историка экономики⁴⁹.

Ф. Броделем в тезаурус исторической науки было введено понятие «*Réconomie-monde*» («мироэкономика»). Этим понятием он обозначал «экономически самостоятельный кусок планеты, способный быть в основном самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»⁵⁰. Мировоэкономика, считал Ф. Бродель, существует поверх политических, культурных и религиозных границ и имеет единый центр, каковым является «сверх-город», господствующий в регионе. Под таким «сверх-городом» историк понимал город, основу которого составляет «капиталистическая» деятельность, связанная с денежным оборотом.

В пространстве мироэкономики, история, которой подчинена временным циклам, Ф. Бродель выделял три ареала, иерархически взаимосвязанных между собой: 1) узкий центр; 2) второстепенные, довольно развитые области; 3) огромные внешние окраины. «Центр, так сказать, «сердце», объединяет все самое передовое и самое разнообразное... Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей: это зона «блистательных вторых». Громадную периферию с ее редким населением характеризуют архаичность, отсталость, легкая доступность для эксплуатации со стороны других»⁵¹. При всем внимании к экономике Ф. Бродель отвергал экономический детерминизм, и поэтому считал, что в пределах одной мироэкономики могут существовать разные относительно автономные культурные миры.

Исследователи, специально изучавшие теоретические взгляды Ф. Броделя, отмечают, что «несомненным его достижением является изучение горизонтальных связей внутри мироэкономик и столь же несомненной проблемой - соотношение мироэкономик и отдельных обществ. Эту проблему Бродель не замечает и теоретически не разрабатывает»⁵².

Теория мироэкономики Ф. Броделя получила развитие в миросистемной концепции И. Валлерстайна, которую в методологическом плане иногда называют миросистемным анализом. Сам И. Валлерстайн видел в миросистемном подходе единственно приемлемую методологию познания общественных явлений. И. Валлерстайн ввел в научный оборот понятие миросистемы, под которой он понимал самодостаточную социальную систему, имеющую жизненное пространство (life-span), границы, структуру, правила легитимации и согласованность (coherence). Миросистема у И. Валлерстайна - это не «мировая система», а, как и у Ф. Броделя, «система», являющаяся «миром».

И. Валлерстайн делил миросистемы на мироимперии и мироэкономики. Первыми по времени возникают мироимперии, или политические миросистемы. В понятие мироимперии И. Валлерстайн включал не только региональные «миры» (Китай, Древний Рим и т.д.), но и «способ производства», являющийся их основой. Особенности этого способа производства И. Валлерстайн усматривал в политическом

единстве экономики, которое существует не только при наличии относительно высокой административной централизации («имперская» форма), но и при ее отсутствии («феодальная» форма). Поэтому сущность мироимперии заключается в диктате политической власти над экономикой⁵³.

Мироэкономика - это миросистема, в которой экономика освобождена из-под диктата политической власти и нет социальных ограничений для развития производства. И. Валлерстайн полагал, что в прошлом мироимперии периодически превращались в непрочные мироэкономики, которые, однако, вскоре гибли, вновь трансформируясь в мироимперию. И только современная миросистема, или капиталистическая мироэкономика, выжила и победила остальные социальные системы, «втянув» их в себя. Пространственно мироэкономика состоит из таких частей, как ядро, полупериферия и периферия. Социально мироэкономика базируется на обширном разделении труда, поэтому ее население состоит из «статусных групп» и «классов».

Ядро мироэкономики - это зона, выигрывающая при неэквивалентном обмене с другими ее частями. Для ядра характерны экономический рост, политические свободы, развитие науки, сильное, эффективно функционирующее государство, проводящее наступательную политику на международной арене. Ядро современной миросистемы, капиталистической мироэкономики, составляют несколько государств (core-states), но непременным условием существования такой миросистемы И. Валлерстайн считал наличие государства-гегемона. Поэтому история ядра капиталистической мироэкономики - это история борьбы за гегемонию между несколькими государствами, победы одного из них, его господства над миром и последующего упадка. В частности, в качестве таких гегемонов он рассматривал: 1) Соединенные провинции (Голландию) в 1620-1672 гг.; 2) Великобританию в 1815-1873 гг.; 3) США в 1945-1967 гг.

В мироэкономике И. Валлерстайн выделял полупериферию как промежуточную по комплексу социально-экономических показателей зону. В настоящее время проблема полупериферии является предметом дискуссии среди сторонников миросистемной теории. При этом наметились два полярных подхода к пониманию полупериферии: одни рассматривают ее как зону, служащую основным источником про-

грессивных изменений в системе, другие – как воплощение субимпериализма, передающего влияние центра на периферию⁵⁴.

Составной частью мироэкономики является периферия как «географический сектор, продукция которого – низкокачественный (и хуже оплачиваемый) товар. Но этот сектор входит в систему разделения труда, потому что на его продукцию имеется постоянный спрос». В силу неэквивалентного обмена между ядром и периферией для последней характерным является экономический и политический упадок. Исходя из методологии миросистемного анализа, понять социально-экономические изменения на периферии можно, лишь уяснив изменения, происходящие в ядре мироэкономики. В частности, И. Валлерстайн, также как и Ф. Бродель, считал, что крепостничество в Восточной Европе и плантационное рабство в Америке были обусловлены возникновением капитализма в Западной Европе.

За периферией начинается внешняя арена – другая миросистема, с которой данная миросистема имеет торговые отношения, «базирующиеся в основном на обмене драгоценностями»⁵⁶.

Население миросистемы состоит из «статусных групп» и «классов» («статусных групп», обладающих самосознанием). В современной литературе отмечается, что представления И. Валлерстайна о «классах», вопреки мнению авторов, считающих его марксистом, не имеют никакого отношения к общественному производству – их существование зависит от осознания членами «статусных групп» своих интересов⁵⁷.

Утверждение капиталистической мироэкономики, по мнению И. Валлерстайна, произошло в Европе в середине XVII в. Основными направлениями последующей ее эволюции были территориальное расширение, периферизация подчиняемых внешних арен (иных миросистем) и борьба за гегемонию в ядре. Причем оба процесса, как полагал И. Валлерстайн, протекали в соответствии с экономическими циклами, поэтому основные периоды расширения капиталистической мироэкономики приходятся на 1620-1660, 1750-1815 и 1880-1900 гг. В эти годы сохранялась возможность экстенсивного роста мироэкономики, поэтому отношения ядра и периферии в ней строились в форме колониализма. В XX в. эти возможности были исчерпаны и мироэкономика, пережив кризис, перешла к новой форме отно-

шений ядра и периферии - неокOLONиализму.

Завоевание и утрата гегемонии в ядре мироэкономики были также подчинены циклам: 1) накопление сил государствами-претендентами на гегемонию в условиях упадка действующего гегемона; 2) относительно короткий кризисный период «войны за гегемонию» (1618-1648, 1792-1815, 1914-1945 гг.), определяющий государство-победителя; 3) возврат к соперничеству между постепенно ослабевающим гегемоном и новыми претендентами. Результатом последней войны за гегемонию (1914-1945 гг.) стало господство США, клонящееся с 1967-1973 гг., по мнению И. Валлерстайна, к упадку.

Современные исследователи усматривают в построениях И. Валлерстайна определенные противоречия. Так, с одной стороны, он признавал развитие миросистемы как единства поступательного движения и круговорота экономических циклов. Но, с другой стороны, в его теории понятие «развитие» применительно к обществу и понятие «прогресс» относительно истории в целом отвергаются. В связи с этим капитализм в истории он считал «провалом», вызванным случайными причинами. «Конъюнктурные обстоятельства, - писал И. Валлерстайн, - привели к тому, что Европа, породив капитализм, отравила себя и все человечество в иррациональную авантюру, которая вовсе не была неизбежной, как не является обязательным и выход из кризиса»⁵⁸. По мнению некоторых исследователей, на такую оценку капитализма И. Валлерстайном сильное влияние оказала его политическая ориентация, стремление любой ценой разрушить взгляд на капитализм как на конец или венец человеческой истории⁵⁹.

Говоря о перспективах миросистемного подхода и подчеркивая его высокую эвристичность, некоторые авторы в то же время отмечают, что он еще не дал логически непротиворечивой истории человечества. При этом наметились два подхода к рассмотрению этой истории с позиций миросистемного анализа. Согласно одному из них, до конца XV в. существовало две миросистемы: Старый Свет и Новый Свет. Открытие Америки устранило эту единственную «трещину», и мир в целом стал представлять собой одну миросистему, «глыбу, в которой не стало трещин». История миросистемы при таком подходе сводится к географическому перемещению ее центра⁶⁰. Согласно другому подходу, мир в целом всегда был расколот, расщеплен на

несколько миросистем, и история человечества - это столкновение миросистем и их периферизация.

Наличие разных представлений о всемирной истории с позиций миросистемного анализа дает основание некоторым исследователям говорить о том, что этот подход в настоящее время переживает кризис. В связи с этим они полагают, что определенный научный интерес представляет эстафетно-стадиальный вариант теории общественно-экономических формаций, предложенный Ю.И. Семеновым⁶¹. Согласно этой теории всемирная история, начиная с появления классовых обществ, выступает как процесс смены мировых систем социально-исторических организмов: ближневосточной политарной, средиземноморской античной, западноевропейской феодальной и западноевропейской капиталистической, втянувшей в зону своего влияния весь мир⁶².

Однако другие исследователи продолжают высоко оценивать методологический потенциал «миросистемного подхода» не только к всемирной истории, но и к истории отдельных стран. В частности, Б. Кагарлицкий пишет, что школа «миросистемного анализа», созданная И. Валлерстайном, С. Амиром и А.-Г. Франком, дала нам важные идеи для понимания общественного развития, акцентируя внимание, в первую очередь, на том, что решающую роль в этом развитии сыграла глобализация экономических связей. Начавшаяся в конце XV в. глобализация этих связей дала возможность странам «центра» эксплуатировать дешевые ресурсы и труд «периферии»⁶³. Кроме того, методология «миросистемного анализа» применительно к истории России дает, как считает Б. Кагарлицкий, ключ к объяснению ее основных «драм и трагедий» и позволяет показать их закономерный характер. При этом он замечает, что «драматизм русской истории именно в том, что здесь в крайней и трагической форме проявилось то, что происходило со всем человечеством. В этом отношении никакой особой «русской судьбы» нет и быть не может. Наша судьба - это судьба человечества»⁶⁴.

Теория модернизации. В рамках современной классической модели исторического исследования широко используется теория модернизации, которая первоначально возникла в русле концепции индустриального общества. Во второй половине XX в. в нее были

внесены изменения, связанные с распространением миросистемного подхода.

Теория модернизации - система знаний, описывающая и объясняющая процесс перехода от традиционного, аграрного общества, которое строилось на отношениях личной зависимости, к непрерывно меняющемуся современному, индустриальному обществу, где господствуют рыночные отношения, действуют правовые нормы, признающие суверенность личности и духовный плюрализм⁶⁵. В либеральной трактовке теория модернизации как бы реконструирует «переход от логики равенства к логике свободы»⁶⁶.

С помощью теории модернизации объясняются процессы, исторически сопровождавшие индустриализацию, как в странах развитого капитализма, так и в странах, которые вступили на этот путь под их влиянием позже. Поэтому выделяют «первичную» (органическую) и «вторичную» (неорганическую) модернизации.

Проблемы «первичной» модернизации, которая охватывает эпоху Ренессанса, Реформации и промышленной революции на Западе, по существу, совпадают с классическими проблемами генезиса капитализма и становлением человека нового времени, носителя культуры «модернити». Эта культура означала приверженность человека не традициям и обычаям, а здравому смыслу и рациональному знанию, стремление к собственному благосостоянию путем производства материальных вещей, господству над природой, покорению новых и новых пространств. Основанием культуры «модернити» были идеи личной свободы, признания права частной собственности и равенства всех людей перед законом⁶⁷.

«Первичную» модернизацию рассматривают в качестве ее исторически первого эшелона, к которому относят страны, где модернизация была эндогенной, органически вытекающей из внутренних условий развития. В начале это - Великобритания, Франция, Голландия, Северная Германия, Северная Италия, Швейцария, впоследствии США и Канада. Эти страны образовали ядро мировой модернизации, центр системы капитализма.

Научное обобщение опыта «первичной» модернизации позволило сформулировать некоторые важные теоретические представления о переходе от традиционного общества к современному. Эти пред-

ставления восходят к концепции «рационализации» М. Вебера, согласно которой отношения в современном обществе являются, по сравнению с конкретными отношениями в традиционном обществе, абстрактными, формально-рациональными. В конечном счете, и свобода хозяйства, и свобода мысли, требующиеся для модернизации, опираются на один принцип - рациональность.

В русле концепции «рационализации» ученые считают, что наиболее высокий ее уровень демонстрирует индустриальный капитализм, при котором эффективно сочетаются общественная организация и предпринимательская этика. Поэтому преодоление эволюционной «отсталости» традиционных обществ они связывают с такими изменениями социальных институтов, которые поощряют развитие рациональности европейского типа, вознаграждают индивидуальные усилия, умственную энергию и изобретательность. В современном обществе основной ценностью, по их мнению, выступает свобода, на основе которой преодолевается присущее традиционным общественным структурам отчуждение человека как производителя и как личности от собственности на средства производства и от власти. Но для успешной модернизации, считают эти исследователи, требуется ответственная свобода, или дисциплинированный индивидуализм⁶⁸. При этом они ссылаются на М. Вебера, который различал индивидуализм «протестантской этики» и недисциплинированный гипериндивидуализм Просвещения.

Свободная ответственная личность - это основа гражданского общества с дифференцированными и автономными институтами экономической, социальной и культурной деятельности. В свою очередь, гражданское общество - это база политической модернизации, целью которой является ограничение всевластия государства, создание либерально-демократической системы и правового государства.

В современной литературе подчеркивается, что модернизация неотделима от эволюции западноевропейской цивилизации вместе с ее североамериканским филиалом, а также от того влияния, которое оказывала эта цивилизация на неевропейские общества. «Первичная» модернизация обеспечила западноевропейской цивилизации военнотехническое превосходство над другими цивилизациями. Вовлекая эти цивилизации в орбиту европейского влияния и мировой торговли,

Запад стал навязать им свою «модель развития», что привело к появлению «вторичной» (неорганической) модернизации⁶⁹.

Опыт «первичной» (органической) модернизации получил осмысление в теории классической модернизации, в рамках которой описывается и объясняется процесс перехода традиционного общества к современному в Западной Европе. Эта теория определила такие векторы политического проекта модернизации, как индустриализация, рыночная экономика, гражданское общество, демократия, правовое государство, рационализм и либерализм, которые и стали индикаторами современного общества.

С помощью понятия «вторичной» (неорганической) модернизации осмысливаются проблемы «прорыва» традиционного образа жизни и формирования «современного» общества в разных странах под непосредственным влиянием социокультурных контактов с уже существующими центрами индустриальной рыночной культуры. В связи с этим эволюционистские трактовки модернизации как повышения сложности общества в результате эндогенного роста его структурной и функциональной дифференциации дополняются диффузионистскими трактовками, отдающими приоритет в развитии экзогенным факторам и разного рода заимствованиям.

Исследователи, изучающие проблемы модернизации, отмечают, что вызов Запада «проявляется в необходимости всем странам реагировать на его существование путем изменений, ускоренного развития, даже независимо от того, вынуждает ли он их к этому или нет»⁷⁰.

С учетом этого вызова была разработана концепция «вторичной» модернизации, в рамках которой выделяют различные ее эшелоны. К одному из них относят страны Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, а также Японию, Турцию и Россию, в которых внутренние, в том числе социокультурные, предпосылки индустриализации и капитализма не могли или не успели еще сложиться. Модернизация в этих сохранявших независимость странах стимулировалась влиянием со стороны Запада. Основным инициатором и организатором модернизационных преобразований в них было государство, которое в условиях угрозы утраты национальной независимости становилось на путь форсированной индустриализации «сверху», активно заимствуя опыт социально-экономического и технического развития более развитых стран.

В странах этого эшелона модернизации проводимые преобразования по-разному охватывали те или иные сферы общественной жизни. В одних странах экономика или высшее образование быстро подтягивались до уровня стран первого эшелона, а политическая система или традиционный уклад жизни претерпевали несущественные изменения. В этих странах модернизация приводила к усилению социальной напряженности в обществе, реформы сопровождались контрреформами. В тех странах, где удавалось примирить экономические и социальные перемены с социокультурными основаниями повседневной жизнедеятельности людей, модернизация воспринималась большинством нации как «общее» дело. Это дало возможность некоторым из таких стран не только сравняться по уровню социально-экономического развития со странами «первичной» модернизации, но и превзойти их (например, Япония).

К другому эшелону вторичной (неорганической) модернизации причисляют страны Азии, Африки и Латинской Америки, где модернизация начиналась с их колонизации. Главным итогом такой модернизации стало возникновение в этих странах системы хозяйства, которая исключала какое-либо их самостоятельное развитие, независимое от метрополии.

Опыт «вторичной» модернизации некоторых стран Юго-Восточной Азии дает возможность исследователям утверждать, что модернизация возможна без «индивидуализации» западного типа, даже при усилении, а не ослаблении традиционной модели культуры⁷¹. Это поставило под сомнение тезис об индивидуальной автономии как необходимом внутреннем качестве экономической культуры капитализма и привело к обсуждению вопроса о возможности «коммунального капитализма» рыночной экономики при коллективной собственности и т.п.⁷² Целый ряд вопросов, требующих еще своего теоретического осмысления в рамках теории модернизации, был поставлен в свое время опытом социалистических стран, где государство полностью взяло на себя инициативу индустриализации и создания для ее успешного осуществления соответствующих социальных и культурных предпосылок при полном господстве государственной (социалистической) формы собственности.

Понятие «вторичной» (неорганической) модернизации является

«идеальным типом», с помощью которого стремятся выявить особенности реализации различных политических проектов «вторичной» модернизации в тех или иных странах и регионах. В частности, С.Хантингтон выделяет три таких проекта: «вестернизация без модернизации», «модернизация без вестернизации» и «догоняющее развитие»⁷³.

«Вестернизация без модернизации» характеризуется внешним усвоением западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. Она связана с разрушением в обществе собственных культурных традиций, без хотя бы частичного заполнения их заимствованными образцами. Такое общество исследователи называют «разрушенным традиционным обществом», не перешедшим на следующую ступень развития. «Модернизацию без вестернизации» иногда называют постмодернизацией⁷⁴. Этот проект получил реализацию в новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии, которые модернизировались, не меняя своей идентичности. В «догоняющем развитии» пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. В рамках этого проекта развивались Россия, Турция, Мексика и некоторые другие страны. В современной литературе отмечается, что под «догоняющим развитием» обычно понимается индустриализация и создание индустриальной культуры. Кроме того, в ходе «догоняющего развития» происходило формирование масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. Производство масс и их организация для индустриализации становились основой, с одной стороны, «догоняющего развития», а с другой - появления в модернизирующихся обществах авторитарных и тоталитарных политических режимов⁷⁵.

Поскольку политические проекты «вторичной» модернизации оказались, как правило, незавершенными, то возникли различные концепции «частичной» модернизации, которые сводили модернизацию, например, к индустриализации, политической модернизации или развитию капитализма. Однако в целом в теории модернизации, описывающей и объясняющей переход к современному обществу, имеются в виду более широкие процессы, чем индустриализация или переход к капитализму. В частности, теория капитализма рассматривается лишь как часть теории модернизации.

В целом теория модернизации, как подчеркивают специалисты,

более или менее адекватно описывает и объясняет модернизационный опыт Запада. Однако она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, мало что дает для понимания модернизации стран третьего мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам также оказалась риторической, показав в очередной раз, что время политических проектов модернизации с присущими им стратегиями «догоняющего» развития как универсальной тенденции XX в. пришел конец⁷⁶.

Различные концепции модернизации получила широкое распространение и в отечественной исторической науке постсоветской эпохи⁷⁷. В конце прошлого века понятие «модернизация» в ней стало одним из самых распространенных объяснительных конструктов. Причем это произошло в то время, когда на Западе, откуда пришло это понятие, концепции модернизации уже стали постепенно оттесняться на задний план⁷⁸.

Распространение модернизационных концепций в российской науке и политике в 90-х гг. XX в. было во многом обусловлено тем, что значительный интеллектуальный сегмент отечественной общественной мысли был готов к их восприятию. Активно разрабатываемые в 50-80-х гг. XX в. американскими и западноевропейскими учеными различные теории модернизации были выполнены в русле методологии однолинейного прогрессизма, суть которой состоит в представлении о том, что существует одна линия общественного прогресса, ориентиры которого задаются наиболее развитыми западными странами. Эти теории модернизации и были призваны указать менее развитым странам, или так называемым переходным обществам, траекторию движения к современному состоянию.

В начале 90-х гг. XX в. в отечественной интеллектуальной среде были «отменены» марксизм и его составная часть - теория общественно-экономических формаций, но не произошло отказа от того стиля мышления, в русле которого она разрабатывалась. Поскольку основой этого стиля была методология однолинейного прогрессизма, постольку концепции модернизации легко вписались в отечественный интеллектуальный дискурс.

В настоящее время в исторической науке понятие «модерниза-

ция» применительно к России используются в самых различных значениях: от понятия модернизации как «обновления» и инновационного развития до понятия модернизации как перехода от традиционного общества к современному (индустриальному). В первом случае понятие модернизации выступает синонимом развития, и поэтому не имеет собственного содержания. Во втором - понятие модернизации наполняется различными содержательными значениями, на основе которых формируются разные варианты теории модернизации. Эта теория применительно к истории России получила воплощение прежде всего в концепциях «догоняющего развития» и «имперской модернизации».

Согласно концепции «догоняющего развития» в России на определенной ее исторической стадии в силу целого ряда причин внешнего и внутреннего характера произошла «задержка» по сравнению с передовыми странами Западной Европы. Эта «задержка» объясняется не только длительной зависимостью России от Золотой Орды, но и процессами, связанными с «первичной» модернизацией на Западе. Развитие капитализма на Западе в XVII-XVIII в. сопровождалось укреплением докапиталистических порядков в тех восточно-европейских странах, в том числе и в России, которые специализировались на экспорте продуктов сельского и лесного хозяйства, спрос на которые в модернизирующихся странах увеличивался по мере роста мануфактур и торговли.

Стремясь ликвидировать «отставание» от передовых западно-европейских стран, российское государство время от времени прибегало к политике модернизации страны «сверху», чем и был обусловлен выбор пути общественного развития России в XVIII-XX вв. как «развития вдогонку». Однако модернизация «сверху» в виде насильственной «вестернизации» периодически заканчивалась катастрофическими срывами российской государственности, а Россия оказывалась в тупике «догоняющего развития»⁷⁹.

В посткоммунистической России также была выбрана модель «догоняющего развития». При этом она столкнулась, как подчеркивает В.Г. Федотова, с коренным противоречием: необходимость политической и экономической модернизации, неосуществленной на предшествующем этапе, была очевидной, но индустриальная систе-

ма была уже построена, а именно, стремление к индустриальному развитию - суть догоняющей модели. Попытка применить модель, хорошо проявившую себя при индустриализации страны, для политической и экономической модернизации, была явно инерционной. В результате применение этой модели обернулось демодернизацией и деиндустриализацией России, не дав шанса на переход к постиндустриальному, постэкономическому, информационному обществу, которое олицетворяет собой сегодняшний Запад⁸⁰.

Согласно концепции «имперской модернизации» преобразования в России проводились во имя сохранения военно-политического статуса империи, усиления ее военно-технической мощи и сохранения национальной независимости⁸¹. В России не было сплоченного предпринимательского класса, который мог бы стать инициатором модернизации «снизу», как в развитых западных странах. Поэтому модернизация в России начиналась по инициативе наиболее активной и дальновидной части правящей элиты, которая, опираясь на мощь государства, не дожидалась, пока для модернизации созреют внутренние предпосылки. Задачей имперской модернизации было создание сильной армии, оснащенной современным вооружением, и сети работающих на нее предприятий. Для этого на Западе выборочно заимствовались технические достижения и научные знания, которые прямо или косвенно относились к военному делу. Нередко такие заимствования стимулировали развитие собственной науки и техники.

Для проведения преобразований в России требовался мощный аппарат управления - огромная армия полицейских и чиновников, необходимо было также осуществить основанную на насилии мобилизацию народных масс. Модернизация в России не была направлена ни на улучшение условий жизни народа, ни даже на обогащение правящей верхушки, хотя побочным ее продуктом являлось неимоверное «казнокрадство»⁸².

Имперская модернизация в силу ее верхушечного принудительного характера почти не затрагивала культуру и повседневную жизнь большей части общества или затрагивала их в отрицательном смысле. Тем не менее, как считают некоторые исследователи, она невольно стимулировала индивидуалистическое начало в ядре русской культуры, по крайней мере, выборочно у отдельных лиц и социальных групп.

Однако как только разрыв между Россией и Западной Европой сокращался до «приемлемых размеров», власть более не нуждалась в проявлении личной инициативы, к которой она относилась с большим подозрением. Коллективное (общинное) начало - опора государственной власти в России - вновь брало верх над индивидуальным. Период реформ заканчивался, наступал период контрреформ, продолжавшийся до тех пор, пока разрыв между Россией и Западной Европой вновь не принимал угрожающих для российской власти масштабов.

Верхушечный, во многом вынужденный характер имперской модернизации предопределял отчуждение основной массы народа от целей и задач преобразований. Модернизация воспринималась народом как «чуждое» явление, что сопровождалось усугублением социокультурного раскола общества, или, как пишет А.С. Ахиезер, потерей взаимопонимания двух слоев общества, один из которых был связан с народной почвой, другой - с оторванным от почвы стремлением к новому⁸³. Это придавало особый характер социальным конфликтам в России. В Западной Европе социальные конфликты возникали, как правило, в рамках общей для них культуры «модернити», поэтому между различными социальными группами западного общества при определенных условиях был возможен компромисс. В России же социальные конфликты были связаны с культурным расколом, который все более усугублялся в ходе имперской модернизаций⁸⁴. Поэтому имперская модернизация в России постоянно сопровождалась социальными катаклизмами.

Примечания

¹ Конев В. Архитектура педагогического пространства//Культурология. 1996. № 1.С. 26.

² ГрейДж. Поминки по Просвещению... С. 279,292.

³ Энгельштейн Л. Постсоветские мысли о ключах к русской духовной истории... С. 26.

⁴ Давыдов ЮН. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности //Вопросы социологии. Вып. 6.1996. С. 71.

⁵ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия и на-

ука. М., 1972. С. 38.

⁶ *Смирнова Н. М.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы... С. 128.

⁷ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность... С. 15.

⁸ *Моисеев Н. И.* Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 71.

⁹ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 126.

¹⁰ *Петров Ю. В.* Практика и историческая наука... С. 213-248.

¹¹ *Толсон Дж.* Все ли относительно? // *Интеллектуальный Форум/2001 год/ 5 выпуск* // if.russ.ru/2001/5/20010626_ed.html

¹² От греч. *nomos* + *tetuo* - устанавливать законы.

¹³ *Власова В. Б.* Исторический факт в потоке парадигмальных сдвигов... С. 72.

¹⁴ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории... С. 123-124.

¹⁵ *Lowith K* Meating in History. Chicago. 1957. P. 1.

¹⁶ *Данто А.* Аналитическая философия истории. М, 2002. С. 12, 176-194.

¹⁷ *Люббе Г.* Что значит: «Этому можно дать только историческое объяснение»? // *THESIS*. 1994. № 4. С. 214.

¹⁸ *Филатов В. П.* Описание, объяснение и понимание в историческом познании // <http://newsrsh.rsh.ru/article.html?id=2752>

¹⁹ *Ракитов А. И.* Историческое познание.... С. 256-272; *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования... С. 230-239.

²⁰ *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории*. М., 1977. С. 72-94; *Ижигов Ю. И.* Теория «охватывающего» закона Поппера-Гемпеля: логико-методологический анализ: Автореф. дис. канд. филос. наук. Л., 1989.

²¹ *Филатов В. П.* Описание, объяснение и понимание в историческом познании // <http://newsrsh.rsh.ru/article.html?id=2752>

²² См. подробнее: *Ионов И. Н.* Историческая наука: от «истинного» к полезному знанию // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4.

²³ *Кимелев Ю. А.* Философия истории. Системно-исторический очерк // *Философия истории. Антология*. М., 1995. С. 17-18.

²⁴ *Ковальченко И. Д.* Теоретико-методологические проблемы исторических исследований... С. 3.

²⁵ *Плетников Ю. К.* Формационная и цивилизационная триады // *Сво-*

бодная мысль. 1998. № 3. С. 109.

²⁶ Методологические поиски в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 84.

²⁷ Там же. С. 75-76.

²⁸ *Энгельштейн Л.* Постсоветские мысли о ключах к русской духовной истории... С. 15

²⁹ *Ковалев А.М.* Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 102.

³⁰ *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады... С. 108.

³¹ *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.

³² *Попов В.Т.* Идея общественной формации. (Становление концепции общественной формации). Кн. 1. Киев, 1992.

³³ *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады ... С. 104.

³⁴ *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 404.

³⁵ *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триады... С. 104.

³⁶ *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Т.* Революционная традиция в России. М., 1986; *Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987; *Симония Н.А.* Что мы построили. М., 1991.

³⁷ *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 31.

³⁸ *Иноземцев В.Л.* Марксистская теория экономического прогресса: истоки и преемники. М., 1992.

³⁹ *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения... С. 32.

⁴⁰ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1976. P. 55.

⁴¹ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 262.

⁴² *Морган Л.Т.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. СПб., 1900.

⁴³ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21. С. 173-174.

⁴⁴ *Соколов В.С.* Социальная философия. М., 2003. С. 322, 328, 338-362.

⁴⁵ *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 48-50.

⁴⁶ *Яковец Ю.В.* История цивилизаций... С. 41, 52-53.

⁴⁷ Там же. С. 44.

- ⁴⁸ Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 150.
- ⁴⁹ Фурсов А.И. Школа мир-системного анализа // *Восток*. 1992. № 1.
- ⁵⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3. *Время мира*. М., 1992. С. 14.
- ⁵¹ Там же. С. 37.
- ⁵² Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода... С. 142.
- ⁵³ Wallerstein I. A World System Perspective on the Social Sciences // *British Journal of Sociology*. 1976. V. 27. N 3. P. 347.
- ⁵⁴ Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода... С. 144.
- ⁵⁵ Wallerstein I. The Morden World System. V. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World Economy. New York, 1974. P. 303.
- ⁵⁶ Ibid. P. 302.
- ⁵⁷ Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода... С. 145.
- ⁵⁸ Европейская цивилизация и капитализм. М., 1991. С. 50.
- ⁵⁹ Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода... С. 145.
- ⁶⁰ Франк А.-Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад // *Латинская Америка*. 1993. № 2.
- ⁶¹ Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода... С. 151.
- ⁶² Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // *Философия и общество: Научно-теоретический журнал*. М., 1997. № 1.
- ⁶³ Кагарлицки Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 19-24.
- ⁶⁴ Там же. С. 42.
- ⁶⁵ Ковалев А.Д. Модернизации теории // *Современная западная социология*. . С. 193; Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны. Статья первая // *Свободная мысль*. 1999. № 1. С. 93.
- ⁶⁶ Козловский В.В., Уткин, Федотова ВТ. Модернизация: от равенства свободе. СПб., 1995. С. 3.
- ⁶⁷ Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны... С. 94.

⁶⁸ Ковалев А.Д. Модернизации теории... С. 194.

⁶⁹ Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны... С. 94-95.

⁷⁰ Козловский В.В., Уткин, Федотова В.Г. Модернизация: от равенства свободе... С. 127.

⁷¹ Ковалев А.Д. Модернизации теории... С. 195

⁷² Berger P.L. The capitalist revolution. New York, 1986. P. 170.

⁷³ Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. New York, 1996. P. 75.

⁷⁴ Трансформация в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 14.

⁷⁵ Федотова В.Т. Теория модернизации и Россия // Гуманитарный ежегодник. 3. Ростов н/Д, 2004. С. 229.

⁷⁶ Там же. С. 226-227.

⁷⁷ Голубев А.В. Новейшая история России в учебниках 1995 года // Исторические исследования в России... С. 56-57.

⁷⁸ Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования. М., 2003. С. 21.

⁷⁹ Плимак К, Пантин И. От смуты до смуты: Россия в тупике «догоняющего развития» // Октябрь, 1993. № 1.

⁸⁰ Федотова В.Г. Теория модернизации и Россия... С. 229.

⁸¹ Хорос В.Т. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 36 ^ 1.

⁸² Фроянов И.Я. Молитва за Россию // Советская Россия. 8 апреля 2000 г.

⁸³ Ахиезер А.С. Россия. Критика исторического опыта. Т.1. М., 1996. С. 141-142.

⁸⁴ Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком... С. 9-13; Красильщиков В.А. Мировые модернизации и судьбы страны... С. 100-101.

Глава 3.

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Умей видеть индивидуальное, наслаждайся уникальным, и истина придет к тебе в своем «архаическом неразумии».

А.Л.

§ 1. Социокультурный и эпистемологический контексты: дискурс Контрпросвещения, неклассическая рациональность и антипозитивизм

Неклассическая модель исторического исследования стала достоянием европейской культуры первой половины XX в., в которой парадигма «Разума Просвещения» сменилась парадигмой «Архаического Неразумия»¹. В самосознании этой культуры, метко названном И. Берлином Контрпросвещением, явственно ощущался кризис просветительской установки пренебрежительного отношения к обыденному социальному знанию и практическому опыту². Это нашло свое отражение в утонченной критике дискурса Просвещения и классической науки за их оторванность от повседневной жизни, от сферы бытия конкретных людей³.

Важнейшими принципами европейской культуры первой половины XX в., сформировавшейся под влиянием первой мировой войны, стали «благоговение перед жизнью» и ориентация на самоценность человека как единственного источника креативности. В этой культуре сложился новый тип рациональности, в стиль которой стала входить способность не только видеть типичное, но и замечать индивидуальное, не отбрасывая его в ходе размышления и познания. Особенность этой рациональности заключалась в умении актуализировать настоящее, понимать новое и, отказавшись от уже существующих стереотипов, вписывать это новое в человеческую жизнедеятельность.

В русле «дискурса Просвещения» рациональность вела мысль через ряд жестко связанных между собой понятий и суждений. В рамках «дискурса Контрпросвещения» мысль стала двигаться по случайным траекториям, ее доминирующей чертой стала ассоциативность. Поэтому движение мысли определялось не отнесением ее к некоему фундаментальному понятию, а обращением к ценностям, из которых исходил мыслящий субъект⁴. Такое «участное мышление» приобретало последовательно аксиологическую природу, а сама культура становилась возможной только как культура диалога, благодаря которому актуализировались любые смыслы иных культур.

Классическая рациональность рассматривала историческую реальность как объект, а исторические факты как «вещи», элиминируя сложные «живые» коммуникации. Поэтому классическая рациональность трактовала познавательную деятельность как субъектно-объектное отношение. Неклассическая рациональность стала воспринимать историческую реальность как сложный и уникальный мир саморегулирующейся повседневности, основанием которой выступают различные картины мира и уникальные духовные коды жизнедеятельности людей.

В связи с этим изменилось представление о предмете исторической науки. В рамках неклассической рациональности история – это не «социальная физика», а наука о субъектах, живых людях и коллективах, в которые они организованы. Поэтому историк в силу природы своего ремесла изучает свой предмет – человека в обществе – не в качестве внешнего «объекта», наподобие естественнонаучных объектов, но таким, каков он по своей сути, т.е. в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъекта, автора и актера жизненной драмы истории, собеседника, участника диалога между прошлым и настоящим. Поэтому историк, намеревающийся раскрыть тайны прошлого, не может не обращаться со своими «вопросаниями» к людям, некогда жившим, и не пытаться завязать с ними диалог, т.е. поставить сохранившимся источникам, созданным этими людьми, интересующие его вопросы и стараться расслышать их ответы, расшифровать их послания. «Столь долго доминировавший в историческом исследовании монологический принцип, при котором был слышен лишь голос историка, наподобие естествоиспытателя, описывав-

шего свой объект, сменяется, - пишет А.Я. Гуревич, - диалогическим принципом: историк вопрошает людей прошлого и внимательно вслушивается в их ответы. Эти ответы подсказывают ему новые вопросы, и так завязывается диалог прошлого с настоящим»⁵.

Исходя из этого, неклассическая рациональность интерпретирует познавательную деятельность в исторической науке как субъектно-субъектное отношение, как диалог культур. Классическая рациональность, провозглашая принцип «нейтральности» субъекта познавательной деятельности, игнорировала его деятельностную природу и удаляла из процедур объяснения все то, что не относилось к объекту науки. Неклассическая рациональность, в которой деятельностная природа субъекта выступала в явном виде, предполагала осмысление соотносительности объясняемых характеристик предмета исследования с особенностями средств и операций научной деятельности⁶.

Если классическая рациональность апеллировала к научной теории, то неклассическая - это апология «здравого смысла» и «метафизика обыденности». В неклассической рациональности «здравый смысл», или «обыденный разум», находил выражение в том, что отражал «повседневную аксиологию», основанную на методологии «самоочевидности». В рамках этой аксиологии сложилось представление о ценностных константах жизни, настолько устойчивых, неизменных и самоочевидных, что обращение к ним не подразумевало собой проблемы. Поэтому методология «самоочевидности» строилась на предположении о том, что в исторической реальности существуют некоторые predetermined стереотипы восприятия и схемы поведения людей как своеобразные стандарты человеческих действий в истории.

В неклассической рациональности «здравый смысл» часто приводил к тому, что реальность прошлого замещалась «бесконечным числом реальностей, равноценных разнообразным суждениям и точкам зрения, обнаруживаемым в настоящем». Это превращало историческую науку в историографию «правдоподобия», основанную на определенной социальной договоренности, на компромиссе между различными интересами, моральными установками и вариантами восприятия истории. Это делало историографическое «здравомыслие» достаточно близким к художественно-литературному мировосприятию⁷.

В рамках такой рациональности не могло не произойти разрыва с позитивистской эпистемологией, «забывшей» о человеке как субъекте познания, и с классической моделью исторического исследования, предметом которой выступала лишь надындивидуальная историческая реальность.

Неклассическая модель исторического исследования начала складываться на рубеже XIX-XX вв. Ее возникновение было когнитивной реакцией на кризис позитивизма как методологической основы классической исторической науки. Этот кризис был обусловлен тем, что позитивистская попытка сциентизации исторического знания по образцу естественных наук оказалась неудачной.

К XIX концу в. позитивизм стал доминирующим течением в интеллектуальной среде в таких странах, как Англия, Франция, США, Россия, Италия, однако он никогда не был безраздельно господствующим в исторической науке. Основным противником позитивизма в то время была очень влиятельная, особенно в Германии, «школа Ранке».

Представители этой школы считали, что история может и должна быть объективным знанием, поэтому ученый должен стремиться, в первую очередь, к выяснению «*wie es eigentlich gewesen ist*» (Л. Ранке)⁸. Однако в отличие от позитивистов, которые большое внимание уделяли «общему» и «закономерному», они являлись сторонниками «индивидуалистического» подхода к истории. В центре внимания представителей «школы Ранке» была история политических /событий и юридических учреждений, которую они в соответствии с этим подходом сводили к деятельности выдающихся личностей. Изучение общих закономерностей исторического процесса они считали бесперспективным занятием, поскольку последние, по их мнению, являются недоступными человеческому разуму.

Научность исторического исследования последователи Л. Ранке усматривали не в теоретических обобщениях, а в критических методах изучения исторических источников, считая, что главная задача историка - это установление достоверных исторических фактов и их описание.

Полемика между историками-позитивистами и представителями «школы Ранке» резко обострилась в конце XIX в., особенно в связи с выступлением К. Лампрехта, одного из крупных представителей

немецкого позитивизма, занимавшегося экономической историей⁹. Критикуя «индивидуалистический» подход к истории, он отмечал, что изучение единичного (особенного) в истории не может считаться научным. Работать научно - это значит устанавливать не особенное, а всеобщее путем упорядочения бесконечного мира особенного и подведения его под общие понятия¹⁰. В противовес «индивидуалистическому» подходу К. Лампрехт выдвинул «коллективистический», согласно которому главными действующими лицами в истории являются не отдельные личности, а массы, деятельность которых обусловлена прежде всего «социально-психическими факторами», «коллективной психологией».

Выступление К. Лампрехта вызвало острую полемику в исторической науке. Противники К. Лампрехта обвиняли его в «материализме» и «фатализме». Сторонники, наоборот, утверждали, что он защищает истинную науку. Вместе с тем, критикуя «примитивную», по их мнению, фактографию представителей «школы Ранке», они впадали в другую крайность, противопоставляя ей не менее схематичный социологизм.

Позитивизм сыграл большую роль в возникновении такой отрасли знаний, как социально-экономическая история. Но само дальнейшее развитие этой отрасли показало вульгарность позитивистских теоретических построений. Известный отечественный ученый-медиевист Е.А. Косминский, показывая на примере изучения аграрной истории место позитивистов в исторической науке второй половины XIX в., писал: «У пионеров аграрной истории средневековой Англии было то преимущество перед более поздними историками, что, открывая новые и неизведанные области, они могли сосредоточивать свое внимание на том, что им казалось общим и типическим, игнорировать местные и индивидуальные особенности или отводить им второстепенное место как исключениям из правила. Их метод был методом широких обобщений. Из огромной массы материала они выбирали только то, что им было нужно для развития основного чертежа. Только такой метод дал им возможность выполнить свою задачу. Смелыми чертами набросали они картину английской средневековой деревни и открыли дорогу новым, более детальным исследованиям»¹¹.

Вместе с тем этот метод имел целый ряд недостатков: обобщения не всегда подкреплялись достаточными фактами; иногда случайные явления объявлялись «типичными»; мало внимания уделялось критике источников. Поэтому исторические построения позитивистов оказались слишком общими и одновременно односторонними. В связи с этим Е.А. Косминский писал, что их исторические исследования, «вскрыв безбрежное море новых и разнообразных фактов, не смогли объединить их в систему, стоящую на теоретическом уровне хотя бы старых построений... Неуверенность, скептицизм, отказ от широких обобщений, условность всех выводов явились неожиданным результатом пристальной работы над конкретным материалом локальных источников»¹².

Таким образом, позитивистская попытка сциентизации исторической науки по образцу естествознания во второй половине XIX в. окончилась провалом. Радикальный научный эмпиризм, примененный к изучению истории, вместо согласия по вопросу об общих тенденциях и закономерностях исторического процесса, открыл предельное разнообразие эмпирических форм, а главное - привел к многообразию их оценок.

Усилению скептицизма относительно претензий позитивизма на выявление общих закономерностей исторического процесса способствовал и кризис европоцентристского исторического мышления, основанного на методологии однолинейного прогрессизма. Историко-позитивисты XIX в. исходили из идеи единства мировой истории и поступательного характера ее развития. Однако это единство понималось упрощенно, мировая история и стадии ее прогресса сводились к истории Европы. Историко-культурологические исследования во второй половине XIX в. показали сложность и многообразие исторического процесса. Европоцентристским иллюзиям был нанесен существенный удар, под сомнение был поставлен вообще вопрос о единстве истории и закономерностях исторического процесса.

Кризис позитивизма в исторической науке был обусловлен и более широким когнитивным контекстом, в котором на рубеже XIX-XX вв. под влиянием революции в физике рушилась механистическая картина мира. Отмечая этот факт, известный французский исследователь Л. Февр писал: «Историки могут упустить из виду то

обстоятельство, что кризис, поразивший их науку, обрушился не только на нее одну. Недуг, постигший историю, явился всего лишь одним из аспектов, а именно историческим аспектом великого кризиса человеческого духа... Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение». В исторической науке пересмотр «оказался всеобъемлющим. Пересмотру подверглись концепции исторического факта, научного закона, случайности»¹³.

На волне этого пересмотра остро проявился кризис классической исторической науки, основанной на позитивистских теоретических схемах, «творивших» логику исторического процесса. В этих условиях происходило формирование неклассической модели исторического исследования, сопровождавшееся изменением интеллектуального ландшафта исторической науки.

Большое влияние на формирование неклассической модели исторического исследования оказали различного рода эпистемологические идеи антипозитивистского характера. Первые шаги в этом направлении, сделанные представителями философии жизни и неокантианства, были затем решительно продолжены сторонниками различных феноменологических и герменевтических подходов.

Философия жизни сформировалась в последней трети XIX в. как оппозиция классическому рационализму «дискурса Просвещения» и как когнитивная реакция на кризис позитивистской интерпретации общества и его истории. Представители философии жизни, показывая несостоятельность механистического и биологического редукционизма в исторической науке, весь огонь своей критики направили против «крайностей» позитивистского натурализма, против сближения истории с естествознанием.

Центральной категорией этого направления стала «жизнь» как первичная духовная реальность, как процесс непрерывного творческого развития. Представители философии жизни считали, что в отличие от природы, в которой господствует закон причинности, исторический процесс подчиняется «судьбе». Тем самым история выводилась из-под власти объективных закономерностей, действующих, по их мнению, лишь в мире природы.

Антипозитивизм философии жизни основывался на утверждении

о том, что иррациональный в своей основе процесс жизни как первичной реальности неподвластен разуму и омертвляющей, разлагающей аналитической деятельности рассудка. Сформулировав представление о том, что жизнь не может быть выражена с помощью абстрактных общих понятий, представители философии жизни противопоставляли позитивистским рассудочно-механистическим способам исторического познания интуитивные, образно-символические методы постижения жизненной реальности.

Один из представителей философии жизни В. Дильтей еще в начале 80-х гг. XIX в. выдвинул тезис о полной противоположности естественнонаучного и гуманитарного познания. Он считал, что методологической основой гуманитарного познания должна стать «описательная» психология, которая в отличие от «объяснительной» экспериментальной психологии, действующей рациональными методами и использующей понятие причинности, способна постичь «основную душевную связь» с помощью переживания.

В связи с этим В. Дильтей разработал метод «понимания» жизни как душевно-духовной целостности. Понимание он рассматривал как непосредственное постижение «жизни» путем проникновения одной «жизни» в другую. В. Дильтей противопоставлял метод «понимания» гуманитарных наук методу «объяснения», который мог применяться, по его мнению, только в естествознании, имеющим дело с внешним опытом и конструирующим свой предмет с помощью рассудка.

Исходя из этого, В. Дильтей противоположность между естественными и гуманитарными науками усматривал в том, что естествознание изучает физические вещи, тогда как предметом гуманитарных наук выступает человеческий дух. При этом В. Дильтей считал, что история имеет дело лишь с живыми конкретными индивидуальностями, взаимодействие которых определяется общей системой целей и ценностей. Задача исторического исследования в том и состоит, чтобы в конкретных целях, ценностях, образах мысли открыть общее соответствие, характерное для «духа» определенной эпохи.

Отрицая объективные закономерности общественного развития и сводя историю к деятельности индивидуальных сознаний, В. Дильтей полагал, что отразить «дух эпохи» в общих понятиях и причинных

зависимостях невозможно. Поэтому он сделал вывод о том, что история - это такая область знания, которая целиком лежит в пределах «внутреннего переживания», принципиально отличного от «внешнего мира» природы. Историк, по мнению В. Дильтея, живет в своем объекте или, скорее, заставляет объект жить в себе. Однако для того, чтобы проникнуть в сокровенный «дух эпохи», историку недостаточно просто почувствовать себя Юлием Цезарем или Наполеоном, так как это еще не составляет знания. Историк, который заново переживает прошлое в своем сознании, должен не просто пережить, но и понять это прошлое. Понимание, считал В. Дильтей, это проникновение, прежде всего, во внутренние глубины психической жизни. Его нельзя достигнуть непосредственно, но лишь через изучение форм, в которых дух объективирует свою активность во внешнем мире¹⁴. Методом исторического познания, соответственно, должно быть понимание как непосредственное переживание исторических событий, на основе которого историк истолковывает и интерпретирует прошлое.

Под влиянием этих идей в историческом познании стало утверждаться представление о том, что «по самому свойству своих материалов история есть строго субъективная наука... История должна, следовательно, защищаться от соблазна подражать методу биологических наук»¹⁵.

Неклассическая модель исторического исследования формировалась также под влиянием идей неокантианства, в первую очередь Баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), познавательные интересы которой затрагивали в первую очередь область методологии истории.

В отличие от В. Дильтея, который различал науки по предмету («науки о природе» и «науки о духе»), В. Виндельбанд предложил различать их по характеру познавательных целей. Одни науки, считал он, «отыскивают общие законы, другие - отдельные исторические факты; цель первых - общее, аподиктическое суждение, цель вторых - суждение единичное, ассерторическое... Одни из них суть науки о законах, другие - науки о событиях; первые учат тому, что всегда имеет место, последние - тому, что однажды было». Этим задачам наук, считал В. Виндельбанд, соответствуют и два разных вида мышления - номотетическое (обобщающее) и идиографическое¹⁶

(индивидуализирующее). Первое господствует в естествознании, второе – в истории. Поэтому науки, рассматривающие действительность с точки зрения всеобщего, выражаемого посредством естественно-научных законов, он относил к «номотетическим», а науки, изучающие действительность с точки зрения единичного в его исторической неповторимости, – к «идиографическим»¹⁷.

Критикуя философию жизни, сформулировавшую положение о том, что «жизнь» не может быть выражена с помощью абстрактных понятий, Г. Риккерт выдвинул идею о том, что мир в целом только и может быть схвачен «теоретическим человеком» в чистых понятиях. Однако существование общего в самой объективной действительности он отрицал. В реальной действительности, как полагал Г. Риккерт, существует только единичное, однократное, индивидуальное. «Только частное, – писал он, – действительно происходит». Поэтому, признавая взаимосвязь между историческими явлениями, он подчеркивал, что историческое целое так же индивидуально, как и составляющие его части¹⁸.

Развивая идею В. Виндельбанда о различии между номотетическим (обобщающим) и идиографическим (индивидуализирующим) методами, Г. Риккерт считал, что это различие обусловлено разными принципами отбора и упорядочивания эмпирических данных, которые приобретают определенную форму лишь за счет априорных процедур «образования понятий».

При «генерализирующем (обобщающем) образовании понятий» из многообразия изучаемых явлений выбираются лишь повторяющиеся, подпадающие под категорию всеобщего. При «индивидуализирующем образовании понятий» отбираются моменты, составляющие индивидуальность рассматриваемых явлений. Первый способ соответствует естественным, второй – историческим наукам. В связи с этим Г. Риккерт считал, что «культурное значение объекта... покоится не на том, что у него есть общего с другими, но именно на том, чем он отличен от них... В сущности, значение культурного явления зависит исключительно от его индивидуальности, и поэтому в науках о культуре мы должны пользоваться индивидуализирующим методом».

В качестве предмета исторической науки В. Виндельбанд рас-

смаатривал процесс осознания и воплощения ценностей. Г. Риккерт предмет истории сводил к культуре как особой сфере опыта, тому, «что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности»¹⁹. Считая, что «история трактует главным образом духовные процессы», Г. Риккерт полагал, что именно в культуре единичные явления соотнесены с ценностями, которые и определяют величину индивидуальных различий, указывая в бесконечном многообразии свойств на «существенное», «уникальное», что собственно и представляет интерес для историка²⁰. Поэтому главная его задача - изучение истории индивидуальных целей и человеческих ценностей.

Г. Риккерт, отмечая, что «индивидуальность не означает изолированности» и между историческими явлениями существуют определенные взаимосвязи, подчеркивал, что эти связи также носят индивидуальный характер. Исходя из этого, он сделал вывод, что исторические события неповторимы и в истории вообще отсутствуют какие бы то ни было закономерности. Поэтому в противовес существующему в естествознании поиску закономерностей, предполагающему установление необходимых и повторяющихся связей между явлениями, Г. Риккерт выдвинул идею изучения «однократного и индивидуального причинного ряда», исключаяющего возможность выражения его посредством понятий законов природы.

В неокантианской методологии истории большая роль в научном исследовании отводилась субъекту познавательной деятельности. «Эмпирическая действительность» писал Г. Риккерт, - представляет собой для нас необозримое многообразие, увеличивающееся для нас по мере того, как мы углубляемся в нее и начинаем разделять ее на ее составные элементы». В силу этого познание, по мнению неокантианцев, является не отображением, а преобразованием действительности, и притом всегда упрощенным. Это является, как считал Г. Риккерт, «неопровержимым доказательством несостоятельности воззрения, будто наука должна дать отображение действительности», ибо сама наука возникает лишь благодаря производимому субъектом преобразованию²¹. Поэтому он считал, что точка зрения ученого на то или иное событие не только независима от предмета познания,

но в сущности она сама создает этот предмет. При этом, однако, у Г. Риккерта речь идет не о произвольности исторических построений, а о том, что всякое историческое описание имеет значение лишь для определенного круга людей²². «История, - писал он - есть нечто большее, нежели произвольное сопоставление произвольно выхваченных фактов, имеющее значение лишь для того, кто опутан оценками определенного исторического культурного круга»²³. Это означает, что Г. Риккерт требовал точного установления исторических фактов, поэтому он уделял особое внимание чрезвычайно важной для историка проблеме критерия отбора исторических фактов. Поскольку величину индивидуальных различий Г. Риккерт определял через «отнесение к ценности», постольку и критерий отбора исторических фактов, по его мнению, должен лежать в аксиологической сфере. Благодаря ценностям, писал он, «мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой»²⁴.

При этом у Г. Риккерта ценности как «смыслы, лежащие над всяким бытием», образуют «совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта», т.е. носят трансцендентный характер, недоступный для непосредственного эмпирического познания. Однако эти ценности объективируются в «культурных благах», и поэтому становятся доступными историку через изучение духовных процессов²⁵. «Отнесение к ценности» выступает у него только в качестве критерия отбора исторических фактов, но не как их «оценка», от которой историк, по его мнению, должен воздерживаться. Дело историка - представить факты, в их взаимосвязи, в целостности, в индивидуальности и неповторимости. Таким образом, Г. Риккерт полагал, что в процессе познания «речь может идти только о субъективирующем истолковании смысла, но никогда не о субъективирующем понимании действительности»²⁶. Это позволяло ему утверждать, что, история дает нам объективные знания, понимая под «объективностью» знаний их «общезначимость». В связи с этим он призывал отказаться от понятия научной объективности, основывающейся на идеальном представлении о познании как отражении истинной реальности. По мнению Г. Риккерта, этот идеал принципиально недостижим, и поэтому он может приводить лишь к скептицизму.

Идеи Г. Риккерта оказали большое влияние на других предста-

вителей антипозитивистского течения в исторической науке, в частности, на М. Вебера, который также полагал, что «отнесение к ценности» упорядочивает историческую действительность. Однако М. Вебер перенес понятие ценностей из трансцендентного мира абстрактного долженствования в реальный мир современности, подчеркивая, что люди пользуются разными системами ценностей, и поэтому само содержание исторического познания определяется индивидуальной точкой зрения исследователя. «Качество данного процесса, - писал М. Вебер, - состоит не только в том, что ему как таковому «объективно» присуще. Оно гораздо больше определяется направлением наших познавательных интересов, ибо оно вытекает из того специфического культурного значения, которое мы в данном индивидуальном случае приписываем указанному процессу»²⁷.

§ 2. Неклассическая модель исторического исследования: предмет и когнитивная стратегия

Под влиянием антипозитивизма в историческую науку были внесены существенные изменения в представления о предмете, когнитивной стратегии и познавательных средствах исторического исследования, о соотношении его результатов и методов.

В основе классической модели исторического исследования лежал принцип социологизма, ориентировавший историка на поиск в первую очередь «общего» и логики исторического процесса. Неклассическая модель исторического исследования стала базироваться на принципе номинализма²⁸, который сложился в русле того типа научной рациональности, в стиль которой входила способность замечать и понимать индивидуальное, неповторимое, акцентируя именно на нем исследовательский интерес.

Принцип номинализма так же, как и принцип социологизма, содержал два аспекта: предметный и методологический. В предметном плане неклассическая модель исторического исследования, преодолевая сциентистскую оторванность позитивизма от сферы бытия конкретных людей, «обретала» человека в его повседневности. Она переосмыслила предмет исторического исследования: строго детерминированная и структурированная надиндивидуальная социальная

реальность уступила место индивидуальной реальности, миру повседневной жизни и дорефлексивных форм обыденного сознания, которые, в отличие от идеальных теоретических конструктов классической науки, не создавались искусственно, а давались исследователю непосредственным и самоочевидным образом.

Номинализм проявлялся в том, что источником и единственным субъектом исторической реальности объявлялся индивид. В связи с этим стало отрицаться онтологическое содержание таких понятий, которые выражают любое социальное целое, например, общество или социальная группа. В предметном плане это означало, что исходным элементом исторического исследования должны выступать не социальные образования как самостоятельные целостности, а индивиды и их взаимодействия, из которых только и должны выводиться характеристики исторической реальности.

В рамках неклассической модели исторического исследования сложилось представление о том, что сциентистская рациональность разрушает живую историческую реальность, превращая ее в «объект» исследования. В связи с этим классическая позитивистская наука была подвергнута критике как репрессивная инстанция, которая с помощью различных априорных теорий, «собирая» историю в единое целое и превращая исторические факты в «вещи», умерщвляла реальную жизнь людей. Поэтому неклассическая модель исторического исследования особое внимание стала уделять жизненному миру людей, повседневности как области «элементарного» измерения смыслов и конечной области значений.

Большую роль в разработке методологического аспекта принципа номинализма сыграл М. Вебер. Исходя из «индивидуализирующего метода» Г. Риккерта, он считал, что любое социальное образование нужно рассматривать «как продукт и способ организации, связи специфических действий отдельных людей, так как только люди могут быть носителями ориентированного действия, имеющего смысл». При этом М. Вебер подчеркивал, что при изучении тех или иных видов «человеческого совместного действия» задача ученого «состоит в том, чтобы свести их к осмысленным действиям, что означает целиком свести их к действиям участвующих отдельных индивидов»²⁹.

Соответственно в методологическом плане принцип номинализма задавал для неклассической модели исторического исследования идиографическую когнитивную стратегию, цель которой — исследование «живых» индивидуальных коммуникаций и уникальных жизненных практик. Идиографическая когнитивная стратегия, основу которой составлял «индивидуализирующий метод», не исключала, однако, возможности использования в историческом исследовании общих понятий. Но эти понятия, лишенные в неклассической науке онтологического содержания, рассматривались лишь как средство познания индивидуального.

М. Вебер считал, что общие понятия являются просто служебными понятиями, своего рода инструментарием, который сам по себе ничего не отражает, но необходим для познания. Рассматривая общие понятия как чисто мыслительные образы, он называл их идеальными типами. При этом М. Вебер подчеркивал, что сами по себе идеальные типы не дают знания об исторической реальности, не являются ее более или менее адекватным воспроизведением. Это — логические модели тех или иных аспектов предметной области исторического исследования, которые, с одной стороны, способствуют более четкому вычленению (артикуляции) этих аспектов, а с другой — служат своеобразными «эталоном», посредством сопоставления с которыми можно судить о мере удаления или, наоборот, приближения к ним исследуемой эмпирической реальности.

В идеальных типах сопрягаются аксиологический и собственно логический моменты познания. Первый, являясь «проектором» определенной «ценностной идеи» на эмпирическую реальность, обуславливает познавательный интерес к индивидуальным явлениям и связям между ними. Второй определяет сам процесс теоретического выделения этих явлений и связей. Поэтому попытки утвердить идеальный тип в качестве «объективно значимого», а потому «должноствующего быть», М. Вебер рассматривал как опасный результат «смещения теории и истории», «гипостазирования идей»³⁰.

Методологический аспект принципа номинализма заключался в том, что историческая наука, обретая человека в истории, тем самым превращала историческое исследование в «субъектно-субъектное» отношение, в «диалог культур»: современной культуры истори-

ка и культуры прошлых народов и эпох. Поэтому когнитивная стратегия неклассической модели исторического исследования состояла в восстановлении смысла чужого опыта повседневности, его коммуникативной и символической природы посредством аксиологического в него «вживания», а также рациональной реконструкции его социокультурного контекста. Основным познавательным средством неклассической модели исторического исследования стало понимание, направленное на «постижение» смысла тех или иных индивидуальных действий³¹.

В рамках неклассической модели исторического исследования основные принципы методологии «понимания» вначале были разработаны М. Вебером в концепции «понимающей социологии», а затем уточнены в середине XX в. в ходе полемики с логическими позитивистами, разработавшими концепцию «объяснения в истории через охватывающие законы» (К. Гемпель)³².

Оппонентом К. Гемпеля стал У. Дрей, который, работая в русле методологии истории Дильтея - Коллингвуда, считал, что историк не может объяснять деятельность людей прошлого без учета смысловой стороны их действий, без понимания их внутреннего мира³³. Дедуктивно-номологическая модель, предложенная логическими позитивистами, как отмечал У. Дрей, приспособлена для объяснения исторических явлений как бы «извне», тогда как мотивы деятельности людей постигаются «изнутри». Поэтому историк, собираясь объяснить то или иное историческое событие, должен понять и реконструировать прежде всего мотивы исторических деятелей. «Цель исторического объяснения, - писал У. Дрей, - состоит в том, чтобы показать: то, что было сделано, надо было сделать потому, что человек имел такие-то и такие-то мотивы»³⁴.

В связи с этим У. Дрей предлагает концепцию «рационального объяснения», основу которой составляет представление о том, что исторические агенты были рациональными существами. Поэтому историк может полагать, что эти агенты перед совершением определенных действий явно или неявно произвели определенные рассуждения - взвесили и оценили свои мотивы, соразмерили цели и средства. Опираясь на эту презумпцию, историк может дать «рациональное объяснение», если он мысленно реконструирует, восстановит то

рассуждение, которое мог произвести герой его повествования. Представляется, пишет В.П. Филатов, что У. Дрей здесь следует по пути М. Вебера, который считал, что в объективной «понимающей социологии» нужно заменить дильтеевскую «эмпатию» (психологическое понимание) более объективным пониманием целерациональных действий³⁵.

В целом схему «рационального объяснения» можно представить следующим образом: 1) поведение исторических агентов основано на «мотивах»; 2) историк полагает, что эти мотивы были «рациональными»; 3) будучи таковыми, мотивы могут быть «рационально реконструированы» историком, причем эта реконструкция осуществляется не через психологическое «сопереживание», а посредством логического рассуждения и его коррекции историческими данными. Кроме того, У. Дрей вводит понятие «диспозициональное объяснение» для обозначения такого вспомогательного типа объяснения, который можно использовать, если исследователю не хватает конкретных исторических свидетельств, чтобы объяснить те или иные рациональные действия людей. «Диспозициональное объяснение» исходит из того, что у человека могут быть достаточно устойчивые свойства характера — «диспозиции» (например, смелость, осторожность, хитрость и т.п.), регулярно проявляющиеся в его поведении.

Важно отметить, пишет В.П. Филатов, что рациональное объяснение, как объяснение через мотивы, вполне очевидно подводит нас к проблеме понимания. В самом деле, как бы ни трактовать реконструкцию и учет содержания «внутреннего мира» других людей, это всегда будет включать ту или иную разновидность понимания. У. Дрею удалось минимизировать герменевтические аспекты в своей концепции за счет введения очень сильной презумпции о рациональности человеческих действий. Конечно, он вполне осознавал, что эти действия могут быть весьма далекими от рациональных, однако тогда, по его мнению, у нас не будет достаточно объективных оснований для их понимания и объяснения³⁶.

Большую роль в разработке принципов методологии «понимания» сыграли работы А. Шюца, который соединил «понимающую социологию» М. Вебера с феноменологической концепцией «жизненного мира» Э. Гуссерля. А. Шюц исходил из теоретического положе-

ния М. Вебера о том, что социальным мы называем «такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»³⁷. Однако А. Шюц подчеркнул, что при этом остается открытым вопрос о том, что такое «смысл социального действия», поскольку М. Вебер просто постулировал его наличие, отождествляя с целью социального действия. По мнению А. Шюца, смысл надо искать в «прафеноменах общественного бытия», в пассивных процессах памяти, в ходе которых мы накапливаем результаты социальных действий и посредством работы сознания превращаем их в свой социальный опыт, на основе которого и конструируем затем социальную реальность³⁸.

Основатель феноменологической философии Э. Гуссерль называл «жизненный мир» само собой разумеющимся миром смыслового опыта. Он считал, что не существует чистого сознания, оно всегда является сознанием чего-либо. «Жизненный мир» и является тем миром, с которым человек вступает в отношение в своем сознании. Феноменология изучает путь человека к социальной реальности, в которой он живет и доступ к которой возможен лишь посредством сознания. Предметом феноменологии является процесс приобретения человеком социального опыта и его конституирования в плане того, как его опыт определяет общение человека с миром. В связи с этим Т. Лукман задачу феноменологии видел в том, что она должна раскрывать «универсальные структуры субъективной ориентации в социальном мире», заниматься не «объяснением всех сторон объективного мира», а исследованием процесса конституирования мира сознанием и конструирования человеком своего мира³⁹.

О феноменологии как одной из парадигм исторического познания в отечественной науке стали писать относительно недавно. При этом вопрос об объекте, задачах и предмете исторической феноменологии сразу же приобрел дискуссионный характер. Одни исследователи отмечают, что если историческое прошлое представляется как совокупность его восприятий в сознании действовавших в истории людей, то объектом исторического познания является то, «в чем это сознание и порожденное им действие объективизировалось». Отсюда, считают они, задача исторической феноменологии - «по-

нять человека прошлого и через него окружающий его мир»⁴⁰.

Другие исследователи подчеркивают, что при таком понимании задач исторической феноменологии ее предмет сливается с исторической антропологией. Они считают, что объектом исторической феноменологии выступает источник как intersубъективная реальность. Историческая феноменология, как подчеркивает А.Л. Юрганов, ищет в исторических источниках проявления индивидуального и общественного сознания, подтвержденные словами и мыслями людей. Поэтому предметом исторической феноменологии является самосознание человека и общества в динамике собственных изменений. Она стремится реконструировать самосознание как систему ценностно-значимых представлений, влиявших на поведение человека. Поскольку контакт исследователя с историческим источником неизбежно ведет к диалогу разных культур, который представляет собой взаимодействие разных мифов, или картин мира, то задача историка-феноменолога состоит в том, чтобы описать миф и реконструировать его причинно-следственные связи в первоначальной семантической оболочке, иными словами, дать «чужой одушевленности» право на монолог. В этом смысле источник – самоцель познания и единственная реальность, несущая в себе собственные и исчерпанные (т.е. самодостаточные) смыслы⁴¹.

Феноменологическая ориентация неклассической науки направляет историческое исследование на систематическое описание и понимание мира повседневности и «чужой одушевленности» как исторической реальности. При этом предполагается, что детальное рассмотрение процесса приобретения социального опыта и его применения в мире повседневности дает возможность обнаружить некоторые универсальные структуры этого процесса. Универсальные структуры субъективной ориентации в мире повседневности, в свою очередь, раскрывают тот фундамент, на котором разворачивается осмысленное действие (М. Вебер), или символическая интеракция⁴².

М. Вебер рассматривал понимание как реконструкцию смыслов социального действия. А. Шюц довел анализ понимания до уровня феноменологической психологии, изначальной данностью которой выступает персональный поток сознания, обладающий своим собственным внутренним временем – мерилom человеческих пережи-

ваний. Рефлексия человеческого сознания по поводу собственных переживаний представляет собой их постоянную интерпретацию, в процессе которой переживание обретает смысл и становится осмысленным переживанием. Поэтому у А. Шюца смысл - это результат интерпретации собственных переживаний, рефлексивно рассмотренных из момента «сейчас»⁴³.

Особое место в контексте проблем понимания в неклассической исторической науке отводится концепции понимания, исходящей из идеи позднего Л. Витгенштейна о «следовании правилу». Л. Витгенштейн полагал, что для объяснения отдельных актов осмысленного поведения людей необходимо понимание целостного контекста этого поведения, который он называл «формой жизни». В свою очередь, он считал, что «форма жизни» неразрывно связана с определенной «языковой игрой». Но любая игра опирается на то, что ее участники следуют одним и тем же правилам. При этом Л. Витгенштейн подчеркивал, что «следование правилу» является базисным феноменом в том смысле, что оно не может и не должно объясняться посредством каких-то теорий, апеллирующих к процессам в сознании людей, следующих правилу.

Идеи Л. Витгенштейна получили конкретную реализацию у П. Уинча, который считал, что историк, изучающий поведение людей других эпох или культур, должен выявить целостный контекст правил и норм (внеисторических или кросскультурных универсалий), которые ориентируют осмысленное поведение этих людей⁴⁴. Поэтому историк, изучая другие культуры, должен в первую очередь постичь - понять и объяснить - иные способы придания смысла как внешней реальности, так и человеческой жизни.

В результате, как считает В.П. Филатов, возникла методология, которую можно охарактеризовать как «холистский релятивизм»⁴⁵. Для П. Уинча мотивы и действия имеют свое подлинное значение только в относительно замкнутых контекстах, определяемых «формами жизни». В них все действия связаны внутренним, смысловым образом, они следуют внутренним «правилам» игры, которые могут быть совершенно чужды представителям иных культур. Эти правила, поскольку они имеют выражение в определенной языковой игре, определяют и особое видение мира, своеобразную форму реальности, которая,

вообще говоря, видима только изнутри формы жизни, а не извне. Раскрыв систему правил, историк может понять и объяснить действия людей. Но это понимание при больших отличиях эпох и культур не может быть полным и адекватным. Та или иная степень перевода иной языковой игры на нашу собственную всегда возможна, поскольку во всех «играх» в качестве базисных присутствуют определенные антропологические универсалии. Однако в целом концептуальное выражение одной культуры в терминах другой, по мнению П. Уинча, можно уподобить переводу на математический язык чего-то существенно нематематического.

Понимание как постижение смысла в неклассической модели исторического исследования тесно связано с герменевтикой как теорией и практикой интерпретации текстов⁴⁶. Основы герменевтики как общей теории интерпретации были заложены Ф. Шлейермахером, который делал упор на «грамматической», лингвистической стороне истолкования. Эту линию сегодня продолжают представители «литературной, или классической герменевтики», которые стремятся понять текст из него самого, а также представители «формального метода интерпретации», типологически сопоставимого с такой традицией, как «социологизм».

В этой традиции интерпретация в качестве исходных презумпций полагает объективность текста, взятого вне приписываемого ему контекстного содержания (Г. Башляр, В. Кайзер, Э. Штайгер). В этой традиции развивается и структурно-семиотическое направление трактовки интерпретации, рассматривающее текст как самодостаточную реальность, при интерпретации которой процедура возведения к автору является избыточной, поскольку смысл текста задается факторами не индивидуально-психологического, а объективно-структурного характера: «ритмы структуры», «порядки организации», «фигуры кода» и т.п. Поэтому интерпретация в этой традиции рассматривается лишь как дешифровка текстового кода.

В качестве альтернативы этой традиции оформляется такой подход к интерпретации, который ориентирован на понимание текста и может быть соотнесен с идиографическим методом гуманитарного познания. В рамках этого подхода интерпретация выступает как реконструкция внутреннего опыта автора текста. Поэтому представи-

тели неклассической герменевтики говорят о неотделимости понимания текста от смыслового контекста его появления и от самопонимания интерпретатора⁴⁷.

В концепциях ряда исследователей обнаруживается тенденция к сближению обоих подходов (П. Рикер, М. Франк). Они считают, что всякое понимание текста опосредовано как контекстом, так и знаками и символами, в которых кодируется его информация. Поэтому интерпретация трактуется некоторыми исследователями как метод перевода формальных символов и понятий на язык содержательного знания⁴⁸. Поэтому условия возможности понимания текста, по их мнению, могут быть эксплицированы на трех уровнях: семантическом, рефлексивном и экзистенциальном⁴⁹.

Семантический уровень - это исследование значений знаково-символических образований. Рефлексивный уровень связан с пониманием текста в контексте самопонимания интерпретатора. Экзистенциальный уровень - с обусловленностью рефлексии субъекта интерпретации его экзистенцией («бытием-в-мире»), тем что «онтология» понимания с самого начала встроена в его «методологию». Различие способов экзистенции, как подчеркивает П. Рикер, порождает конфликт интерпретаций⁵⁰. Отсюда следует центральный постулат неклассической герменевтики о принципиальной открытости интерпретации, которая никогда не может быть завершенной. Кроме того, он считает, что «интерпретация имеет место на трех уровнях исторического дискурса, на уровне документальном, на уровне объяснения/понимания и на уровне литературной репрезентации прошлого. В этом отношении - это элемент проходящего через три уровня поиска истины в истории; интерпретация - компонент самой направленной на истину интенции всех историографических операций»⁵¹.

Таким образом, неклассическая наука, обретя человека в качестве предмета исторического познания, превратила историческое исследование в «субъектно-субъектное» отношение, в диалог культур - культуры историка и культуры изучаемых им людей другого времени. При этом считалось, что историку важно понять идеальные представления людей прошлого о себе, об окружающей действительности, поскольку они вели себя в соответствии с тем образом реальной жизни, который сами себе составили⁵².

В результате, как отмечают специалисты, на «объективное» изображение истории в понятиях и категориях современной науки стало накладываться «субъективное» видение мира людьми прошлого. Координация обеих весьма различных, в принципе, не совпадающих точек зрения сделала картину истории, как пишет А.Я. Гуревич, стереоскопичной, более правдивой, ибо дала историкам возможность избежать модернизации, подстановки в головы людей иной эпохи мыслей и чувств, присущих отнюдь не им, а нашим современникам. Но дело, подчеркивает автор, не исчерпывается «стереоскопичностью». В результате сочетания «внутреннего» и «внешнего» описаний историк достигает «двойного (бинокулярного) видения»: одно опирается на анализ прошлого, пропущенный сквозь современную категориальную сетку (так называемое «научное понимание истории»); другое ведение исходит из восприятия той же самой жизни людьми изучаемого прошлого. Эти две в принципе не могущие совпасть картины должны быть, тем не менее, между собой координированы. Правильно поняты они могут быть только вместе, но не порознь. Лишь их взаимное соотнесение делает картину истории убедительной и отвечающей специфике предмета исторического познания. Сопоставление обоих способов описания - «внутреннего» и «внешнего» - может преподнести неожиданности историку, который по традиции придерживается одного лишь «внешнего» описания. Объяснения, продиктованные его «здравым смыслом», вполне могут обнаружить свою несостоятельность пред лицом логики людей другой культуры и другого времени»⁵³.

Если целью когнитивной стратегии классической модели исторического исследования было создание исторической концепции, охватывающей все стороны исторической реальности в единой теоретической системе, то неклассическая модель исследования нацеливает историка на обнаружение уникальных структур субъективной ориентации в мире повседневности, конституированных сознанием. В этом плане неклассическая модель исторического исследования представляет собой своего рода нарратив, повествовательное описание отдельных сторон обыденной жизни людей, рассмотренной сквозь призму их субъективных ориентации, которые, подобно мозаике, могут складываться в относительно целостный образ повседневности.

Наряду с этими новациями неклассическая модель исторического исследователя сохранила определенную преемственность с классической наукой, прежде всего, по вопросу о «разделенности» субъекта и предмета исторического познания. Классической науке, основу которой составлял позитивизм, было свойственно отчетливое различение субъекта и объекта исследования. Антипозитивисты считали, что подобное различение справедливо лишь для наук о природе, поскольку в науках об обществе субъект и объект познания один и тот же – общественный человек; и, следовательно, различать в познании субъект и объект, стремясь к строгой объективности социального знания, – это и есть позитивизм, подлежащий критическому преодолению⁵⁴.

Однако эта сторона критики позитивизма не получила развития в неклассической исторической науке, которая также, как и классическая наука, придерживалась принципа «разделенности», но не субъекта и объекта, а субъекта-историка и исторического субъекта как предмета научного исследования. На основе этого в неклассической исторической науке сохранилось и убеждение в возможность получения истинного знания о субъективном мире прошлого на основе постижения жизненного мира чужой индивидуальности и воспроизведения его в форме, воспринимаемой культурной традицией познающего субъекта.

В связи с этим в неклассической исторической науке большое внимание уделяется проблемам репрезентации. При этом термин «репрезентация», с одной стороны, используется для обозначения «привилегированного объекта» неклассической модели исторического исследования. «Репрезентация-объект, – пишет П. Рикер, – играет роль привилегированного референта наряду с экономикой, с социальными и политическими факторами: этот референт ограничен, выделен из более широкого поля социальных изменений, которые рассматриваются нами как тотальный объект исторического дискурса». С другой стороны, термином «репрезентация» обозначают «историографическую операцию», которая сама принимает «форму письменной репрезентации прошлого (историописание в узком смысле слова)»⁵⁵.

Неклассическая модель исторического исследования оказала большое влияние на «новую культурную историю», которая, по мнению спе-

циалистов, является одной «из самых динамично развивающихся областей в современной историографии». Благодаря «лингвистическому повороту» в культурной истории, исследователи стали изучать не только культуру как набор ценностей и норм, но и то, как она «работает» и вписывается в социальный контекст. В целом «культурный поворот» привел к тому, что результаты исторических процессов воспринимаются одновременно как глубоко структурированные культурой и зависящие от локальных событий»⁵⁶.

В XX в. в неклассической исторической науке большую роль играли такие направления в изучении исторической реальности, как «история локальных цивилизаций», «история повседневности», «история ментальностей», «микроистория».

§ 3. Основные направления изучения исторической реальности

История локальных цивилизаций. Принципы неклассической модели исторического исследования получили реализацию в XX в., в первую очередь, в концепциях локальных цивилизаций, методологические проекты изучения которых базировались на «отнесении к коллективным ценностям», рассматриваемым как «уникальное» в истории, не поддающееся генерализации⁵⁷.

Представление о цивилизациях как локально-исторических общностях стало складываться еще во второй половине XIX в. в рамках идеи многолинейной дискретной модели истории. Немецкий историк Г. Рюккерт в 1857 г. сформулировал мысль о том, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». История, отмечал он, может осуществляться только в индивидуальной форме «культурных типов», или «культурно-исторических организмов», которые ограничены местом и временем своего существования⁵⁸.

В конце 60-х гг. XIX в. эта идея была переосмыслена русским ученым Н.Я. Данилевским, который в работе «Россия и Европа» сформулировал ряд оригинальных цивилизационных идей. Оценивая вклад Н.Я. Данилевского в разработку цивилизационной теории, Международное общество сравнительного изучения цивилизаций в 1964 г. обя-

вило его «пионером», заложившим основы популярного на Западе подхода пространственно-временной локализации явлений культуры⁵⁹.

Идеи Н.Я. Данилевского в определенной мере предвосхитили отдельные положения теории культурно-исторического круговорота О. Шпенглера, с именем которого связывают появление в начале XX в. устойчивого интереса к истории локальных цивилизаций. Концепция «культурно-исторического круговорота» О. Шпенглера постулировала цикличность развития множества разрозненных, но равноценных по уровню достигнутой зрелости «культурных миров», которые интерпретировались им с позиций принципов не только «философии жизни», но и позитивистского натурализма.

О. Шпенглер рассматривал культуру как целостность форм мышления и единства стилистики, запечатленных в экономической, политической, духовной, религиозной, практической и художественной жизни общества. Считая, что каждая культура проходит одинаковый жизненный цикл, напоминающий жизнь биологического организма, он утверждал, что «живые культуры умирают». В жизни «культурных миров» он выделял три стадии: юность, расцвет и упадок, переходящий затем в цивилизацию⁶⁰. Поэтому «цивилизация, - как писал О. Шпенглер, - есть неизбежная судьба культуры... Цивилизация - это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они - завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, неподвижность за развитием»⁶¹. Поэтому переход к цивилизации рассматривался им как симптом отмирания целого «культурного мира», затухания одушевляющей его культуры.

Большую роль в разработке цивилизационной проблематики в начале 30-х гг. XX в. сыграла французская школа историков, группировавшихся вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», основанного М. Блоком и Л. Февром в 1929 г.⁶² В частности, Л. Февру цивилизация представлялась как «равнодействующая сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, воздействующих в данный отрезок времени в данной стране на сознание людей»⁶³. При этом он полагал, что границы цивилизаций могут пересекать народы и даже проходить через индивидов⁶⁴. Поэтому Л. Февр писал о цивилизациях групп, племен, наций, и континентов,

а также о межконтинентальной и мировой цивилизации. Г.Д. Манн писал, что для Л. Февра «в узком и эмпирическом значении слова общее число цивилизаций, настоящих и прошлых, может быть рассматриваемо как равное числу народов и племен, исчезнувших или живущих, помноженное на число эпох, которые отличают их в истории»⁶⁵.

Таким образом, под цивилизацией Л. Февр понимал социокультурную целостность произвольного масштаба, которая воплощалась в образе жизни и типе ментальноеTM, не жестко связанных с естественно-географической, демографической и социально-политической средой, хозяйственно-экономическими и политическими способами выживания в условиях этой среды⁶⁶. Цивилизация рассматривалась как внешний по отношению к человеку мир, «поссибилистски» формирующий его представления, ценности и установки.

В середине 30-х гг. польский философ Ф. Конечны опубликовал работу «О множественности цивилизаций», в которой предпринял попытку создать «науку о цивилизации»⁶⁷. Эта наука должна была дать общую теорию цивилизации, основные проблемы которой связаны с происхождением и природой многообразия цивилизаций. Ф. Конечны рассматривал цивилизацию как социальную целостность, «особую форму организации коллективности людей», «метод устройства коллективной жизни». Внутренняя, или духовная, жизнь цивилизации, по мнению Ф. Конечны, определяется двумя факторами (категориями) - блага (морали) и истины; внешняя, или телесная, - здоровья и благополучия. Кроме них, жизнь цивилизации может быть описана категорией красоты. Строй жизни и своеобразие цивилизаций обусловлены конфигурацией этих пяти факторов (категорий) и способами связи (методами) между ними. Неограниченность методов как способов связи факторов жизни цивилизаций обуславливает огромное их многообразие⁶⁸.

В 30-40-х гг. XX в. отчетливо проявилась стремление придать локально-цивилизационному подходу статус научной парадигмы. За решение этой задачи взялся А.Дж. Тойнби, написавший на ее основе 12-томный труд «Исследование истории», под впечатлением которой термин «локальная цивилизация» прочно вошел в научный лексикон⁶⁹. Теория локальных цивилизаций А.Дж. Тойнби создавалась в

русле неклассической модели исторического исследования, в которой образ, мифотворческое и эстетическое воображение играли очень важную эвристическую роль. Поэтому цивилизация у него – это не столько понятие, сколько образ, сотканный из интуиции, рациональных и иррациональных элементов.

А.Дж. Тойнби считал, что именно цивилизации являются основным «умопостигаемым полем исторического исследования». Однако некоторые исследователи полагают, что «цивилизация» у А.Дж. Тойнби является всего лишь мыслительным конструктом, задающим это «умопостигаемое поле».

У А.Дж. Тойнби нет определения понятия «цивилизация», но одним из основных, аксиоматических критериев различения цивилизаций у него выступает особенность духовной жизни общества, обусловленная его религиозной спецификой. Поэтому А.Дж. Тойнби рассуждал о цивилизациях как реально существующих обществах особого типа, носящих наднациональный и надгосударственный характер, отличительными чертами которых выступают целостность и замкнутость. Поэтому в качестве «живых» цивилизаций он выделял «западный мир», «православно-христианское», «исламское», «индустское» и «дальневосточное» общества.

В теории локальных цивилизаций А.Дж. Тойнби универсальный смысл приобрела спенсеровская концепция приспособления общества к среде обитания. Он уподобляет цивилизации биологическим видам, имеющим свойственную только им среду обитания, которая также играет большую роль в создании неповторимого облика каждой цивилизации. Историю каждой из цивилизаций А.Дж. Тойнби представлял в виде цикла: зарождение, развитие, расцвет, надлом, упадок и гибель.

Теория локальных цивилизаций А.Дж. Тойнби носит концептуальный характер, что нашло отражение в особом категориальном аппарате его исследования, в котором используются такие специальные термины, как «вызов-и-ответ», «мимесис», «аффилиация», «творческое меньшинство», «внутренний и внешний пролетариат», «всеобщее государство» и др.

Термин «вызов-и-ответ» А.Дж. Тойнби применял, рассматривая проблемы генезиса цивилизаций. Он считал, что цивилизации возни-

кают под воздействием стимулов, идущих или от природы (стимулы «бесплодной земли» и «новой земли»), или от внешнего человеческого окружения (стимулы «удара» и «давления»). Поэтому генезис цивилизаций происходит в результате поиска адекватных Ответов на Вызовы, предъявляемые обществу либо природой, либо внешним человеческим окружением.

А.Дж. Тойнби выделял два пути образования цивилизаций. Первый - это появление цивилизаций непосредственно из примитивных обществ, в которых выделялось «творческое меньшинство», бравшее на себя формирование адекватных Ответов на Вызовы. Второй путь - это возникновение цивилизаций на основе использования достижений предшествующих цивилизаций. В этом случае «творческое меньшинство» выступало в качестве «передатчика» определенного рода социальной информации и создавало социальные «механизмы» мимесиса, основанные на социальном подражании, приобщении через имитацию к социальным ценностям. В качестве носителя социальной информации такого рода у А.Дж. Тойнби выступает церковь, которая в период «междоцарствия», когда «на смену гибнущему социальному телу приходило в муках другое», становилась «жизнетворным центром, ядром нового общества».

А.Дж. Тойнби считал, что цивилизация, возникая в Ответ на Вызовы, вначале проходит период роста, который включает в себя усиливающийся контроль над средой, созданной творческим меньшинством; потом за ростом следуют пора трудностей, возникновение универсального государства и затем дезинтеграция.

А.Дж. Тойнби возникновение и рост локальных цивилизаций связывал в духе «философии жизни» А. Бергсона с энергией «жизненного порыва», а надлом, упадок и разложение - с «истощением жизненных сил». Поэтому в его взглядах на локальную цивилизацию важное место принадлежит понятию «творческое меньшинство», под которым понимался элитарный слой общества как носитель «жизненного порыва». Социальная функция этого слоя состояла в формировании Ответов на Вызовы, в выработке новых идей и самоотверженном проведении их в жизнь, увлекая за собой остальных. Однако с течением времени, как полагал А.Дж. Тойнби, происходило угасание «жизненного порыва» «творческого меньшинства», правящая элита превра-

шалась в замкнутую самовоспроизводящуюся касту. В результате цивилизация вступала в фазу надлома: «творческое меньшинство» уступало власть «господствующему меньшинству», опирающемуся уже не на дарования, а на материальные инструменты власти, прежде всего на силу оружия.

Одной из причин надлома цивилизаций у А.Дж. Тойнби выступает усиление контроля над средой, сопровождающееся милитаризацией общественной жизни. Другой причиной надлома цивилизаций он считал укрепление власти над окружением, что вело в конечном счете к эскалации внутренних войн. В результате в обществе происходил «раскол в духе», в нем появлялся «внутренний пролетариат» – слой людей, ничем не обязанных этому обществу, кроме своего физического существования. «Внутренний пролетариат» стремился стать доминирующим социальным элементом, и поэтому ради этого он был готов на разрушение старого общества.

На этой стадии происходил вертикальный и горизонтальный распад цивилизации. С одной стороны, общество распадалось на ряд локальных государств, что служило основанием для кровопролитных междоусобных войн. С другой – общество раскалывалось на доминирующее меньшинство, не желавшее расстаться со своим господствующим положением и создававшее для его поддержания универсальное государство, и внутренний пролетариат, готовый на уничтожение старого общества. В это же время в мобильные военные отряды организовался внешний пролетариат – народы, окружающие общество, нанося извне удары по гибнущей цивилизации. В борьбе между этими тремя силами происходил распад цивилизации⁷⁰.

В конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. теория локальных цивилизаций, разработанная А.Дж. Тойнби, была подвергнута критике со стороны П.А. Сорокина⁷¹, который отрицал возможность идентификации локальных цивилизаций на основе объективных признаков. Ученый считал, что цивилизация у А.Дж. Тойнби – это достаточно произвольный познавательный конструкт, не существующий вне определенных ценностных ориентации историка⁷². Поэтому П.А. Сорокин, как отмечают исследователи, не признавал значения понятия «цивилизация», во всяком случае, как исчерпывающей по своему содержанию категории в объяснении масштабных социокультурных процессов⁷³.

Неприятие понятия «цивилизация» П.А. Сорокин объяснял тем, что в исследовательской практике оно наполняется различным содержанием, представляя не один и тот же класс, а различные типы организованных социальных групп. Поэтому в историографии, пишет П.А. Сорокин, одни «цивилизации» - это «языковые или этнические группы, чьи члены объединены в реальный коллектив посредством общности языка, территории и этнической культуры, что является результатом их совместного проживания на одной и той же территории и наличия общих предков (реальных или мифологических)». Другие «цивилизации» - это «территориально-государственные группы, объединенные принадлежностью к одному и тому же государству в пределах его территории и соответствующим набором культурных значений, ценностей, норм и интересов, проистекающих из принадлежности к одной и той же территориально-государственной группе». Третьи «цивилизации» - это «религиозно-государственно-языковые группы». Кроме того, имеются «цивилизации», которые представляют еще более сложную «многосоставную» группу с ее комплексным основным набором культурных значений-ценностей-интересов или конфигураций⁷⁴.

Вследствие этого П.А. Сорокин, как отмечают исследователи, не признавал за цивилизациями системности как базового качества⁷⁵. Поэтому он писал, что цивилизации у А.Дж. Тойнби - это «не цельные объекты, а простые конгломераты различных цивилизационных объектов и феноменов (скопления систем и отдельные культурные черты), объединенные только пространственным соседством, но не причинными и смысловыми связями. По этой причине они не являются реальными «социальными видами», и поэтому их едва ли можно трактовать как единицы и едва ли они имеют сходства в процессах генезиса, роста и упадка»¹⁶.

Вместе с тем в работах П.А. Сорокина подчеркивалось, что научный подход должен быть ориентирован и на выявление «реально существующих, причинно взаимосвязанных и внутренне значимых организмов, отличных от всех смешанных культурных образований и малых культурных систем, а также от государства, нации, политических, религиозных, расовых, этнических и всех иных социальных групп»⁷⁷. Эти «значимые организмы» («высокие культуры», «основ-

ные культурно-исторические типы», «обширные целостные системы») П.А. Сорокин называл «культурными суперсистемами»⁷⁸.

«Всякая великая культура, - писал П.А. Сорокин, - есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»⁷⁹. «Культурные суперсистемы» в сильной степени определяют жизнь, организацию и функции малых групп и культурных систем, менталитет и поведение индивидов, множество конкретных исторических процессов и тенденций⁸⁰. В развитии этих суперсистем П.А. Сорокин выделял три поочередно сменяющих друг друга этапа: идеациональная, идеалистическая и чувственная культуры⁸¹. При этом он впоследствии признавал, что дело здесь, в сущности, идет о периодизации истории цивилизаций⁸².

Таким образом, «цивилизации» как идеальному конструкту, не способному выполнять системообразующую функцию, П.А. Сорокин противопоставлял реально существующие «культурные суперсистемы».

Критика П.А. Сорокиным цивилизационных теорий носила не только негативный характер, но и содержала потенциально позитивный методологический импульс. В этом плане особенно важным является замечание П.А. Сорокина о том, что «всеобщая культура практически каждой социальной группы включает в себя не одну культурную систему, объединяющую в одно последовательное целое миллионы значений, ценностей, норм и интересов их членов, но массу идей, ценностей, интересов, целей и принципов, которые частично нейтральны, а частично несовместимы друг с другом; это вполне справедливо, что всеобщая культура каждой цивилизации содержит наряду с центральной культурной системой ее главной группы множество различных, частью нейтральных, частью противоречащих друг другу культурных систем и скоплений»⁸³. Поэтому П.А. Сорокин подчеркивал, что каждая из таких организованных социальных групп составляет сердцевину цивилизации, но, помимо этой главной группы, каждая цивилизация содержит одну или несколько «чуждых групп», которые отличаются по составу своих ценностей и норм от культуры

главной группы. Тем самым П.А. Сорокин, отметив недостатки цивилизационного подхода, намечает дальнейшие ориентиры его развития, которые должны учитывать тот факт, что цивилизация никогда не представляет собой монолит, поскольку «чуждые группы», живущие в данной цивилизации, не являются ее органической частью, их внутренние культуры могут быть не просто несовместимыми с культурой главной группы, но даже враждебными ей. В таком случае каждая цивилизация связана воедино не прямыми связями, а опосредствованно, главным образом через не прямые причинные отношения с несколькими «внешними группами» и их «групповыми культурами», которые входят во всеобщую культуру цивилизации как скопления.

Все это дает основание некоторым исследователям увидеть общее в подходах к изучению культурно-исторического процесса, предложенных, с одной стороны, «цивилизационщиками», а с другой – П.А. Сорокиным с его теорией «культурных суперсистем». При этом они отмечают, что, критикуя своих оппонентов, П.А. Сорокин в то же время сам находил много общего в их воззрениях на культуру с его собственной теорией⁸⁴.

В вышедшей в 1950 г. работе «Социальные философии в век кризиса» (переизданной в 1963 г. под названием «Современные философии истории и социальные философии») П.А. Сорокин сопоставил свою теорию «культурных суперсистем» с «цивилизационными» построениями Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Бердяева, А. Кребера, Ф. Нортропа, В. Шубарта, Х. Ортеги-и-Гассета⁸⁵. При этом он выделил шесть когнитивных зон совпадений собственных взглядов и методологических построений «цивилизационщиков». Эти совпадения состоят в признании того, что:

1. «В безграничном океане социокультурных феноменов существует род обширной культурной сущности, или культурной системы, или цивилизации, которая живет и функционирует как реальная единица». Эти культурно-исторические единицы не идентичны ни государствам, ни нациям, ни другим социальным общностям, их границы не совпадают с географическими границами тех или иных политических, национальных или религиозных групп. Исследователи по-разному называют эти единицы: «культурно-исторические типы», «цивилизации», «культурные суперсистемы», но дело – не в названиях, а

в противопоставлении внутренне интегрированных «культурных суперсистем», или «цивилизаций», дезинтегрированным социальным системам и скоплениям.

2. «Общее число этих единиц во всей истории человеческой культуры было чрезвычайно мало».

3. «Каждый из этих базовых типов культурных образцов отличен один от других».

4. «Каждая из обширных культурных систем базируется на некой «главной предпосылке», или «философском предположении», или «первичном символе», или «конечной ценности», которая связывает, развивает, реализует суперсистему или цивилизацию во всех ее главных разделах, или частях, на всем протяжении ее «жизненной карьеры».

5. Каждая из культурных суперсистем, или цивилизаций, является причинно-смысловой единицей, поскольку она основана, с одной стороны, на причинно-функциональной, а с другой - на логико-смысловой связи. Если ограничить систему причинно-функциональными связями, то она выпадет из сферы культуры, а без наличия этих связей система превращается в «свалку» для разнородных культурных явлений.

6. Существуют общие характеристики «культурных суперсистем», или цивилизаций: 1) реальность суперсистемы, отличная от ее частей; 2) индивидуальность; 3) общая или частная зависимость ее частей одной от другой, зависимость частей от целого, зависимость целого от его частей; 4) сохранение индивидуальности, или «самости», системы, несмотря на изменение ее частей; 5) целокупность изменений (т.е. распространение их на всю систему); 6) самонаправляющее (имманентное) изменение и самоопределение ее «жизненной карьеры», тогда как внешние факторы могут ускорять или замедлять, облегчать или затруднять ее развитие (даже уничтожить ее), но не способны трансформировать ее в нечто радикально чуждое ее внутреннему потенциалу; 7) избирательность системы, в силу которой она воспринимает все, что ей близко по духу, и отвергает несвойственное; ограниченная вариабельность, которая предусматривает некие пределы изменчивости системы, за пределами которой она либо теряет свою индивидуальность, либо разрушается⁸⁶.

Современные исследователи указывают также на то, что П.А. Сорокин выделял и некоторые «дополнительные» сходства в понимании культурно-исторического процесса им самим и сторонниками цивилизационного подхода. Они касаются не сущности самих культурных единиц, действующих в истории, а специфики их проявления и характера культурно-исторического изменения⁸⁷. Во-первых, это - «отрицание линейной концепции исторических процессов как универсального образца для всех исторических изменений и замена ее концепцией многообразности изменений, «циклических», «чередующихся», «колеблющихся свободно, без определенного направления» и линейных только в течение ограниченного периода определенных исторических процессов». Во-вторых, «концентрация внимания на повторяющихся единообразиях, ритмах и «циклах» в социокультурных процессах вместо сосредоточенной охоты за разнообразными, в особенности вечными, линейными тенденциями социокультурной «эволюции и прогресса», как это делалось в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях». В-третьих, это - «сходства в главных «фазах» в истории жизни «цивилизаций», «исторических прототипов», «высших культур» и «культурных суперсистем»⁸⁸.

В связи с этим специалисты отмечают, что П.А. Сорокин и «цивилизационщики» не просто «ищут» в одном и том же направлении, но и «видят» там одно и то же. Совпадения велики и многочисленны, особенно при рассмотрении фаз развития цивилизации или культуры. Каждый исследователь выделял их самостоятельно в соответствии с собственной концепцией, но описанные ими качества оказались практически идентичными. Каждый из них не просто выделяет фазы роста, расцвета и упадка цивилизации или культуры, но и указывает на аналогичные ценности и идейные основания, свойственные той или иной фазе. Например, для «весны» цивилизации в толковании О. Шпенглера, Н. Данилевского и А. Тойнби характерны ориентация на интуитивно постигаемую истину и интуитивное творчество, «внутреннюю» религиозность, преимущественно духовные ценности, санкционированные «свыше» право и этику, религиозное по тематике и содержанию искусство. И, напротив, эта фаза отвергает чувственную этику, эмпирическую науку, материализм в его разных проявлениях. Подобную характеристику дают В. Шубарт своим Эстетическому и Мее-

сианскому прототипам, Н. Бердяев - варварскому и раннему средневековому типам, Ф. Нортроп - «эстетически-интуитивной» культуре и т.д. Позднюю фазу культуры или цивилизации авторы описывают в обратном свете - как предпочтительно чувственные при упадке духовных и религиозных ценностей. Фазе расцвета, соответственно, свойственно равновесие духовного и материального»⁸⁹.

Все это дает основание сделать вывод о том, что П.А. Сорокин критиковал не вообще цивилизационный подход к изучению культурно-исторического процесса, а его недостатки. Поэтому концепция «культурных суперсистем», предложенная П.А. Сорокиным в качестве альтернативы цивилизационному подходу, во многих аспектах, как полагают некоторые современные исследователи, вела не к взаимоисключению теорий, а к их взаимному дополнению⁹⁰.

В середине 50-х гг. XX столетия интерес к изучению локальных цивилизаций стал постепенно угасать. Это привело к тому, что понятие «цивилизация» (в локальном смысле слова) практически исчезает из научного оборота. В связи с этим П. Сорокин в середине 60-х гг. XX в. сетовал на то, что современная наука недостаточно изучает обширные целостные системы, называемые цивилизациями, которые нам еще мало известны⁹¹.

Провал различных политических проектов модернизации во второй половине XX в. и последовавший за этим кризис модернизационных теорий вновь возродили интерес к проблеме локальных цивилизаций. При этом надо отметить, что если в первой половине XX в. актуализация цивилизационных идей была вызвана тем, что в европейской интеллектуальной мысли наметился переход от выявления логики развития социальной реальности к поиску ее ценностных оснований, то в конце XX столетия интерес к локальным цивилизациям был актуализирован в связи с обсуждением различных вариантов структурирования современного мира и рассмотрением человеческого фактора в метастратегии.

Многовариантность исторического развития стала усматриваться не в стадийных, а в типологических различиях, лежащих на разных линиях прогресса. В научном дискурсе был мобилизован эвристический потенциал различных одномерных теоретических концептов локальных цивилизаций. В рамках этих концептов можно выде-

лить «узкое» (однофакторное) и «широкое» (многофакторное) толкования понятия цивилизации. В рамках «узкого» толкования сложились культурологический, этнопсихологический, экологический и социологический подходы.

В научной литературе (за исключением - немецкой) в целом доминирует культурологический подход, в рамках которого локальная цивилизация или отождествляется с культурой, или культура рассматривается как основание цивилизации. Поэтому многие исследователи определяют локальную цивилизацию как широчайшую и в то же время целостную и устойчивую социокультурную общность, обладающую качественной спецификой⁹².

В русле культурологического подхода от М. Вебера идет традиция, в рамках которой основания локальных цивилизаций усматриваются в религии. В русскоязычной литературе наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в работах Л.С. Васильева, в которых цивилизация представляется «в смысле уникальной развитой религиозно-культурной традиции»⁹³.

Сходных позиций придерживается В.М. Межуев, который пишет, что при некоторой спорности «определения цивилизации, отождествляющего ее с культурой (что вообще характерно для англо-американской научной традиции), оно верно фиксирует исходное отличие одной цивилизации от другой - тип религиозной веры, т.е. культуры в той ее части, в какой она еще не отделилась от культа». В этом смысле «религия является как бы последней границей между цивилизациями».

Вместе с тем В.М. Межуев полагает, что «приравнивание цивилизации к религии оправдано не во всех случаях, и, прежде всего, в случае западной цивилизации. Христианство, - подчеркивает автор, - действительно, стало религией Запада по преимуществу, но ведь не только оно создало западную цивилизацию... Возникшая здесь индустриальная цивилизация дает совершенно иное основание для цивилизационной типологии». При этом Запад осознает себя высшей и универсальной цивилизацией, «способной распространиться по всему миру и объединить вокруг себя его части и регионы. Он мыслит себя универсальным по причине не своей религиозности (здесь ему противостоят другие религии), а развитого им типа научной рациональное-

ти, не требующего для себя никакой религиозной санкции»⁹⁴.

Таким образом, в рамках культурологического подхода локальные цивилизации рассматриваются как уникальные культурно-исторические образования, или культурные суперсистемы (по терминологии П.А. Сорокина), имеющие особую социальную и духовную структуру, в которой в определенные отношения вступают ценностно-смысловые и институциональные компоненты, образующие ее социокультурный код. Своеобразие локальных цивилизаций, существующих достаточно автономно, проявляется в различном содержании духовной жизни, общественных структур и исторических судеб.

При этом некоторые исследователи считают, что понятие «цивилизация» может применяться только к тем культурным образованиям, которые обладают творческой способностью к коммуникации и выработке собственных оценок всеобщих универсалий, выражая таковые через призм своих ценностей и исторического опыта⁹⁵.

Этнопсихологический подход в изучении локальных цивилизаций базируется на посылке: сколько народов – столько и цивилизаций. Начало ему положила «этнографическая концепция цивилизаций» Т. Жюффруа, высказавшему в 30-х гг. XIX в. мнение о том, что у каждого народа – своя цивилизация⁹⁶. В рамках этого подхода понятие цивилизации связывается, с одной стороны, с особенностями этнической истории, а с другой – с психологией (национальным характером) того или иного народа⁹⁷.

В научной литературе существуют представления о локальных цивилизациях, базирующиеся одновременно на этнопсихологическом и культурологическом подходах. В этом случае понятие «цивилизация» сводится к «самобытности культуры и психологии каждого народа» при сохранении их взаимообусловленности и внутренней целостности на всех этапах истории. Благодаря чему в определенном «историко-культурном и географическом пространстве тысячелетиями происходит воспроизводство различных «факторов духовной и материальной культуры», «традиций и обычаев» народов⁹⁸.

В рамках экологического подхода сложилось представление о том, что решающее воздействие на характер цивилизации оказывает географическая среда существования того или иного народа, которая оказывает влияние в первую очередь на формы кооперации людей,

постепенно изменяющих природу". Этот подход предполагает рассмотрение локальных цивилизаций в контексте единства общества и среды его обитания. При этом локальная цивилизация понимается как развивающаяся, устойчивая в своих основных типологических чертах историко-культурная и социально-экономическая система, детерминированная особенностями природно-ландшафтных условий и находящая свое выражение в специфическом комплексе хозяйственных, социальных, духовных и психологических черт¹⁰⁰.

В рамках социологического подхода локальные цивилизации определяются как социальные образования, носящие гетерогенный этнический, культурный и конфессиональный характер. При этом одни исследователи считают, что цивилизации, имеющие общий временной и пространственный ареал, существуют как социальные системные общности, благодаря действию механизмов социально-политических связей, включающих отношения сотрудничества и конфликтности¹⁰¹. Другие рассматривают локальные цивилизации как устойчивые «метаэтносоциокультурные общности» и считают, что системообразующие их связи лежат в сфере коммуникации, представляя глубинные символические структуры¹⁰².

В русле «широкого» (многофакторного) толкования понятия локальной цивилизации сложился «синтетический» подход. Представители этого подхода полагают, что всякие «узкие» определения локальной цивилизации имеют тот недостаток, что они носят произвольный характер, поскольку у современной науки нет обоснованного критерия для определения сущности цивилизации. Представители «синтетического» подхода считают, что основу локальной цивилизации составляет не какой-либо один фактор, а взаимодействие самых разных факторов.

Основы «широкой» интерпретации понятия цивилизации были заложены французскими учеными. Так, у А. Ничифоро цивилизация – это совокупность способов бытия и деятельности группы людей, выражающихся в материальной, интеллектуальной и моральной жизни, политической и социальной организации¹⁰³. По мнению М. Крузе, каждая цивилизация определяется совокупностью идей и политических институтов, условиями материальной и культурной жизни, производительными силами и общественными отношениями, всеми

проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности¹⁰⁴. «Широкой» интерпретации понятия цивилизации придерживались и представители школы «Анналов», у которых оно по существу было синонимом слова «общество». Это позволяло, как отмечается в литературе, применять термин «цивилизация» по отношению к любым сложно устроенным обществам, в которых значение имеют как экономические факторы, так и социальная система, как моральные принципы регуляции отношений, так и политическое устройство, как практические знания, так и эстетические идеалы¹⁰⁵.

«Широкое» толкование цивилизации охватывает более «узкие», но оставляет каждому исследователю возможность отстаивать примат «своего» фактора в понимании цивилизации, не исключая при этом, роли других факторов. Поэтому одни исследователей считают, что «цивилизация - это сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу»¹⁰⁶. Другие исследователи, полагая, что критерием выделения цивилизаций должна быть «система ценностных ориентиров общества», указывают на большую цивилизационную роль геоэкономических и историко-политических факторов, а также различных форм эксплуатации¹⁰⁷.

В российской научной традиции в русле «широкого» толкования понятия цивилизации сложилось представление о ней как целостной саморазвивающейся общественной системе, включающей в себя все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов.

Основы такого понимания цивилизации были заложены М.А.Баргом, который охарактеризовал цивилизацию как обусловленный природными условиями жизни, с одной стороны, и объективно историческими ее предпосылками - с другой, уровень развития человеческого субъективизма, проявляющийся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными¹⁰⁸.

Характеризуя взгляды М.А. Барга, исследователи отмечают, что он выделял четыре парадигмальных смысла категории «цивилиза-

ция»: 1) историко-антропологический (цивилизация - это историзованная природа общественного индивида, ее носителя, раскрывающаяся как универсальный стиль различных сторон его жизнедеятельности), 2) социокультурный (совокупность универсально-стилевых, духовных и нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает своего члена в его противостоянии внешнему миру), 3) социологический (диалектическое единство двух субстратов общества как динамической целостности - объективно-необходимого и субъективно-волевого, разрешающегося в процессе целенаправленной человеческой деятельности), 4) исторический (как культурно-исторический тип организации общества, в котором его фундаментальная, конститутивная идея, синтезирующая в нем бытие парадигма, выступает превращенной как его основание).

Давая «широкое» толкование категории «цивилизация», некоторые исследователи рассматривают ее, прежде всего, как целостную систему, имеющую свои собственные качества по сравнению с суммой составляющих ее ингредиентов¹⁰⁹. Образную модель такого понимания цивилизации дает А.М. Ушков, который представил ее в виде «некоторого тела (плода), состоящего из косточки (системы духовных, эстетических и этических ценностей), собственно плодовой мякоти (области экономики, науки, техники) и внешней скорлупы (политической и юридической оболочки)»¹¹⁰.

В зарубежной литературе в рамках «широкой» интерпретации понятия цивилизации, последняя рассматривается не только как внешний по отношению к человеку мир, но иногда противопоставляется и культуре. Надо отметить, что традиция противопоставления цивилизации и культуры была заложена прежде всего в странах германского языка. Немецкие мыслители проводили резкую грань между цивилизацией, включающей материальные факторы, с одной стороны, и культурой, содержащей ценности, идеалы и более высокие интеллектуально-художественные, моральные качества общества - с другой.

Долгое время разграничение цивилизации и культуры сохранялось только в немецкой мысли. Вне Германии преобладало согласие с французским исследователем Ф. Броделем, что «желание на немецкий манер отделить культуру от ее основы - цивилизации - об-

манчиво»¹¹¹. Однако в последнее время в рамках «широкой» интерпретации понятия цивилизации эта традиция была актуализирована учеными в других регионах мира, в частности в Японии и России.

Современные представители этой традиции полагают, что культура относится в первую очередь к ценностным аспектам жизни, а цивилизация представляет собой совокупность предметов и институтов, имеющих четкое функциональное предназначение - машины, технология, политико-экономические учреждения и нормы, массовые коммуникации, транспорт, системы здравоохранения и образования и т.д. Хотя импульс эти вещи и явления могли получить от культуры, в которой были первоначально укоренены, они могут быть перенесены и в другое общество. При таком подходе культура рассматривается как «система жизни, тесно связанная с данной страной или обществом, тогда как цивилизация может рассматриваться как институт или аппарат жизни, которые могут быть использованы людьми в любом обществе»¹¹².

В России сходных позиций придерживается В.В. Ильин, который считает, что «цивилизация с культурой соотносятся как тело с духом. Цивилизация - материальное развитие, общественная организация - телесная оболочка социума, тогда как культура - духовная жизнь, душа его». Культура покоряет духовным, цивилизация материальным величием. Цивилизация - технологична, культура - гуманистична¹¹³.

История повседневности. Методологической основой истории повседневности выступает историческая феноменология, целью которой, как считают некоторые историки, является описание мифа и реконструкция его причинно-следственных связей в семантической оболочке. При этом подчеркивается, что сам исследователь не является «фигурой, находящейся вне рамок исторической феноменологии. Он сам пребывает в рамках относительного мифа своей науки, и будучи субъектом познания, стремится к наибольшему раскрытию своих возможностей»¹¹⁴.

С методологических позиций исторической феноменологии повседневность рассматривается как «жизненный мир», т.е. та историческая реальность, которая возникает и формируется лишь в общении, в постоянно возобновляемом контакте людей¹¹⁵. Повседневность - это тот мир, к которому человек ощущает свою принадлежность, в

котором он живет вместе с другими людьми, принимает в нем постоянное и неизбежное участие, и с которым человек вступает в отношение в своем обыденном сознании.

«Жизненный мир» просто существует, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. Этот мир, писал Э. Гуссерль, «является пространственно-временным миром вещей, каким мы его воспринимаем до и вне всякой науки»¹¹⁶. Развивая идеи Э. Гуссерля, А. Шюц и Т. Лукман пишут: «Под повседневным жизненным миром понимается та область реальности, которая свойственна в качестве простой данности нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простой данностью мы называем все, что переживаем как несомненное, т.е. любое положение дел, которое до поры до времени является для нас непроблематичным»¹¹⁷. В этом определении жизненный мир предстает как «не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения».

История повседневности как направление неклассической исторической науки предполагает изучение исторической реальности в масштабе «*hic et nunc*»¹¹⁸. Историк должен анализировать единичные действия, исторические детали и создаваемые ими факты повседневности»⁹. Поэтому иногда утверждают, что история повседневности - всего лишь «мозаика миниатюр», лишенная теоретической глубины и предназначенная для «легкого чтения». В связи с этим, как отмечают некоторые исследователи, возникает проблема значимости «истории повседневности»¹²⁰.

В неклассической науке при изучении истории повседневности особое внимание придается внутреннему миру человека и различным формам его жизненного опыта, интерпретируя их как воспроизводящую способность сдерживать в обществе деструктивные энтропийные процессы¹²¹.

История ментальностей. В русле повышенного интереса к миру повседневности в неклассической науке сформировалось направление, задающее особый ракурс измерения истории, - история ментальностей.

Термин «ментальность» был введен в этнологию Л. Леви-Брюлем в виде понятия «*mentalité primitive*». Несмотря на проблематичность появления самого понятия «первобытный менталитет», термин

«ментальность» стал затем широко использоваться в различных областях научного знания. Вместе с тем понятие ментальности, как пишет П. Рикер, оказалось чрезвычайно уязвимым «для критики ввиду характерного для него отсутствия ясности и дифференцированности, или, если выразиться мягче, ввиду многообразного его использования в зависимости от контекста»¹²². Однако, несмотря на это, историки также остановили на нем свой выбор. Это было обусловлено тем, что понятие «ментальность» оказалось наиболее подходящим для характеристики специфики предмета неклассической исторической науки. Ментальность, подчеркивает П. Рикер, стала тем «новым объектом» исследования, благодаря которому история, сознательно или неосознанно, теснее сомкнулась с феноменологией, особенно - с «феноменологией действующего и претерпевающего действие человека»¹²³.

История ментальностей как специальное направление исторических исследований появилась во французской исторической науке в 20-30-х гг. XX столетия¹²⁴. В рамках этого направления предметом исследования стала антропологически ориентированная история.

Программа создания исторической науки как науки о человеке в обществе, мыслящем и чувствующем общественном существе, была разработана на страницах журнала «Анналы», созданного М. Блоком и Л. Февром в конце 20-х гг. XX в. В методологическом плане эта программа была эклектичной: она соединила позитивистские интенции Дюркгейма с герменевтическим пафосом немецкого неокантианства. М. Блок и Л. Февр стали использовать понятие «ментальность» применительно к истории европейского средневековья, употреблявшееся до них этнологами лишь в отношении первобытных народов, а также понятие «ментальная оснастка» («умственное оснащение»), при помощи которых, по их мнению, можно было изучать ментальность человека в ту или иную эпоху¹²⁵. В это время ментальность еще не становится предметом самостоятельного исторического интереса, и в историческом исследовании изучение ментальностей играет вспомогательную роль. П. Рикер пишет, что Л. Февр, заимствуя у Л. Леви-Брюля понятие ментальности, делает это для того, чтобы в историю «случаев», составляющую часть исторической биографии, привнести в качестве заднего плана то, что он называет «ментальной оснасткой»¹²⁶.

Затем разработка истории ментальностей как интегральной части социальной истории активно развернулась в 60-х гг. XX в. в рамках «новой исторической науки», благодаря работам в первую очередь Р. Мандру, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа. «Новая историческая наука» включала в себя широкий спектр методологических ориентации, но наиболее отличительной и вместе с тем особенно привлекательной ее чертой, как отмечает А.Я. Гуревич, был и остается постоянный, настойчивый интерес к истории человеческого сознания и поведения¹²⁷. В связи с этим П. Рикер подчеркивает, что именно в пору так называемой «новой истории» понятие «ментальность» было занесено в число «новых объектов истории» и история ментальностей приобретает самостоятельность¹²⁸.

Показывая изучение истории ментальностей, А.Я. Гуревич отмечает, что «анналисты» в свое время немало потрудились над тем, чтобы не только переместить центр внимания с индивидуальной психологии на массовые психические феномены, но и почти вовсе элиминировать или «маргинализировать» историческую личность. В рамках «новой исторической науки» основное внимание также стало уделяться социально-психологическим установкам, автоматизмам и привычкам сознания, способам видения мира, представлениям людей, принадлежащим к той или иной социокультурной общности. Исследователи считали, что в то время как всякого рода теории, доктрины и идеологические конструкции организованы в законченные и продуманные системы, ментальноеTM диффузно, разлиты в культуру и обыденном сознании. По большей части они не осознаются самими людьми, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли.

В настоящее время в неклассической науке актуализирована проблема роли выдающихся личностей в истории. Этот интерес, пишет А.Я. Гуревич, представляется мне одним из симптомов более общего сдвига возвращения к индивидуальному в истории, т.е. естественной реакцией на «разгул» «структур» и игнорирование «короткого», человеческого времени.

В целом история ментальностей является, с одной стороны, как отмечает Ф. Анкерсмит, историей любви, сексуальности, страха смерти, т.е. тех аспектов человеческого существования, которые, как счи-

талось, достаточно невосприимчивы к историческому изменению и обладают почти естественной стабильностью¹²⁹. С другой стороны, история ментальностей, как подчеркивает А.Я. Гуревич, нацелена на реконструкцию картин мира, исходящую из презумпции исторической изменчивости, «инаковости» мировидения человека и его поведения¹³⁰.

В современной неклассической исторической науке проблема «инаковости» мировидения человека и его поведения стала предметом исследования в рамках изучения менталитета социальных групп. Большое влияние на характер такого рода исследований и вообще на становление концепции менталитета в исторической науке сыграли идеи «карнавальной», или «смеховой» культуры, сформулированные выдающимся отечественным филологом М.М. Бахтиным, а также идеи, разработанные в семиотике.

В исследованиях М.М. Бахтина, как отмечается в специальной литературе, в рамках изучения проблем «карнавальной» культуры был по существу заново открыт тот глубинный культурный пласт, который оказался не затронутым официальной церковной культурой и противостоявшим ей. Народная смеховая культура ставила под вопрос все основные ценности «серьезной», элитарной культуры, переворачивая и релятивизируя их. При этом М.М. Бахтин считал, что в области неформального «карнавального» поведения социальных групп культура прошлого «проговаривается» о своих тайнах, в том числе и о таких, о которых люди той эпохи, возможно и не догадывались. Здесь, отмечает А.Я. Гуревич, вскрывается иной, неизведанный уровень исторической реальности, на котором следовало бы искать ответы на многие вопросы, связанные с объяснениями не только художественного творчества, но и исторического процесса вообще¹³¹.

Подчеркивая большое значение понятия «карнавальной» культуры в становлении концепции менталитета в исторической науке, Д. Фильд считает, что важную роль играет также «изучение лубочных изображений перевернутого мира (*the world turned upside down*), ритуального самосуда (*charivari*) и народных фестивалей разных видов»¹³².

Идеи, разработанные в семиотике, имеют большое значение в изучении менталитета различных социальных групп потому, что мен-

§3. Основные направления изучения исторической реальности

тальности, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях, выражают не столько индивидуальные установки, сколько коллективистскую сторону общественного сознания. В этом смысле предмет изучения менталитета отчасти сближается с предметом семиотики.

Авторы, рассматривающие проблему менталитета в контексте семиотики, считают, что «семиотика как наука о знаковых системах осознает себя преимущественно дисциплиной, выросшей из лингвистики, где все сферы человеческой жизнедеятельности понимаются ею как «тексты», знаковые системы которых подлежат расшифровке»¹³³.

При этом некоторые исследователи отмечают большую роль тартуской, или тартуско-московской школы структуральной поэтики и семиотики, в рамках которой были разработаны оригинальные методы изучения письменных текстов. Эти методы позволяют широко использовать письменные тексты как источники информации при изучении менталитета.

Тартуско-московская школа как научное направление (Ю.М. Лотман, В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др.), сформировавшееся в 60-х гг. прошлого века, по мнению некоторых ученых, сама была семиотическим феноменом. Семиотические исследования, проводимые ее представителями, являлись своеобразным культурным «текстом», выразившим дух своего времени¹³⁴. Эти ученые подчеркивают, что основным методологическим стержнем семиотических исследований этой школы было представление о дуалистическом бытии всевозможных проявлений культуры, в основе которого лежит противопоставление «языка» и «речи», сформулированное применительно к языку Ф. де Соссюра.

Согласно такому подходу, любая наблюдаемая нами форма деятельности в обществе, будь то общение на вербальном языке, создание и восприятие произведений искусства, религиозные обряды и магические ритуалы, формы социальной жизни и повседневного поведения, моды, игры, знаки личных взаимоотношений и социального престижа, представляет собой вторичный феномен - «речь» или «текст».

Всякий текст построен на основе некой абстрактности, скрытой

от непосредственного наблюдения системы правил - «языка» и «кода». Любой акт поведения в культурном сообществе представляет собой высказывание на определенном языке; чтобы успешно общаться между собой, его члены должны владеть «кодами», принятыми в этом сообществе. Только знание соответствующих кодов позволяет члену сообщества порождать правильные культурные «тексты», имеющие смысл для носителей данного «культурного» языка и понимать предлагаемые ему «тексты», оценивая их как правильные или неправильные, «осмысленные или бессмысленные, трафаретные или новаторские»¹³⁵.

Эта центральная идея, разработанная тартуско-московской семиотической школой, имеет большое значение при изучении менталитета в том смысле, что ориентирует исследователя на понимание культурных кодов, на основе которых строится текст или речь. Поскольку эти коды создаются носителями определенного культурного языка, то в них отражается и менталитет определенной социокультурной группы.

Отмечая влияние этой школы в становлении понятия «менталитет», американский исследователь Д. Фильд подчеркивает, что большая роль при его изучении должна отводиться не только письменным текстам, но и «вещественным» (жестам, поворотам речи и т.д.), чтобы найти в знаках то, о чем письменные источники безмолвствуют¹³⁶. Данные вещественные источники, следовательно, понимают-ся также как тексты.

В настоящее время существует огромный массив литературы, посвященной истории ментальностей и менталитета различных социальных групп. Однако содержательные границы самого понятия «менталитет», методологические возможности использования его в исследовательской практике трактуются историками далеко не однозначно. При этом надо отметить, что понятие менталитета, которым пользовались многие западные историки, оказалось настолько амбивалентным, что Ж. Ле Гофф в свое время даже предложил смириться с расплывчатостью этого понятия, поскольку «именно в ней усматривается его богатство и многозначность, созвучные изучаемому объекту»¹³⁷. Однако некоторые современные французские историки считают, что понятие ментальное™ бесполезно в качестве

описания и вредно в качестве объяснения¹³⁸. Другие исследователи, признавая научный статус ментальностей в качестве «объекта» исторического дискурса, вместе с тем предлагают отказаться от самого понятия «ментальность» в силу его неадекватности и заменить его понятием репрезентации¹³⁹.

В связи с тем, что в западной науке термин «менталитет» обозначает самые разнородные явления, то, как считают некоторые отечественные исследователи, опираться исключительно на иностранную литературу по этому вопросу нецелесообразно¹⁴⁰. В отечественной науке также не существует наиболее приемлемого определения понятия «менталитет», поскольку и у нас оно распространяется на самые разнообразные проявления человеческой субъектности.

В свое время М. Блок связывал менталитет с вопросами религии и народных верований. Л. Февр, занимаясь историей умственной жизни образованной элиты (что по-английски называется «intellectual history»), считал, что менталитет – это эволюционно и исторически сложившаяся структура, определяющая строй мыслей, чувств и поведения и формирующая систему ценностей и норм индивида или социальной группы¹⁴¹.

М.А. Барг рассматривал менталитет как «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т.е.. повторения»¹⁴². А.Я. Гуревич определял ментальность как наличие у людей того или иного общества определенного умственного инструментария, психологической оснастки, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать мир и самих себя¹⁴³.

Акцентируя внимание на тех или иных проявлениях человеческой субъектности, одни исследователи увязывают содержание менталитета с исторической памятью, традицией; другие – с мировоззрением, мировосприятием, стилем мышления; третьи – с ценностными ориентациями различных социальных общностей. i

Чаще всего менталитет определяют через категорию сознания. Менталитет при этом рассматривается как «глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, установок и предрасположенностей

индивида и социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом»¹⁴⁴. Существует также представление о том, что менталитет – это духовный инвариант бытия, фундаментальный слой сознания, обусловленный культурой и предопределяющий опыт и поведение личности и социальной общности.

Некоторые исследователи предлагают различать менталитет как «осознанное» и культурный архетип как «неосознанное». Если культурный архетип как совокупность символов и смыслов складывается «in factum» и носит неосознанный, устойчивый характер, то менталитет как осознанная система представлений и ценностей складывается «post factum», и поэтому обладает тенденцией к диверсификации. Менталитет как способ выражения знаний о мире и человеке в нем служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением и содержит в первом случае ответ на вопрос, «что это?», а во втором – «как и зачем это?». Атрибутом менталитета выступает идентичность, которая проявляется в способности людей наделять одинаковыми значениями одни и те же явления объективного и субъективного мира, т.е. тождественным образом их сознательно интерпретировать и выражать в одних и тех же символах¹⁴⁵.

Другие исследователи понятием менталитета охватывают и «сознательное», и «бессознательное» и конструируют его многомерную модель, в структуре которой выделяют представления и ценности, выполняющие функции когнитивных и аксиологических мотивов поведения, а также аттитюды и установки как осознанные готовности и неосознанные предрасположенности реагировать определенным образом на ситуацию¹⁴⁶.

В научной литературе понятия менталитета и ментальное™ часто используются как синонимы. Однако некоторые исследователи предлагают их различать. Так, В.В. Козловский пишет, что «в самом общем виде, менталитет – это способ, тип, мышления, склад ума, проявляющийся в познавательном, эмоциональном, волевом процессах и характере поведения, дополняемый системой ценностных установок, присущих большинству представителей конкретной социальной общности». Ментальность есть «способ повседневного воспроизводства, сохранения привычного уклада жизни и деятельности». Совокупность ментальных черт «выражает присущие отдельным

социальным группам и субкультурам традиционные (архаические) структуры социальных представлений, вплетенных в повседневность». Ментальность являет собой не психическое состояние, а социокультурный феномен, поскольку все его элементы даны в качестве символов, кодов культуры, предметных вещественных форм (как результат опредмечивания) и наработанных способов деятельности, т.е. типичных форм практического поведения в социокультурном поле. Менталитет выражает «упорядоченность ментальноеTM и определяет стереотипное отношение к окружающему миру, обеспечивает возможность адаптации к внешним условиям и корректирует выбор альтернатив социального поведения»¹⁴⁷.

Таким образом, В.В. Козловский под ментальностью понимает архаические ценности, духовные коды деятельности, предрасположенности, а под менталитетом – способ когнитивной и поведенческой ориентации. Поэтому, по его мнению, менталитет не содержит в себе ценностей, но вбирает их в совокупность схем собственного восприятия, оценивания и освоения реальности.

Таким образом, проблема определения понятия менталитета обусловлена чрезвычайной сложностью данного социокультурного явления. Дело в том, что определенные критерии, с помощью которых можно идентифицировать рассматриваемый феномен, представляются весьма затруднительными для фиксации. Это обстоятельство применительно к определению содержания понятия «народная индивидуальность» было отмечено в свое время Н.А. Бердяевым, который говорил, что в этом случае «невозможно дать строго научного определения», так как «тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, а потому в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины»¹⁴⁸.

В связи с этим следует, по-видимому, исходить из принципа, сформулированного Ф. Граусом, который также пытался определить понятие менталитета применительно к специфике исторической науки. Суть этого принципа состоит в следующем: понятия не могут быть «правильными» или «неправильными» – они могут быть либо «работающими», либо «неработающими»¹⁴⁹.

В качестве такого «работающего» понятия менталитета, носящего инструментальный характер, можно предложить следующее:

менталитет – совокупность осознанных и неосознанных повседневных представлений, ценностей и установок, присущих так называемой модальной личности.

В настоящее время история ментальностей, как пишет АЛ. Гуревич, постепенно стала изменять свой познавательный статус и перерастать в историческую антропологию, нацеленную на реконструкцию картин мира, исходящую из презумпции исторической изменчивости¹⁵⁰.

Историческая антропология, сложившаяся в 60-х гг. XX в., представляет собой целый спектр течений, таких как историческая демография, история ментальностей, история повседневности, микроистория, а также ряд более узких направлений исследования (история женщин, питания, болезней, смерти, детства, старости, жестов и т.д.).

Историческая наука пришла к исторической антропологии, как отмечают исследователи, в значительной мере через опыт этнологии. Поэтому не случаен особый интерес антропологически ориентированных историков к методу «плотного описания», разработанному в этой дисциплине¹⁵¹.

Метод «плотного описания» (обычный способ полевой работы этнологов) – это стремление понять неизвестное, «чужое» в «текстах» культуры с помощью описательной реконструкции, осуществляемой возможно более полно, предполагающей анализ символических форм (слов, институций, способов поведения и т.п.) и постижение скрытого в них мира смыслов. При этом историко-антропологический подход часто используется как метод исследования «языка» исторической символики, что дает возможность увидеть за этой символикой исторические события как некое социокультурное целое¹⁵².

Таким образом, сущность метода «плотного описания» в исторической антропологии состоит в анализе исторического события как расшифровки культурного содержания и выявления социального дискурса, составляющего смысл происходящего. Такой подход делает возможным проникновение в повседневную жизнь людей и понимание их менталитета

Микроистория. В русле особого интереса к миру повседневности, его деталям и менталитету в неклассической науке сформирова-

лось направление, получившее название микроистории¹⁵³. Поэтому в историографии понятия «история повседневности» и «микроистория» часто сближаются и даже идентифицируются. В частности, С.В. Оболенская пишет, что для историка повседневности микроистория – это метод. В свою очередь, исследовательским полем микроистории чаще всего является история повседневности¹⁵⁴.

Микроисторию рассматривают также в тесной связи с новой культурной историей. Так, А.Б. Соколов, характеризуя микроисторию, пишет: «Особенность микроистории в том, что она ориентирована на единичное и казуальное. Микроистория не претендует на глобальные обобщения или на широкий охват материала. Предметом рассмотрения является случай, то, что произошло с конкретным человеком или в небольшой общности людей. В этом смысле можно говорить, что микроистория изучает повседневную жизнь». При этом А.Б. Соколов считает, что «в методологическом отношении развитие микроистории связано с влиянием концепций постмодернизма»¹⁵⁵.

В связи с этим утверждением необходимо сделать одно замечание. Действительно, «фрагментаризация» реальности и абсолютизация уникального – это одна из характерных примет постмодернистского мышления. Но неклассическая историческая наука всегда испытывала повышенный интерес к «атомизации» истории независимо от постмодернизма. Скорее, наоборот, постмодернизм заимствовал идею «фрагментаризации» из неклассической науки, доведя ее до логического конца, до крайности, распространив ее и на процесс исторического познания. Кроме того, А.Б. Соколов делает вывод о том, что микроисторический подход, нацеленный на изучение отдельного случая, позволяет историку обнаружить, «что было свойственно культуре большинства»¹⁵⁶. Это вообще не вписывается в рамки постмодернистского мышления, в котором «большинству» нет места вообще.

Французский историк Ж. Ревель считает, что появление микроистории как научного направления исторических исследований было следствием краха «четкого глобального социального проекта», который в условиях кризиса доверия индивида к обществу было предложено «поставить в скобки и забыть»¹⁵⁷.

Возникновению кризиса социальной истории способствовали, как отмечает Ж. Ревель, разного рода причины. В то время как инфор-

матика давала возможность хранения и использования существенно более массовых данных, чем прежде, все шире распространялось мнение, что набор вопросов отнюдь не обновляется в таком же темпе, и обширным количественным исследованиям грозит в связи с этим потеря эффективности. Одновременно шел процесс сужения специализации и изоляции конкретных исследований друг от друга. В то же самое время под угрозой оказались великие парадигмы, объединявшие социальные науки, а вместе с ними уходили в прошлое и многие приемы междисциплинарного сотрудничества. В результате под сомнение была поставлена достоверность макроисторического подхода к историческим явлениям, который до сих пор практически не ос-
павивался¹⁵⁸.

В результате на рубеже 70-80-х гг. XX в. в социальной истории, как отмечают исследователи, произошел решающий сдвиг от социально-структурной к социально-культурной истории, связанный с «возвращением» от внеличностных структур к индивиду, к анализу конкретных жизненных ситуаций, с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики, прежде всего в истории ментальностей и народной культуры¹⁵⁹.

В начале 80-х гг. в Италии под руководством К. Гинзбурга началась серия публикаций под названием «Микроистория». Затем сторонники этого подхода появились в других странах, в первую очередь в США и Германии.

Внешне микроистория - это «мозаика миниатюр», поскольку работы по микроистории посвящены изучению одного события, одного места, одной семьи, одного человека. Исследователи, работающие в области микроистории, считают, что исторические события могут быть воссозданы только через реконструкцию действий их участников. Это позволяет раскрыть субъективную сторону исторических событий, увидев, как в них участвуют конкретные люди, каков их менталитет, как они воспринимают происходящее, чем обусловлено их поведение. Поэтому одной из своих главных задач сторонники микроистории считают установление многочисленных и разнообразных коммуникативных связей между действующими лицами истории. В этом они усматривают большие возможности в плане понимания и объяснения истории.

Микроистория фрагментирует, индивидуализирует и персонализирует историю, акцентируя познавательный интерес исследователя не на каузальности истории, а на ее казуальности¹⁶⁰. Методологической установкой микроисторического подхода выступает не включение изучаемого «фрагмента прошлого во все расширяющийся круг заданных некими внешними теоретическими установками внешних связей, а на углубленное выявление собственных свойств именно этого фрагмента «на фоне» индивидуального личного опыта исследователя». Это, как полагают сторонники такого подхода, «при должном тщании и хорошей профессиональной подготовке», может быть, и позволит внутри таких осколков «разыскать нечто намного большее, чем эти осколки сами по себе»¹⁶¹. Поэтому микроистория не сводится к единичному случаю и локальной истории. Своей задачей она ставит не только детальную реконструкцию отдельного исторического события, написание истории какого-либо местечка или биографии его жителей. Задача микроистории состоит также в том, чтобы, ведя детализированное исследование в узком пространстве повседневности, как бы через увеличительное стекло, лучше увидеть более значимую проблему: как происходит реальное влияние людей на исторический процесс. Тем самым микроистория, занимаясь единичными ситуациями, открывает возможность выхода в макроисторию.

Историки при этом часто используют методы «сетевого анализа», которые позволяют изучать «сети» отношений индивидов, возникающие из пространства их индивидуального опыта. Идентификация этих «сетей» позволяет реконструировать формы социальной мобильности, исходя из множественности индивидуальных практик. Для интерпретации этих взаимодействий микроистория заимствует у культурной антропологии модель активного и разумного индивида, делающего для себя выбор в мире неуверенности и принуждений.

Таким образом, микроистория предлагает перевести социоисторический анализ в сферу процессов. Историку, пишет Ж. Ревель, недостаточно заговорить тем же языком, что и действующие лица, которых он изучает. Это - лишь отправной пункт более значительной и глубокой работы по воссозданию множественных и гибких социальных идентичностей, которые возникают и разрушаются в процессе функционирования целой сети тесных связей и взаимоотношений (конку-

ренции, солидарности, объединения и т.д.)¹⁶² - В результате из совокупности индивидуальных выборов в итоге, как подчеркивают исследователи, возникают «макроскопические процессы»¹⁶³. Поэтому в микроистории «выбор индивидуального аспекта, - как подчеркивает Ж. Ревель, - не означает несовместимости с выбором аспекта социального: индивидуальное призвано сделать возможным новый подход к социальному через нить частной судьбы - человека ли, группы людей. А за этой судьбой проступает все единство пространства и времени, весь клубок связей, в которые она вписана». Обращение к опыту индивидуума, группы, территории как раз и позволяет уловить конкретный облик глобальной истории. «Конкретный и специфический, ибо образ социальной реальности, представляемый микроисторическим подходом, это не есть уменьшенная, или частичная, или урезанная версия того, что дает макроисторический подход, а есть другой образ»¹⁶⁴.

«Мозаика миниатюр», свойственная микроистории, пишет С.В. Оболенская, позволяет исследователю рассмотреть отдельные составные «силового поля» как социокультурного контекста событий или явлений. Поэтому сторонники микроисторического подхода считают метод «плотного описания», предложенный «интерпретативной антропологией», недостаточным для достижения этой цели. По их мнению, историк, занимаясь на основе этого метода только расшифровкой символов чужой культуры, «робко останавливается на пороге социальной истории, тогда как важнейшей задачей микроисторического исследования является именно выход в социальную историю, постижение исторической реальности во всей ее сложности»¹⁶⁵.

В свое время Ю.М. Лотман отмечал, что «выбор того пути, который действительно реализуется, зависит от комплекса случайных обстоятельств, но, в еще большей мере, от самого сознания актантов»¹⁶⁶. Поэтому исследователи считают также, что микроистория создает благоприятные условия для изучения «альтернативной истории», т.е. несостоявшихся исторических возможностей и сделанного исторического выбора¹⁶⁷.

Микроистория отличается особой формой исторического знания, поскольку «микроисторики» подчас отказываются от обычной манеры письма и прибегают к иным методам изложения, к иной технике

повествования. Причем поиски формы исторического знания в микроистории, как отмечают специалисты, имеют не столько эстетический, сколько эвристический смысл. Читателя, пишет Ж. Ревель, «как бы приглашают участвовать в конструировании объекта исследования; одновременно он приобщается к выработке его толкования»¹⁶⁸.

В основе микроистории лежит жанр «повествовательной истории». Это - «история-рассказ», приглашающий читателя к диалогу, к размышлениям, к поиску истины. Поэтому в работах «микроисториков» подробно описываются процесс исследования, критика источников, выдвижение гипотез, аргументация и т.д. Такая «история-рассказ», как отмечает К. Гинзбург, включает «гипотезы, сомнения и неуверенность», а поиск истины становится составной частью изложения истины¹⁶⁹.

В связи с этим следует отметить, что, микроистория, занимаясь фрагментами и деталями, единичным и субъективным, сохраняет верность истинной гносеологии. Претендуя на постижение истины и получение истинного знания, «микроисторики» считают, что к истине можно прийти, если исследователь будет занимать позицию «внезаходимости», «невчувствования», а это означает, что историк должен не воображать себя «другим», а обладать способностью рассматривать знакомые вещи как непонятные и неизвестные¹⁷⁰.

Примечания

¹ *Энгельштейн Л.* Постсоветские мысли о ключах к русской духовной истории... С. 24.

² *Берлин И.* Подлинная цель познания. Избранные эссе. М., 2002. С. 262-294.

³ *Смирнова Н.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы... С. 128.

⁴ *Конев В.* Архитектура педагогического пространства... С. 26.

⁵ *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов»... С. 292-293.

⁶ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность... С. 15.

⁷ *Чечель И.* Мифы и «реальность» истории: об одной тенденции в но-

вейшей историографии // Исторические исследования - 2: семь лет спустя. М., 2003. С. 93-100.

⁸ Как это было на самом деле. - *Авт.*

⁹ Об этой полемике см.: *Данилов А.И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958. С. 36-94.

¹⁰ *Кон КС* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 51.

¹¹ *Косминский Е.А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII в... С.21.

¹² Там же. С. 32-33,36-37.

¹³ *ФеврЛ.* Бои за историю... С. 32,34-35.

¹⁴ *Кон К.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 106; *ГайденкоП.П.* Дильтей (Dilthey) Вильгельм // Современная западная социология... С. 85.

¹⁵ *Ланглуа[Ш.]и Сеньобос [Ш.]* Введение в изучение истории. М., 1899. С. 174.

¹⁶ От греч. *idios* + *graph* < *p* - описание своеобразного.

¹⁷ *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904. С. 320.

¹⁸ *РиккертГ.* Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1903. С. 220,337.

¹⁹ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911. С. 120,52-53.

²⁰ *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий... С. 447.

²¹ *Кон КС.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 84.

²² *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре... С. 192.

²³ *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий... С.316.

²⁴ *Риккерт Г.* О понятии философии // Логос. Кн. 1. М., 1910. С. 33,41.

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий... С. 550.

²⁷ Цит. по: *Кон КС.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли... С. 88. (*Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1922. S. 161.)

²⁸ От лат. *nominalis* - именной.

²⁹ Цит. по: *Наумова Н. Ф.* Номинализм в социологии // Современная западная социология... С. 227. {*Weber M.* Schriften zur theoretischen Soziologie. Fr./M., 1947. S. 102.)

³⁰ *Давыдов Ю. Н.* Идеальный тип // Современная западная социология... С. 110-111.

³¹ *Морохова Е. И.* Понимание и его роль в методологии исторического познания: Дис.... канд. филос. наук. Саратов, 2001.

³² *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории.* М., 1977. С. 72-94.

³³ *Прей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // *Философия и методология истории...* С. 37-72.

³⁴ *Dray W.* Laws and Explanation in History. L., 1957. P. 183.

³⁵ *Филатов В. П.* Описание, объяснение и понимание в историческом познании // <http://newsuh.rsuh.ru/article.html?id=2752>

³⁶ Там же.

³⁷ *Вебер М.* Избранные произведения... С. 602-603.

³⁸ *Schutz A.* Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Frankfurt am Main, 1974. S. 15. См. также: *Сивиринов Б. С.* О феноменологической интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2001. № 10.

³⁹ *Luckmann T.* Phänomenologie und Soziologie // Alfred Schutz und die Idee des Alltags in den Sozialwissenschaften. Stuttgart, 1979. S. 197.

⁴⁰ *Медушевская О. М., Румянцев М. Ф.* Методология истории... С. 20.

⁴¹ *Юрганов А. Л.* Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 36, 47-50.

⁴² *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000. С. 81.

⁴³ *Смирнова Н.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы... С. 130.

⁴⁴ *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. М., 1996.

⁴⁵ *Филатов В. П.* Описание, объяснение и понимание в историческом познании // <http://newsuh.rsuh.ru/article.html?id=2752>

⁴⁶ *Савченко Л. А.* Социология повседневности. Ростов н/Д, 2000. С. 120-128.

⁴⁷ *Можейко М. А.* Интерпретация // <http://infolio.asf.ru/Philos/Postmod/interpretatia.html>

- ⁴⁸ Микешина Л.А. Философия познания... С. 304
- ⁴⁹ Малахов В.С. Герменевтика // Современная западная философия... С. 74—76; Агапов О.Д. Метод интерпретации в историческом познании. Дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2000.
- ⁵⁰ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
- ⁵¹ Рикер П. Память, история, забвение... С. 259-260.
- ⁵² Duby G. Histoire sociale et histoire mentalites. Le Moyen Age. Aujourd'hui l'histoire. Paris, 1974. P. 205.
- ⁵³ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов... С. 291-292.
- ⁵⁴ Давыдов Ю.Н. Антипозитивизм в социологии // Современная западная социология... С. 18.
- ⁵⁵ Рикер П. Память, история, забвение... С. 261.
- ⁵⁶ Соколов А.Б. Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002. С. 75-83.
- ⁵⁷ Мчедлова М.М. Цивилизации локальные (концепции) // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 479-484; Ионов И.Н. Теория цивилизаций и неклассическое знание... С. 141-157.
- ⁵⁸ Ruckert K. Lehrbuch der Weltgeschichte in Organischer Darstellung. Bd. 1-2. Leipzig, 1857. Bd. 1. S. 64, 92-96. Bd. 2. S. 479-483.
- ⁵⁹ Вайгачев С.А. Послесловие // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 556.
- ⁶⁰ Тавризян Г.М. Шпенглер // Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 380.
- ⁶¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000. С. 47.
- ⁶² Ерасов Б.С. Цивилизация: слово -термин - смысл // Цивилизации и культуры. Вып. 2. М., 1995. С. 18.
- ⁶³ Февр Л. Бой за историю... С. 282.
- ⁶⁴ Ерасов Б.С. Введение. Цивилизация: слово-термин-теория // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 29.
- ⁶⁵ Mann G.D. Lucien Febvre. La pensee d'un historien. Paris, 1971. P. 50.
- ⁶⁶ Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, 1946. P. 35-37.
- ⁶⁷ Konieczny F. On the plurality of civilizations. London, 1962 (Впервые работа «O wielosci cywilizacji» (Krakow) была опубликована в 1935 г. - авт.)
- ⁶⁸ Солонин Ю.Н. Цивилизация и понимание истории (К оценке «науки о цивилизации» Феликса Конечны) // Вестник С.-Петербург, гос. ун-та. Сер. 6.

1993. Вып. 1(№6).С. 14-15.

⁶⁹ См.: *ТойнбееА. J.* Study of History. V. 1-12. London, 1934-1961.

⁷⁰ *ТойнбиА.Дж.* Постигжение истории. М., 1991. С. 40,222-224,335-336, 477,518; *ТойнбиА.Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.С. 133-134

⁷¹ *Зюзев И. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 143-155.

⁷² *Ионов И. Н.* Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 46-47.

⁷³ *Зюзев Н. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 145.

⁷⁴ *Sorokin P.A.* Reply to My Critics // Pitirim A. Sorokm in Review. Durhem, N.C.: Duke University Press, 1963.P.413.

⁷⁵ *Зюзев Н. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 147.

⁷⁶ *Sorokin PA.* Arnold J. Toynbee's Philosophy of History // The Journal of Modern History 1940. Vol. 12.N3. P. 381.

⁷⁷ *Sorokin P.* Sociological Theories ofToday. London; New York, 1966. P. 177.

⁷⁸ *American Sosiological Review.* 1966. N 5. Vol. 71. P. 494

⁷⁹ *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 429.

⁸⁰ *Sorokin P.* Sociological Theories ofToday... P. 177.

⁸¹ *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество... С. 430-431.

⁸² *Sorokin PA.* Reply to My Critics... P. 409,413-414,425-426,434^36.

⁸³ *Ibid.* P. 413-414.

⁸⁴ *Зюзев Н. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 148.

⁸⁵ *SorokinPA.* Modern Historical and Social Philosophies. New York, 1963.

⁸⁶ *Sorokin PA.* Modern Historical and Social Philosophies... P. 275-277.

⁸⁷ *Зюзев Н. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 150.

⁸⁸ *Sorokin PA.* Reply to My Critics... P. 410.

⁸⁹ *ЗюзевН. Ф.* Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций... С. 151.

^Тамже.С. 151.

⁹¹ *American Sosiological Review.* 1966. N 5. Vol. 71. Paris, 494.

⁹² *МчедловаМ.М.* Цивилизация // Российская цивилизация... С. 486. *Хантингтон СП.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового поряд-

ка(отрывки из книги)//ProetContra. Т. 2. № 2. М., 1997. С. 117.

⁹³ *Васильев Л. С.* Генеральные очертания исторического процесса // *Философия и общество: Научно-теоретический журнал.* М., 1997. № 2. С. 150.

⁹⁴ *Межуев В.* Российская цивилизация: утопия или реальность? // *Россия.* XXI. М., 2000. № 1. С. 48-50.

⁹⁵ *Kavolis V.* Nationalism. Modernization and Polylogue // *Comparative Civilizations Review*, 1991. N25. P. 124.

⁹⁶ *Jouffroy Th.* Du role de la Grece dans le developpement de l "Humanite // *Jouffroy Th.* Melanges philosophiques. Paris, 1833.

⁹⁷ *Бакиев А.* Адыгская цивилизация: Автореф. дисс. ____ канд. истор. наук. Нальчик, 1998.

⁹⁸ *Абдулатинов Р.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // *Научная мысль Кавказа.* Ростов н/Д, 1995. № 1. С. 5-5.

⁹⁹ *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924; *Гиренок Ф. И.* Экология. Цивилизация. Ноосфера. М., 1987; *Кульпин Э. С.* Путь России. М., 1995.

¹⁰⁰ *Черноус В. В.* К вопросу о горской цивилизации // *Россия в XIX - начале XX века.* Научные чтения, посвященные памяти профессора Ю. И. Сегоро. Ростов н/Д, 1992. С. 6-41.

¹⁰¹ *Wilkinson D.* Centre Civilization // *Comparative Civilizations Review*. 1987. N 17. P. 31; *Wilkinson D.* Cites. Civilizations and Oikumens: 1 // *Comparative Civilizations Review*. 1992. N 27. P. 51.

¹⁰² *Найдыш В. М.* Проблема цивилизации в научной мысли нового времени /// *Человек.* М., 1998. № 2. С. 21-23.

¹⁰³ *Niciforo A.* Les indices numeriques de la civilisation et du progres. Paris, 1922. P. 114.

¹⁰⁴ *Crouzet M.* Preface generale des civilisation. Paris, 1953. V. 1. P. 25.

¹⁰⁵ *Ерасов Б. С.* Введение. Цивилизация: слово-термин-теория... С. 16.

¹⁰⁶ *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 37.

¹⁰⁷ *Садков В., Гришкевич Л.* Цивилизационно-информационный подход к анализу общественного развития // *Общество и экономика.* М., 2000. № 1. С. 166.

¹⁰⁸ *Барг М. А.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторических исследований // *История СССР.* М., 1991. № 5.

¹⁰⁹ *Черняк К. Б.* Цивилиография. М., 1996. С. 8-10.

¹¹⁰ Ушков А.М. Восток: политические идеи и политическая практика (традиции и современность) // Социально-политический журнал. М., 1993. №11-12.

¹¹¹ Braudel F. On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 205.

¹¹² Japanese Systems. An Alternative Civilization? A Research Project Team for Japanese Systems. Yokohama, 1992. P. 3.

¹¹³ Ильин ВВ., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 21, 19.

¹¹⁴ Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии... С. 50.

¹¹⁵ Золотухина-Аболина ЕВ. Философия обыденной жизни. Экзистенциальные проблемы. Ростов н/Д, 1994. С. 4-5. См. также: Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М., 2001.

¹¹⁶ Цит. по: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация... С. 74. (Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie / Husserliana. Gesammelte Werke. Bd. VI. Den Haag, 1976. S. 141).

¹¹⁷ Schutz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. I. Neuwied, 1975. S.23.

¹¹⁸ Здесь и сейчас - Авт.

¹¹⁹ Оболенская СВ. «История повседневности» в историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990.

¹²⁰ Оболенская СВ. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // Одиссей, 1996. С. 133-134.

¹²¹ Золотухина-Аболина Е.В. Философия обыденной жизни... С. 4; Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 322.

¹²² Рикер П. Память, история, забвение... С. 263.

¹²³ Рикер П. Память, история, забвение... С. 264.

¹²⁴ Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 5.

¹²⁵ Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии... С. 79.

¹²⁶ Рикер П. Память, история, забвение... С. 267.

¹²⁷ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов... С. 293.

¹²⁸ Рикер П. Память, история, забвение... С. 275-276.

¹²⁹ *Ankersmit F.* History and Tropology. Berkeley, 1994. P. 227.

¹³⁰ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов»... С. 291-293.

¹³¹ *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии... С. 76-78.

¹³² *ФильдД.* История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Материалы международной конференции. М., 1996. С. 19.

¹³³ *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии... С. 75-76.

¹³⁴ *Гаспаров Б.М.* Тартуская школа как семиотический феномен // Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 279.

¹³⁵ Там же. С. 286-287.

¹³⁶ *ФильдД.* История менталитета в зарубежной исторической литературе... С. 18.

¹³⁷ и ^{СТО}Р^ИЯ ментальностей. Историческая антропология... С. 40.

¹³⁸ *Lloyd G. E. R.* Demystifying Mentalities. Cambridge University Press, 1990.

¹³⁹ *Рикер П.* Память, история, забвение... С. 279.

¹⁴⁰ Ментальность россиян. (Специфика сознания больших групп населения России). М., 1997. С. 10.

¹⁴¹ *ФильдД.* История менталитета в зарубежной исторической литературе... С. П.

¹⁴² *БорзМ.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 4.

¹⁴³ *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 63-65.

¹⁴⁴ *Самыгин С.И., СтоляренкоЛ.Д.* Общественные настроения и будущее России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. № 3. С. 61.

¹⁴⁵ *Лубский А. В.* Что такое культурный архетип, менталитет и национальный характер? // Культурология в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1997. С. 55-61.

¹⁴⁶ *Лубский Р.А.* Политический менталитет: методологические проблемы исследования. Ростов н/Д, 2002. С. 26.

¹⁴⁷ *Козловский ВВ.* Понятие ментальное™ в социологической перспективе // Социология и социальная антропология. СПб., 1997. С. 35.

¹⁴⁸ *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 43.

¹⁴⁹ *Graus G.* Mentalitnt - Versuch einer Begriffbestimmung und Methoden

der Untersuchung// Mentalitäten im Mittelalter. Sigmaringen, 1987. S. 11.

¹⁵⁰ ГуревичА.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов... С. 291-293.

¹⁵¹ Оболенская СВ. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта... С.131-132.

¹⁵² История ментальностей. Историческая антропология... С. 162-163.

¹⁵³ Levi G. On Micro-history // New Perspectives on historical Writing / Ed. P. Burke.-Oxford, 1991.

¹⁵⁴ Оболенская СВ. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта... С. 130.

¹⁵⁵ Соколов А.Б. Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002. С. 102.

¹⁵⁶ Там же. С. 105.

¹⁵⁷ Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 239-240.

¹⁵⁸ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального//Одиссей. М., 1996. С. 112-113.

¹⁵⁹ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории... С. 30.

¹⁶⁰ Burke P. The Historical Antropology of Early Modern Italy. Cambridge, 1987. P. 3-4; Крам М.М. Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // Отечественная история. 1999. № 6. С. 92.

¹⁶¹ Бойцов М.А. Вперед к Геродоту // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999. С. 41.

¹⁶² Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального... С 116.

¹⁶³ Лети Б. Общество как единое целое. Неудача картезианского обобщения//Одиссей. М., 1996. С. 158-159.

¹⁶⁴ Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального... С. 114-119.

¹⁶⁵ Оболенская СВ. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта... С. 130.

¹⁶⁶ Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 360.

¹⁶⁷ Оболенская СВ. Некто Йозеф Шеффер, солдат гитлеровского вермахта... С. 131-133.

¹⁶⁸ *Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального... С. 130.

¹⁶⁹ *Ginzburg C.* Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiss // Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag, 1993. S. 182.

¹⁷⁰ *Medick H.* «Missionare im Ruderboot»? Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // A U tagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Hrsg. A. Ludtke Frankfurt a M.; New York, 1986. S. 164.

Глава 4.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Играй в игры интерпретаторов, забавляйся интеллектуальным плюрализмом. Истина — миф, тебе — все дозволено.

А.Л.

§ 1. Новая конфигурация «мироцелостности» и постмодернистское мышление

Постмодернизм как «эмоциональное течение, проникающее во все поры современной интеллектуальной жизни» (Ю. Хабермас), как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности возник в европейских странах, прежде всего во Франции, в конце 70-х гг. XX в. «как антитеза культуре, базирующейся на ценностях и идеалах Просвещения»¹. Постмодернизм иногда рассматривается как ответ на социальный «заказ» неолиберализма и связанной с ним эпохи «конца истории», переходящего в «столкновение цивилизаций»².

Термин «постмодернизм», согласно Б. Тэйлору, впервые стали использовать независимо друг от друга Л. Стейнберг и Ч. Дженикс для характеристики определенных художественных стилей³. Как отмечают исследователи, у Л. Стейнберга «постмодернизм» совпал с сознательным отказом от воспроизведения реальности как таковой в пользу экспериментов в области различных сочетаний готовых образов реальности в рамках единого живописного пространства. «Постмодернизм» у Ч. Дженикса характеризуется эклектизмом и двойственностью смысловой кодировки, цель которой заключается в стремлении к одновременному диалогу, как с широкой публикой, так и с просвещенным меньшинством - профессионалами⁴.

Постмодернизм складывался постепенно под влиянием различных интеллектуальных течений: от прагматизма, экзистенциализма и психоанализа до феминизма, герменевтики, постэмпирической фило-

софии науки. Эпистемологические корни постмодернизма специалисты усматривают в воззрениях Ф. Ницше (анализ проблематичных отношений языка к действительности), Ч.С. Пирса (семиотика, согласно постулатам которой любая человеческая мысль неизбежно облечена в знаки); Ф. де Соссюра (лингвистика, постулировавшая произвольность связей между словом и предметом, знаком и означаемым); Л. Витгенштейна (анализ языкового структурирования человеческого опыта); М. Хайдеггера (экзистенциалистско-лингвистическая критика метафизики); Эд. Сепира и Б.Л. Уорфа (лингвистическая гипотеза о том, что язык формирует восприятие действительности ровно в той мере, в какой действительность формирует язык); М. Фуко (генеалогические исследования в области социального конструирования знания).

Истоки постмодернизма непосредственно связаны с «лингвистическим поворотом» - языковой революцией, нашедшей свое выражение в лингвистической философии Л. Витгенштейна («Логико-философский трактат»), феноменологии Э. Гуссерля («Логические исследования»), фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и обозначающей переход от классической философии, рассматривавшей сознание в качестве исходного пункта философствования, к философии неклассической, которая выступила с критикой метафизики сознания и обратилась к языку как альтернативе картезианского *cogito*⁵.

Благодаря «лингвистическому повороту» стало ясно, что язык - это не столько посредник между человеком и реальностью, а самостоятельная реальность, которая создает и самого человека, и его мир. Язык, вырвавшись из своих пределов, стал подчинять себе внеязыковое пространство. Так, Л. Витгенштейн, трансформируя кантовский «высший принцип синтетических суждений» («условия возможности познания одновременно являются условиями возможности объектов, данных в опыте»), высказал идею о том, что «возможности описания переживаемых фактов, т.е. пропозициональные высказывания как репрезентации фактов, одновременно являются условиями возможности фактов, поддающихся описанию»⁶.

М. Хайдеггер, пожалуй, первым заговорил о том, что в языке следует видеть нечто большее, чем предмет лингвистического анализа. Язык, по Хайдеггеру, - это дом Бытия, пронизанный его стро-

ем; через него постигается само Бытие. М. Хайдеггер назвал язык голосом истины самого Бытия, Домом его, в который надо вслушиваться, чтобы услышать истину как таковую. Затем Ф. Анкерсмит в «Нарративной логике», выполненной в русле «лингвистического поворота», показал, что принцип «предикат содержится в субъекте» относится и к тому, что он называет «нарративными субстанциями», т.е. к таким понятиям, как Ренессанс или Французская революция. Например, рассказ о Французской революции может быть рассмотрен как развертывание значения этого понятия. Из этого наблюдения, как отмечают специалисты, следует, что логика исторического дискурса определяется семантическими структурами исторических понятий⁷.

В конечном счете «лингвистический поворот» в гуманитарных науках впервые осуществил переход от теоретического обоснования существования априорных условий познания общества к эмпирическому исследованию, исходящему из конструктивистской гипотезы⁸.

В связи с особой ролью «лингвистического поворота» в гуманитарном познании надо отметить, что внимание к языку в европейской культуре идет из многовекового христианского прошлого, с его представлениями о Божественном творящем Слове как прообразе человеческого слова. По мере того, как чувство власти Божественного Слова над человеком становилось менее сильным, менее безусловным, «центр тяжести» постепенно начал смещаться в сторону слова человеческого. Это последнее стало насыщаться смыслами, не собственными ему прежде, даже избыточными. Европейский человек стал искать новую опору в слове, когда начал переставать находить ее в Слове Божественном. Поэтому «открытие» языка в качестве самостоятельной реальности - это, по сути дела, не столько открытие, сколько воспоминание.

У истоков «лингвистического поворота» стоял швейцарский филолог, лингвист и антрополог Ф. де Соссюр, которого считают родоначальником структурализма в языкознании. Он первым высказал мысль о том, что язык - это система знаков. При этом он считал, что любая знаковая система функционирует благодаря различиям между ее элементами. Смысл каждого элемента (знака) определяется исключительно в результате его отношения к другому элементу, т.е. исходного, из-

начального и внеязыкового (внесистемного) смысла элемент не имеет. Взаимосвязь между компонентами знака и его концептуальным компонентом (связь «означающее» – «означаемое») произвольна, исторически обусловлена и, следовательно, не абсолютна⁹.

Это и позволило затем структуралистам распространить понятие языка за пределы лингвистики, на все те области, где можно обнаружить знаки, прежде всего на культуру. Структуралисты описывали культуру как совокупность языков, а поэтому могли ее исследовать при помощи лингвистических и семиотических методов. В связи с этим Р. Барт писал: «Культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, регулируемая одними и теми же операциями; это символическое поле обладает единством, и культура во всех аспектах представляет собой язык».

Как только идея языка распространилась на культуру в целом, стало расширяться, насыщаться новыми смыслами и значение тех понятий, которые прежде были чисто лингвистическими, а теперь начали претендовать на ведущие позиции в культурном мышлении. Одним из таких ключевых понятий стало понятие текста, которое начало толковаться предельно широко: как связанная совокупность знаков. В результате появилась возможность говорить о невербальных текстах.

Весьма влиятельным стало понятие парадигмы. Этот термин американский методолог науки Т. Кун заимствовал из грамматики (там он означал совокупность элементов, которые образуют единое правило) и назвал так классическую научную разработку, принятую научным сообществом за образец и основу научной традиции. Постепенно сфера употребления этого термина стала расширяться чуть ли не до обыденной речи. Большое распространение в гуманитарных науках получило понятие стиля. Раньше говорили о литературных или художественных стилях; теперь под стилем стали понимать вообще целостный тип организации некоторого рода действий. Стали говорить, например, о стиле мышления, в том числе и научного, или о стиле жизни. Понятие диалога из «разговора» превратилось в фундаментальный принцип отношения человека к другим людям, к миру и к Богу.

Новое значение приобрело понятие метафоры, которая превратилась из риторического тропа в познавательное средство. Откры-

тие метафоры как познавательного средства¹⁰ и языка как особого мира вообще явилось результатом нарастающего понимания неизбежной условности, неточности, неполноты человеческого познания мира. Все больше стали очерчиваться границы нашего неизбежного несовпадения с миром, разрыва между знанием о мире и самим миром. Разрыва, не только трагичного, но и плодотворного, ибо в пространстве разрыва между собою и миром, из постоянных стремлений его преодолеть, человек порождает свой собственный мир - мир культуры, языка, всего того, что возникает по человеческой воле. Это - мир свободы.

«Лингвистический поворот» сопровождался фундаментальным сдвигом во взаимоотношениях между языком и гуманитарными науками, а, следовательно, и во взаимоотношениях между языком и объяснением человеческого поведения". Теперь лингвистика не только стала для многих наук источником терминов, но и смогла претендовать на роль своего рода образца, источника моделей для них¹².

Основными чертами «лингвистического поворота» являются критика понятия субъекта, обращение к исследованию смысла и значения, замена понятия истинности понятием осмысленности, стремление рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности, релятивизм и историцизм.

Проникновение понятия «лингвистический поворот» в историческую науку актуализировало проблему нарратива как способов написания истории. Сама эта проблема проистекала из известного различия исторического исследования (области науки, где производятся исторические факты) и письма историков, или историописания (где воображение историка играет этими фактами и наполняет их значением в ходе создания текста). В качестве источников лингвистического поворота в историописании специалисты называют аналитическую философию истории, модель истории науки Т. Куна, «эстетический историзм» Х. Уайта, концепцию исторической риторики Х. Хекстера, концепцию исторического дискурса Р. Барта¹³.

Постмодернизм - понятие, производное от «постмодерна». В конце 80-х гг. прошлого века В. Вельш отмечал, что термин «постмодерн» долгое время использовался исключительно случайно: не прослеживается ни причинной взаимосвязи между употреблением это-

го термина, ни содержательной. Области, где он появлялся, были самыми разными: то сфера общей культуры, то только литература, то политика. Хронология также колеблется: от чисто будущностной перспективы до отнесения начала постмодерна к рубежу веков или даже к 1875 г. И, наконец, оценки масштабов также расходятся весьма существенно: под «постмодерном» подразумевают то новую вершину культуры, то короткую интермедию, то возрастное явление¹⁴.

В философском плане за понятием «постмодерн» в определенном смысле стоит Ф. Ницше, которого часто выставляют и в позитивном, и в негативном плане родоначальником постмодерна, который, поставив задачу «переоценки всех ценностей» и «критики европейского нигилизма» второй половины XIX в., возможность преодоления язв современности (модерна) усматривал в «сверхчеловеке». В середине 80-х гг. прошлого века Ю. Хабермас в лекции «Вступление в постмодерн: Ницше как новая точка отсчета» писал: «С того момента, как Ницше становится участником дискурса о модерне, аргументации в корне меняются. Сначала был дан вчерне набросок разума как примиряющего самопознания, затем - как освобождающего усвоения, наконец - как воспоминания, которое возмещает и компенсирует; разум выступает как эквивалент объединяющей силы религии и, наверное, способен преодолеть расколы модерна. Трижды эта попытка приспособить понятие разума к программе диалектического в себе просвещения не удавалась. При такой конstellации Ницше мог выбирать - или еще раз подвергнуть субъект-центрированный разум имманентной критике, или отказаться от программы в целом. Ницше решается на вторую альтернативу: он отказывается от новой ревизии понятия разума и прощается с диалектикой просвещения»¹⁵.

В 1917 г. вышла книга Р. Панвица «Кризис европейской культуры». В ней автор использует термин «постмодерный человек», который так же, как и «сверхчеловек» у Ницше, должен будет преодолеть декаданс и нигилизм, рассматриваемые в книге как язвы модерна. В другом значении термин «постмодерн» был использован Д. Сомервиллом. В 1947 г. он опубликовал работу, которая представляет собой краткое изложение первых шести частей труда А.Дж. Тойнби «Постижение истории». «Постмодерн» означает там период европейской

культуры, начиная с 1875 г., а характерным его признаком считается переход «от политики, опирающейся на мышление в категориях национальных государств, к политике, учитывающей глобальный характер международных отношений».

В середине 60-х гг. XX в. понятие «постмодерн» стало наполняться новым содержанием, благодаря, прежде всего, литературной полемике в США по поводу оценки послевоенной литературы. Особую роль при этом сыграли литературоведческие работы Л. Филлера, который в статье «Пересекайте границы, засыпайте рвы» писал, что «постмодерн» ликвидирует зазор между художником и публикой, а постмодерный писатель есть «двойной агент», «равно уютно ощущающий себя в реальности технологизированного мира и в сфере чуда».

Главную заслугу послевоенной литературы стали усматривать, пишет В. Вельш, в новом сопряжении элитарной и массовой культуры. Если литература классического модерна отличалась утонченностью художественной ткани, но была вместе с тем элитарной, со своей игрой в бисер, доступной лишь верхнему слою интеллектуалов, то новая литература покинула эту башню из слоновой кости. Эта литература, таким образом, и представляет собой нарушение границ в социальной и институциональной сферах, ибо она не является больше элитарной и содержит в себе различные мотивы и повествовательные установки. Постмодерной литературе присуща полиструктурность как на смысловом, так и социальном уровнях и характерно вследствие этого многоязычие. В этой литературе осуществляется связь как реальности и фикции, так и элитарного и популярного вкусов. Таким образом, двойное кодирование выступает атрибутом литературного и всякого другого постмодернизма.

Таким образом, в ходе литературной полемики в США по поводу оценки послевоенной литературы определилось в общих чертах содержание понятия «постмодерн»: постмодерным стали называть какое произведение, в котором есть сознательный плюрализм языков, моделей, методов. «Постмодерн, - пишет В. Вельш, - на первых порах случайное и крайне неоднозначное выражение, приобрел в литературной полемике очертания подлинного понятия и возвысился, притом (что повторялось далее в типичной для других областей куль-

туры форме протекания этого процесса) от слова с негативной маркировкой, регистрировавшего явления упадка, до лексической единицы, имеющей позитивную окраску, имеющей обязательства перед настоящим и будущим и являющейся носительницей - в качестве конкретного содержания - радикального плюрализма»¹⁶.

В последующие годы, отмечает В. Вельн, «постмодерн», будучи поначалу литературоведческим термином, последовательно стал внедряться и в другие сферы, прежде всего в архитектуру и живопись, а затем был подхвачен в социологии и достиг значительной конъюнктуры в философии, а сегодня, кажется, уже нет области, куда бы не проник этот вирус, порождая многочисленные споры вокруг содержания этого понятия.

Одни интеллектуалы понятие «постмодерн» стали наполнять онтологическим содержанием, другие - гносеологическим. В онтологическом плане, пишет В. Вельш, можно выделить несколько содержательных интерпретаций термина «постмодерн». Во-первых, для некоторых исследователей постмодерн - это эпоха новых технологий. Для других, напротив, под знаком постмодерна как раз и происходит прощание с засильем технократии, и для них постмодерн - это идеология «зеленых», экологистов, альтернативников. Во-вторых, если одна группа под лозунгом постмодерна уповает на новую консолидацию расколотого общества (скажем, при помощи нового мифа), то другая, наоборот, надеется на наступление эпохи активной плюрализации и фрагментации. В гносеологическом плане «постмодерн» интерпретируется как отречение от разума. Причем и мифолобы, и фрагментисты едины в критике разума, но по разным причинам: 1) первые считают, что разум не способен осуществить новую консолидацию общества; 2) вторые, наоборот, полагают, что именно разум сам по себе продуцирует единство и террористичен по своей сути¹⁷.

В современной литературе существуют различные представления о том, что такое «постмодерн», и даются различные его оценки. Так, В.М. Межуев считает, что постмодерн - это не столько характеристика определенного общества, сколько культурная реакция на общественное состояние, в котором постепенно изживается просветительский культ разумного, рационально действующего и мысляще-

го человека, берущего на себя личную ответственность за все, происходящее в обществе. XX век стал свидетелем кризиса просветительского сознания, давшего начало «эпохе модерна» с ее установкой на автономную и свободную индивидуальность. Индустриальное и постиндустриальное общество - преимущественно массовое, в котором власть, легитимируемая ранее свободным волеизъявлением граждан, переходит к обезличенным структурам и корпорациям. Отдельный индивид перестает мыслить себя самостоятельным субъектом социального действия, дающим начало всем общественно значимым изменениям и инновациям. Утрата индивидом роли субъекта общественного развития, сознательно контролирующего всю сумму внешних обстоятельств своей жизни, и фиксируется в постмодернистском сознании. Оно есть сознание кризиса «эпохи модерна», ее неизбежного конца, но отнюдь не позитивная ее альтернатива. По своей сути постмодернизм не прогностичен (т.е. не обращен к будущему), а апокалиптичен¹⁸.

По мнению П. Козловски, наоборот, общество постмодерна - это творческое общество, общество формирующейся культуры, характерные черты которой выявляются прежде всего в сфере когнитивной репрезентации - т.е. в той области, где культура становится предметом и мышления и познает сама себя. При этом речь идет о новом обретении утраченного общего духовного состояния и человеческих форм знания, которые выходят за границы коммуникативной компетенции и аналитического разума¹⁹.

Постмодернистская эпоха, как считают исследователи, характеризуется резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от ранее господствовавшей унификации и принципов чистой экономической целесообразности, возрастанием возможностей многовариантности прогресса, отказом от принципов всеобщего социального действия, формированием новой системы стимулов и мотивов деятельности людей, возрастанием роли культурных факторов. Постмодерн означает утверждение плюралистической парадигмы, отказ от европоцентризма и этноцентризма, провозглашение принципа множественности, фрагментацию культурного единства, внимание к личности и ее внутреннему миру, самоуправляющимся структурам, проблемам идентичности и т.д.²⁰

В сознании постмодерна, как отмечают отдельные исследователи, зафиксирована исчерпанность такого отношения к миру, когда трансформация реальности в соответствии с ее идеальным проектом представляется единственно возможным средством ее совершенствования. Скепсис относительно любых стремлений преобразовать мир к лучшему порождает отказ от попыток систематизировать представления о мире, действия в нем. Постмодернистское сознание исходит из принципиальной невозможности познать общественную жизнь, человека и его мир как совокупность замкнутых, жестко организованных, закрытых экономических, политических, социальных, культурных, символических систем. Оно обращает внимание на то, что в современном обществе сложился тип мышления, не оперирующий устойчивыми базовыми понятиями (добро - зло, любовь - ненависть, капитализм - социализм, свобода - необходимость). Идеалом такого мышления являются бессубъектность, деперсонализированные потоки желаний и импульсов, безличные спонтанности и интенсивности, эти понятия вытесняют категории субъекта, рефлексии, интенциональности²¹.

Некоторые исследователи считают, что если основная характеристика модерна - это время, то постмодерна - пространство. Время в модерне выступает в качестве организационного центра. Многочисленные локальные культуры благодаря централизованному времени объединялись в единое целое и жили с ощущением сопричастности единому человечеству. Время не только синхронизирует события внутри одной культуры, но и задает всем культурам единый ритм функционирования и развития. В настоящее время культурный плюрализм требует децентрализации. В пространстве постмодерна существуют различные культуры, которые отличаются друг от друга системой ценностей и, что очень важно, различным пониманием времени. Постмодерн отказывается искать «общий знаменатель» и взаимодействие культур рассматривает не как субординацию, а как координацию. Координация связывается не с последовательностью состояний, а с горизонтальными связями. Пространство рассматривается как границы культуры, отделяющие ее от других культур, сосуществующих вместе с ней в одно время. Если модерн понимает пространство как поле возможностей, поле освоения, поле культур-

ной экспансии и стремится придать окружающему миру определенные формы, подчинить норме, закону, то в постмодерне отсутствует такой единый четко определенный центр. Каждая локальная культура может претендовать на роль центра. Сосуществование различных культур, их пересечение и соприкосновение позволяют говорить об общих точках, «узловых линиях мер», в результате чего мы имеем нечто уникальное и ценное²².

Определяющей характеристикой постмодерна выступает общая фрагментаризация и дезориентация²³. В результате постмодернистское со-общество не является прочным и самодостаточным, данным раз и навсегда. Это - «открытая вселенная», непрерывно формирующаяся под воздействием человеческих поступков и верований, открытая, но, вместе с тем, лишенная какого-либо основания. Постмодернистское со-общество оказалось невероятно сложным, многомерным, безграничным и неоднозначным, размытым и податливым, словно бы давая возможность развернуться всем экзистенциям, но вместе с тем вселяя тревогу и смятение перед лицом нескончаемого релятивизма.

В постмодернистском со-обществе, для которого характерно многообразие порой несоизмеримых ценностных ориентации, горизонтов ожиданий и спектров интересов, и в котором ни один образ действия не может претендовать на абсолютную обоснованность, главное действующее лицо - человек, выносящий суждения в контексте, который заведомо нельзя до конца определить. Чем более сложным сознанием он наделен, чем менее скован идеологически, тем свободнее он в выборе миров, тем глубже его причастность к сотворению реальности. Его ориентации или мотивировки невозможно полностью объяснить и взять под контроль. В результате преобладает хаос ценных, но несовместимых друг с другом интерпретаций, что создает идеальные условия для свободной игры интеллектуального творчества. Происходит утверждение самоопределяющейся автономной и критически свободной личности.

Культура постмодернистского со-общества является «культурой избытка». Переход к информационному обществу, порождающий ситуацию постмодерна, сопровождается коммуникативно-информационным кризисом: количество доступной информации превышает ас-

симилирующую способность любого члена общества. Это порождает несколько следствий: 1) плюральность информационного поля; 2) выборочное потребление информации (свобода); 3) валентность информации. В результате утрачивается представление о «целостности» мира, приходит ощущение его «разорванности», самодостаточности отдельных частей и эпизодов. Мир из системы (механизма, организма) превратился в «зрелище», «калейдоскоп знаков». 3. Бауман писал, что «сон» рациональности и «разорванность» мира порождают «разорванность» сознания²⁴.

В связи с этим Р. Тарнас пишет: «Столкновения субъективных позиций, острейшее осознание культурной раздробленности и исторической относительности любого знания, навязчивое чувство неопределенности и всеобщего распада, плюрализм на грани удручающей бессвязности — из всего этого и складывалось состояние постмодерна. Собственно, единственным постмодернистским абсолютом является критическое сознание, которое, разложив все и вся на части, по-видимому, следуя своей же логике, неудержимо стремится совершить подобную деструкцию и с самим собой»²⁵.

Критическое сознание предъявило обвинение таким незыблемым истинам, как разум, цивилизация и прогресс, в интеллектуальной и нравственной несостоятельности: слишком много грехов было совершено под прикрытием западных ценностей. В интеллектуальной среде воцаряется «герменевтика подозрений», основанная на пафосе разрушения общепринятых институтов, разоблачения видимостей, развенчания притязаний, подрыва верований.

Таким образом, «постмодерн» как понятие онтологического содержания означает: 1) распад социальной целостности, «рассеивание» социальной действительности; 2) отказ от авторитетов и иерархичности в глобальном, межсоциальном и межличностном пространстве, социальный плюрализм; 3) «антропоцентристский» принцип организации общественной жизни, ментально-личностные императивы социального взаимодействия и поведения; 4) «со-бытие».

В эпоху постмодерна стала складываться новая конфигурация «мироцелостности», в которой отчетливо проявились две тенденции — глобализации и локализации. Глобализация обнаруживает себя в формировании единого экономического, политического и информаци-

онного пространства. Усиление процессов глобализации идет под влиянием прежде всего стран, развивающихся на постиндустриальной основе. Глобализация обусловлена потребностями развитых стран экспортировать новые технологии и знания, а развивающихся стран – природные ресурсы и промышленные товары; неимоверным расширением возможностей обмена товарами и информацией; стремительным ростом объемов международной торговли и гигантских потоков капитала, свободно перемещающегося по планете; развитием всемирных коммуникационных сетей и взаимопроникновением социокультурных парадигм.

Глобализация, как отмечают специалисты, подменяет универсализацию и снижает способность, как отдельных обществ, так и индивидов контролировать ситуацию. Публичное вытесняет персональное. Частное вытесняет публичное и социальное. В результате социальная реальность стала неподвластной человеку.

Глобализация ведет к складыванию индивидуализированного общества, важнейшая черта которого – индивидуализация без производства индивидуальности, личности, формирование эгоистического индивида, думающего только о самом себе. Рациональная, целенаправленная деятельность индивида сведена к минимуму.

Согласно З. Бауману, индивидуализированное общество характеризуется тремя чертами: 1) человек утратил контроль над социальными процессами; 2) человек оказался в ситуации неопределенности, будучи незащищенным перед неконтролируемыми им переменами; 3) человек утратил способность к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и стал ориентироваться на немедленные результаты «sic et nunc»²⁶.

Новый индивид становится источником фрагментации общества и воспринимает даже события своей жизни как совокупность несвязанных между собой эпизодов. Он не планирует ничего долговременного, кратковременность его интереса к другому, возведенная в правило, разрушает принятые ранее институты и отношения. Не контролируя своего настоящего, человек не представляет своего будущего и не осознает своего прошлого. Совокупность эпизодов становится не только историей личной жизни, но и историей общества. Неопределенность и небезопасность самоподдерживаются новым типом

индивидуальности, разрывают связь времен и поколений, делает общество «обществом риска»²⁷. В результате формируется новый стиль жизни, новый стиль мышления. Э. Гидденс в работе «Убегающий мир» пишет, что борьба за политическую эмансипацию уступила место борьбе стилей жизни²⁸.

Другой тенденцией новой конфигурации «мироцелостности» является локализация как интеграция цивилизационных, религиозных, территориальных, культурных и этнических сообществ. Локализация проявляется в стремлении этих сообществ к автаркии, усилении чувства их исключительности и самодостаточности, расширении границ между ними.

Локализация, указывая на «перепад» порядков социальной жизни, представляет собой способ, «изобретенный» миром людей для обеспечения возможности сохранения и поддержания исключительных, неповторимых норм своего коллективного бытия. Локализация защищает социальную исключительность (включая ценности и святыни) всякого сообщества от вторжений и разрушений со стороны «других», ограждает сообщества от массированного проникновения унифицированных форм и технологий организации социальной жизни. В широком социокультурном плане локализация есть утверждение того факта, что человечеству свойственно многообразие форм жизнедеятельности, которые не могут и не должны быть стандартизированы.

В 80-90-х гг. прошлого века процессы локализации активизировались сразу на нескольких уровнях. На макроуровне локализация проявляется в том, что несколько основных цивилизаций, вобрав в себя относительно нейтральное окружающее социальное пространство, постепенно очерчивают контуры перманентных конфликтогенных зон, своего рода «тектонических» разломов в местах соприкосновения цивилизационных «плит». На мезоуровне локализация, носящая надгосударственный характер, обнаруживается в стремлении к политической интеграции отдельных территорий, входящих в состав различных государств. На микроуровне процессы локализации развернулись внутри отдельных государств. Здесь локализация связана с усилением своеобразия экономического или политического поведения тех или иных территориальных сообществ внутри страны, со стремлением их к культурной автаркии, а иногда и к сепаратизму. В

этом плане локализация, сопровождающаяся экономической и этнокультурной дифференциацией, геополитической суверенизацией, ведет к политическому дроблению, конфликтам и нестабильности.

В 80-х гг. XX в. теоретические проблемы глобализации и локализации рассматривались в тесной связи с вопросом о перспективах мировой цивилизации и глобальной культуры. В ходе этой дискуссии выявились разные точки зрения. Сторонники одной из них, абсолютизируя интеграционные тенденции в мире, прогнозировали появление глобальной культурной ойкумены и единой планетарной цивилизации с единым разумом и шкалой общечеловеческих ценностей. Сторонники другой считали, что глобализация приведет к возникновению метацивилизации, но последняя выступит лишь «общим знаменателем», не поглощающим и не вытесняющим локальные этнические и культурные различия. Сторонники третьей точки зрения полагали, что мировая цивилизация и глобальная культура - не более чем футурологический плод утопического сознания.

В 90-х гг. XX в. произошли события, которые существенно изменили облик постсовременного мира: во-первых, человечество вступило в новую фазу своего развития, которую специалисты называют информационной революцией; во-вторых, бурная экспансия транснациональных корпораций привела к сокращению влияния национальных государств в международной экономической жизни; в-третьих, крах коммунистического блока оставил в прошлом биполярный мировой порядок; в-четвертых, государства, развивающиеся на постиндустриальной основе, обеспечив себе абсолютное превосходство над аграрно-индустриальным миром, сами встали на путь локализации, все более явно образуя замкнутую и самодостаточную систему.

В таких условиях, естественно, возник вопрос: сопровождается ли глобализация преодолением локализма или локализация превращает глобализм в иллюзию? В 90-х гг. прошлого века для либерально настроенных ученых, поддавшихся «искушению глобализмом», ответ казался самоочевидным: глобализация есть преодоление всякого локализма, в том числе цивилизационного, регионального и этнического. Однако для некоторых исследователей в конце XX столетия тезис о том, что глобализации современного мира представляется наиболее очевидной тенденцией последних десятилетий, не выгля-

дел уже безупречным. Более того, некоторые из них полагали, что «глобализм» - это своего рода лишь идеология, поскольку «усилиями глобалистов, вопреки их либеральной риторике, конструируется мир экономического и политического монополизма, в котором нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на расу господ и расу «неприкасаемых», на «золотой миллиард» и бесправную периферию»²⁹.

Постмодернизм - это «поминки» по дискурсу Просвещения³⁰. Постмодернизм - это антитеза культуре, базирующейся на ценностях и идеалах Просвещения, той культуре, в которой *Cogito* «правит бал». В этом плане постмодернизм можно рассматривать как продолжение дискурса Контрпросвещения, в рамках которого сформировалась неклассическая наука.

Характеризуя когнитивные претензии постмодернизма, М. Фуко заметил, что постмодернисты объявили «право на восстание против разума»³¹. Поэтому некоторым исследователями постмодернизм в гносеологическом плане представляется как «прощание с разумом». Они считают, что постмодернизм «характеризуется крайним иррационализмом и отрицательным отношением к возможности познания мира»³². «Постмодернизм, - как подчеркивает А.П. Огурцов, - выражает собой нигилистический комплекс, который всегда сопровождал и сопровождает успехи научно-технического знания, утверждение ценностей и норм современного общества. Этот нигилистический комплекс, возникший еще со времен Ф. Ницше, предполагает не столько «переоценку всех ценностей», сколько отказ от классических ценностей и норм, выдвижение на первый план бессознательной субъективности. Подчеркивание приоритетности витальных, эмоциональных и телесных потребностей человека и трактовку рациональности и даже языка как средства репрессивного подавления чувственности и эмоциональности»³³. Ю.Н. Давыдов утверждает, что социальной философии постмодернизма присущи садо-мазохистские импликации³⁴.

Что касается собственно истории, то, некоторые исследователи считают, что «постмодернистское видение» является одной из возможных интерпретаций текущей истории и притом весьма разрушительной³⁵. По их мнению, это обусловлено тем, что под пером пост-

модернистов «история лишается любой внутренней связи и превращается в набор «отдельных историй», не предполагающих каких-либо отношений преемственности, а сама историческая наука с ее идеями прогресса, всемирной истории представляется лишь как орудие власти, как одна из ее технологий»³⁶.

В связи с этим надо отметить, что в современной отечественной критике постмодернизма в целом преобладает негативное отношение, хотя критика эта, как отмечают некоторые исследователи, не всегда носит предметный и последовательный характер³⁷.

Поэтому ученые, критикуя отечественных «критиков постмодернизма», подчеркивают, что от внимания последних ускользает такой важный момент, как связь этого нового идейно-теоретического течения с наступлением так называемой постиндустриальной эпохи. Эта связь, по их мнению, означает, что «сам постмодернизм, как и анализируемые в нем явления, - не только продукт изменений, происходящих в социальных отношениях вследствие перехода от индустриального общества (модернити) к постиндустриальному (постмодернити), но и существенная часть этих изменений»³⁸. Поэтому они считают, что постмодернизм - это рациональность, но особая. Это - такой образ мышления, основными принципами которого являются, во-первых, правило «не твори себе кумиров из несуществующих абсолютов», во-вторых, утверждение «affirmo - ergo est» («утверждаю - значит, так_есть»)³⁹.

В рамках дихотомического мышления с его оппозициями: интеграция - дезинтеграция, гомогенность - гетерогенность, глобализация - локализация, постмодернизм - это антитеза интеграции, глобализации, гомогенности и апология дезинтеграции, гетерогенности и локализации.

В постмодернистском мышлении особенно ценятся пластичность и постоянное изменение; отдается предпочтение конкретному опыту перед застывшими отвлеченными принципами. Существует убеждение в том, что ни одна априорная система мысли не должна тяготеть над воззрениями человека, ценность всех истин и представлений должна постоянно подвергаться проверке, а любое обретенное знание будет скорее относительным и ошибочным, чем абсолютным или истинным. Присущая человеку способность мыслить в понятиях и символах была признана основой понимания, предвосхищения и тво-

рения действительности, которая не только воспринимается разумом, но и конструируется им. Причем таких конструкций может быть сколько угодно, и вовсе не обязательно, чтобы одна из них была обязательно верной.

Таким образом, «постмодернизм» как понятие гносеологического содержания означает: 1) радикальный и положительно оцениваемый культурный плюрализм и толерантность; 2) мобилизация культурного потенциала предшествующих эпох; 3) «равноправие» познавательных парадигм и стилей мышления, признание их самоценности; 4) преодоление «границ» между элитарной и массовой культурами на основе плюрализма языков; 5) многообразие, несоизмеримость и диверсивность интертекстуальных «языковых игр»; 6) двойное кодирование текстов культуры; 7) культурная автономия субъекта познания, «производство» социальной реальности, конвенциональность знания, 8) «со-знание», и «со-творчество»

§ 2. Эпистемологические претензии постмодернизма и критика классической исторической науки

Основой эпистемологических претензий постмодернизма выступает представление о том, что мир не существует как «вещь-в-себе», независимо от интерпретаций: скорее, он начинает существовать только в интерпретациях и лишь благодаря им. Сама реальность раскрывается в соответствии с конкретным набором представлений или символической схемой, на которые опирается интерпретатор. Субъект, пытаясь познать мир, в каком-то смысле извлекает его наружу при помощи той «соотносительной сетки», с которой к нему подступает. Любой предмет познания уже включен в некий заранее истолкованный контекст, поэтому субъект познания должен стремиться к полному отождествлению с предметом своего познания, понимая, что человеческий разум никогда не выходит за пределы мира, чтобы судить о нем извне.

В таком понимании мир в принципе не обладает никакими чертами и особенностями, первичными по отношению к интерпретациям. Поэтому нельзя говорить о какой-то первичной реальности, лежащей будто бы в основании всего и оправдывающей попытку чело-

века воспроизвести истину. В связи с этим любые стремления запечатлеть некую первоначальную реальность подвергаются критике со стороны постмодернистов как бесплодные упражнения в языковой игре, как, с одной стороны, обреченные попытки заглянуть по ту сторону собственных мудрых вымыслов, а с другой - захватить власть над умами людей.

Поскольку в дискурсивных практиках, по мнению постмодернистов, происходит созидание альтернативных реальностей, то это делает невозможным существование каких бы то ни было общезначимых критериев истины. Поэтому о природе самой истины, по мнению постмодернистов, ничего нельзя сказать с определенностью, или, как выразился Р. Рорти, «она такова, каковой нам позволят описать ее нам подобные»⁴⁰. Можно сколько угодно анализировать и сравнивать различные точки зрения, однако нет той внеисторичной архимедовой точки опоры, которая позволила бы судить, действительно ли одна из точек зрения представляет собой «истину». Поэтому с позиций постмодернизма ценность той или иной точки зрения определяется способностью ее, хотя бы временно, вызывать творческий порыв.

Вместе с тем сам субъект познания никогда не свободен ни от своей телесности, ни от мира, которому он принадлежит. Поэтому, как считают постмодернисты, познание, осуществляемое с помощью знаков и символов, обуславливается исторической и культурной предрасположенностью людей, и испытывает воздействие - часто бессознательное - человеческих интересов. Поэтому субъект познания будет неправ, если возомнит, будто бы способен преодолеть груз всех предрасположенностей своей субъективности и субъектности⁴¹.

Отличительной чертой постмодернизма является приоритет языка над опытом. В области теории языка постмодернизм опирается на традицию, сформулированную Ф. де Соссюром, который в начале XX в. пришел к выводу о том, что нет языков, в которых слова («означающие») и предметы («означаемые») сочетались бы одинаковым образом. Поэтому он считал, что определенные образцы мысли, присутствующие в одном языке, находятся вне пределов возможностей другого. Речь и письмо следует рассматривать не как пассивное отражение реальности, а как лингвистическую структуру со своими собственными законами.

Специалисты отмечают, что «поворот к языку» явился, возможно, главным итогом интеллектуальной истории XX в. и привел к пониманию того, что прямой доступ к исторической реальности невозможен: представая перед нами в тех или иных вариантах языковой репрезентации, она всегда уже истолкована. Одни историки, пишет Е.Г. Трубина, восприняли «лингвистический поворот» как оправдание неизбежности многоголосия мнений, другие - как подтверждение интерпретативной стороны истории, третьи - как санкцию на инструментальный подход к знанию⁴².

В русле «лингвистического поворота» постмодернисты отвергают идею о том, что язык отражает реальность как репрезентативное заблуждение. Языку, считают они, присуща нестабильность, его смыслы меняются с течением времени и оспариваются в любой конкретный момент. Язык - это не зеркало, отражающее реальность, а «окно, распахнутое в мир», структура, определяющая наше представление о нем. Поэтому человеческий опыт заранее структурирован языком, при том, что сами языковые структуры, по всей видимости, никоим образом не связаны с какой-либо независимой действительностью. Таким образом, язык - это не только «окно, распахнутое в мир», но и «клетка». При этом постмодернисты обращают внимание на то, что и языковые значения могут быть крайне неустойчивыми, поскольку контексты, определяющие эти значения, никогда не бывают фиксированными, и за внешней видимостью связанного текста можно обнаружить целое множество несовместимых друг с другом значений. Поэтому если любому пониманию реальности предшествует формирующее влияние языка, неизбежна множественность исторических реальностей - языковых игр и их интерпретаций.

Вследствие этого новое знание, как считают постмодернисты, появляется не в результате взаимодействия познающего субъекта и предмета, а в ходе сопоставления мнений и взглядов исследователей по той или иной проблеме. В связи с этим один из основоположников постмодернизма Ж.Пор_ти предлагает заменить модернистскую теорию познания, этот, по его словам, «предрассудок» эпохи Просвеще-

И ния, претендовавший на получение объективной истины, «риторической философией», основанной на принципе «диалога - беседы». Поскольку категории науки и ее тексты не отражают окружающий мир,

а являются порождением рефлекслирующих субъектов, то истину, как полагает Р. Рорти, познать нельзя, но более или менее «правдоподобный отчет» о ней можно дать с помощью диалогового метода⁴³.

В связи с таким пониманием роли языка в познании постмодернисты большое значение придают текстам. Более того, единственной конкретной данностью, с которой готовы иметь дело постмодернисты, являются именно тексты, что нашло выражение в знаменитом афоризме Ж. Дерриды - «вне текста не существует ничего»⁴⁴. При этом тексты соотносятся только с другими текстами - и так до бесконечности, - не имея никакого другого основания, кроме языка. Поэтому избавиться от «игры означающих» попросту невозможно.

В постмодернистской эпистемологии особое место отводится проблемам интертекстуальности и деконструкции. Некоторые исследователи отмечают, что постмодернистская концепция интертекстуальности возникла на основе переинтерпретации идей М.М. Бахтина, высказанных им в начале 20-х гг. XX в. Осмысливая диалектику бытия литературы, М.М. Бахтин отмечал, что помимо данной художнику действительности, он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном диалоге⁴⁵. Постмодернисты, элиминировав проблему взаимодействия автора текста с действительностью, свели идею диалога М.М. Бахтина до диалога между текстами. При этом они считают, что в ходе этого интертекстуального диалога происходит как бы растворение суверенной субъектности автора текста в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст»⁴⁶. В результате сама культура стала восприниматься постмодернистами как единый интертекст, служащий в свою очередь предтекстом любого вновь появляющегося текста. Интертекстуальность в этом смысле для познающего субъекта - «это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»⁴⁷.

В постмодернизме существует широкое и узкое толкование понятия «интертекстуальность». Широкое толкование базируется на постмодернистской теории дискурса, согласно которой индивид является не «свободным, автономным, обладающим универсальными характеристиками» рациональным субъектом⁴⁸, а, скорее, «полем», на котором различные дискурсивные практики вершат свою работу

по созданию смыслов⁴⁹. В широком смысле интертекстуальность - это «взаимозависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участника коммуникации других текстов»⁵⁰. В этом случае интертекстуальность делает каждый текст интертекстом, поскольку другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Иными словами, «нет текста, кроме интертекста». «Каждый текст, - как отмечал Р. Барт, - представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитации, даваемых без кавычек»⁵¹.

Таким образом, мир, пропущенный через призму интертекстуальности, представляет огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает все новые комбинации. Так, для Р. Барта любой текст - это своеобразная *chambre d'echos* («эхо-камера»)⁵².

Представители коммуникативно-дискурсивного анализа (нарратологи) придерживаются более узкого понимания интертекстуальности. Они считают, что слишком буквальное следование принципу интертекстуальности в ее широком толковании делает бессмысленной вообще всякую коммуникацию. Их в основном интересует та же проблема, что и Бахтина - взаимодействие «своего» и «чужого» слова. Поэтому они трактуют интертекстуальность более суженно и конкретно, понимая ее как взаимодействие различных видов внутритекстовых дискурсов: дискурс повествователя о дискурсе персонажей, одного персонажа о другом и т.п.⁵³

Интертекстуальность означает понижение статуса автора текста. Поскольку смысл текста, обусловленный «великим интертекстом», связан с лингвистической структурой языка не меньше, а

больше, чем с намерениями автора, то любое утверждение, будто автор может точно передать «свой» смысл читателю, повисает в воздухе.

Таким образом, автор, по мнению постмодернистов, не может поручиться, что правильно выразил свою мысль, он не в состоянии проконтролировать дальнейшую судьбу своего текста и защитить его от неправильного понимания. В связи с этим автор текста, по образному выражению М. Пфистера, «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры»⁵⁴. Игры, носящей, по мнению постмодернистов, бессознательный характер, и поэтому порождающей имперсональный текст, помимо сознательной волевой деятельности индивида⁵⁵. В этом смысле Р. Барт говорит о «смерти автора»⁵⁶, что вполне соответствует утверждению постмодернистов о том, что «Я есть то, что я есть благодаря контексту, в котором я нахожусь»⁵⁷.

Большое значение в постмодернизме придается проблеме деконструкции текстов. Термин «деконструкция», который сформулировал Ж. Деррида, в постмодернизме употребляется для обозначения текстуального анализа, при котором непосредственный или «поверхностный» смысл отбрасывается ради менее очевидного. При этом постмодернисты считают, что ни одно истолкование текста не может претендовать на общее признание, поскольку то, что подвергается истолкованию, неизбежно содержит в себе скрытые противоречия, изнутри подрывающие его связность. Поэтому любой смысл есть нечто в высшей степени неразрешимое, а «истинного» смысла не существует вовсе⁵⁸. Поэтому деконструкционизм бросает вызов всяким попыткам установить для текста некий незыблемый единственный смысл.

Современные лингвисты отмечают, что любой язык является сложной системой смыслов - множественным кодом, где одни и те же слова часто имеют различное значение для разных слушателей, поскольку «сила» языка частично основана на неосознанной передаче разных смысловых «слоев». Если возвести в абсолют разделение «означающего» (слова) и «означаемого» (предмета), предложенное Ф. де Соссюром, то тогда появляется самый широкий спектр возможных прочтений (деконструкций) текста, который, однако, по мне-

нию постмодернистов, несколько ограничен воздействием «интертекстуальности».

В целом для постмодернистов в понимании дискурса, интертекстуальности и деконструкции характерна тенденция к «свободному плаванию» без всякой привязки к «реальному» миру. С их точки зрения бессмысленно искать различия между событиями прошлого и дискурсами, в которых они представлены, ибо сама «история, по образному выражению Р. Самюэла, превращается в «парад «означающих», притворяющихся собранием фактов»⁵⁹.

Характерной чертой постмодернистской эпистемологии является «недоверие к «метаповествованиям», связанным с устремлениями к интеллектуальному единству, цельности или всеобъемлющей связности. Постмодернисты считают, что универсальные теоретические концепции лишь навязывают хаосу явлений некую ложную догму, и поэтому не способны утвердиться, не породив эмпирических подтасовок и интеллектуального авторитаризма.

Историческое познание появилось на пороге постмодернизма в двух формах - классической и неклассической моделях исторического исследования. Несмотря на эпистемологический антагонизм, общим для этих моделей было то, что они по своей сути являются модернистскими: в методологическом плане их объединяет стремление к монизму, выливающимся в различные формы когнитивного редукционизма и эпистемологического ригоризма. Методологические дискуссии XIX - первой половины XX в. в исторической науке преследовали цель абсолютизировать познавательную ценность той или иной парадигмы. Это касается как классической, так и неклассической моделей исторического исследования. Недаром книга известного историка первой половины XX столетия Л. Февра называется «Бои за историю».

Вместе с тем «модернизм» классической модели отличается от «модернизма» неклассической. Классическая модель была порождением культуры Нового времени и дискурса Просвещения, для которых были характерны универсальный детерминизм, упование на прогресс, выработка общеобязательных стандартов поведения и мышления и унификация общества.

В историческом познании это нашло выражение в сциентисте-

кой (классической) модели исторического исследования, для которой была характерна жесткая разделенность субъекта и объекта познания, основанная на признании возможности «абсолютного» субъекта познавательной деятельности, лишенного аксиологических пристрастий, способного к получению объективного знания и достижению истины. В предмете исторического познания приоритет отдавался исторической необходимости, историческим закономерностям и историческому прогрессу. Случайное, уникальное, традиционное в истории объявлялось несущественным, недостойным внимания исследователя. Поэтому предметную область исторического познания составляла прежде всего надындивидуальная историческая реальность, как определяющая доминанта общественной жизни и детерминанта в системе «общество - человек», «социум - индивид».

Историческая наука в ее сциентистском варианте - это социальная наука, ибо в ее рамках дилемма «общество - человек», «социум - индивид» решается на основе позитивистского принципа социологизма, реализуемого в двух вариантах: 1) индивидуальное сводится к социальному или 2) индивидуальное выводится из социального. «Социологизм» классической исторической науки в методологическом плане вел к созданию исторических теорий репрессивного типа как по отношению к изучаемой исторической реальности, так и по отношению к исследователю. Историческая реальность собиралась в соответствии с социальным каркасом, который априорно задавался историческими теориями, претендовавшими на эпистемологическую универсальность. Исследовательская деятельность историка стандартизировалась в духе той или иной монистической интерпретации истории.

Неклассическая историческая наука, оставаясь в рамках познавательного монизма, критиковала характерное для классической науки стремление к универсальному детерминизму, унификации и стандартизации общественной жизни. В эпистемологическом плане это нашло выражение в критике позитивистской исторической науки со стороны историков, ориентировавшихся в методологическом плане на идеи неокантианства или философии жизни. Критике подвергались различные принципы исторического познания, считавшиеся ранее классическими.

Во-первых, отрицалась возможность «абсолютного» субъекта познавательной деятельности. Историк рассматривался не как нейтральный наблюдатель, а как носитель определенной культуры, занимающийся в силу своей профессии изучением людей иной культуры. Хотя разделение субъекта и предмета исторического познания сохранялось, но оно уже не было таким «жестким» и «абсолютным». Это разделение стало оформляться в «диалог культур», задачей которого было «вживание» историка в культуры прошлого и ее «постижение».

Во-вторых, в предмете исторического познания приоритет стал отдаваться «повседневному», случайному, уникальному смыслу жизни. Поэтому историческая наука стала больше ориентироваться на изучение индивидуальной реальности как доминанты и самоценности повседневной жизни. Неклассическая историческая наука становится наукой гуманитарной, признававшей антропоцентристский принцип организации общественной жизни. В методологическом плане в исторической науке началась переориентация с теорий глобального дедуктивно-репрессивного типа к концептам локального индуктивно-ассоциативного характера. Историческая реальность перестала быть иллюстрацией, она приобрела самодовлеющую познавательную ценность, перед которой исследователь стал испытывать благоговение. Поэтому, сохраняя связь с модерном Нового времени, неклассическая историческая наука вместе с тем резко контрастирует с ним, и в этом плане она как бы предвосхищает те тенденции, которые появились в историческом познании в эпоху постмодерна. Однако дух модерна, господствующий в эпоху модернизма, задавал для историка методологические стандарты, с той лишь разницей, что социологический подход уступил место культурологическому.

В рамках постмодернистской парадигмы исторического мышления радикальной критике подвергается классическая модель исторического исследования и ее базисное положение о возможности получения объективно истинного знания. Это, по мнению многих современных ученых, имеет серьезные последствия для понимания профессии историка⁶⁰. Критикуются прежде всего такие принципы классической модели, как эмпиризм, объективизм и холизм.

В классической науке эмпиризм проявлялся, с одной стороны, в

том, что основой исторического исследования провозглашались факты как «кирпичики» эмпирического знания об объективной исторической реальности. С другой стороны, факты, обосновывая историческую теорию, делают ее доказательной и общезначимой. Представители классической науки утверждали, что научное историческое исследование начинается с открытия исторических фактов и обнаружения связей между ними. Поэтому в классической науке уделялось большое внимание работе с историческими источниками как потенциальными носителями исторических фактов. При этом «аутентичное» прочтение исторических источников основывалось на предположении о том, что в ходе внешней и внутренней их критики можно получить репрезентативную историческую информацию, обнаружив при этом и тот смысл, который вкладывали в тексты их авторы. Отделяя субъективные моменты в этой информации, можно получить объективные факты. Но для этого требуется соответствующее научно-исследовательское мастерство.

Критикуя представителей классической науки, Х. Уайт пишет, что «многие историки продолжают относиться к «фактам» так, как если бы они были «данными», и отказываются признать, в отличие от большинства ученых, что факты не столько «найжены», сколько «сконструированы» типами вопросов, адресуемых исследователем изучаемому феномену. То же самое представление об объективности обрекает историков на некритическое использование хронологических рамок в своих повествованиях»⁶¹.

Постмодернисты, исходя из принципа деконструкции, считают, что никакой уровень технического мастерства исследователя не позволяет преодолеть субъективность и неопределенность, непременно присутствующие при чтении и понимании текстов-источников. По мнению постмодернистов, «следует признать тот факт, что, когда дело доходит до исторического документа, то сам он не содержит никаких оснований для предпочтения одного способа реконструкции его смысла другому»⁶².

Кроме того, историки, как толкователи текстов прошлых эпох, являются порождением единого интертекста собственной культурной традиции, и поэтому обладают не большей свободой действий, чем авторы этих текстов. Поскольку объективный исторический

метод, находящийся вне текста, по мнению постмодернистов, просто невозможен и существует лишь интерпретационная точка отсчета, сформированная из лингвистических ресурсов, доступных толкователю, то можно говорить и о смерти текстуальной критики исторических источников в ее традиционном смысле⁶³.

Поэтому историческое сознание, выраженное в текстах-источниках, воспринимается постмодернистами как недоступное для современного понимания, поскольку представления об исторической реальности оказываются у постмодернистов производными от многочисленных систем современной репрезентации. Иными словами, постмодернисты пришли к заключению, что все, принимаемое за историческую реальность, на самом деле есть не что иное, как представление историков о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие исследователем исторической реальности объявляется обреченным на «мультиретроспективизм», на калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов этой реальности, в своем мелькании не дающих возможности познать ее сущность⁶⁴.

При этом, как пишет Х. Уайт, «в каждой репрезентации исторических феноменов есть неизбежная относительность. Относительность репрезентации есть функция языка, использованного, чтобы описать и тем самым конституировать события прошлого как возможные объекты объяснения и понимания»⁶⁵. Соответственно, об истории можно говорить лишь во множественном числе и при этом понятой как «лингвистическое образование», принадлежащее порядку дискурса.

Поэтому, считают постмодернисты, бессмысленно ставить задачу получения из источников достоверных сведений о прошлом. Вместо этого постмодернисты предлагают историкам находить в источниках самые разнообразные смыслы, лежащие на перекрестке дискурсов прошлого и настоящего. Требовать большего - значит проявлять, по мнению постмодернистов, наивность или обманывать читателей.

В связи с этим постмодернисты критикуют эмпиризм как основу исторического исследования. С позиций постмодернизма историчес-

кие факты не являются «единицами» знания об объективных исторических явлениях, с которыми должно согласовываться мышление историка. Наоборот, мышление историка, находящегося в диалоге с текстами, порождает исторические факты. Исследователи, вступая в обсуждение с другими исследователями, сами решают, какими должны быть исторические факты как «единицы» эмпирического знания. Следовательно, исторические факты – это результат интертекстуальных языковых игр. Поэтому новое историческое знание, считают постмодернисты, появляется не в результате взаимодействия историка и с документами прошлого, а в ходе сопоставления мнений и взглядов («диалога – беседы») исследователей по той или иной проблеме.

В связи с этим постмодернисты подвергают критике такой основополагающий принцип классической модели исторического исследования, как объективизм. С позиций объективизма историческое познание – это адекватное отражение исторической действительности в сознании историка, поэтому объективизм базируется на такой дуалистической онтологии, как «мир – знание». При этом высшей формой исторического познания объявляется историческая наука.

В классической науке принцип объективизма основывался на примате субъектно-объектной дихотомии и необходимости реконструкции исторической действительности такой, какой она была, с помощью научных методов исторического исследования, воздерживаясь при этом от ценностных суждений. Классическая модель исторического исследования исходила из жесткого противопоставления его субъекта и объекта. Она строилась на абсолютизации позиции исследователя как «нейтрального наблюдателя», на допущении возможности преодоления субъективности в процессе воспроизводства объективной реальности в научном сознании.

Постмодернисты рассматривают процесс исторического познания не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами. В ходе этого диалога возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир дискурса», в котором презентуется историческая реальность.

В философии понятие дискурса интерпретируется по-разному. Одни исследователи трактуют дискурс как язык – систему «образов

(representation), сформированных обществом в целях распространения связанного набора смыслов по поводу определенной темы»⁶⁶. Другие — как вербально артикулированную форму объективации содержания сознания, регулируемую доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности⁶⁷. В рамках коммуникативного подхода дискурс рассматривается как рефлексивная речевая коммуникация, предполагающая самоценную процессуальность проговаривания всех значимых для участников коммуникации ее аспектов (Ю. Хабермас); как письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия (Т. Ван Дейк)⁶⁸.

В постмодернизме термин «дискурс» употребляется в том понимании, которое вложил в него М. Фуко, для которого дискурс — это сложная совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о том объекте, который они подразумевают⁶⁹. Согласно постмодернистскому видению дискурсивных практик, в дискурсе объект не репрезентируется в его целостности, но процессуально осуществляется как последовательная (темпорально артикулированная) спекулятивная (семиотически артикулированная) актуализация последнего. Будучи включенным в социокультурный контекст, дискурс, как рационально организованный и социокультурно детерминированный способ вербальной артикуляции имманентно-субъективного содержания сознания и экзистенциально-интимного содержания опыта, не может быть индифферентен по отношению к власти. По словам Р. Барта, «власть (*libido dominant*) ...гнездится в любом дискурсе, даже если он рождается в сфере безвластия»⁷⁰. Поэтому для М. Фуко дискурс означал не только образец использования языка и «некую практику, которую мы навязываем» внешней по отношению к дискурсу предметности, но и форму «власть/знание», указывающую на то, каким образом люди оказываются в плену регулирующих рамок конкретных дискурсов⁷¹.

В русле такого понимания дискурса текст в постмодернизме наделяется автономным существованием и способностью самостоятельно «прочитывать» историю. Это дает основание постмодернистам говорить об «исчезновении» объекта исторической науки. Принципиальное положение постмодернистов — «вне текста не существует ничего» — ведет к познавательному релятивизму, поскольку сама

история в этом случае может быть прочитана только как текст. Отсюда, как полагают постмодернисты, следует, что не существует никакой объективной исторической истины. Истина - это то, что кажется истинным любому индивиду или со-обществу.

Постмодернисты критикуют классическую историческую науку за «холизм». В классической модели исторического исследования холизм - это требование устанавливать всю совокупность исторических фактов, относящихся к данному историческому явлению, и, не ограничиваясь их простым описанием, переходить к обобщению фактов и установлению взаимосвязей между ними. Необходимость перехода от простого описания исторических явлений и отражающих их исторических фактов к установлению существующих между ними связей в классической науке обуславливалась позитивистской «теорией факторов», а также различного рода метатеориями, с помощью которых стремились к целостному воспроизводству исторической реальности.

Постмодернисты, наоборот, считают, что в историческом исследовании достойным внимания является лишь единичное, уникальное, индивидуальное. Поэтому критикуя классическую историческую науку за «холизм», постмодернисты, как пишет Д. Тош, с издевкой относятся к разного рода историческим «метанарративам», присущим классической науке⁷². К числу этих «метаповествований» постмодернисты относят, например, просветительскую «идею прогресса», гегелевскую идею «диалектического развития духа», западноевропейские идеи «эмансипации личности», «генезиса капитализма», «развития свободомыслия» или идею научного знания как способа учреждения «всеобщего счастья». По мнению постмодернистов, эти «метанарративы», или «метаистории», с помощью которых организуется текст научного произведения, заранее структурируют читательское сознание, задают ему набор определенных констатирующих и оценочных предрассудков, обуславливающих движение научной мысли в строго определенном направлении. Кроме того, постмодернисты считают, что все эти «метанарративы» к концу XX в. потерпели крах и ныне уже не играют роли «великих метаповествований», выступающих в качестве оправдания «тотализации» наиболее распространенных представлений о действительности, т.е. объеди-

нения их в крупные «мировоззренческие комплексы», огромные блоки общей картины мира⁷³.

Постмодернисты подвергают также критике когнитивную стратегию классической модели исторического исследования, носящую номотетический характер и направленную на выявление объективных связей между историческими явлениями с целью причинно объяснить исторический процесс. Они считают, что историческая наука способна решать лишь проблемы интертекстуальности, имеющей дело с «дискурсивными» связями между текстами, а не с причинными связями между историческими событиями. Поэтому историческое объяснение, как пишет Х. Уайт, это - пустая химера для утешения тех, кто не способен воспринять мир, лишенный смысла⁷⁴.

§ 3. Предмет и когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы исторического познания

С постмодернизмом в исторической науке связано переосмысление исходных методологических предпосылок. В результате этого переосмысления в исторической науке сложилась постнеклассическая ситуация, ответом на которую стало формирование постмодернистской парадигмы исторического познания, критика которой затем привела к зарождению неоклассической модели исторического исследования.

Постмодернистская парадигма исторического познания стала прагматичным ответом на постмодернизм в культуре⁷⁵. Одни исследователи называют эту парадигму очередным этапом развития исторической науки⁷⁶, другие - ее альтернативой⁷⁷, третьи - авангардом⁷⁸. Постмодернистская парадигма, несомненно, является альтернативой классической модели исторического исследования. С неклассической моделью она находится в генетическом родстве. Однако в целом постмодернистская парадигма отношения к науке не имеет, поскольку отрицает базовые принципы научного исследования.

Вместе с тем постмодернистская парадигма - это не столько отрицание предшествующего когнитивного опыта (авангард), сколько мобилизация его отдельных сторон. Подобно модернизму, пост-

модернизм считает человека центром мироздания и судьей всех вещей, но не все человечество в целом, не какое-то собрание специалистов или «авторитетов», а каждого индивида или, по крайней мере, каждое отдельное со-общество. В этом плане постмодернизм продолжил некоторые тенденции неклассической науки, сохранив ее гуманитарный смысл как «науки с человеческим лицом». В связи с этим, по-видимому, прав британский историк Д. Тош, который подчеркивает, что «постмодернизм - далеко не столь новаторская теория, как порой утверждают его сторонники. Да и сами отношения между постмодернизмом и историей не отличаются таким антагонизмом, как можно было бы предположить»⁷⁹.

Если аналитически разделить постмодернистскую парадигму исторического мышления на отдельные части, то окажется, что она во многом аккумулировала отдельные идеи различных направлений предшествующей исторической науки, «нетрадиционные» для своей эпохи. Такими «нетрадиционными», например, для позитивистского XIX в. были идеи релятивистов. Вообще сомнения относительно статуса исторической реальности и возможности ее познания являются одной из традиций западной философии. Определенные параллели можно провести между постмодернистами и «Автобиографией» Р.Дж. Коллингвуда⁸⁰, «Методологией истории» А.С. Лаппо-Данилевского⁸¹. Даже в отечественном источниковедении профессионально обсуждались такие вопросы, как «стереотипы восприятия общественной жизни и авторские сообщения о ней»⁸² (упрощенный аналог «постмодернистского «великого интертекста»), «источник как текст и возможности его герменевтического истолкования»⁸³ (созвучное положение постмодернистской идее о том, что историк имеет дело не с исторической реальностью, а с текстами).

В рамках постмодернистской парадигмы историческая реальность из целостной системы превращается в мир социальной «разорванности» и самодостаточности отдельных его фрагментов, становится «зрелищем», «калейдоскопом знаков». Отсюда вытекает общее тяготение постмодернистов ко всему фрагментарному, мимолетному, внутренне надломленному и неустойчивому, «в результате чего в качестве творческой неудачи расценивается, - как подчеркивает Ю.Н. Давыдов, - даже одно только стремление к законченно-

ти и завершенности, сама попытка двинуться в этом направлении»⁸⁴. Поэтому «правильно» мыслить - означает, с точки зрения постмодернизма, радикальный отказ от тирании целого, осознание того, что всякое поползновение к утверждению целостности потенциально уже является «тоталитаризацией», т.е. движением к тоталитарному обществу.

Вся суть постмодернистской эпистемологии, как считают некоторые исследователи, как раз и состоит «в онтологической отбраковке» целостного субъекта - *cogito* западной философии, в своего рода «эпистемологической одержимости» фрагментами, или обложками цивилизации - как современной, так и ушедшей в прошлое⁸⁵.

В постмодернистской парадигме знание рассматривается не как «отражение» исторической реальности, а как субъективное выражение интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в гипертекст современности. Поэтому индивидуальная и социальная идентичность в истории, как считают постмодернисты, не воспроизводится историком, а создается в процессе дискурса. Исторические деятели, социальные группы в истории - все это, с точки зрения постмодернистов, не более чем дискурсивные конструкции.

По мнению некоторых постмодернистов, придерживающихся принципа «пересекайте границы, засыпайте рвы» (между различными формами познавательной деятельности - *авт.*), исторические труды являются соединением определенных исследовательских и нарративных операций. Поэтому в исторических исследованиях материал концептуализируется с помощью тех или иных литературных жанров и тропов как кодов исторического сознания и с использованием в объяснительной стратегии разных фабул - романтической, сатирической, комической и трагической⁸⁶. Содержание исторического исследования, таким образом, всегда находится, по мнению постмодернистов, в рамках определенных риторических правил и определяется в первую очередь эстетическим выбором, который делает историк (чаще всего неосознанно), приступая к работе и формируя дискурсивную стратегию текста. Хотя некоторые исследователи считают, что специфика нарративных операций не сводится только к лингвистическому опыту, она обусловлена также внутренним опытом

времени⁸⁷. В связи с этим ряд исследователей полагает, что метафоры также выражают структуры внеязыкового опыта, в том числе и опыта пространства⁸⁸.

В связи с этим исторические труды начинают рассматриваться в качестве вида литературного производства, который, как любой жанр, функционирует в рамках определенных риторических правил. Например, Х. Уайт, анализируя эти правила с точки зрения эстетики, классифицирует исторические труды по 12 стилистическим разновидностям и 4 основным «тропам» (метафора, метонимия, синекдоха и ирония)⁸⁹. При этом он делает вывод о том, что характер любого исторического труда определяется не столько исследованиями и идеологией автора, сколько эстетическим выбором, который он делает (чаще всего неосознанно), когда приступает к работе, и который формирует дискурсивную стратегию текста.

По мнению других постмодернистов, исторические труды являются видом идеологического производства, а сам историк должен рассматриваться как вектор направленности диапазона политических позиций, связанных с текущим моментом. Х. Уайт вслед за К. Мангеймом обратил внимание на то, что идеология определяет не столько общественно-политическую позицию исследователя, сколько ракурс исторической интерпретации⁹⁰.

В связи с этим историк рассматривается как вектор направленности диапазона политических позиций, связанных с текущим моментом. Д. Тош пишет: «Поскольку документальные «остатки» прошлого подвержены столь многочисленным прочтениям и поскольку историки используют идеологизированный язык, создание исторических трудов ни в коей мере нельзя считать невинным занятием»⁹¹. Историки укоренены в хаотичной реальности, которую они стремятся представить, а потому всегда несут на себе ее идеологический отпечаток.

В рамках, например, идеологии консерватизма историческая эволюция интерпретируется как совершенствование предшествовавшего исторического этапа. При этом прошлое в консервативном историческом сознании приобретает черты утопического в силу приданных ему положительных характеристик. Либерализм, напротив, критически относится к традиции, помещая утопические характеристики в

отдаленное будущее, которое может наступить после реализации либеральной идеи. Радикалы интерпретируют историю, ориентируясь на скорое воплощение своих идеалов и акцентируя внимание на предпосылках, которые делают возможным их осуществление в будущем⁹².

Идеология тем самым превращает историю в «дискурсивную практику, позволяющую людям отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями»⁹³. Все, что могут историки в таких условиях - это скопировать господствующую или «доминантную» идеологию; или наоборот, отождествить себя с одной из многочисленных радикальных идеологий; но все они одинаково уходят корнями в сегодняшнюю политику. Под этим углом зрения все варианты истории становятся «осовремененными», а не просто политически ангажированными. В связи с этим постмодернисты считают, что истории, которые рассказывают исследователи, и люди, о которых они пишут, - лишь субъективные предпочтения, взятые из бесконечного множества возможных дискурсивных стратегий.

Историки, подвергая тексты-источники многочисленным прочтениям, всегда - хотя бы они этого или не хотят — используют идеологизированный язык, уходящий корнями в сегодняшние политические дискурсы. Поскольку эти дискурсы разнообразны, а порой имеют взаимоисключающий характер, то научное сообщество историков и диалог между представителями разных взглядов, по мнению постмодернистов, просто невозможны.

Таким образом, постмодернистская парадигма исторического исследования ориентируется на «науку с человеческим лицом» не только в онтологическом, но и методологическом плане. Историк-постмодернист, признавая несводимость и постоянство плюральности человеческих миров, в процессе познания прошлого исходит из признания собственного «суверенитета» по отношению к производству знаний. Он выступает в роли прежде всего интерпретатора, задача которого состоит в том, чтобы облегчить коммуникации между социокультурными сообществами.

Когнитивные вопросы типа - «как я могу интерпретировать прошлый мир», заменяются посткогнитивными: 1) «какой это из миров»;

2) «что с ним надо делать»; 3) «какое из моих Я должно это делать». Для историка-постмодерниста главный вопрос – куда поместить прошлое и как идентифицировать его, зная, что оно является лишь одним из возможных и что изучение этого прошлого вряд ли приведет к открытию всеобщей истины

Вместе с тем в постмодернистской парадигме окончательно преодолевается разделенность субъекта и предмета исторического познания, поскольку признается непосредственная «вовлеченность» исследователя в изучаемые тексты-источники. В постмодернизме до логического конца была доведена идея индивидуализации исторического исследования, сформулированная в рамках неклассической науки. В результате «субъектно-объектные» или «субъектно-субъектные» отношения потеряли всякий когнитивный смысл и были заменены в постмодернизме провозглашением субъекта (историка) в качестве репрессивной инстанции по отношению к производству исторической реальности. В историческом познании упала роль авторитета, кроме мнения самого исследователя.

Множество возможных интерпретаций истории, считавшихся в модернизме недостатком, становится основой и определяющей чертой постмодернистского исторического познания. Возможности плюралистической интерпретации истории обусловлены, с одной стороны, плюральностью прошлого, с другой – плюральностью субъекта исследования. Предмет исторической науки рассеивается: большая история заменяется малыми историями. Историк-постмодернист стремится использовать конец целого и единого для развития множественности познавательной деятельности и утверждения легитимности плюралистического видения истории. Принцип культурной несводимости превращает историю в «разгул» знаков и служит поводом для интеллектуальных игр.

Таким образом, сознательно форсируемый плюрализм, реализуемый в практике познавательной деятельности как положительная задача, составляет сущность постмодернистской парадигмы исторического мышления. В этом плане постмодернизм предоставляет большие возможности историку для творчества, которое, однако, может завершиться виртуализацией исторической реальности. В этом случае исследователь не только выбирает свою реальность, но и на-

чинает творить ее, веря в то, что ему удобно. Он начинает усердно отрицать неудобные для него исторические факты, присваивать историческим героям общие имена - либералы, консерваторы, фундаменталисты, лишая их человеческого облика. Все ограничения сняты. О них можно говорить все, что угодно. Сразу находятся и книги, и политики, которые будут играть на заблуждениях. Видение исторической реальности становится одним большим искажением и все пребывают в счастливом неведении.

В постмодернизме идея реконструкции прошлого была заменена идеей конструкции истории. В отличие от объективизма, который придерживается принципа реконструкции прошлого в историческом сознании (знании), конструктивизм базируется на ином принципе: историческая реальность производится множеством видов социальной практики, в том числе и познавательной, обусловленных культурой. Поэтому истинность или ложность исторических знаний зависит от социальных контекстов, в которых они выступают. Истинность или ложность исторических знаний определяется соответствием суждений социально санкционированным понятийным схемам, охватывающим всю сферу культурного опыта, которому приписывается статус фактуальности. Окончательным арбитром истинности (ложности) выступает общая система идей, образующих конкретную культуру⁹⁴.

В силу этого постмодернисты факты исторической науки рассматривают в качестве результата социального производства, а не открытия. Исторические факты - это удачно сконструированные объекты культуры. Поэтому в состав исторических фактов входят концепции, социальный и конвенциональный характер которых замаскирован с помощью риторических стратегий, а степень определенности предмета исторического исследования зависит от упорядочивания его в соответствии с избранной схемой или концепцией.

В конструктивизме историческое знание считается результатом множества социальных взаимодействий: «Мир вне культуры и общества не играет никакой роли в процессе конструирования знания»⁹⁵. Поэтому социально-политические обстоятельства играют роль существенного фактора презентации любого фрагмента исторической реальности. В силу этого значение самой исторической действительности сводится лишь к множеству случаев установления соци-

альных конвенций относительно определенных исторических явлений или ситуаций. В силу этого «давление» так называемых неопровержимых исторических фактов не может быть настолько сильным, чтобы заставить людей, в том числе ученых, принимать одну из возможных интерпретаций исторической реальности в качестве «истинной».

С точки зрения конструктивизма любое историческое знание является идеологическим, и оно потому не может быть нейтральным в отношении структур человеческой деятельности. Все исторические концепции базируются на определенных критериях доказательности, которые, в свою очередь, основываются на других посылах, которые никак не связаны с изучаемым предметом.

Конструктивисты считают, что «наука - это одна из множества возможных и существующих форм жизни, которая нисколько не является трансцендентным основанием всей остальной культуры»⁶. Поэтому с позиций конструктивизма историческая наука не обладает привилегированным доступом к прошлому, находящемуся вне культуры. Историческая наука не является трансцендентным основанием исторического сознания. Историческая наука—одна из равноправных форм исторического познания, наряду с религией, здравым смыслом, литературой и т.д.

Если объективисты ставят вопрос - «как возможно истина в исторической науке», то конструктивисты интересуются - «как и почему» одним группам ученых удастся сконструировать такое историческое знание, которое в обществе воспринимается как «истинное», тогда как другим этого не удастся?

В рамках объективизма была разработана корреспондентная теория исторической истины, которая базируется на двух положениях: 1) исторические факты являются реальностями, существующими до и независимо от высказываний, которые к ним относятся; 2) высказывания об исторических фактах являются истинными или ложными в той мере, в какой они соответствуют фактам. Конструктивизм разработал консенсуально-когерентную теорию исторической истины. В этой теории критерием исторической истины выступает не соответствие высказываний историческим фактам, а то, являются ли это высказывания согласованными со всеми высказываниями, входящими в систему, которой данные высказывания принадлежит.

Для конструктивизма историческое познание - это диалог культур или игра, которая ведется в культуре с помощью средств самой культуры, это - продукт коммуникативной системы под названием «со-общество», форма ориентации в окружающей среде.

В связи с этим когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы исторического познания состоит в том, чтобы, завязав диалог с иными культурами (текстами), «озвучить» эти культуры, которые без помощи исследователя остались бы «неуслышанными». Историк-постмодернист, исходя из собственного «суверенитета» по отношению к производству значений и утверждению «истин», выступает в роли интерпретатора, задача которого - облегчить коммуникации между сообществами и традициями. Процесс проникновения в чуждые культуры происходит одновременно с трансляцией собственного культурного опыта («великого интертекста»). Поэтому, в отличие от представителей неклассической науки, историк-постмодернист является не просто зрителем, наблюдающим за развитием спектаклей на исторической сцене, но и их режиссером. Тем самым в рамках постмодернистской парадигмы исследователь не «воспроизводит» историческую реальность в виде системы знаний, претендующих на истину, а «производит» ее, используя возможности различных тропов.

Таким образом, в постмодернистской науке абсолютизируется роль исследователя, который превращается в репрессивную познавательную инстанцию. Более того, по мнению постмодернистов, историк и не должен пытаться репрезентировать что-либо, кроме своей практики. В связи с этим в исследовательской деятельности падает роль авторитетов (теорий), а исторические работы начинают носить «отпечатки» интеллектуальной индивидуальности самого исследователя.

Для постмодерниста главный вопрос состоит в том, как идентифицировать определенный мир исторической реальности, зная, что он является лишь одним из возможных, и что исследование этого мира вряд ли приведет к открытию всеобщей истины. Множество возможных интерпретаций исторической реальности, считавшихся как в классической, так и неклассической науке недостатком, становится основой и определяющей чертой постмодернистской парадигмы исторического исследования. Поэтому постмодернизм в историчес-

ком познании начинается там, где кончается монизм.

Постмодернист сознательно выступает против монополии любой из познавательных парадигм. Он стремится использовать конец холистского взгляда на мир для утверждения легитимности плюралистического видения исторической реальности и для развития множественности познавательной деятельности, а также повода для интертекстуальных языковых игр.

В постмодернистской исторической парадигме акценты можно расставить или на коммуникативных ее функциях, или семантической стороне содержания ее текстов. Когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы в значительной степени ориентирована на потребности «постмодернистского» со-общества, для которого характерно многообразие, порой несоизмеримых ценностных ориентации, горизонтов ожиданий и спектров интересов. В таком со-обществе историческая наука способна выполнять свои коммуникативные функции, если будет сознательно апеллировать к различным слоям потребителей своей продукции. В связи с этим историк-постмодернист должен владеть и языком научной элиты, и языком толпы, поскольку он одновременно обращается, по меньшей мере, к двум слоям пользователей. С одной стороны, к заинтересованному меньшинству - ученым, «специалистам по профессии», которых в первую очередь интересуют такие специфические сюжеты, как источники информации, методологические возможности выбранных познавательных средств и степень корректности их использования, аутентичность описания в рамках определенной культуры, логичность и оригинальность объяснения. С другой стороны, историк-постмодернист считает необходимым обращаться и к интересующемуся большинству, «специалистам по случаю», которых не занимают специфические научно-исследовательские тонкости, изыски и значения, поскольку их заботит другое - занимательность, убедительность, «легкость» чтения. Поэтому «двойное кодирование» научных текстов выступает одним из основных принципов постмодернистской парадигмы исторического познания.

Историку-постмодернисту надо обладать искусством многоязычия, позволяющим сводить вместе элитарные и популярные, традиционные и современные смысловые коды. Реализовать на практике

полиглотную артикуляцию постмодернистской парадигмы исторического познания значительно сложнее, чем, например, классической, «одноязычной». Кроме того, радикальный познавательный плюрализм легко совращает, подбивает на эклектику и вседозволенность. В исследовательской практике это часто приводит к утрате научности и порождает только постмодернистский хит в виде банализированной историко-популярной литературы, написанной наукообразным языком, за которым не кроется никакого исследовательского начала, и где читателю в псевдоплюралистической манере подается всякая мешанина из описания реальных исторических событий, вымыслов, исторических анекдотов, стереотипов и мифов, хаотического нагромождения событий, смыслов и замыслов.

Однако постмодернистская парадигма исторического исследования, базирующаяся на особом типе рациональности, отличается от этого познавательного суррогата тем, что разрушение целого, преодоление монизма не означает выдачу лицензии на хаотизацию и хитизацию. Постмодернизм в исторической науке - это свидетельство, прежде всего, перехода к монистической интерпретации исторической реальности с использованием широкого выбора когнитивных дифференциаций. Историк-постмодернист отличается умением работать не в одном, а в разных познавательных ключах, искусством использовать эпистемологические возможности различных парадигм в зависимости от индивидуально-сознательного замысла, предмета и задач конкретного исторического исследования.

Вместе с тем в рамках рациональной интерпретации постмодернистской исторической парадигмы начинают осознаваться недостатки «безбрежного» плюрализма. В связи с этим заговорили прежде всего о необходимости создания в ней единой символической системы. Однако метаизыскания в этой области показывают принципиальную невозможность какой бы то ни было унификации познавательного процесса в постмодернизме. В частности, Ж.-Ф. Лиотар с помощью философии языка как раз и показал невозможность такого суперкода⁹⁷. Действительно, любая унификация познания как восстановление целого будет не развитием постмодернизма, а его авангардистским отрицанием.

Постмодернизм в исторической науке создает особое интел-

§ 3. Предмет и когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы 241

лектуальное и смысловое пространство, в котором взаимопересекаются гетерогенные парадигмы познавательной деятельности и иницируется свобода творческого процесса. При этом исследователь-постмодернист стремится одновременно удовлетворить различные познавательные потребности и соответствовать разным аффективным ожиданиям. В связи с чем он должен «работать» с различными языками, обнаруживая то яркую индивидуальность, то совсем безликую манеру, то сухой «академизм», то экспрессивность и «сочность» массового восприятия.

При акцентации внимания на семантическом содержании научно-исследовательских текстов главным является то, что постмодернистская парадигма исторического познания предоставляет широкий простор для воображения, вымысла и фикции. «Ключевой критерий модерна - функция, дополняется в постмодерне, - как отмечает В. Вельш, - критерием фикции»⁹⁸.

Содержание постмодернистских исторических сочинений сильно зависит от утилитарных интересов, оно непосредственно связано с миром современной повседневной жизни. Поэтому эти тексты носят не столько отображающий, сколько изображающий характер, оставляющий на них как «следы» этой повседневности, так и «отпечатки» интеллектуальной и художественной индивидуальности самого историка. Таким образом, при такой расстановке акцентов в историческом познании на первое место выдвигается визионарный аспект.

Постмодернизм обнаруживает недостаточность классического исторического письма, в котором есть автор, повествующий о прошлом. Поэтому постмодернисты говорят о необходимости восстановления связей исторических исследований с риторикой и литературой. В частности, Х. Уайт пишет: «Пока историки продолжают использовать обычные грамотные речь и письмо, их репрезентации феноменов прошлого, равно как и мысли о них, останутся «литературными» - «поэтическими» и «риторическими» - отличными от всего, что считается специфическим научным дискурсом»⁹⁹.

В этом плане постмодернистская парадигма исторического познания, наращивая многообразие, требует, чтобы положения исторических текстов не звучали подобно словесным обрывкам, а раскрывали многослойность и многоаспектность предмета исследования и

служили решению поставленных в нем познавательных задач, наглядно обнаруживая специфические возможности и границы тех или иных используемых исследовательских средств. В противном случае вместо многоязычия можно получить псевдомодернистские интеллектуальные «постройки», представляющие собой неорганизованный когнитивный хаос.

В связи с этим специфика постмодернистской парадигмы исторического познания заключается как раз в том, что она стремится вернуть потенциал тех познавательных традиций, которые были утрачены в ходе унификации исследовательской деятельности, проведенной модернизмом в сфере исторической науки.

Со времен Гегеля в эпистемологии утвердился трюизм о том, что каков предмет, таковым должен быть и метод его познания. Поэтому вполне естественным выглядит вопрос: если общество в эпоху постмодерна можно изучать с помощью постмодернистского метода, то возможно ли на его основе строить познание прошлых, т.е. «допостмодерных» исторических эпох. С точки зрения модернистской исторической науки, разумеется, нельзя, поскольку репрессивность объекта познания по отношению к его субъекту заставляет искать адекватные познавательные средства. С позиций постмодернистской парадигмы исторического познания, преодолевающей эту репрессивность, такой метод вполне пригоден для изучения истории и даже необходим в плане преодоления всякого рода авторитаризма и монополизма в процессе исторического познания, любых проявлений интеллектуального монизма и вытекающих из него различных репрессивных - как по отношению к объекту, так и по отношению к субъекту - теоретических концепций.

Более того, историческое познание в рамках постмодернистской парадигмы представляет собой процесс «со-творчества» субъекта и предмета исследования (текста), результатом которого в ходе экстериоризации культуры исследователя в историческое прошлое выступают метафоры как определения исторического бытия. Используя при этом различные комбинации познавательных средств, историк-постмодернист добивается в ходе такой игры в «исторический калейдоскоп» многообразного и многоаспектного рассмотрения предмета своего интереса, не утверждая приоритета ни одного из таких рассмотрений.

В этом случае постмодернистская техника исторического познания реализуется в рамках коллажа – приема эклектичного, случайного сочетания разнообразных элементов¹⁰⁰. Вообще надо отметить, что эклектизм – характерное явление для методики постмодернистского исторического познания. Однако эклектизм в данном случае не следует рассматривать как проявление «дурного» вкуса или беспринципности исследовательской деятельности. С одной стороны, эклектизм свидетельствует об отсутствии методологического единства и целостности в подходе к предмету исторического изучения, и в этом преодолении познавательного монизма как раз и проявляется характерная черта постмодернизма. С другой стороны, эклектизм как способ сочетания разнородных, порой противоположных познавательных парадигм, является той формой, в которой только и может реализоваться такой фундаментальный принцип постмодернизма, как радикальный плюрализм.

При этом надо, однако, видеть специфику постмодернистского коллажа, его отличие, например, от коллажа авангардистского. Характеризуя авангардистскую технику коллажа, Б. Гройс, отмечает, что ее цель – аутентичное выявление «скрытой», более фундаментальной, чем натуральная, реальности. Постмодернист исходит из того, что он создает метафоры в качестве определения бытия, и поэтому исследователь отказывается от позы мага, превращающего невидимое сущее в видимое. Постмодернист лишь оперирует с готовыми стилями, с известными системами, заново комбинируя их¹⁰¹.

Постмодернизм в исторической науке проявляется и в том, что историк, используя методику когнитивного коллажа, в отличие от различных модернистских монистических подходов, заранее не знает, какой результат он получит в ходе исторического исследования. Перебирая, часто случайно, опираясь исключительно на свою эрудицию и интуицию, познавательные парадигмы, историк-постмодернист больше увлечен самой методологической игрой, наслаждением от ожидания того, что может получиться в результате использования порой диаметрально противоположных познавательных средств, чем самим результатом исследования.

Вместе с тем такая методика дает возможность историку-постмодернисту выявить самые различные, порой неожиданные ха-

рактеристики исследуемого явления. И хотя то, что оказывается продуктом его деятельности, лишено цельности и единства и являет собой, как отмечается в литературе, энциклопедический по охвату коллаж интерпретаций предмета и верификаций этих интерпретаций (которые в определенном смысле также оказываются соответствующей конвенциональной игрой), тем самым исследователь-постмодернист демонстрирует и многосторонность изучаемого предмета, и «прозрачность» различных его трактовок, возможность свободного перехода от одной методологии к другой, а также неадекватность любых «окончательных» и «единственных» решений по любой проблеме исторического познания. Но еще в большей мере исследователь, как отмечает Я.У. Астафьев, демонстрирует глубинную цель подобных изысканий, которая состоит в наслаждении высшей свободой творческой игры в действительность, но в действительность не «натуральную», а находящуюся в снятом, духовно преображенном, фикциональном виде¹⁰². В связи с этим К. Дженкинс заметил, что «большинство историографических сочинений являются попыткой наложить полную смысла форму произведения на прошлое, которое ничего не значит»¹⁰³.

Таким образом, историк-постмодернист, исходя из принципов радикального когнитивного плюрализма и методологической дополнительности исследовательских парадигм, реализуя методику познавательного коллажа, при изучении предмета своего научного интереса должен стремиться использовать максимально большее число методологических концепций при свободном их комбинировании. В этом плане историк-постмодернист, с одной стороны, ориентируется на максимальную широту знаний в области собственных исторических интересов, которые он комбинирует на основе собственных субъективных предпочтений. С другой стороны, он использует эти знания для максимально полного и всестороннего описания, объяснения и понимания изучаемого феномена, не выставляя при этом какую-либо общую его теорию, а создавая коллаж нарративов и теорий.

Некоторые исследователи полагают, что в своем профессиональном поведении историк-постмодернист ближе к энциклопедически образованному человеку, нежели к привычному субъекту науки - специалисту узкого профиля. Однако его своеобразный энциклопедизм

не следует понимать в традиционном духе, на манер ученых типа деятелей Возрождения и Просвещения. В отличие от них знания и навыки поведения историка, использующего постмодернистский метод, не систематизированы и не подчинены логике построения какой-либо схемы. Соответственно, полагает Я.У. Астафьев, постмодернист трактует свою дисциплину не как собственную отрасль науки, а скорее, как определенную сферу культуры. Культуры не в распространенном у нас «музейном» понимании – как собрания образцов для подражания, а в этнологическом – в смысле совокупности представлений и ценностей, закрепленных в соответствующих концептуальных средствах и приемах, воплощенных в свою очередь в неких материальных артефактах¹⁰⁴.

С представлением о том, что постмодернистская парадигма исторического исследования как бы растворяется в культуре, согласиться нельзя, как и с тем, что она превращается в отрасль искусства. Постмодернизм не только не отменяет разнообразные формы социального познания, но, наоборот, провозглашает их когнитивное равноправие и познавательную самоценность. Поэтому историк-постмодернист не трактует свою деятельность как определенную сферу культуры, а сознательно утверждает связь между предметом исторического интереса ученого, выбором познавательных средств, результатом познания и духовными, культурными интенциями собственной, исследовательской деятельности. Но от этого постмодернистское историческое познание не перестает быть исследованием, хотя оно и не укладывается в таком виде в привычные стереотипы научности. Но в этом-то и состоит специфика постмодернистского стиля исторического мышления, который ориентируется на высшую свободу и творчество. Поэтому историк-постмодернист – это не только исследователь, но и художник. Он не «беспристрастный» искатель такой сомнительной вещи как истина, а ее творец-конвенционалист.

Постмодернисты считают, что сближение истории и литературы подтверждает монологическую недостаточность исторического письма. Но тогда историку придется осваивать новую эстетическую реальность: поступиться, например, привычным статусом автора и «расщепить» себя на «автора» и «повествователя» – организатора пространства разноязычного диалога. Но есть и более радикальный

путь: отказ от авторского дискурса вообще и предоставление права авторства любому пользователю сконструированного историком документально-историографического комплекса. Историография в этом случае может быть представлена как область интертекстуальных значений, где, по словам М. Бахтина, «нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту... Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»¹⁰⁵.

Разрабатывая теорию исторической интерпретации, Х. Уайт радикально переопределяет традиционные принципы описания исторических событий, согласно которым повествование рассматривается нейтрально как контейнер фактов, а исторические события представляют реальную историю, которую надлежит лишь вскрыть и представить читателю, непосредственно и интуитивно постигающего историческую истину. По Х. Уайту, язык налагает на историческое повествование ограниченный набор риторических форм, предлагая варианты построения сюжета, типы объяснительных моделей и варианты идеологических позиций. Неизбежный выбор из них определяет специфику различных интерпретаций исторических событий¹⁰⁶. Существование различных, равно приемлемых, путей репрезентации повышает значимость таких сторон исторического исследования, как его оригинальность, правдоподобность и убедительность. Не существует внешнего критерия того, какая из предложенных интерпретаций более истинна.

Поэтому особую роль в репрезентации исторической реальности постмодернисты отводят нарративному подходу. Теория этого подхода была разработана в конце 80-х гг. XX в. Х. Уайтом, который согласен, что историки могут обладать верным знанием конкретных исторических событий, но исторические повествования он расценивает как литературные произведения, имеющие в качестве основы роман, комедию, трагедию или сапиду. История - результат неизбежного отбора, когда одни стороны событий выпячиваются, другие - отодвигаются в тень, что достигается посредством характеристик действующих лиц, повторения мотивов, изменения тона повествования - тех выразительных техник, которые мы встречаем в романе или пьесе. Ни одно историческое событие само по себе не трагично. Оно может быть воспринято как таковое лишь в соответствующем

контексте, лишь под определенным ракурсом. Ибо в истории то, что трагично с одной точки зрения, комично с другой¹⁰⁷.

Х. Уайт считает, что для сознания историка характерно «движение» от рассматриваемых данных к структурам и составляющим интерпретациям, предопределяющимся социальным опытом, интеллектуальной практикой¹⁰⁸. В тексте историка они кристаллизуются в особых формах - тропах, которые совмещают в себе и манеру, способ конструирования идеи, и ее нелингвистическую фиксированность в виде метафоры, «картины». Только отношения между тропами и миром, в котором они возникли, способны дать основание для корректного «взгляда» на взаимосвязь языка текста и реальности, что позволяет выйти через историографическое осмысление проблемы к пониманию ее существа¹⁰⁹.

Проблеме «история и тропология» большое внимание уделял Ф. Анкерсмит, который сделал вывод о том, что «нарративизм принимает прошлое, как оно есть»¹¹⁰. В связи с этим В.Н. Кравцов пишет, что «здесь, по мнению самого автора, устраняется основная ошибка позитивистов и их современных последователей, забывающих о том, что, прежде чем факт «представит» реальность, он должен быть «нарративно интерпретирован» использующим его историком. Иными словами, по интеллектуальной конструкции можно судить о реальности только после тщательного историографического исследования самой конструкции, а объяснительные функции исторического знания должны быть реализованы в отношении творчества тех, кто «делает факт»¹¹¹.

Переход к плюралистической интерпретации исторической реальности рассматривается постмодернистами и как требование использования различных риторических стратегий в пространстве исторического дискурса. Американские исследователи Д. Райе и П. Шуффер выделили четыре типа риторических стратегий в пространстве фигуративного дискурса: метафорический, метонимический, синекдохический и иронический.

Эти четыре типа фигур выделяет в тропологии и Х. Уайт. Тропология у него - это «теоретическое объяснение вымышленного дискурса, всех способов, какими различные фигуры (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают типы образов и связи между ними,

способные служить знаками реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно. Дискурсивные связи между фигурами (людей, событий, процессов) в дискурсе не являются логическими связями или дедуктивными соединениями одного с другим. Они, в общем смысле слова, метафоричны, т.е. основаны на поэтических техниках конденсации, замещения, символизации и пересмотра. Вот почему любое исследование конкретного исторического дискурса, которое игнорирует тропологическое измерение, - подчеркивает Х. Уайт, - обречено на неудачу в том смысле, что в его рамках невозможно понять, почему данный дискурс «имеет смысл» вопреки фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства»¹¹².

По мнению постмодернистов, полнота исторического описания прямо зависит от количества этих риторических стратегий (фигур). Метафорический дискурс представляет текст как мифологическую структуру. В метонимическом - текст понимается как отражение реальной действительности. Синекдохический дискурс понимает текст как фрагмент более общей системы, а иронический - как возможность стилизации и пародии другого текста. «Полнота описания, - пишет Ю.Л. Троицкий, - могла бы, в этом контексте, стать синонимом исторической истины, недостижимой в пространстве одного языка. Истинным можно было бы назвать такое описание события, которое включало бы в себя все четыре дискурсивные стратегии. Представляется, что названные стратегии составляют парадигму исторического описания (язык - в смысле Соссюра), из которой историк каждый раз выстраивает свою «синтагму» (речь)».

Эти риторические стратегии соответствуют точкам зрения авторов исторических нарративов: метонимический дискурс совпадает с позицией современника события, синекдохический может быть отождествлен с позицией потомка (например, историка), метафорическая стратегия присуща нарративам иностранцев, пишущих о другой стране, а иронический дискурс позволяет «отстранить» описываемое событие через комическое «снижение». Тот факт, что историографическая культура развивалась как тотальность синекдохического дискурса и точка зрения потомка подчиняла все иные ритори-

ческие стратегии, приводил к тому, например, что в периоды явной ангажированности господствующей в обществе историографической линии (советская эпоха) возрастал интерес к дневникам и переписке современников событий или иностранцев, так же как к историческим анекдотам. И причиной тому - не только искажения фактов и концептуальные натяжки, но и монологичность исторического письма, репрезентирующего голос всезнающего потомка¹¹³.

Однако, как полагают исследователи, следует учитывать, что сколь бы ни была привлекательна идея творчества без границ, т.е. размывания рамок между историей и искусством, ее реализация на практике затрудняет возможность коммуникации. Конечно, догматические институциональные формы исторического знания, выполняющие «репрессивные» функции, ограничивают свободу творчества, но и стирание границ между искусством и исторической наукой, чрезмерная эстетизация последней сводит ее коммуникативные возможности к проблеме вкуса. Порог же коммуникативных рассуждений, где доминируют ценностные ориентации, значительно ниже, чем в научно-исследовательском дискурсе, в котором преобладает рациональность и в использовании языка, и в поиске аргументов, и в обосновании их доказательности.

Это достаточно убедительно демонстрирует на примере постмодернистской философии Н.С. Автономова, которая пишет: «Эстетизация философии только ограничивает ее коммуникативные возможности, ибо подчиняет их, в конечном счете, суждениям вкуса типа - «это мне нравится», «это мне не нравится». Ясно, что коммуникативный порог таких рассуждений ниже, нежели в процессах собственно исследования - достаточно открытого, но соблюдающего какие-то принципы взаимной доказательности. Нравится нам это или не нравится, хотим мы этого или не хотим, но сейчас главной коммуникативной силой в культуре выступает наука, в ней больше элементов, по поводу которых возможны взаимосогласование и сверка общезначимых элементов»¹¹⁴. Результатом тотальной эстетизации истории может оказаться глубокое недоверие к прошлому или прямой бытийный нигилизм, обретающий циничную окраску.

Примечания

¹ *Огурцов А. П.* Постмодернистский образ человека и педагогика // Человек. 2001. № 3. С. 8.

² *Бузгалина А. В.* Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 3-^.

³ *Talor B.* Modernism. Post-Modernism, Realism: a Critical Perspective for Art. Hampshire, 1987. P. 40-42.

⁴ *Ушакин С. А.* После модернизм: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 131-132.

⁵ *Филиппович А. В.* Лингвистический поворот // http://velikanov.ru/philosophy/lingvisticheskij_povorot.asp

⁶ *Апель К. -О.* Лингвистическое значение и интенциональность: соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики // http://www.ido.tsu.ru/other_res/hischool/surovcev/8.htm

⁷ Интервью с Н.Е. Колосовым // <http://www.litera.ru/slova/ioffe/koposov.html>

⁸ *Копосов Н. Е.* Что такое критика социальных наук ? // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 1999. Т. 2. Вып. 3 // <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/3/4kopos.html#snoska13>

⁹ *Norris Ch.* The Truth about Postmodernism. Oxford, 1993. P. 161-162.

¹⁰ *Глазунова О. И.* Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.

¹¹ *Руденко М. О.* Лингвистический поворот // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/125685.html>

¹² Лингвистический поворот // http://lacan.narod.ru/ind_lin/default_3.htm

¹³ *Кукарцева М. А.* Начало лингвистического поворота в историописании // Monstera № 4. Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2004 // http://abuss.narod.ru/Biblio/kuk_monstera.htm

¹⁴ *Белый В.* «Постмодерн». Гносеология и значение одного спорного понятия // Пути. Международный философский журнал. 1992. № 1. С. 113.

¹⁵ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 95.

¹⁶ *Белый В.* Постмодерн... С. 114-115.

¹⁷ Там же. С. 109-110.

¹⁸ *Межуев В. М.* Трансформация в современной цивилизации: постин-

дустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 22-23.

¹⁹ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 36, 47.

²⁰ Ирхин Ю. В. Постмодерн // Глобалистика: Энциклопедия... С. 818.

²¹ Петренко Е. Л. Постмодерн // Глобалистика: Энциклопедия... С. 814.

²² Кирабаев Н. С. Мультикультурализм // Глобалистика: Энциклопедия... С. 640.

²³ Harper Ph. B. Framing the Margins: The Social Logic of Postmodern Culture. Oxford; New York, 1994. P. 13.

²⁴ Bauman Z. Sociology and postmodernity // Sociological Review-Keele. 1988. Vol. 36. N4. P. 790.

²⁵ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 336-338.

²⁶ Здесь и сейчас - Авт.

²⁷ Федотова В. Т. Рецензия: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002 // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 147.

²⁸ Giddens A. Runaway World. How Globalization in Reshaping our Lives. London, 1999. P. 66.

²⁹ Панарин А. С. Россия в социокультурном пространстве «Запад-Восток» // Человек и современный мир. М., 2002. С. 71.

³⁰ Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.

³¹ Цит. по: Василенко И. А. Интерпретации истории и парадигмы исторического знания // Философия истории / Под ред. А. С. Панарина. М., 1999. С. 372.

³² Макарычев А. С., Сергунин А. А. Постмодернизм и западная политическая наука // Социально-политический журнал. 1996. № 3. С. 153.

³³ Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика... С. 8-9.

³⁴ Давыдов Ю. Н. Патологичность «состояния постмодерна» // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 8.

³⁵ Золотухина-Аболина Е. В. Постмодернизм: распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 191-192.

³⁶ Огурцов А. П. Постмодернистский образ человека и педагогика... С. 16.

³⁷ Гречко П. К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166, 170.

- ²² *Анурин В.Ф.* Постмодернизм: в поисках материального фундамента // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. с. 112.
- ³⁹ *Астафьев Я. У.* Постмодернизм в познании общества // *Политические исследования*. 1992. № 3. С. 65.
- ⁴⁰ *Rorty R.* Philosophy and the mirror of nature. Oxford, 1980. P. 176;
Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1999. С. 26-27.
- ⁴¹ *Тарное П.* История западного мышления... С. 339-345.
- ⁴² *Трубина Е.Г.* «Метаистория» и историки // *Уайт Х.* Метаистория... С. 505.
- ⁴³ *Rorty R.* Philosophy and the mirror of nature... P. 365.
- ⁴⁴ *Derrida J.* Of Grammatology. Johns Hopkins University Press. 1976. P. 158.
- ⁴³ *Бахтин ММ.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 6-71.
- ⁴⁶ *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 225.
- ⁴⁷ *Kristeva J.* Narration et transformation // *Semiotica*. The Hague. 1969. №4. P. 443.
- ⁴⁸ *Eagleton T.* The Subject of Literatur // *Cultural Critique*, 1988. Vol. 10. P. 101.
- ⁴⁹ *Aronowitz S.* The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements. New York, 1992. P. 182-183.
- ⁵⁰ *Beaugrand R.-A. de, Dressier W.* Introduction to text linguistics. London; N.-Y. 1981. XVI. P. 188.
- ⁵¹ *Barthes R.* Texte // *Encyclopaedia universalis*. Paris. 1973. vol. 15. P. 78.
- ⁵² *Barthes R.* Roland Barthes par Roland Barthes. Paris. 1975. P. 78.
- ⁵³ *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм... С. 226.
- ⁵⁴ *Intertextualität: Formen, Funktionen, anglist. Fallstudien / Hrsg. Von Broich U., Pfister M.* Tübingen. 1985. XI. S. 8.
- ⁵⁵ *Kristeva J.* Narration et transformation... P. 443.
- ⁵⁶ *Barthes R.* Image, Music, Text. Fontana. 1977. P. 42-48.
- ⁵⁷ *Hix H.* Spirits Hovering over the Ashes: Legacies of Postmodern Theory. Albany, 1995. P. 45.
- ⁵⁸ *Тарное П.* История западного мышления... С. 339.
- ⁵⁹ *Samuel R.* Reading the Signs // *History Workshop Journal*. 1991.32. P. 93.
- ⁶⁰ *Толд.* Стремление к истине... С. 173.

⁶¹ White H. The Burden of History // History and Theory. 1966. N 5. P. 127.

⁶² Цит. по: ТошД. Стремление к истине... С. 174.

⁶³ ТошД. Стремление к истине... С. 171

⁶⁴ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм... С. 230.

⁶⁵ White H. Historical Emplotment and the Problem of Truth // Probing the Limits of Representation. Nazism and the «Final Solution» / Ed. Saul Friedlander. Cambridge, 1992. P. 37.

⁶⁶ Fiske J. Television Culture. London, 1987. P. 14.

⁶⁷ Можейко М.А., о. Ленин С. Дискурс // <http://www.velikanov.ru/philosophy/diskurs.asp>

⁶⁸ Фрай М, Дискурс // <http://azbuka.gif.ni/alfabet/d/discourse/>

⁶⁹ Усманова А.Р. Дискурс // http://theory.sinp.msu.ru/~shamardin/philosophy/KnigiPoFilosoni/NovejshijiFilosofMijSlovar/DiskursijaDiskurs?show_TOmnents==0

⁷⁰ Можейко М.А., о. Ленин С. Дискурс // <http://www.velikanov.ru/philosophy/diskurs.asp>

⁷¹ ТошД. Стремление к истине... С. 171

⁷² Там же. С. 173.

⁷³ Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна»... С. 7.

⁷⁴ White H. The Content of the Form. Johns Hopkins University Press, 1987. P. 72.

⁷⁵ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York, 1994. P. 201-220.

⁷⁶ Зверева Г. И. Историческое знание в контексте культуры конца XX века... С. 128.

⁷⁷ Юдельсон А.В. Реферат: The Postmodern History Reader... С. 317.

⁷⁸ Савельев И. М., Полетаева А.В. История и время... С. 660.

⁷⁹ ТошД. Стремление к истине... С. 176.

⁸⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

⁸¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып П. СПб., 1913.

⁸² Спорные вопросы отечественной истории XI-VIII веков. Т.1. М., 1990.

⁸³ Лубский А.В. Герменевтика и источниковедение // Источниковедение XX столетия. М., 1993.

⁸⁴ Давыдов Ю.Н. Патологичность «состояния постмодерна»... С. 8.

⁸⁵ Там же. С. 8.

⁸⁶ Уайт Х. Метаистория... С. 18.

⁸⁷ *Ricoeur P.* Temps et récit. Paris, 1983-1985. Vol. 1-3.

⁸⁸ *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980.

⁸⁹ *Уайт Х.* Метаистория... С. 7.

⁹⁰ *Кравцов В. Н.* Реферат: White H. Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe. Baltimore; London, 1973 // Образы историографии... С. 262.

⁹¹ *Тош Дж.* Стремление к истине... С. 173-174.

⁹² *White H.* Metahistory: Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe... Р. 22-29.

⁹³ *Jenkins K.* Rethinking History. Routledge. 1991. Р. 68.

⁹⁴ *Агафонова М. Ю.* Проблема насилия в познании. Ростов н/Д, 2002. С. 43-49.

⁹⁵ *Collins H.* Stages in the Empirical Program of Relativism // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11. Р. 3.

⁹⁶ *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. Chicago: University Press, 1991. Р. 38.

⁹⁷ *Белый В.* Постмодерн... С. 130.

⁹⁸ Там же. С. 120.

⁹⁹ *Уайт Х.* Метаистория... С. 7.

¹⁰⁰ *Астафьев Я. У.* Постмодернизм в познании общества... С. 67.

¹⁰¹ *Гройс Б.* Дневник философа. Париж, 1989. С. 109.

¹⁰² *Астафьев Я. У.* Постмодернизм в познании общества..., С. 69.

¹⁰³ *Jenkins K.* On «What is History»: From Carr and Elton to Rorty and White. London; New York, 1995. Р. 137.

¹⁰⁴ *Астафьев Я. У.* Постмодернизм в познании общества... С. 68.

¹⁰⁵ *Троицкий Ю. Л.* Полнота описания как исторический синтез // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции Москва, 4-6 декабря 2001 г. М., 2001.

¹⁰⁶ *Трубина Е. Г.* «Метаистория» и историки... С. 508.

¹⁰⁷ Там же. С. 509.

¹⁰⁸ *White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality. Baltimore; London, 1988. Р. 1-25.

¹⁰⁹ *Кравцов В. Н.* Трансформация оснований профессионализма исторического знания... С. 165-186.

¹¹⁰ *Ankersmit F.* History and Tropology: The Rise and the Fall of Metaphor.

London, 1994. P. 33-43.

¹¹¹ *Кравцов В.Н.* Трансформация оснований профессионализма исторического знания... С. 185-186.

¹¹² *УайтХ.* Метаистория... С. 8.

¹¹³ *Троицкий ЮЛ.* Полнота описания как исторический синтез... С. 41.

¹¹⁴ *Автономова Н. С.* Возвращение к азам // Вопросы философии. 1993.

Глава 5.

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Историк «вычитывает» из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает.

Л.П. Карсавин

§ 1. Неоглобализм и новый универсализм: проблемы методологического синтеза

Распространение постмодернистских идей в исторической науке привело к созданию особой интеллектуальной ситуации, в которой, как, отмечает Р. Тарнас, различимы два противоположных импульса: первый направлен на радикальное разрушение и разоблачение знания, верований, мировоззрений, второй - на радикальное воссоединение и примирение. Столкнувшись со столь неоднородной и во многом сомнительной интеллектуальной ситуацией, вдумчивые люди взялись за нелегкую задачу: развить гибкую систему предпосылок и точек зрения, которая, не снимая и не упрощая всей сложности и множественности реальности, могла бы служить опосредующим звеном, объединяющим и проясняющим все это многообразие. Многие мыслители ставили целью развить такой культурный способ видения, наделенный внутренней глубиной и универсальностью, который, не навязывая априорных ограничений возможному ряду законных интерпретаций, смог бы сложить разбросанные осколки знания в подлинную и связную картину¹. В результате в конце XX в. стала формироваться неоклассическая модель исторического исследования, которая стала достоянием культуры «неоглобализма».

Культура «неоглобализма» актуализировала в философском дискурсе вопрос о культурном единстве и многообразии постсовременного мира. В рамках дихотомного мышления с его оппозициями «интеграция - фрагментация», «гомогенность - гетерогенность», «арха-

изация - модернизация», «конвергенция - дивергенция», «целостность - множественность» эти проблемы оказались неразрешимыми. Их решение требует выхода на такой уровень концептуализации, в рамках которой оппозиции могут быть поняты не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие полюса.

Такой уровень концептуализации задается современной концепцией мироцелостности, основанной на методологии нового универсализма. Суть этой методологии - «мир один, но не един», афористически выраженной М.Я. Гефтером еще в 80-х гг. прошлого века, - предполагает видение глобального целого как образования, где его локальные компоненты необходимо соотнесены посредством всеобщих, прямых и обратных связей, где процессы глобализации и локализации разворачиваются одновременно и взаимонеобходимо, где глобальное формирует локальное, а локальное - глобальное. Такой взгляд, раскрывающий суть методологии нового универсализма, выражает сущность глобальной логики, интегрирующей локальное разнообразие².

Основу концепции новой мироцелостности, базирующейся на методологии нового универсализма, составляют теории «культурного плюрализма» и те теории глобализации, которые постулируют позитивную связь между процессом глобализации и культурной разнородностью мира. Эти теории определяют глобализацию как становление мироцелостности в виде единого пространства, включая сюда и осмысление этого процесса в различных культурных дискурсах.

В культуре «неоглобализма» такое глобальное целое выглядит как противоречивое, конфликтное и альтернативное образование, а «динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий». В рамках культуры неоглобализма сформулированы и определены принципы познания этого целого, имеющие преимущественно методологический характер, совокупность которых, собственно, и получила название нового универсализма.

Как и старый универсализм, сформулированный в русле классической науки на базе принципа холизма, новый универсализм также постулирует целостность мира-человечества (мироцелостность). Однако способы видения этой мироцелостности в старом и новом универсализме весьма различны: в новой методологии целостность

основывается на «признании всеобщности связей, лишенной универсально-нивелирующего характера, Тсвязи, участники которой в принципе разнородны, творчески активны, а их основания выглядят не как эманация целого, но как и определяемые, и определяющие это целое»³.

В рамках нового универсализма под мироцелостностью понимается глобальное сетевое общество, образуемое множеством сетей потоков или даже как универсум потоков самого разного рода - экономических, политических, культурных, финансовых, информационных, идеологических и различных видов знания.

Культура «неоглобализма», базирующаяся на методологии нового универсализма, характеризуется, с одной стороны, активизацией дихотомического стиля мышления, а с другой - стремлением к синтезу разных «оппозиций»: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, социологистского и номиналистского, номотетического и идиографического.

В конце XX в. в русле культуры «неоглобализма» в качестве ответа на вызовы постмодернизма начала формироваться неоклассическая модель исторического исследования.

В культурном плане это было обусловлено тем, что постмодернизм, принадлежавший конкретному историко-культурному моменту - эпохе неолиберализма, в настоящее время уже устарел. Закат эпохи неолиберализма, по мнению некоторых исследователей, сопровождается кризисом постмодернизма, поскольку, оставаясь в рамках таких постулатов постмодернистской парадигмы, как методологический и теоретический плюрализм, отрицание системности и мета-теории, а также возможности применения общезначимых критериев Истины, Добра и Красоты для оценки общественных явлений, нельзя решить те объективные задачи, которые сегодня стоят перед человечеством⁴.

В эпистемологическом плане возникновение неоклассической модели исторического исследования было реакцией на вызовы постмодернизма, связанные с покушением на профессию историка и социальный статус самой исторической науки⁵. Поэтому вызов постмодернизма, как отмечают исследователи, сформировал вполне оп-

ределенный тип реакции историков-профессионалов. Забыв о внутрикорпоративных разногласиях, они сосредоточились на формировании образа «постмодернизма» как угрозы интеллектуальной деятельности вообще и профессиональной историографии особенно⁶.

Один из наиболее авторитетных защитников профессиональной историографии от постмодернистской опасности Л. Стоун, констатируя поразивший историческую науку кризис идентичности, определил три важнейших интеллектуальных течения, угрожающих существованию профессии историка.

Во-первых, это - лингвисты, последователи Ф. де Соссюра и Ж. Дерриды, отрицающие наличие внетекстовой реальности. Во-вторых, это - представители культурной и символической антропологии, которые рассматривают и реальность, и вымысел как набор семиотических кодов, определяющих все проявления жизни. В-третьих, это - сторонники нового историцизма, провозгласившие язык «посредником культуры, в котором реальность конструируется и познается». В результате политические, институциональные и социальные практики предстают «сценариями культуры», а точнее - дискурсивными наборами символических систем.

Наибольшую тревогу Л. Стоуна вызывает отказ представителей этих течений от познания исторической реальности *per se* (как она есть), что ведет к потере ориентиров, ограничивающих фантазию историка. При этом Л. Стоун не отрицает заслуг ни «лингвистического поворота», научившего историков более тщательно рассматривать тексты, используя новый инструментарий для выявления "ЯюГекрыпой в них информации, ни культурной и символической антропологии, открывшей историкам новые возможности в изучении функций социальных институтов. Но это, по мнению Л. Стоуна не уменьшает эпистемологической опасности, исходящей от отрицания внеязыковой реальности: «...ведь если ничего не существует вне текста, то история, как мы ее знаем, полностью дискредитируется, а факт и ложь становятся неразличимы». Кроме того, смешение объективного акта и субъективной фикции обесценивает архивную работу историка и уравнивает возможности профессионала и литератора в формировании образа истории в обществе.

Критикуя постмодернистов, Л. Стоун настаивает на том, что

слова, являясь игрушкой человека, не могут играть друг с другом. Поэтому, произведя ряд сложных операций - выяснив авторское намерение, изучив социальный и политический контекст, который создал современную форму языка, погрузившись в традиции культуры, - историк, по его мнению, может достигнуть относительной истины, «во всяком случае, заслужить одобрение наиболее информированного читателя». При этом он допускает возможность компромиссного взгляда на историю как на текст, продуцируемый внетекстовой социальной реальностью и имплицитно ее содержащий⁷.

Защитники профессионального статуса исторической науки считают, что распространение постмодернистских идей привело к размыванию традиционных представлений о содержании и границах профессиональной научной деятельности историка. История, отмечают они, стала писаться и переписываться «не столько профессиональными историками, сколько в большей степени культурной и политической общественностью, представителями других научных дисциплин, порождая множество альтернативных версий отдельных событий и исторического процесса в целом». Это привело к тому, что «историческая наука перестала обладать монополией на память, контролировать потребности в воспоминаниях и процесс их интерпретации»⁸. В этом они видят подтверждение вывода французского исследователя П. Нора о конфронтации между историей и памятью как основополагающем признаке постсовременного общества⁹.

Основные признаки депрофессионализации исторического познания, связанные с постмодернизмом, исследователи усматриваются в следующем: 1) критерии научности, специальные правила и нормы, на которые опиралось научное историческое исследование, утратили свою силу и влияние; 2) привнесенная извне логика размышлений и модели различных дисциплин не всегда вписывались в привычные стандарты и согласовывались друг с другом; 3) безмерное расширение предмета исследования и методов его анализа вылилось в «постмодернистский хаос» историописания, картина прошлого раздробилась «историей снизу» на множество «разноцветных осколков»¹⁰; 4) произошла атомизация исторической науки, веерообразное расхождение ее отраслей друг от друга привело к потере единого терминологического аппарата, единого языка, приспособленного для комму-

„икации между всеми историками“; 5) была утрачена интеллектуальная привлекательность истории; произошел разрыв исторических исследований с социальным и интеллектуальным опытом; 6) усилилось внимание историков к проблемам самоидентификации вместо концентрации усилий на решении социально значимых проблем; корпорация историков замкнулась на проблемах внутреннего развития и актуализации интереса к самой себе; 7) создаваемые интеллектуальные ценности в исторической науке стали потребляться лишь узким кругом профессионалов, специалистов в соответствующей области¹².

В результате в рамках неоклассической модели исторического исследования сформировался образ «постмодернизма» как угрозы интеллектуальной деятельности вообще и профессиональной историографии в частности. В связи с этим основные идеи, привнесенные постмодернизмом в историческую науку, стали подвергаться со стороны неоклассиков серьезной критике. В первую очередь это:

1. Идея конструктивизма в историческом познании, которая базируется на принципе: историческая реальность производится множеством видов социокультурной практики, а истинность или ложность исторических знаний зависят от социальных контекстов, в которых они производятся. Поэтому неоклассики критикуют постмодернистские тезисы о том, что «историзм мертв и его нельзя больше считать серьезным интеллектуальным явлением»; «мир вне культуры и общества не играет никакой роли в процессе конструирования знания»; «вне текста не существует ничего» и нет «никакой внеязыковой реальности», которую историки способны понять и описать. Неоклассики критикуют постмодернистов за то, что они провозгласили язык «посредником культуры, в котором реальность конструируется и создается», в результате чего исторические практики представляются «сценариями культуры», а точнее - дискурсивными наборами символических систем. В целом критикуется отказ постмодернистов от реконструкции истории с помощью научных методов такой, «какой она была», и возможности получения объективно-истинного знания о ней.

2. Релятивистская идея постмодернизма о консенсуально-когерентном характере истины, согласно которой истинность исторического знания определяется не отношением между знаниями и истори-

ческой действительностью, а соответствием исторических знаний социально санкционированным понятийным схемам и, в конечном счете, общей системе идей, образующих конкретную культуру. Постмодернистская концепция исторического знания базируется на положении о возможности многочисленных прочтений исследователями документальных «остатков» прошлого, каждый из которых имеет право на собственный взгляд, и поэтому истории, которые они рассказывают, являются всего лишь субъективными предпочтениями, взятые из бесконечного множества возможных интерпретаций исторических источников. Неоклассики критикуют когнитивный релятивизм постмодернистов как признание возможности многочисленных интерпретаций исторических событий, каждое из которых может быть признано равноценным, поскольку является всего лишь субъективным предпочтением.

3. Эпистемологическая идея о том, что историческое познание является всего лишь дискурсивной практикой, позволяющей историкам как представителям определенных политических позиций, связанных с текущим моментом, «отправляться в прошлое, думая о современности, копаться там и перестраивать его в соответствии со своими потребностями»¹³, используя идеологизированный язык. Неоклассики критикуют постмодернистский презентизм и концепт гуманитарного дискурса, который создается в соответствии с определенным языком, выбранным жанром и «режимом истины» ради культурного сообщения.

4. Постмодернистская идея о том, что исторические труды представляют собой вид литературного творчества, который, как и любой жанр, функционирует в рамках определенных риторических правил, и поэтому характер исторического произведения определяется не столько принципами научного исследования, сколько эстетическим выбором автора, который формирует дискурсивную стратегию исторического текста. В связи с этим неоклассики подвергают критике «лингвистический поворот», совершившийся в исторической науке под влиянием постмодернизма.

5. Когнитивная идея о том, что достойным внимания историков являются только единичные исторические факты. Поэтому неоклассики критикуют постмодернизм за утрату холистского восприятия

исторической реальности, за «рассевание» и «фрагментаризацию» истории.

6. Идея о «разрыве» между прошлым и настоящим, согласно которой современность не такова, каким ее «сделала» история, а новая реальность и преодоление прошлого. Неклассики критикуют такое представление постмодернистов о связи истории с современностью, поскольку это делает профессиональное изучение истории занятием социально малозначимым.

Неоклассики подвергают критике не только постмодернизм в историческом познании, но и всю предшествующую историографию за то, что различные ее течения и школы жестко придерживались социологистско-номотетических или номиналистско-идиографических принципов. Это, по их мнению, приводило к одностороннему изучению истории в рамках классической и неклассической моделей исторического исследования.

В связи с этим неоклассики, ведя свою родословную от классической исторической науки, подвергают критике некоторые, на их взгляд, устаревшие ее методологические основания, такие как:

1. Стремление «консервативных традиционалистов» отождествить историческую науку с естествознанием, элиминируя специфику исторического познания, его сциентизация по образцу естественных наук. Неоклассики считают, что, хотя история и естественные науки могут сближаться в ряде основных методологических предпосылок, между ними сохраняются существенные различия¹⁴.

2. Представления классиков о том, что предметом исторического исследования, если оно стремится быть научным, должна быть только надындивидуальная историческая реальность. Неоклассики критикуют предметную односторонность классической модели исторического исследования, отдающей приоритет в истории социальным явлениям над индивидуальными, «мертвым» социальным структурам и процессам над «живыми» социальными коммуникациями, объективным факторам над субъективными. Неоклассики считают, что умаление роли человека мистифицирует и примитивизирует историю, уводя ее в сторону фатализма¹⁵.

3. Постулат классической науки о том, что достойным внимания Исследователя является лишь общее и закономерное, а изучение еди-

ничного и неповторимого в истории не может быть признано научным. Неоклассики критикуют методологическую односторонность классической модели исторического исследования, направленную на выявление каузальных связей, установление исторических закономерностей и игнорирование исторической казуальности.

4. Представления классиков об истории как прогрессивном движении к единому рационально устроенному будущему через преодоление многообразия исторических форм. Неоклассики критикуют методологию однолинейного прогрессизма, предполагающую, что каждое отдельное человеческое сообщество идет по пути, общему для всех, в русле единой линии мирового прогрессивного развития, ориентиры которого задаются наиболее развитыми странами.

5. Представления классиков об органической связи прошлого, настоящего и будущего, взгляд на современность как закономерный результат предшествующего исторического развития. Неоклассики осторожно относятся к положению классической науки о том, что реконструкция прошлого позволяет логически увязать историю с современностью и опыт прошлого можно использовать в современной общественной практике. Неоклассики считают, что современность не столь жестко детерминирована прошлым, и в ней всегда есть место выбору.

6. Противопоставление в классической науке субъекта и объекта исторического исследования, построенного на абсолютизации позиции историка как «нейтрального наблюдателя». Неоклассики критикуют принцип «нейтральности» исследователя как методологически не осуществимый, поскольку в реальной научной практике требуемое классиками жесткое отделение исторических фактов от ценностей просто невозможно.

7. Стремление классиков рассматривать исторические знания как своего рода «слепки» с объективной исторической действительности, что позволяет придавать таким знаниям статус научных истин. Неоклассики критикуют крайний объективизм классической исторической науки, отвергающий всякую структурирующую роль текста и языка в историческом познании.

8. Положение о том, что основой исторического исследования являются научные факты о прошлом, достоверность которых (адек-

ватность исторической реальности), устанавливается методом критического анализа исторических источников. Неоклассики критикуют представления классиков о том, что историк играет второстепенную роль по сравнению с существующими фактами, и что факты «говорят сами за себя». Неоклассики считают, что содержание научных фактов определяется не только исторической реальностью, но и зависит от представлений самих историков. В силу этого исторические факты не могут быть полностью объективными, поскольку становятся таковыми лишь в силу значения, которое придает им историк¹⁶.

9. Стремление представителей классической исторической науки к заимствованию теорий из разных общественных наук и использование их в качестве объяснительных конструкторов в исторических исследованиях. Неоклассики считают, что исторические теории не должны быть производными от макросоциологических теорий, поскольку они навязывают истории жесткие схемы, в которые втискивается реальная историческая действительность¹⁷.

10. Представления классиков о методологическом плюрализме как эпистемологическом недостатке исторической науки. Неоклассики критикуют когнитивный монизм и стремление классиков к созданию универсальных теорий, с помощью которых можно было бы объяснять любые исторические явления.

В целом неоклассики критикуют представителей классической науки за то, что последние, выступая против постмодернистской академической моды, фактически проповедуют новейшую форму «когнитивного абсолютизма», в котором научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого действия и приобретают форму религиозной веры¹⁸.

Неоклассики подвергают критике также односторонность принципов неклассической модели исторического исследования, в первую очередь такие, как:

1. Противопоставление неклассической наукой истории и естествознания, поставившее под сомнение вопрос о единстве научного знания. Неоклассики считают, что, несмотря на специфику исторической науки, обусловленную особенностями ее предмета и методологии, существуют общие принципы научно-исследовательской деятельности.

2. Представление о том, что предметом неклассической модели исторического исследования может быть только индивидуальная историческая реальность как совокупность уникальных исторических явлений. Неоклассики полагают, что предметом исторической науки должны быть не только индивидуальная реальность, но и надындивидуальная, не только уникальные исторические явления, но и универсальные исторические закономерности.

3. Абсолютизация в неклассической науке субъективного фактора в истории, сделавшая предметом исторического исследования цели, мотивы, интересы и ценности человеческие поведения, и игнорирование объективных условий жизнедеятельности людей. Неоклассики считают, что предметом исторической науки должны быть не только субъективные гуманитарные действия, но и объективные исторические процессы и структуры.

4. Идея «атомизации» и казуальности истории и связанная с ней утрата в неклассической науке холистского представления о прошлом как системе причинно-следственных и ситуационно-факторных связей. Неоклассики сохраняют притязания исторической науки на постижение прошлого как «целостной материи, сотканной из множества разноцветных нитей», на восстановление многофакторного, «казуального и казуального комплекса истории».

5. Сужение в неклассической науке масштаба видения исторической реальности, ее понимания и эмпирического освоения на уровне истории повседневности. Неоклассики полагают, что историк должен изучать не только единичные действия и создаваемые ими факты повседневности, существующие непосредственно *hie et nunc* («здесь и сейчас»), но и *big structures* (крупные исторические структуры) и процессы *longue duree* («долгой длительности»), целостный охват которых невозможен без определенных познавательных процедур, улавливающих движение истории во времени и пространстве.

6. Сведение истории в неклассической науке к культуре, положившее начало такому направлению исторических исследований, как «культурная история», что сопровождалось в исторических исследованиях утратой научного языка и заменой его суждениями в русле «здорового смысла». Неоклассики считают, что история с позиций «здорового смысла» должна быть заменена научной, т.е. «понятийной», историей.

В целом неоклассики, подвергая критике односторонние принципы неклассической модели исторического исследования, считают, что субъективизм и релятивизм в исторической науке усугубились в связи с популярностью в ней социокультурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения исторических событий. При этом неоклассики акцентируют внимание на эпистемологической связи неклассической модели исторического исследования с постмодернизмом.

Неоклассическая модель исторического исследования, складывающаяся в рамках культуры неоглобализма, предполагает, с одной стороны, дихотомический стиль мышления, а с другой – синтез различных когнитивных оппозиций. В настоящее время, как отмечают специалисты, «все громче звучит призыв к преодолению антитезы сциентистской и гуманистической тенденций, структурного и антропологического подходов, макро- и микроистории, системного и динамического видения исторического процесса»¹⁹.

Формирование неоклассической исторической науки сопровождается переходом от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза «положительных» когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования, а также с учетом всего того рационального, что содержится в постмодернизме.

При этом в неоклассической науке постепенно утверждается представление о методологическом синтезе как процессе «культурного диалога» и становления нового исторического знания, учитывающего «все существующие возможности и вбирающего в себя весь творческий процесс как таковой, а не его конечный результат»²⁰. В связи с этим Л.М. Баткин считает, что методологическая критика в научном познании должна вестись не ради «отрицания и уничтожения оппонента, а ради помещения себя в его смысловой горизонт, а его – в собственный смысловой горизонт»²¹.

Установка неоклассической модели исторического исследования на методологический синтез обнаруживается в понимании природы исторической науки. Во взглядах на природу исторической науки среди специалистов существуют различные точки зрения. Одни исследователи причисляют историю, наряду с литературоведением

и искусствоведением, к гуманитарным наукам, связанным с изучением уникальных культурных явлений, знания о которых имеют непреходящую ценность, независимо от любых практических соображений. Другие ученые относят историю к общественным наукам, значение которых, напротив, связано с практическим применением знаний о том, как устроено общество.

Неоклассики считают, что такие представления о природе исторической науки являются недостаточными. По их мнению, историю нельзя определить как гуманитарную или общественную науку, не теряя при этом значительной части ее природы. История своим очарованием и сложностью обязана именно тому, что несет в себе черты обоих подходов. Историческая наука занимается событиями и структурами, индивидом и массой, ментальностью и материальными силами. Историки должны совмещать нарративные навыки с аналитическими, проявляя как сопереживание, так и отстраненность²².

Поэтому, задумавшись о природе исторической науки и особенностях своего ремесла, неоклассики критикуют и социологизм классической науки, и номинализм неклассической, рассматривая их как односторонние подходы к изучению исторической реальности. Неоклассики полагают, что в исторической реальности существуют и социальные целостности, и индивидуальные взаимодействия. Поэтому в рамках методологии, синтезирующей социологистский и номиналистский подходы к изучению исторической реальности, неоклассики считают, что надо изучать общество и индивидов в их взаимосвязи.

В последнее время методологические принципы такого синтеза получили разработку в рамках антропосоциетального, или социетально-деятельностного, подхода к изучению общества и человека как паритетных взаимопроникающих компонентов целостного социума, порождаемого действиями и взаимодействиями людей²³. В этом подходе, направленном на интегральное измерение социума, синтезируются когнитивные идеи реализма (социологизма) и номинализма, которые являются базовыми принципами классической и неклассической моделей научного исследования. Основаниями антропосоциетального подхода выступают следующие аксиоматические утверждения:

1. Общество реально, поскольку реальны социальные действия/

взаимодействия индивидов и социальных общностей («основание релятивного реализма»). Это основание, пишет Н.И. Лапин, «включает понимание того, что действия/взаимодействия индивидов и социальных общностей имеют разнонаправленный, противоречивый характер. Это делает социум противоречивой целостностью, подверженной угрозам разнообразных рисков, включая риск катастрофы. По мере усложнения больших обществ нарастает плотность рисков на единицу социокультурного пространства-времени, вероятность катастроф».

2. Общество как антропосоциетальное целое, социум есть органичная система его интегральных измерений. «Это утверждение, – подчеркивает исследователь, – мы принимаем как второе основание антропосоциетального подхода: основание социетальной интегральноеTM, дополняющее основание релятивного социального реализма».

Антропосоциетальный подход конкретизируется Н.И. Лапиным в виде нескольких принципов:

1. Социокультурный принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социальности. Этот принцип опирается на представления П.А. Сорокина о том, что личность, общество и культура являются неразрывной триадой, ни один из членов которой не может "существовать без двух других. Вместе с тем, эти параметры паритетны: ни один из не сводится к другому и не выводится из них.

2. Принцип функциональной противоречивости социального действия, основанный на философском понимании деятельности (К. Маркс, М. Вебер) и человека как многомерного, био-социо-культурного существа. Многомерность человека сопряжена с его противоречивостью, что проявляется в противоречивости функций его действий, взаимодействий и их результатов.

3. Принцип неполноты антропосоциетального соответствия, означающий неполную совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния (А. Турен).

4. Принцип неустойчивости антропосоциетального баланса, предполагающий, что разнонаправленность действий социальных акторов не позволяет обеспечить длительно балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов, вза-

имедействие которых образует общество (Т. Парсонс). Чаще наблюдается удаление от точки равновесия, создающее ситуации рисков, а если это удаление превышает критические значения, то целое трансформируется в качественно иное состояние или разрушается.

5. Принцип противонаправленноеTM и взаимообратимости (инверсионности) влияния социетальных процессов, означающий, что каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс: один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, а другой - их изменение. Эти процессы обратимы по своему влиянию в обществе на различных этапах его эволюции: на одном этапе может преобладать один из них, а затем преобладающим становится противоположный процесс²⁴.

Критикуя реификационный и волюнтаристический редукционизм в исторических исследованиях, неоклассики выступают за интегральную версию историографии. Преодолевая односторонности антропологического и социологического подходов в исторической науке, они предлагают идею «третьей книги» («ghost of a potential third book»), которая должна объединить исследовательские практики, тяготеющие как к микроистории и нарративу, так и к макроистории и анализу²⁵.

В связи с этим в неоклассической науке вопрос о том, что более значимо для объяснения прошлого - изучение социальных структур и процессов или действующих лиц истории и их ценностных ориентации, потерял свою былую остроту. Сделанные неоклассиками выводы о непродуктивности изолированного рассмотрения социального и индивидуального и плодотворности включения человека в социальный и интеллектуальный контекст эпохи, открывают перед историками новые исследовательские перспективы²⁶. Речь идет прежде всего о новом понимании синтеза макро- и микроисторий в неоклассической науке²⁷.

В классической науке микроисторические события рассматривались как частные случаи макроисторических процессов и структур. В неоклассической науке синтез макро- и микроисторий связывается с целостной и многомерной концепцией истории. Микро- и макрособытия в ней рассматриваются как различные уровни исторического прошлого. Выделение этих уровней исторических собы-

тий, по-разному соединенных друг с другом в пространственно-временных координатах, и выявление особых точек интеграции на каждом из этих уровней означает новое видение истории, в котором она предстает не в виде непрерывного линейного процесса, а как нелинейное развитие общества со всеми его прерывностями и неравномерностями²⁸.

При этом подчеркивается, что «связь между микро- и макроуровнями социальной реальности следует понимать не только как взаимодополняющее, но и как исторически меняющееся отношение «единения» и несовпадения. Пренебрежение такой установкой, как отмечают неоклассики, всегда означало в методологическом смысле либо объективистское сведение исторической действительности к «анонимным» процессам, либо субъективистское вычленение индивида из контекста социальной практики. Любой из этих подходов, бесспорно, свидетельствовал о несовершенстве представлений о прошлом и ставил под сомнение критерии научности его осмысления. Теперь речь идет не о простом «сложении» равноправных подходов, а о «разработке качественно новых методологий, способных держать в своем фокусе не только (и не столько) объективные и субъективные параметры бытия, а способ их взаимодействия»²⁹.

Преодолевая антитезу социологического и антропологического подходов к изучению прошлого, неоклассики вышли на проблематику социокультурной истории, прошедшей путь от «социальной истории культуры» к «культурной истории социального», в которой акценты смещены от интерпретации культуры как «сетки символов» к конструированию социального бытия посредством «культурной практики». В рамках такого подхода исследователи особое внимание уделяют точкам пересечения интеллектуального и социального в деятельности индивидов и стремятся показать, каким образом их субъективные интенции реализовывались в пространстве возможностей, ограниченных объективными социальными условиями, несущими в себе множество альтернатив исторического развития. Целью такой интегральной версии исторического познания «было создание такого варианта осмысления прошлого, где было бы раскрыто внутренне подвижное единство объективных структур и субъективных Представлений в рамках человеческого опыта»³⁰.

В этом плане история, как полагают неоклассики, является как бы «перекрестком, где сходятся задачи многих дисциплин. Историки превращают эти задачи в свои собственные, помещая их в рамки исторического контекста и исторического процесса. Они отвергают те интеллектуальные позиции, что лежат над или за пределами истории; остальное они ассимилируют, тем самым неизмеримо обогащая ее предмет. Это дает возможность, по их мнению, более или менее адекватно понять прошлое в его реальной сложности»³¹.

Поставив задачу адекватного понимания прошлого в его реальной сложности, неоклассики особое внимание стали уделять проблемам научности исторического исследования. Одной из них является проблема научной рациональности, которую в данном случае можно рассматривать как производную от современных представлений о рациональном мышлении.

Специфика современной рациональности, по мнению В.С. Швырева, заключается в том, что рациональное мышление выступает не как констатирующее рациональное сознание, а как нечто проектно-конструктивное. Рационален тот, кто способен взглянуть на действительность, как она есть, тот, кто построил определенный образ этой действительности. В этом «образе-реальности» неразрывно слиты представления о действительности с самой действительностью, как таковой. В современном проективно-конструктивном рациональном сознании реальностью выступает не налично-данная ситуация как она есть, не бытие, а становление, та проблемная ситуация, в которой мы присутствуем. Поэтому современная рациональность - это прежде всего восприятие тех рамочных условий проблемной ситуации, в которой мы существуем. Поэтому современная рациональность предполагает плюрализм различных позиций и рефлексии, и в этом плане можно говорить о рационально-рефлексивном сознании³².

Неоклассическая рациональность - это рациональность особого рода, которая сформировалась в результате синтеза таких установок, как поиск истины в классической науке и установление зависимости объясняемых характеристик предмета исследования от его методологии в неклассической, и дополнения их осмыслением ценностно-целевых ориентации субъекта научной деятельности в их соотношении с социальными целями и ценностями. Поэтому неоклассическая

рациональность предполагает рефлекссию над ценностными основаниями научной деятельности, выраженными в научном этосе³³.

В историческом познании неоклассическая рациональность проявляется в интеграции истины и нравственности, а это дает возможность интерпретировать историческое исследование не только как целерациональное, но и ценностно-рациональное действие. В связи с этим неоклассики, сохраняя объективистский пафос исторической науки, уже не так решительно отстаивают тезис о «единстве научного знания», который был боевым кличем логических позитивистов в первой половине XX в. В частности, Д. Тош пишет, что, хотя история и естественные науки могут сближаться в ряде основных методологических предпосылок, между ними сохраняются существенные различия³⁴.

Подвергая критике тезис логических позитивистов о «единстве научного знания», неоклассики считают, что историческая наука, в отличие от естествознания, дает куда больший простор воображению. Оно пронизывает все мышление историка, поскольку исследователь должен не только выдвигать научные гипотезы и объяснять исторические факты, но и проникать в атмосферу прошлого, понимать менталитет людей иной эпохи. В процессе исследования историка приходится постоянно сталкиваться с информационными пробелами, которые он может восполнить, создавая воображаемые картины в ходе изучения исторических источников.

Кроме того, в историческом исследовании жесткое отделение фактов от ценностей, как того требовали позитивисты, по мнению неоклассиков, невозможно. Историк «вовлечен» в предмет своего научного исследования, сопереживая, он пропускает прошлое через себя. Научное историческое исследование - дело индивидуальное, а часто и очень личное, и творческое восприятие каждым историком своих материалов, как полагают неоклассики, всегда будет уникальным. В связи с большей субъективностью исторических объяснений их значимость в исторической науке значительно меньше, чем объяснений в естествознании, по поводу которых между учеными в целом существует научный консенсус. В исторической науке такой консенсус едва ли возможен. Известные исторические факты, может быть, и не подвергаются сомнению, но их интерпретация или объяснение становится предметом бесконечных споров среди специалистов.

В этой связи некоторые неоклассики отмечают «конструктивистский» перелом, наметившийся в историческом мышлении. Историки, как отмечает Президент Международного конгресса исторических наук Ю. Кока, стали яснее осознавать, что «используемые ими понятия накладывают глубокий отпечаток на реконструируемую ими действительность. Нам известно, что на историческую действительность, о которой мы рассказываем, воздействуют наши вопросы, представления и понятия. Всякая реконструкция прошлого является детищем историка»³⁵.

Неоклассики признают, что в историческом исследовании источники ничего не «говорят» напрямую, исторические факты отбираются ученым, а не просто выставляются для обозрения, исторические знания всегда включают в себя состязание прошлого и настоящего, где настоящее порой слишком давит на прошлое, научное объяснение связано с ретроспективным мышлением и каждая историческая работа в определенном смысле формируется эстетическими и политическими предпочтениями автора. В таком контексте историческое знание, пишет Д. Тош, «не является, да и не может быть «объективным», т.е. эмпирически почерпнутым во всей полноте из объекта исследования. Это, однако, не означает, как могут предположить скептики, что оно является произвольным или иллюзорным»³⁶.

Под влиянием постмодернистов некоторые неоклассики в ходе исторического исследования большое значение стали придавать текстам, и поэтому предлагают компромиссный взгляд на историческую реальность. С одной стороны, они отмечают, что история – это текст, продуцируемый внетекстовой исторической реальностью и имплицитно ее содержащий. С другой стороны, они подчеркивают, что предмет исторического исследования всегда выбирается историком раньше, нежели он начинает проявляться в результате исследования, т.е. предмет исследования скорее задается текстами, чем внетекстовой реальностью.

В связи с этим для неоклассиков важной является проблема нахождения «передаточного звена» между текстом и исторической реальностью. Рассматривая вопрос о том, как реальное превращается в дискурсивное, они находят решение этой проблемы в так называемой текстовой аналогии, т.е. особой «интертекстуальности» текста и

исторического контекста, в которой реальное, утрачивая свою реальность, еще не стало дискурсивным. Для выявления подобной «текстовой аналогии» Г. Спигел, например, предлагает использовать метод «относительного чтения». Согласно данному методу явные значения текста, сравниваемого с контекстом, познаваемым из других источников, рассматриваются наряду со скрытыми и подразумеваемыми значениями. Это умолчание, считает автор, имеет отношение как к тексту и контексту, так и к социальному вне текста³⁷.

В связи с проблемой реального и текстуального некоторые неоклассики, испытывавшие определенное влияние постмодернизма, считают, что «реальное» существует независимо от наших представлений о нем и влияет на них. «Но это влияние всегда дискурсивное, и мы должны настоять на том, что история никогда не является нам иначе как в дискурсивной форме, включающей все виды коммуникации, в том числе и невербальные»³⁸.

Защищая научный статус истории, неоклассики считают, что если в теории все эти моменты, связанные с текстовой и внетекстовой реальностью, компрометируют работу историков, то на практике они могут быть сведены (и сводятся) к разумным пропорциям. История - не образец реализма, но и не жертва релятивизма. Она занимает промежуточное положение, при котором научные методы совершенствуются с целью, как можно больше приблизить уровень исследования к «реальности» и максимально удалить его от «относительности»³⁹.

Отсюда следует, что перед тем, как делать какой-либо вывод о реальном статусе научного исторического знания, необходимо тщательно изучить представления историков. При этом, как полагают неоклассики, мы обретем большую уверенность, если будем считать, что интерпретация истории формируется социальным, а не личным опытом. Поскольку общественные ценности меняются, то и интерпретация истории подвержена постоянной переоценке. «Те аспекты прошлого, - пишет Д. Тош, - которые в данную эпоху считаются достойными внимания, вполне могут отличаться от того, что заслуживало упоминания в предыдущие периоды»⁴⁰. Поэтому не только каждое поколение переписывает историю, но и каждое направление исторической науки трактует ее по-разному⁴¹.

Однако, несмотря на это, исторические знания, по мнению неоклассиков, не перестают претендовать на статус научных, и историки не желают отказываться от претензий своей дисциплины на научную респектабельность. Поэтому одной из главных функций профессии историка является внедрение научных стандартов исследования и ограничение интерпретационного своеволия⁴².

Ограничение интерпретационного своеволия предполагает, по мнению Д. Тоша, соблюдение исследователем трех требований. Во-первых, историк должен анализировать собственные взгляды и убеждения, чтобы понять, как они соотносятся с проводимым исследованием. Во-вторых, риск спутать ожидаемые и реальные открытия уменьшается, если направленность исследования выражена в виде ясной гипотезы, подтверждаемой, отвергаемой или модифицируемой в свете фактов, и автор должен первым искать прорехи в своей концепции. В-третьих, исследователь должен помещать свою работу в строго исторический контекст. Недостаток «презентизма» и «деконструктивизма» состоит в том, что в этих случаях события и личности вырываются из реалий своей эпохи и загоняются в рамки концептуальной структуры, которая для этого периода была бы лишена всякого смысла.

Соблюдение этих трех предписаний позволяет во многом ограничить уровень искажений в исторических работах. Однако оно не способно положить конец спорам и разногласиям. Было бы неверным полагать, пишет Д. Тош, что стоит историкам выработать высокий уровень самопознания, придать четкость своим рабочим гипотезам и скрупулезно соблюдать требования исторического контекста и их научные суждения совпадут. «Никому не дано полностью абстрагироваться от собственных убеждений или посторонних влияний; факты обычно можно истолковать в поддержку прямо противоположных друг другу гипотез; а поскольку источники никогда не передают прошлое во всей полноте, то чувство исторического контекста связано и с даром воображения, который зависит от проницательности и опыта каждого конкретного историка»⁴³.

Следует отметить, что некоторые современные историки, обеспокоенные проблемой научности исторических исследований, ищут прибежище в неограниченном эмпиризме⁴⁴. Для них научность - это

прежде всего восстановление приоритета деятельности историка, направленной на получение исторических фактов⁴⁵. Отвергая исторические метанарративы и теории как таковые, они считают, что «в сокровищнице прошлого более чем достаточно отдельных примеров для поддержки любого общего предположения. Проще всего стукнуть историю по голове тупым орудием гипотезы и оставить на ней отпечаток»⁴⁶. Напротив, найти убедительное объяснение одного отдельного события в истории не так уж и просто, а попытка связать их в цепь или в систему всеобъемлющих категорий приводит к тому, что исследователь слишком далеко удаляется от достоверных фактов. Поэтому теоретическую историю как историю в виде абстрактных рассуждений, по их мнению, надо оставить философам и предсказателям⁴⁷.

Эти исследователи считают, что теоретизирование в исторической науке отрицает Таму суть этой научной дисциплины, имеющей дело с человеком - уникальным субъектом в конкретном контексте времени и пространства. Все исторические теории содержат детерминистский элемент, а детерминизм - это отрицание свободы личности в истории. Поэтому особенно негативно, как отмечает Д. Тош, они относятся к теориям, которые проповедуют предопределенность исторического процесса и неспособность личностей что-либо изменить ни в настоящем, ни в будущем⁴⁸.

Кроме того, попытки теоретизирования в исторической науке заканчиваются, по их мнению, тем, что она попадает в зависимость от обществензнания, поскольку историки-теоретики не создают собственных теорий, а заимствуют теоретические положения у социологии, социальной антропологии и политэкономии - дисциплин, изучающих не прошлое, а настоящее, где история является всего лишь испытательным полигоном для их социальных теорий. Историки-теоретики просто «подыгрывают» им, подрывая самостоятельность собственной дисциплины.

Неоклассики, признавая эмпиризм важнейшим элементом исторического исследования, его научность связывают с разработкой собственно исторических теорий. При этом они подчеркивают, что «наши понятия определяются результатами исследований, но и результаты исследований определяются исходными понятиями, которые влияют

на наш выбор фактов, на их анализ и на наши выводы. Те, кто думают, что могут обойти такие теоретические проблемы и «многословные философствования», говоря «просто о фактах», особенно подвержены опасности угодить в эту ловушку. Концептуальная наивность ничуть не лучше расплывчатости выводов»⁴⁹.

При этом неоклассики считают, что исторические теории не отрицают ни уникальности конкретных событий, ни значения человеческого фактора в истории, поскольку предметом теоретического анализа выступает сущность исторических явлений, их сравнение и систематизация с целью выявления исторических закономерностей. Поэтому задачей историка является не только эмпирическая реконструкция исторических событий в их уникальной неповторимости и в присущих им обыденных понятиях, но и теоретическая интерпретация исторических фактов в категориях науки.

Неоклассики считают, что теоретизирование в исторической науке начинается с выяснения сущности исторических событий. Поскольку сущность – это присвоение имени, то историки, занимаясь теоретической интерпретацией фактов, сталкиваются с проблемой общих понятий, которые выходят за пределы непосредственной области их исследований. Использование таких понятий дает возможность не только установить то общее, что присуще определенному классу исторических явлений, и повторяемость их характерных черт, но и выделить те аспекты, которые не вписываются в общие понятия и которые придают историческим явлениям уникальные черты.

Теоретизирование в исторической науке предполагает также объяснение исторических фактов. Научное историческое знание включает в себя не только описание конкретных ситуаций и процессов, имевших место в прошлом. Историки-эмпирики с их профессиональной приверженностью к работе с историческими источниками часто забывают о существовании общих проблем научной интерпретации, требующих объяснения этих ситуаций и процессов. При этом, как считают неоклассики, чем шире масштаб исторического исследования, тем сильнее потребность в теории, которая не просто указывает историку на новые данные, но и дает ему возможность объяснять ту или иную ситуацию или процесс. Может случиться, что исторические теории не выдерживают испытания фактами, но это не причина

для отказа от применения теорий в историческом исследовании, а повод для уточнения когнитивного поля действия этих теорий или проверки достоверности исторических фактов. Именно благодаря хрупкому равновесию между синтетическим и аналитическими методами, несоответствию между теорией и эмпирией, моделью и действительностью происходит развитие исторического знания⁵⁰.

Поэтому одной из задач исторического исследования является проверка теорий, их совершенствование и разработка новых с учетом всех доступных исторических фактов. Историки, отмечает Д. Тош, занимаются этим не в погоне за теорией как последней инстанцией, которая разрешит ту или иную интерпретационную проблему, а потому что без теории они просто не могут подступиться к действительно значимым вопросам истории. При этом он отмечает, что в современной исследовательской практике наибольшим влиянием обладают две группы теорий, которые широко используются учеными в объяснительных процедурах. Одна из них включает теории, относящиеся к проблемам смысла и отображения, другая группа – это теории, раскрывающие природу общества и его структуру⁵¹.

Придавая большое значение теоретизированию в историческом исследовании, неоклассики подчеркивают специфику исторических теорий. Во многих научных дисциплинах теории представляют собой индуктивно выведенные на основе изучения фактических данных общие положения, иногда принимающее форму закона. Историки, как отмечают исследователи, в таком значении понятие теории практически не используют. В связи с этим некоторые ученые, рассматривающие традиционную историю (историографию) прежде всего как эмпирическую историю, обращают внимание на то, что разрыв пространственных, временных и логических масштабов между философией историей и эмпирической историей настолько велик, что появляется необходимость в среднем промежуточном звене. Такое звено называют теоретической историей, рассматривая ее в качестве номинации для обозначения всех направлений, характеризующихся применением научной логики теоретических понятий и гипотез, моделей теорий к выявлению закономерностей исторического развития в носителе крупных социально-пространственных и временных масштабах.

В этом случае «образ теоретической истории, - отмечает Н.С.Розов, - видится, с одной стороны, как необходимое звено, соединяющее философию истории и традиционную эмпирическую историю, с другой - как синтез разнородных парадигм социального и исторического знания. Такое понимание полезно, поскольку позволяет «стягивать» и интегрировать накопленные теоретические знания об истории из разных, зачастую дисциплинарно изолированных направлений. В то же время такое широкое и весьма размытое понимание теоретической истории препятствует разработке единой методологии»⁵². В связи с этим Н.С. Розов рассматривает теоретическую историю в узком смысле как научную дисциплину, направленную на изучение закономерностей, результатов и направлений крупных качественно-количественных изменений в истории (зарождения, роста и развития, упадка, распада, трансформации человеческих сообществ) путем заимствования из других наук, синтеза и проверки гипотез, моделей и теорий через сопоставление их с данными эмпирической истории.

Таким образом, теоретическая история использует в качестве исходного материала и основы для проверки гипотез результаты эмпирической истории. В этом смысле теоретическая история является пристройкой, как бы «паразитирует» на мощном дереве эмпирической истории. Однако результаты самой теоретической истории затем с неизбежностью пронизывают все это тело подобно нервной системе, заставляя переосмысливать прежние устоявшие дискурсы, и направляют интерес и деятельность эмпирической истории по новым руслам⁵³.

Для большинства неоклассиков историческая теория обычно означает интерпретационную схему, придающую исследованию импульс и влияющую на его результат. При этом одни историки четко придерживаются определенных теоретических ориентации, в русле которых осуществляется интерпретация исторических фактов. Другие признают значение теории только как стимула, отправной точки исследования, но выступают против подгонки под нее исторических фактов⁵⁴.

Теоретизирование в историческом исследовании, являясь одним из существенных признаков его научности, вместе с тем таит две когнитивные опасности. Первая заключается в том, что теория в ис-

торической науке может вытеснить исторические факты. Такую возможность следует воспринимать всерьез, поскольку, с одной стороны, пробелы в сохранившихся исторических источниках и особенно отсутствие убедительных данных в вопросах причинности исторических событий позволяют выдвигать довольно абстрактные предположения и выдавать желаемое за действительное. С другой стороны, историческое исследование - это всегда отбор исторических фактов, и теоретические принципы этого отбора могут исказить результаты исследования. Кроме того, в доказательство почти любой теории можно подобрать впечатляющий набор отдельных исторических примеров, вписывающихся в желаемую схему.

Ориентированная на теорию историческая наука, несомненно, как подчеркивают исследователи, подвержена этим опасностям, как, впрочем, и работа многих историков, отвергающих теорию и остающихся в блаженном неведении о представлениях и ценностях, влияющих на их собственный отбор и интерпретацию фактов. Историки, пытающиеся просто «следовать за источниками», скорее поддадутся искушению принять желаемое за действительное, чем те, кто начинает исследование с формулирования четкой гипотезы. Если отбор данных необходим, то он должен быть репрезентативным. Если определенной теории соответствует часть данных, относящихся к изучаемой проблеме, то этого мало; она должна коррелироваться со всем объемом имеющихся исторических фактов. Все это подразумевает, что историк в определенной степени должен уметь дистанцироваться от той или иной теории и быть готовым отказаться от нее, если теория не подтверждается историческими фактами.

Другая когнитивная опасность, которую таит теоретизирование в историческом исследовании, связана с угрозой поглощения истории общественными науками, поскольку историки часто используют теории, заимствованные из этих наук. Использование в исторических исследованиях социальных теорий, которые связаны с массовыми, а не индивидуальными действиями людей, вполне возможно, но при условии, если они выступают объяснительным концептом, а не схемой, под которую подгоняют исторические факты. Как считают неоклассики, эти теории «следует рассматривать как отправную точку. Результатом работы историков станет их модификация, возможно,

весьма существенная, и построение на их месте теорий, представляющих собой подлинное скрещивание истории и общественных наук. При таком исходе обе стороны только выиграют»⁵⁵.

Неоклассики отмечают также, что использование социальных теорий в истории придает тотальность (однозначность) историческим интерпретациям, которые содержат «реальные элементы истории», но не позволяют осознавать их частичность. Кроме того, социальные теории задают предельный уровень абстракции, что приводит к разрыву между «логикой теоретической выкладки и эмпирическим материалом».

Опираясь на требование логических позитивистов о том, что исторические теории должны выводиться из фактов, неоклассики считают самой продуктивной в историческом исследовании «теорию среднего уровня» как точку пересечения теории и эмпирических обобщений⁵⁶. Эта теория, разрабатываемая историком, не является производной от социальной теории. Ее «срединный» уровень заключается, как полагают неоклассики, не в том, что ее категориальная система стоит «на полпути» между общими категориями социальной теории и исследовательскими методиками историка и уж вовсе не в «использовании объяснительных методов и теорий различных социальных наук». Этот уровень – в самой природе историко-теоретического знания, ориентирующегося на исследование конкретной исторической действительности.

«Теории среднего уровня» – это синтетические теории, которые интерпретируют взаимосвязь между индивидуальными действиями и социальными структурами, включая в себя, с одной стороны, понимание индивидуальных действий, направленное на установление субъективно подразумеваемых их целей или ценностей, а с другой – социальное объяснение этих действий, связанное с определением их сущности, выявлением устойчивых взаимосвязей между ними, закономерностей функционирования и тенденций изменения.

Историческая «теория среднего уровня» как форма научного исследования имеет инструментальное значение. Отвергая существование универсальной истины, равно как и возможность изображать прошлое «как это было на самом деле», историческая теория по своей эпистемологической природе, тем не менее, оптимистична, так как

не просто декларирует наличие исторической истины, но обосновывает ее своеобразие и способы получения. Тем самым утверждается научность истории, способной продуцировать истинное знание о своем предмете, и наряду с этим раскрывается специфика этого знания.

Эта специфика состоит в том, что историческая теория носит вероятностный характер и является по своей природе объективно-субъективным знанием. Объективным в том плане, что его основой выступает историческая реальность, на которую направлена познавательная активность исследователя с целью ее реконструкции. Субъективным в том отношении, что это знание несет на себе неистребимую печать времени историка, а также его личностных качеств. Субъективным историческое знание является и потому, что это – представление о том, как «история делается», т.е. знание о субъективных компонентах деятельности человека, необходимо присутствующих во всей цепи исторических событий. Поэтому в исторической «теории среднего уровня» внимание акцентируется на противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе объективного и субъективного в исторической реальности⁵⁷.

Историческая теория, как подчеркивает Б.Г. Могильницкий, исходит из признания диалектического взаимодействия объективного и субъективного начал в истории, снимая извечный вопрос о том, является ли она объективным закономерным процессом или непредсказуемым продуктом субъективной деятельности людей. Тем самым историческая теория, демонстрируя объективно-субъективную природу исторического знания, помогает историку избежать обеих эпистемологических крайностей. Но такой объективно-субъективный характер носит и сама изучаемая историком прошлая действительность, что и обуславливает познавательную эффективность исторической «теории среднего уровня»⁵⁸.

В неоклассической исторической науке считается нормой наличие множественности теоретических подходов и оценок. Природа исторического исследования такова, пишет Д. Тош, что и при самом жестком профессиональном подходе остается плюрализм истолкований. И это надо рассматривать как силу научного исследования, а не его слабость. Ведь прогресс исторического знания в равной мере зависит и от усилий отдельных исследователей, и от столкновения

конкурирующих интерпретаций в ходе научных дебатов⁵⁹.

Необходимость теоретического плюрализма в исторической науке обусловлена, как полагают исследователи, неисчерпаемостью самой исторической реальности. Это делает возможным создание не одного, а нескольких вариантов исторической теории, превращая при этом в иллюзию претензии любого из них на монополию в плане утверждения истины⁶⁰. Поэтому историки всегда думали и думают по-разному, и в этом смысле разница мышления выступает «необходимым, хотя и не единственным условием развития исторического познания, получения нового знания»⁶¹.

Однако, положительно относясь к теоретическому плюрализму в исторической науке, некоторые неоклассики, претендуя на объективную научность исторического исследования, рассматривают плюрализм «как необходимое условие разработки наиболее адекватного варианта исторической теории». Они полагают, что единство истории, ее инвариантность оправдывают поиск такого варианта исторической теории, и поэтому наличие множественности теорий «не может означать их равноценности с точки зрения главного условия, правомерно предъявляемого к ним — степени адекватности постижения действительности»⁶².

С вопросом о способах интерпретации истории тесно связана проблема, которая часто трансформируется в дилемму - объяснение или понимание как выражение классического и неклассического в историческом познании. В настоящее время в исследовательской практике широко используются такие классические модели рационального объяснения исторических явлений, как дедукция общих теоретических предпосылок и реконструкция целей и мотивов человеческой деятельности. Наряду с классическими моделями объяснения в исследовательской практике используются различные неклассические модели понимания, основанные на «вживании» историка в предмет своего исследования, на постижении «идеальных сущностей» - смыслов, непосредственно открывающихся сознанию исследователя.

Неоклассики считают, что различные модели объяснения и понимания в исторической науке не исключают друг друга и не могут быть сведены к какой-нибудь одной из них - универсальной. В иссле-

довательской практике эти модели должны дополнять друг друга, в том смысле, что они ориентированы на решение разного класса исследовательских задач, обусловленных не только предметной областью, но и целями конкретно-исторического познания. При этом неоклассики полагают, что любая из удачных теоретических интерпретаций истории, выполненная в русле определенных методологических ориентации, является эвристически ограниченной, и поэтому не может быть экстраполирована в качестве универсальной методологии на весь процесс исторического познания.

Таким образом, неоклассики, в отличие от представителей классической науки, стремятся не к универсальности той или иной методологии, основанной на абсолютизации ее познавательных возможностей, а к альтернативности и дополнительности методологий как одного из принципов научного исторического исследования. Этот принцип позволяет ученому в ходе конкретного исторического исследования переходить от одного типа теоретической интерпретации к другому, меняя методологические позиции в зависимости от специфики предметной области и задач этого исследования.

В связи с этим некоторые исследователи ставят задачу создания такой исторической методологии, которая бы синтезировала исследовательские стратегии, выработанные в различных отраслях научного знания. При этом они подчеркивают, что речь не идет о построении строго иерархизированной супертеории, с претензией на исчерпывающее объяснение исторического процесса. Но это и не эклектическая мешанина различных исследовательских подходов, а целостная методология исторического исследования, которая обосновывает познавательную значимость и взаимодополняемость всех конкурирующих исследовательских стратегий.

Не ранжируя их априори и не отдавая предпочтение какой-либо одной из них, такая методология, как отмечает Б.Г. Могильницкий, предоставляет историку в каждом случае возможность выбора (в соответствии с изучаемой проблемой) и настаивает на том, что эффективность такого изучения всецело зависит от его способности максимально расширить круг привлекаемых познавательных средств и синтезировать их в единую исследовательскую методологию, позволяющую достичь целостное понимание изучаемого объекта.

И чем значительнее и масштабнее является этот объект, чем противоречивее составляющие его грани и сложнее механизм их взаимодействия, тем шире должен быть круг привлекаемых для его изучения исследовательских стратегий. При этом речь идет не о простом рядоположении этих стратегий (с одной стороны..., с другой стороны...), а об их синтезе, единственно способном дать новое, интегрированное знание об изучаемом объекте⁶³.

§ 2. Когнитивная стратегия и принципы научного исследования

В неоклассической модели исторического исследования при реализации его научной стратегии особое значение придается трем принципам - историзму, объективизму и холизму.

В принципе историзма неоклассики выделяют три аспекта. Во-первых, это - признание того, что каждая эпоха представляет собой уникальное проявление человеческого духа с присущими ей культурой и ценностями, что между нашей эпохой и всеми предыдущими существуют серьезные различия. Поэтому принцип историзма требует учета различий между прошлым и настоящими, преодоления представлений о том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы. Во-вторых, это - понимание того, что задача историка состоит не просто в том, чтобы раскрыть подобные различия, но и объяснить их, погружая в исторический контекст. Принцип историзма в этом аспекте предполагает, что предмет исторического исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки. В-третьих, это - требование не рассматривать исторические события в изоляции, а представлять историю как процесс и связь между событиями во времени⁶⁴.

Разработка принципа историзма в неоклассической науке связана с критикой, с одной стороны, постмодернизма, а с другой - классического, или «строгого историзма».

Постмодернисты считают, что историческая реальность - это то, что мы о ней думаем, т.е. прошлое выступает в качестве субъективной презентации настоящего. Поэтому они объявили, что историзм мертв и его нельзя больше считать серьезным интеллектуаль-

ным течением. Согласно принципу «строгого историзма», историческая реальность - это то, что было в прошлом «на самом деле». Поэтому историк должен, с одной стороны, отказаться от любых стандартов и приоритетов, лежащих вне пределов изучаемой им эпохи, а с другой - попытаться увидеть события с точки зрения их участников. Задача историка - интерпретировать прошлое в его собственных критериях или, как писал Г. Элтон, «понять данную проблему изнутри»⁶⁵.

Неоклассики также подразумевают под исторической реальностью то, что было в прошлом, которое надо реконструировать и при этом как можно более адекватно. По их мнению, это можно сделать, соблюдая принцип историзма, фундаментальной предпосылкой которого является признание независимости и уважение прошлого. В отличие от постмодернистов, неоклассики считают, что принцип историзма обеспечивает противостояние научных исторических знаний социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого, поскольку отправной точкой для постмодернистского знания о прошлом являются требования современности. Вместе с тем неоклассики полагают, что попытки «говорить голосом прошлого», как того требует классическая наука, не выдерживают проверки практикой исторического исследования. Неоклассики отмечают, что «нам никогда не уловить подлинного «аромата» конкретного момента истории так, как его чувствовали люди того времени, ведь мы, в отличие от них, знаем, что произошло потом, и значение, которое мы придаем тому или иному событию, неизбежно обусловлено этим знанием. Хотим мы того или нет, историк глядит на прошлое «с высоты» - он уже знает, чем все это кончилось»⁶⁶. Кроме того, положение историка во времени относительно объекта исследования позволяет, как отмечают неоклассики, осмысливая прошлое, выделять предпосылки, о которых современники и не подозревали, и увидеть подлинные, а не желательные с точки зрения участников событий последствия.

Принцип «строгого историзма», или «истории ради истории» в классической науке был синонимом бесстрастного исторического исследования, лишённого, по существу, практического применения. Неоклассики считают, что строгое соблюдение принципа «истории ради истории» ведет к отказу от того многого, что придает самой

истории притягательность, без достижения при этом желаемой цели - полной отстраненности от современности. Поэтому они полагают, что «пред лицом практически безграничного объема свидетельств о человеческой деятельности и необходимости отбора определенных проблем и периодов, более заслуживающих внимания, чем остальные, историк имеет полное право допустить влияние волнующих общество вопросов на собственный выбор»⁶⁷.

Специалисты, конечно, понимают, что области истории, претендующие на связь с современностью, более подвержены манипуляциям со стороны идеологов. Но это лишь должно повысить ответственность историков, которая заключается в том, чтобы «обеспечить историческую перспективу для придания современным дискуссиям большей научности, а не обслуживать какую-либо идеологию». Откликнуться на «призыв современности», как подчеркивает Д. Тош, «не значит фальсифицировать или исказить прошлое, это значит воскресить те аспекты прошлого, которые могут больше нам сказать именно сейчас»⁶⁸.

Однако в целом неоклассики, не отказываясь от притязаний на практическое значение своих работ, настаивают на приоритете достоверного воспроизведения прошлого. Они исходят из реальности его существования и возможности объективного его познания, поэтому другим важным принципом неоклассической модели исторического исследования является принцип объективизма. При этом неоклассики, с одной стороны, продолжают традиции, заложенные классической наукой, а с другой - претендуют на новую трактовку этого принципа.

В классической науке принцип объективизма основывался на примате субъектно-объектной дихотомии и необходимости реконструкции истории «такой, какой она была на самом деле» с помощью истинной (верифицируемой) теории и научных методов исторического исследования. Классики полагали, что историческое знание, являясь результатом взаимодействия субъекта (историка) и объекта (исторической реальности), способно адекватно отражать эту реальность саму по себе, существующую вне культуры и социального порядка, к которым принадлежит исследователь, и выражаемую в языке. При этом они полагали, что истина находится вне культуры, социального порядка и языка, поскольку объективная историческая реальность

сама по себе осуществляет отбор ее истинных описаний и объяснений, а слово только обеспечивает присутствие истины в историческом знании.

Неоклассики также считают, что о сновой принципа объективизма является признание прошлого в качестве объективной реальности и возможности получения научного знания, адекватного исторической реальности. Вместе с тем они претендуют на новое понимание историч^нской^н объективности как отношения взаимного диалога между исследующим субъектом и исследуемым предметом. Если классики залог объективности видели в нейтральности субъекта исследования по отношению к его предмету, то неоклассики полагают, что еще никому не удалось избавиться от «идолов» собственного сознания, и поэтому историческое знание всегда носит субъективную печать эпохи и "индивидуальной культуры историка. В субъективном взгляде на историю, как отмечает Т. Шанин, «конечно, заложены свои «идолы», которые нужно держать во внимании - в особенности, опасность потерять видение важности «объективного» в его связи с «субъективным» и «интерсубъективным», опасность сползти на позиции, делающие познание единственным критерием причинности исторического процесса»⁶⁹. Однако это не отменяет необходимости стремления к объективности, т.е. адекватному воспроизведению прошлого.

Неоклассики, с одной стороны, считают, что историческое знание является результатом взаимодействия между исследователем и изучаемым предметом и что слова способны «артикулировать разнообразные формы контактов познающего субъекта с объектами исторического исследования»⁷⁰. С другой стороны, они признают, что язык - это условность, и историки используют риторические стратегии, воспроизводя прошлое. Поэтому неоклассики готовы поучиться у постмодернистов, как искать в текстах скрытый смысл и противоречия, но при этом они не согласны с тем, что язык является абсолютно нестабильным и что он не способен выражать смысл. В связи с этим Т. Шанин пишет: «Они (постмодернисты - *авт.*) очень хорошо показывают, что у нас в познании и в жизни не получилось, а далее делают вывод, что ничего у нас и не может получиться. Вот с этим-то я и не согласен. Невозможного нет. Есть только трудное»⁷¹.

При этом следует отметить, что некоторые неоклассики считают, что по вопросу о роли языка в историческом познании между ними и постмодернистами непримиримых противоречий нет, поскольку защитники постмодернизма в историографии не отрицают существования внетекстуальной реальности, но сомневаются в возможности ее познания.

В частности, Г. Спигел берется доказать обратное с помощью современного понятия медиации. Она подчеркивает, что осмысление исторических данных всегда носит текстуальный характер. В связи с этим историк либо отталкивается от модной постмодернистской идеи, согласно которой язык конструирует мир, либо основывается на инструменталистском подходе, по которому язык, как «выдумывающий», так и описывающий реальность, создает инструмент медиации между человеческим сознанием и познаваемым миром. Для историка, считает Г. Спигел, гораздо важнее инструменталистская версия, поскольку в отличие, скажем, от литературного критика у него нет уже написанных «историй». При этом она настаивает на том, что, хотя представления о социальном мире формируются языком, сам язык зависим от социальных сообществ, которые им пользуются и в которых он создан. Г. Спигел также утверждает, что у всякого текста есть своя «социальная логика», и ее наличие подразумевает нашу способность «воссоздать некоторое ощущение материального мира прошлого». Это придает исследователю уверенность в возможности языка предоставить информацию об исторических формах жизни, так как в противном случае мы никогда не смогли бы почувствовать, что хоть что-нибудь знаем о прошлом⁷².

Здесь можно видеть, как отмечают специалисты, поворот от радикальной позиции Ж. Дерриды с его отрицанием внетекстуальной реальности к концепции Ф. де Соссюра, признававшего наличие в тексте как означающего, так и означаемого. Но Г. Спигел не призывает к отказу от деконструкции исторических текстов, помогающей «обнаружить пути, которыми тексты поставляют идеологические мистификации», а также к выявлению и раскрытию этих мистификаций. Кроме того, Г. Спигел напоминает, что деконструкция научила историков внимательно относиться к умолчаниям, играющим важную роль в образовании текстов. Такое сочетание семиотики с де-

конструктивистскими способами чтения обогащает наше понимание прошлого, предстающего чем-то большим, чем просто набор дискурсивных стратегий и явлений. Хотя существующая связь мысли, языка и действия труднообъяснима, доступ к прошлому открывает анализ перепутанных между собой дискурсивных и социальных практик. Следовательно, постмодернизм, по мнению Г. Спигел, помогает расширить историографическую практику, не обращаясь при этом к экстремистским идеям⁷³.

В связи с этим неоклассики утверждают, что между прошлым и взглядом историка на него существует определенная связь. При этом в качестве объекта исторического исследования различают прошлое как прошедшее (и изменившее мир определенным образом) и прошлое как присутствующее в настоящем посредством нашей памяти, т.е. как след этого свершившегося изменения мира. Это последнее «прошлое» используется для конструирования исторической перспективы и ретроспективы, т.е. картины истории. Такое использование возможно благодаря первому прошлому, а именно, объективности изменений, произошедших в прошлом и являющихся теперь условиями нашей настоящей жизни⁷⁴.

Рассматривая проблему объективности в контексте диалога между историком и изучаемой исторической реальностью, некоторые из неоклассиков, вслед за М.М. Бахтиным, представляют этот диалог как дискурс, в котором высказывания и историческая реальность продуцируют друг друга⁷⁵. В связи с чем проблема исторической объективности начинает приобретать этический характер, а «этической сердцевиной» профессии историка становится убеждение в том, что его утомительный труд может приносить аутентичную информацию о мертвом «ином», не сводимую к его собственным фантазиям⁷⁶.

В этом случае стремление выявить объективность исторических событий можно рассматривать как обратную сторону желания избежать ограниченности и искажения в интерпретации истории. «Этот страх перед искажением истории (намеренным или несознательным) и есть, - как полагает А.Н. Смолина, - ключ к вопросу о том, что стоит за желанием объективности, что означает этот импульс «расследования» и испытывания адекватности в отношении собственно-

го прошлого. Очевидно, что страх перед искажением представления о прошлом направлен не в прошлое: это страх того, что неверно истолкованное прошлое исказит будущее, сделает его «неистинным», что истина прошлого будет утеряна в прошлом и не сможет перейти в будущее, сохраниться для будущего»⁷⁷.

Неоклассики не согласны с постмодернистами в том, что в научном дискурсе отражаются только наши собственные концепты и конструкты, а сама историческая действительность имеет весьма слабый референциальный статус. Вместе с тем, рассматривая научный диалог как дискурсивное моделирование исторической реальности, неоклассики признают, что в историческом исследовании немалое значение имеют эпистемологические фильтры, опосредствующие интерпретацию его предмета⁷⁸. В этом плане научный диалог рассматривается неоклассиками как выражение онтологической сопряженности в историческом исследовании объективного и субъективного, осуществляющейся посредством симулякров, или паттернов различного уровня. Эта идея базируется на представлении о том, что прошлое существовало объективно, но мы можем узнать о нем только посредством нашего видения исторической реальности. В этом смысле мы зависимы от «очков», которыми пользуемся при восприятии мира, от так называемых «организованных мифов», которые были названы Мак-Нейллом «мифисторией», без которых мы вообще беспомощны что-либо сказать⁷⁹.

Неоклассики обращают внимание на то, что, изучая историческую реальность, исследователь не «общается» непосредственно с ней, а создает воображаемый образ этой реальности, а затем работает с ним. Теоретические построения, отражающие образы исторической реальности, и получили в научной литературе название симулякров.

Существуют, как подчеркивает В.П. Култыгин, «разные степени совпадения симулякрума с реальностью. Полностью симулякрум никогда не совпадает с реальностью. Это совпадение может быть приближено к истинному положению дел, а может быть и совершенно противоположенным ему по значению. Симулякрум может вообще не иметь никакой связи с реальностью. Таким образом, наше понимание действительности, наша социальная рефлексия всегда ока-

зываются опосредованными этими симулякрами. Отсюда вытекает, что не существует понятий, которые не были бы плюральными; что все универсалии являются частными; и что существует множественность универсалий»⁸⁰.

Паттерны — это также образы исторической реальности и когнитивные «призмы», сквозь которые исследователи смотрят на эту реальность в целом (макропаттерны) или на отдельные ее фрагменты (мезо- и микропаттерны). В исследовательской практике паттерны — это теоретико-методологические предпочтения, позволяющие репрезентовать историческую реальность и презентовать представления о ней самого исследователя.

Неоклассики полагают, что на историческую реальность можно смотреть сквозь призму разных паттернов. В этом плане паттерны «равны, одинаково правомерны и самостоятельны», историки их не столько выбирают, сколько предпочитают. Поэтому в понимании паттернов «важна не истинность, а аутентичность, т.е. что сам автор думает обо всем этом, каким образом и чем именно он убеждает нас в своей правоте»⁸¹. Разнообразие паттернов создает проблемное поле напряженности в исторической науке, порождая научные дискуссии как важнейшее условие ее саморазвития.

Трактовка неоклассиками принципа объективизма через отношение взаимного диалога между историком (субъектом) и изучаемой исторической реальностью (объектом) дает возможность понять не только то, почему в исторической науке постоянно конкурируют различные точки зрения, но и почему каждое поколение переписывает историю.

Обращая внимание на то, что историки постоянно переоценивают прошлое и переписывают историю, некоторые современные исследователи видят в этом своеобразную особенность исторического познания. По их мнению, это происходит потому, что течение времени помогает нам «отодвинуться» от событий прошлого на определенную дистанцию и увидеть, выявить в них те связи, которых мы не могли заметить раньше. «Время, — как отмечает В.А. Лекторский, — не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о чело-

веке и обществе. И в свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, чего не видели раньше. Недаром говорят, что современники не могут понять подлинного значения того, что происходит у них на глазах»⁸².

Переписывание истории происходит также и потому, что каждое поколение ведет диалог с прошлым по-своему, в терминах, которые значимы именно для этого поколения. Однако, как подчеркивает Г.А. Бордюгов, необходимость для каждого поколения историков переписывать историю заново, хотя и сводит на нет старый позитивизм, тем не менее, не делает ее менее объективной. При этом от историка-квалифицированного исследователя - не требуется быть имперсональным искателем истины, не принимающим в расчет себя, свой характер, свою национальность, пол и т.д. Осознание одного этого - уже революция. Стремление к научной нейтральности и объективности не должно приобретать форму религии, а значит, и нового абсолютизма»⁸³.

В современной исследовательской практике проблема объективности прошлого, т.е. адекватной интерпретации исторической реальности, предстает как поиск объективной истины. В отличие от тех исследователей, которые полагают, что истинностная гносеология - это интеллектуальный анахронизм, неоклассики считают, что понятие истины является атрибутом научного исторического исследования. При этом «объективной истиной» неоклассики называют такое научное знание, которое адекватно предмету исследования и, соответственно, не зависит от познавательных способностей и познавательной активности исследователя. Однако поиск такой объективной истины, задающей стратегический ориентир в деятельности ученого, представляет собой процесс достаточно проблематичный. Это, по мнению неоклассиков, обусловлено тем, что если представлять «знание как «отражение» характеристик объекта, то «отражение» это далеко не похоже на зеркальное. Наука «отражает» свой объект, создавая идеальные понятийные системы, которые могут расцениваться в качестве знания того или иного объекта только тогда, когда подвергаются предметной интерпретации. Эти теоретические конструкции обладают собственной логикой построения, отличной от строения своих объектов, что определяет пределы адекватности теоретической модели своему объекту»⁸⁴.

Когда такие пределы обнаруживаются, например, в случае не соответствия теории историческим фактам, то исследователи начинают заниматься поиском или разработкой новых теоретических конструкций. Однако установление соответствия между фактами и новой теорией не означает, что в дальнейшем опять не обнаружится предел этой теории предмету исследования, и все не повторится заново: стремление к адекватности через создание более эффективного теоретического инструментария. Проблематичность адекватной (полной и точной) реконструкции исторической реальности проявляется в теоретическом плюрализме, который обусловлен тем, что исторические теории являются различными интерпретациями доступных исторических фактов. Каждая из них, являясь реконструкцией и объяснением под определенным углом зрения некоторого множества исторических фактов, может представляться противоречащей другим реконструкциям и не может претендовать на статус научной истины по аналогии, например, с математизированными естественнонаучными теориями. Однако вся совокупность таких реконструкций, воссоздавая все более многообразную картину исторического прошлого, а также включая это прошлое в контекст проблем, задач, дискуссий сегодняшнего дня, может претендовать на статус исторической истины⁸⁵.

В целом вопрос о том, что считать истиной в исторической науке неоклассиками переводится в плоскость представлений об эвристических возможностях ее различных эпистемологических образов, содержащих определенные критерии научности и отвечающих при этом требованиям современных мыслительных коммуникаций⁸⁶.

Таким образом, неоклассики, как и все объективисты, оперируют корреспондирующей концепцией истины⁸⁷. Однако научная истина у них всегда контекстна и констатируется при условии принятия методологических постулатов, на основе которых сконструирована конкретная исследовательская ситуация.

В исторических исследованиях поиск научной истины всегда связан или с изучением конкретных исторических событий, или с построением исторических теорий. Оба подхода, как отмечают исследователи, по-своему решают проблему объективности: теоретическая история стремится выявить истину, очищенную от конкретных

черт, тогда как история событий стремится к выявлению истины, данной в полноте нюансов конкретного события⁸⁸.

Опираясь на корреспондирующую концепцию истины, неоклассики стремятся реконструировать историческую реальность «во всей ее полноте, конкретности и сложности». Главная задача исследователя при этом, по их мнению, состоит в том, чтобы «выяснить значимость, дать объяснение и выяснить смысл истории - этого триумвирата исторической истины, которая пробивается на свет благодаря работе историков, несмотря на скептицизм, присущий современной эпохе»⁸⁹.

Занимаясь поиском научной истины, историк использует такую форму повествования, как исторический нарратив. С его помощью исследователь пытается создать у читателей иллюзию непосредственного присутствия, воспроизводя атмосферу и «расставляя исторические декорации». Как и другие формы повествования, пишет Д. Тош, «исторический нарратив может служить развлечением благодаря способности держать читателя в напряжении и вызывать сильные эмоции. Но нарратив также является важным методом историка, когда он излагает материал так, как будто сам является участником событий прошлого или как бы наблюдает их со стороны»⁹⁰.

Неоклассики признают, что взгляды на прошлое могут быть различными, поэтому необходимо постоянно расширять источниковую базу исторических исследований и совершенствовать их инструментарий, без чего невозможно создание адекватной эмпирической основы исторической науки. Кроме того, исторические источники должны постоянно перепроверяться разными исследователями с целью выявления сознательных или непреднамеренных искажений исторической реальности. Это позволит, по мнению Д. Тоша, «определить, при многовариантной, разноликой истории, более адекватный взгляд среди конкурирующих точек зрения на прошлое»⁹¹.

Одним из основных принципов неоклассической модели исторического исследования выступает холизм⁹². В неоклассической науке этот принцип ориентирует историка, с одной стороны, на необходимость целостного изучения предмета исследования, а с другой - на изучение исторической реальности как иерархии «целостностей», не сводимых к составляющим их частям. При этом неоклассики подчеркивают, что в понимании этих частей должно непременно присут-

ствовать ощущение целого как контекста⁴³.

Придерживаясь принципа холизма, неоклассики стремятся восстановить уровень притязаний исторической науки на постижение прошлого как «целостной материи», сотканной из множества разноцветных нитей, который резко упал в связи с распространением в ней постмодернистских идей. В связи с актуализацией принципа холизма в исторических исследованиях неоклассики поставили вопрос о необходимости глобального синтеза на основе интеграции микро- и макроистории, нарратива и метатеории.

Принцип холизма у неоклассиков реализуется в стремлении к целостному видению исторической реальности и созданию единого инструментария ее исследования. Следовательно, принцип холизма у неоклассиков распространяется не только на предмет исследования, но и на его методологию.

В предметном плане холизм у них реализуется конкретно в том, что неоклассики рассматривают историн как сложную социальную систему и совокупность гуманитарных действий, а также сверхдеятельностное начало. Они считают, что помимо общих (циклических) законов физического, социального и морального порядка, управляющих миром, логично допустить управляющие миром частные и даже исключительные, эпизодические зависимости⁹⁴.

В связи с этим В.В. Ильин пишет, что история как закономерное системное явление номологична, она связана с проявлением объективных зависимостей (от моральных, культурных - до физических). История как гуманитарное явление связана с деятельностью лиц и на нее завязана: без частных личностных поступков нет общих исторических действий. «Из истории, - подчеркивает В.В. Ильин, - не выдворить ни номологичности (законосообразности), ни волюнтаристичности (свободы воли агентов действий). Разобшение волюнтаризма с номологизмом дает псевдоисторическую доктрину, стилизацию под полноценную историю». Гипертрофия как одного, так и другого делает из истории компендиум анекдотов, а не науку. Неадекватность субъективистских (волюнтаризм) и объективистских (номологизм) доктрин истории заставляет искать новые экспликативные эвристические схемы, такие, которые позволили бы провести оба начала адекватно⁹⁵.

Поэтому Шрёдингер и Зейдлер, по мнению неоклассиков, должны быть не только социальные процессы, структуры и институты, но и индивидуальные и коллективные действия людей, их представления, ценности и установившиеся. «Тот, кто ограничивается анализом глобальных процессов, - пишет Ю. Кока, - отказывается тем самым от фундаментального положения о том, что таковые (особенно в фазе их возникновения) являются следствием индивидуальных и коллективных действий. Никогда нельзя забывать о том, что структуры рождаются, изменяются и разрушаются под их влиянием. Структуры всегда зависимы от человека, какой бы ни была их собственная динамика, какой бы отпечаток они, в свою очередь, не накладывали на сферу субъективности, и как бы мало они в итоге не совпадали с целями деяний людей или с их жизненным опытом»⁹⁶.

Это же относится и к социальным институтам. «Двусторонний характер общества, - пишет Ф. Абраме, - тот факт, что общественная деятельность - это одновременно наш выбор и обязанность, неразрывно связаны с другим фактом: единственная реальность, присущая обществу, это историческая реальность, реальность во времени. Когда мы говорим о двустороннем характере общества, мы имеем в виду, каким образом с течением времени действия превращаются в институты, а институты, в свою очередь, изменяются благодаря действиям»⁹⁷.

Человеческие действия в истории В.В. Ильин сравнивает с «действиями» в рамках коалиционных и бескоалиционных игр в условиях неполной, меняющейся информации. Процесс исторического действия заключается в осмысленном переходе от исходного состояния к последующему через выбор игроками поведенческих стратегий. Акты выбора соответствуют стратегиям игроков в играх с неполной информацией, когда ни одному из участников игры при очередном ходе досконально неизвестна позиция дерева игры, в которой он находится. Принятие решения (выбор стратегии) в условиях неопределенности производится в опоре на отслеживание расстановки сил, изучение конъюнктуры, учет ресурсов и т.д. Однако оптимизационную направленность актов выбора (принятие решений) составляет содержание фундаментальных социальных констант, ориентирующих на разумное, целесообразное, предсказуемое поведение

персонажей истории, участвующих, как правило, в антагонистичных, затратных, конфликтных играх. К фундаментальным социальным константами В.В. Ильин относит «жизнеустроительные оптимумы», выражающие «стиль, строй, порядок максимально отлаженного (сопоставительно с идеалами) существования»⁹⁸.

В связи с этим центральное место в работе историка занимает истолкование смысла, без которого, – пишет Д. Тош, – исторические источники не «заговорят», и мы никогда не приблизимся к пониманию прошлого. При этом неоклассики рассматривают смысл текста как сферу не только индивидуального, но и коллективного восприятия мира. Для них ключевым понятием является культура, понимаемая в данном случае не как «высокая» культура, а как система восприятий, характеризующая общество и спланирующая его членов. Это гигантская сфера для изучения, охватывающая все, начиная от формальных убеждений, выраженных в ритуалах и «правилах игры», до неосознанной логики жестикологии и внешнего вида»⁹⁹.

Стремясь к холистскому рассмотpениrojipeflMeja_ia_4Horo исследования, неоклассики выделяют в истории структурные зависимости разного уровня, диахронные и синхронные срезы, различные системы. В частности, В.В. Ильин в онтологии истории выделяет: 1) структурные зависимости дальнего порядка (мегатенденции), которые вскрываются социальной фенологией, фундаментальной ритмодинамикой (циклика, ритмика социально-исторических структур, генерация, реставрация, элиминация социально-исторических обстоятельств); 2) структурные зависимости среднего уровня (макротенденции), вскрываемые модульными теориями социума (типы державных движений, почвенные влияния); 3) структурные зависимости локального уровня (микротенденции), которые раскрываются антропологическими описаниями (деяния лиц, масштаб персональных целей)¹⁰⁰.

Д. Тош считает, что любую историческую ситуацию можно рассматривать как место пересечения двух плоскостей. «Одну из них можно назвать вертикальной (или диахронной) – она представляет собой временную последовательность предыдущих проявлений данной деятельности. Другая плоскость – горизонтальная (или синхронная), т.е. воздействие самых различных факторов, влияющих в тот момент, на конкретное событие»¹⁰¹.

>W в предметном поле исторического исследования И.М. Савельева и А.В. Полетаев выделяют три системы: 1) личности (включает мыслительные и поведенческие аспекты существования человека), генерирующую социальный мир; 2) социальную, организующую его и 3) культурную (включает продукты материальной и духовной культуры), обеспечивающую функционирование социального мира. В социальной системе в соответствии с видами социального взаимодействия эти ученые выделяют экономическую, политическую и социальную подсистемы. Внутренней средой для этих подсистем является система обыденной жизни, т.е. повседневного взаимодействия. Если элементами социальной системы являются взаимодействия личностей, то элементами системы культуры - продукты деятельности личностей. Система культуры у них охватывает идеальные и институциональные традиции, ценности и идеи, мировоззрения, идеологии и формы их выражения, короче - символическое понимание и толкование реальности, с помощью которых поддерживается и накапливается не только устный и письменный, но вообще любой вид коммуникаций¹⁰².

У неоклассиков история и каузальна, и казуальна. Поэтому в предмете исторического исследования они предлагают выделять, с одной стороны, разные пласты, связанные с влиянием общих и необходимых причин, а также с влиянием частных причин и свободных поступков¹⁰³. С другой - устанавливать отношение всего этого к организации человека, поскольку, как отмечает В.В. Ильин, человек в своих деятельностных актах, заявляя свободу воли, обязанность, должностное, самость, преодолевает природные пределы, выходит за положенные бытием рамки¹⁰⁴.

В связи с этим неоклассики подчеркивают, что вопрос о причинности исторических событий отличается особой многоплановостью, отражая постоянное взаимовлияние различных сфер человеческого опыта. Д. Тош считает, что «следует, как минимум, разграничить общие и непосредственные причины: первые имеют долгосрочное воздействие и локализируют конкретное событие, помещают его, так сказать, в «поток» истории, вторые же определяют его исход, часто имеющий специфический, абсолютно непредвиденный характер»¹⁰⁵.

Например, народные движения, - пишет В.В. Ильин, - инспирируются циклическими объективными явлениями (торгово-промыш-

ленные, финансовые кризисы, природные катаклизмы, экономические дисфункции и т.д.), на которые накладываются человеческие факторы действия. «Связь одного с другим, оказываясь ни единственной, ни обязательной, представляется все-таки существенной. Каузальный порядок истории зависит от казуальных влияний персонажей и лиц - их поступков, интенций, комплексов»¹⁰⁶.

В связи с этим неоклассики отмечают, что многосторонний характер причинности в истории требует приостановки последовательного (хронологического) изложения событий, чтобы взвесить все относящиеся к делу факторы по очереди, не теряя из виду их взаимосвязанности и вероятности того, что конфигурация каждого фактора со временем меняется. Поэтому неоклассики подчеркивают ограниченность нарративного способа изложения исторических событий, особенно в тех областях исторической реальности, где «может не быть ярко выраженных «главных героев», чьи действия и размышления можно представить в виде рассказа»¹⁰⁷.

В неоклассической науке большое внимание уделяется проблеме длинных волн в истории, ее циклам и ритмам¹⁰⁸. Взгляд на предмет исторической науки через призму модели длинных волн (циклов и ритмов) позволяет, как отмечают неоклассики, сделать вывод о том, что «онтологический базис истории двусоставен»: исходным началом выступают человеческие цели, мотивы, интересы, ценности, которые накладываются на объективные (подверженные циклическим зависимостям, имеющие собственную ритмику) условия жизнедеятельности. Исторические события в силу этого многопричинны: они порождены и лицами (лицедеями), и объективными зависимостями, вследствие вписанности лиц в более глубокие каузальные связи, имеющие определенную историческую циклику и ритмику¹⁰⁹.

При таком взгляде на предмет исторической науки особое значение придается фазовым переходам в истории как динамической системе, которая взаимопредполагает и историческую изменчивость (развитие), и историческую устойчивость (сохранение). Применительно к исторической реальности различают два типа фазовых переходов:

1. Фазовые переходы первого рода - социальные мутации: в точке фазового перехода наблюдается выделение гражданской энергии и насильственное, фронтальное катастрофическое изменение форм

существования. Фазовые переходы первого рода идут под флагом революций.

2. Фазовые переходы второго рода - социальные трансформации: в точке перехода регистрируются ненасильственные полиморфные превращения за счет ламинарных санирующих акций. К фазовым переходам второго рода относятся реформации. Состояние фазового равновесия характеризуется балансом сил в обществе¹¹⁰.

Проблема длинных волн (циклов и ритмов) в истории вписывается в так называемую «немарковскую парадигму», которую рассматривают в качестве основы одной из научных картин мира.

В XX в. под влиянием прежде всего физики сложилась научная картина мира, основу которой составляют «марковские процессы», или процессы без последствий. «Марковские процессы» - это случайные процессы, для которых при известном состоянии системы в настоящий момент ее дальнейшая эволюция не зависит от состояния системы в прошлом. Иными словами, прошлое и будущее процесса не зависят друг от друга при фиксированном настоящем. Поэтому, зная состояние системы в какой-либо момент времени, можно лишь определить вероятностную картину поведения системы в будущем.

В настоящее время некоторые ученые говорят о формировании такой научной картины мира, которая складывается под влиянием биологии и «немарковской парадигмы», под которой понимают систему представлений, описывающих процессы с памятью. Согласно этим представлениям в биологических, экономических, социальных явлениях никак нельзя пренебрегать предысторией. Здесь роль памяти весьма велика, она непосредственно влияет на выбор пути развития. Процессы, происходящие в прошлом, отображаются в изменениях структур. Применительно к истории это означает, что память о прошлом, представляющая собой социальную информацию, зафиксированную в определенных структурах, предопределяет не только актуальное состояние социальной системы, но и картину ее поведения в будущем.

На основе «немарковской парадигмы» складывается представление об обществе как квазиравновесной системе, включающей в себя громадную совокупность структурных ритмов, обусловленных «рекуррентным характером изменения системы, определяемым за-

висимостью от прошлого, от памяти». Поэтому изучение прошлого, направленное на установление в нем разнообразных ритмов (исторических циклов) позволяет объяснить и предвидеть актуальное и будущее поведение социальных систем.

При этом надо учитывать, что с позиций «немарковской парадигмы» последующие фазы исторических циклов «не являются точным повторением предыдущих и могут сильно отличаться от того, что было в прошлом. С этих позиций чисто поступательное развитие общества отнюдь не представляется наиболее вероятным». В связи с этим, как пишут некоторые ученые, «вполне можно предположить циклический ход истории, например, представить себе сценарий постепенного возвращения от либерально-демократического общества современности к рабовладельческому, но, естественно, в измененной форме. Если в древности применялись физические формы удержания рабов в повиновении, то в будущем может оказаться эффективным непосредственное воздействие на сознание, позволяющее манипулировать людьми. Первые проявления этой возможности можно видеть уже сейчас в результате действия средств массовой информации»¹¹¹.

Характерной чертой неоклассической модели исторического исследования выступает разномасштабность рассмотрения исторической действительности. Первый масштаб предполагает изучение единичных действий и создаваемых ими исторических фактов; второй – конкретных исторических событий, процессов и институтов, целостный охват которых невозможен без определенных процедур, улавливающих движение во времени и в пространстве; третий – универсальных исторических событий и процессов. Разные масштабы рассмотрения исторической действительности отвечают, как полагают неоклассики, самой ее природе. Поэтому весьма опасны попытки объявить тот или иной масштаб единственно «реальным», а все другие – фикциями. Такие попытки ведут к искажению действительности, мешают воспринимать всю ее полноту и сложность¹¹².

В связи с этим принцип холизма в неоклассической исторической науке предполагает учет переплетения и взаимопроницаемости реальностей разных масштабов в пространстве «космоса» истории в Целом. Ключевой задачей неоклассической модели исторического исследования является построение «дифференцированных моделей»

объяснения реалий прошлого с последующим синтезом результатов и разномасштабных интерпретаций¹¹³.

Однако предмет истории, как полагает неоклассики, не исчерпывается комбинацией объективных социальных факторов и субъективных человеческих действий. Дело в том, что в истории, как подчеркивает В.В. Ильин, в стихии личностной деятельности преследуется локальный (эгоистический) интерес; общий же смысл происходящего устанавливается задним числом, реставрацией идеалов. Поэтому результат деятельности, как отмечал еще Гегель, не совпадая с ее мотивами, осуществляет еще нечто более далекое, что хотя и заключено внутренне в субъективный интерес (локальное действие), но его перекрывает¹¹⁴.

В рамках неоклассической модели исторического исследования историки стремятся к изучению не только поведения индивидов, но и крупных событий и коллективных изменений, которые не сводятся к совокупности людских стремлений. «Дело в том, - отмечает Д. Тош, - что под слоем очевидной истории высказанных намерений и осознанных (хотя порой и не выраженных словами) тревог лежит латентная история, состоящая из процессов, о которых современники имеют лишь смутное представление, таких, как демографические изменения, эволюция экономических структур и глубинных ценностей. Поскольку историки изучают развитие общества во времени, они способны выявить влияние подобных факторов. Поэтому историки заняты не только «воскрешением» прошлого. Этой задаче вполне бы соответствовала трактовка событий прошлого в изолированном, произвольном виде, но на самом деле историки трактуют их по-иному. Создание научного труда основано на предположении, что конкретное событие связано с тем, что происходило раньше, одновременно, а также с тем, что за ним последовало; короче, оно рассматривается как часть исторического процесса. Особенно важными, с точки зрения историка, считаются события, которые при ретроспективном взгляде оказались важными вехами развивающегося процесса¹¹⁵.

В связи с этим исследователи отмечают, что «время и порядок событий во времени - лишь один ключ к разгадке; задача историка состоит и в том, чтобы выявить более существенные связи между ними, чем чисто хронологические»¹¹⁶. Историк должен не только

«скользить» по поверхности исторических событий, но и вводить их более широкий временной и ценностный контекст, поскольку, как пишет В.В. Ильин, «прозрачные действия людей имеют непрозрачные значения, несовпадающие с перипетиями исторического самотека. История как бы расслаивается на историю событий и историю значений. Первое - фактофиксаторство, историография, хроника самоочевидной рутины естественного жизнетока. Вторая - понимающая история, идеалология, рефлексия целей, ценностей, отслаивающихся в надвременном. В хрониках остаются события, в анналах - тенденции (сверхличностные, имперсональные, транссубъективные, наддеятельностные составляющие хода вещей). Онтология истории, как видно, складывается из фактического и надфактического, к которому относится непреходящее измерение деятельности - способ организации жизни на инновационных, эффективных началах. Двойное, не видимое нами дно истории - это выходящее за эмпирическое время царство значений, аккумулирующее качество исторических дерзаний¹¹⁷.

Целостное видение исторической реальности обуславливает, по мнению неоклассиков, необходимость комплексного подхода к ее изучению. Успешную реализацию этого подхода они связывают с применением в исторических исследованиях и методов количественного анализа, используемых, как правило, при изучении надындивидуальной реальности, и формально-логических методов в текстологии, предполагающих изучение баз данных с помощью компьютерных технологий, и методов неклассической герменевтики, направленных на постижение смысла чужих культур.

Признавая необходимость не только предметного, но и методологического холизма в исторической науке неоклассики вновь подняли вопрос об унификации научного знания. Они считают, что границу между социальными и естественными науками необходимо стереть примерно так же, как стерлась граница между химией и биологией. Такую попытку, в частности, предпринял Э.О. Уилсон, который в работе «Совпадение: единство знания», показал, что наше понимание окружающего мира и самих себя определяется человеческой природой, развивавшейся в постоянном взаимодействии генов и культуры¹¹⁸.

Беря под защиту проект унификации научного знания, П. Гросс полагает, что он позволяет заполнить пробелы и установить взаимо-

связи между различными науками, в том числе и гуманитарного цикла. Кроме того, в этом проекте П. Гросс усматривает не только шанс к возрождению в науке более строгих методов и критериев, но и средство к достижению более масштабных целей. Без универсалий, добытых наукой, подчеркивает Гросс, «мы имели бы лишь множество частных представлений, сложившихся у разных народов, в том числе и тех, к которым мы сами по воле случая принадлежим»¹¹⁹.

§ 3. Новые подходы к изучению исторической реальности

Синергетика. В последнее время новую идею методологического холизма предлагает синергетика - область научных междисциплинарных исследований, занимающаяся изучением кооперативных явлений в сложных динамических системах в процессе их самоорганизации¹²⁰. Интерес к идеям синергетики в исторической науке обусловлен тем, что она предлагает новый взгляд на природу целостности исторической реальности. С помощью синергетики исследователи надеются преодолеть те методологические трудности, которые возникают при изучении «крутых поворотов истории», когда возникали альтернативные ситуации, предполагавшие необходимость социального выбора. Синергетика дает возможность в контексте самоорганизации общества как целостной системы по-новому рассматривать такие вопросы исторического развития, как возможность и действительность, традиции и инновации, прошлое и настоящее, альтернативность и выбор¹²¹. При этом подчеркивается, что человеческое действие не является чем-то внешним по отношению к обществу как саморазвивающейся системе, а «как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний»¹²².

Некоторые исследователи, правда, считают, что обращение к синергетике таит опасность позитивистской редукции исторического познания к естествознанию, поскольку в этом случае закономерности процессов самоорганизации в физическом мире переносятся на развитие общества. Они, в частности, сомневаются, что в рамках синергетического подхода вообще можно рассматривать «свободу воли», поскольку в самой синергетике отсутствует необходимый для

этого математический аппарат. В целом синергетика не дает для исторического анализа ничего более чем собрания новых терминов и метафор. Поэтому синергетический стиль мышления, по их мнению, не столько способствует реконструкции прошлого, сколько превращает историческое исследование в эксперимент, который в силу специфики исторического познания менее продуктивен, чем традиционный «поход» в прошлое¹²³.

В связи с этим надо отметить, что хотя синергетика как тип научной рациональности возникла в естествознании в 70-х гг. XX в., в настоящее время она претендует быть новой парадигмой научного познания вообще¹²⁴. Поэтому синергетический стиль мышления, сформировавшийся в поисках нового холистского миропонимания, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, обладает мощным методологическим и эвристическим потенциалом. Об этом свидетельствует дискуссия, которая велась в 1991-1995 гг. на страницах журнала «History and Theory». В ней участвовали как сторонники, так и противники применения идей синергетики в исторических исследованиях, хотя последние оказались в меньшинстве¹²⁵. Синергетический стиль мышления позволяет развивать нестандартные подходы и в исторической науке, стимулируя решение в первую очередь тех проблем, которые обусловлены интересом к поиску единства в многообразии органических причин, способов и направлений исторической эволюции.

Синергетика как теория самоорганизации сложных систем основана на идеях целостности объективной реальности и общности развития всех уровней ее материальной и духовной организации, а также научного знания о мире. В этом плане синергетика как новое мировидение тесно связана с традиционным для восточных учений и поэтических творений миропониманием, которое основывается на представлениях о единстве мира, родственности живого и неживого, природного и человеческого, вселенского и микроскопического¹²⁶. В этом аспекте, по мнению некоторых исследователей, крайне интересными выглядят «переклички синергетики и русской религиозно-философской мысли»¹²⁷.

В основе синергетического миропонимания лежит идея внутренней всепроникающей связи, «всего во всем». Такое миропонимание

органически содержит в себе и тот взгляд, что мелкие, незначительные, случайные детали, составляющие едва различимый фон, могут проявить свою значимость и привести к большим, несравнимым с ними ЯоследТвйям. Каждая мимолетность таит в себе выход в иные картины мира, может развернуть веер новых форм бытия, несущественное и незначительное может оказаться основополагающим и важным.

Синергетика стремится преодолеть «расчленение» мира на живую и неживую природу. Рассматривая природу как креативную систему, синергетика сближает в этом смысле ее эволюцию с историей общества. Поэтому некоторые идеи, являющиеся в синергетике центральными, генетически восходят к тем принципиальным положениям, которые уже давно являются предметом рефлексии, например, в историческом познании. Однако синергетика, используя развитый математический аппарат, по-новому переосмысливает эти идеи, включая их в более широкий контекст научных представлений, создавая универсальные модели объяснения процессов, происходящих в сложных системах, раскрывая механизм самоорганизации этих систем, независимо от природы их элементов.

Синергетика как новая парадигма познания возникла в качестве оппозиции позитивизму и классическому рационализму. Она стирает грань между природой и обществом, рассматривая их в качестве фенотипов одного генотипа - сложной системы. В этом смысле синергетика стремится преодолеть «ущербность» дисциплинарного расчленения единого знания о мире и процессах самоорганизации в нем.

В научном познании синергетика выступает прежде всего как теория самоорганизации сложных систем. Эти системы имеют одинаковую природу процессов, происходящих как на макро-, так и микроуровнях. Атрибутом сложной системы выступает эмерджентность, т.е. не сводимость свойств системы в целом к свойствам составляющих ее подсистем и элементов. Специалисты отмечают, что у сложных систем на определенном уровне самоорганизации могут возникать свойства, не сводимые к свойствам составляющих ее элементов. При этом они подчеркивает, что вывести регулярными методами свойства сложной системы из свойств ее элементов и особенностей их локального развития не удастся¹²⁸.

В этом плане синергетический стиль мышления запрещает, на-

пример, историку выводить свойства общества как системы из свойств ее экономической, социальной или политической подсистем, а свойства надиндивидуальной исторической реальности—из свойств индивидов или особенностей их локального взаимодействия.

Сложные системы являются открытыми, в них отсутствует жесткая детерминация и завершенность процессов. В связи с этим исследователь, изучая прошлое, должен представлять его в качестве становящейся и непрерывно возникающей исторической реальности. Поэтому в рамках синергетического стиля мышления категории «историческое бытие» и «историческое развитие» объединяются в одни понятийные рамки.

Сложные системы существуют только на основе своей включенности в окружающий их мир. Такие системы, получившие название «вложенных», поддерживают свое существование, обмениваясь энергией и информацией с другими супер- и субсистемами, в этом также проявляется открытость сложноорганизованного мира.

Эволюция сложных систем - это ритмичный процесс, в основе которого лежит переход от неустойчивого состояния системы (хаоса) к относительно устойчивому (порядку) и обратно. На ритмы истории обратили внимание уже давно, но синергетика позволяет интерпретировать ритмичность в качестве функциональной общности процессов самоорганизации сложных систем и рассматривать, например, кризис и стабильность как естественноисторические состояния общества, а «застой», «спад» или «подъем» в истории не только как следствие чьих-то «просчетов» или «мудрого» руководства, но и как проявление механизма самоорганизации социальных систем в процессе их эволюционного развития.

Синергетика как теория самоорганизации сложных систем объясняет механизмы возникновения, существования и разрушения упорядоченных макроструктур, имеющих место в такого рода системах. Согласно этой теории механизмы перехода от хаоса к порядку и обратно не зависят от конкретной природы элементов или подсистем. Они присущи и миру природных (живых и неживых), и миру человеческих, социальных процессов. Синергетика раскрывает общие, универсальные механизмы самоорганизации. Она, как отмечают специалисты, «делает понятными те законы, по которым складывается,

пишется удивляющий ученых единый рисунок событий в самых разных областях и масштабах действительности»¹²⁹.

Сложные системы - нелинейные. В синергетике нелинейность интерпретируется как возможность многовариантной эволюции систем. Нелинейность применительно к истории может быть развернута посредством идеи необратимости и альтернативности исторического процесса и возможности общественного выбора в ситуации исторической неопределенности.

Особенностью нелинейных систем является то, что при одинаковых приращениях внешних воздействий на систему она может давать различную реакцию, зависящую от исходного своего состояния. В то время как реакция линейных систем зависит только от величины приращения такого воздействия. На этой особенности сложных систем строится эффект управления ими: малые внешние воздействия на систему могут привести к большим последствиям и, наоборот, большие воздействия могут оказаться в управленческом плане ничтожными. Знание этого эффекта дает историку возможность понять, почему, например, многие реформы не приводили к желаемому результату, несмотря на существенные затраты, и, наоборот, незначительные, казалось бы, события вызывали катастрофические порой последствия.

В синергетике произошел отказ от образа мира, построенного из элементарных частиц (кирпичиков объективной реальности), в пользу мира как совокупности нелинейных процессов, которые характеризуются альтернативностью и необратимостью развития. В связи с этим синергетика предлагает качественно иную картину исторической реальности как по сравнению с классической, так и неклассической наукой.

Основу этой картины составляет представление об исторической реальности как сложной системе, которая в процессе самоорганизации проходит исторический цикл, связанный с возникновением упорядоченных макроструктур, их относительно устойчивым существованием и разрушением. Возникновение устойчивых макроструктур означает переход от хаоса к порядку, разрушение макроструктур - переход от порядка к хаосу¹³⁰. Хаос - это характеристика сложной системы в состоянии неравновесности и неопределенности. Применительно к истории хаос - это «кризис», т.е. такое состояние соци-

альной системы, при котором перестают нормально функционировать ее различные подсистемы, в том числе блок управления и общественное сознание¹³¹. В состоянии хаоса в обществе возникают альтернативные ситуации, в рамках которых складываются различные возможности его дальнейшего развития. Возникновение альтернативных ситуаций придает историческому развитию вероятностный характер, выявление которого предполагает изучение тех исторических возможностей, которые существовали в определенное время в конкретной исторической ситуации.

Таким образом, синергетика, акцентируя внимание на проблеме вероятности исторического развития, актуализирует вопрос о взаимосвязи возможного и действительного в историческом процессе.

Прошлое как историческая действительность в том виде, как оно состоялось, было инвариантным, т.е. однозначным. Прошлое как историческая реальность включало в себя различные возможности исторического развития, и его инвариантность была результатом реализации одной из этих возможностей. Отсюда следует, что важной задачей исторического исследования является изучение не только инвариантов исторического развития, но и тех потенциальных возможностей, в рамках которых этот инвариант состоялся как реализация одной из них.

Возникновение различных возможностей в историческом процессе обусловлено неоднозначностью взаимосвязи формы и содержания, цели и средств исторического развития. Одно и то же содержание исторического развития может выражаться в разных формах, но и одна и та же его форма может наполняться разным содержанием. Точно так же, одна и та же цель исторического действия в зависимости от конкретно-исторических условий может достигаться разными средствами и, наоборот, одни и те же средства могут служить достижению разных целей. Все это, как полагают специалисты, и приводит к возникновению разных исторических возможностей в исторической реальности¹³².

При выделении и оценке реальных возможностей, как подчеркивают исследователи, важным и сложным, но необходимым является определение их временных и пространственных границ. В ходе исторического развития всякая возможность возникает в определенный

момент времени. При наличии соответствующих условий, создаваемых общественными силами, она может превратиться в действительность. Но этого может и не произойти, если предпринимаемых усилий оказывается недостаточно. Некоторые возможности вообще могут оставаться потенциями, не замеченными современниками. Но в любом варианте возможность имеет пределы реального существования. Игнорирование этих пределов при анализе исторических возможностей может привести историка к ошибочным заключениям¹³³.

Изучая исторические возможности, исследователи часто сожалеют по поводу того, что какие-то из исторических возможностей не были замечены современниками или неправильно реализованы, в результате чего исторические события свершились не так, как могли бы произойти. В научной литературе отмечается, что желание увидеть в истории воплощение каких-либо этических и моральных принципов приводит к «сожалениям» о так называемых «упущенных возможностях» и «потерянных путях», «не проведенных реформах» и «не принятых решениях»¹³⁴. Историк, конечно, может руководствоваться мотивами «суда над прошлым» и извлечениями «уроков истории», однако задача исследователя состоит прежде всего в выяснении и объяснении того, почему и как были реализованы те или иные исторические возможности.

Поскольку исторические возможности имеют определенные временные рамки своего существования, то их выявление предполагает изучение конкретных альтернативных ситуаций¹³⁵. Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется наличием, с одной стороны, различных исторических возможностей, а с другой – социальных сил, осознающих эти возможности и способных их реализовать. Следовательно, возникновение конкретных альтернативных ситуаций в исторической реальности было обусловлено как объективными, так и субъективными факторами.

Интерес к изучению альтернативных ситуаций в истории возник помимо синергетики, однако в рамках синергетики как теории самоорганизации сложных систем дается новая трактовка механизма реализации той или иной исторической возможности и превращения ее в историческую действительность. В исторической науке вопрос о пре-

вращении возможности в действительность традиционно связывался с наличием определенных общественных сил, которые деятельно стремились реализовать ту или иную историческую возможность. Эти силы, как отмечалось в исторической литературе, должны осознать эту возможность, по крайней мере, на уровне обыденного познания исторической реальности, соотнести ее со своими интересами и начать борьбу за ее осуществление. При этом подчеркивалось, что возникновение разных возможностей – это объективный процесс, альтернатива – это субъективный выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию выбора. Поэтому субъективный фактор в исторических альтернативах представлял собой компонент, который определял исход борьбы за реализацию той или иной возможности развития. Этот исход зависел от соотношения борющихся сил, их целеустремленности, сплоченности и организованности¹³⁶.

Познавательный интерес неоклассиков к альтернативным ситуациям в исторической реальности во многом обусловлен тем, что их изучение позволяет историку, с одной стороны, не оглядываться постоянно на текущие события, не заниматься поиском исторических прецедентов, а выявлять реальные исторические возможности¹³⁷. С другой стороны, изучение альтернативных ситуаций позволяет неоклассикам реализовать принцип холизма в той его предметной области, которая синтезирует объективные и субъективные моменты исторического развития. А это является одной из методологических установок неоклассической модели исторического исследования.

Продолжая традиции изучения альтернативных ситуаций как взаимосвязи объективного и субъективного, заложенные в предшествующей историографии, неоклассики вместе с тем считают, что познавательные возможности исторической науки в этой области значительно расширяет синергетика.

Синергетика как теория самоорганизации сложных систем при изучении альтернативных ситуаций в обществе дает возможность представить конкретные потенции исторического его развития и по-новому раскрыть соотношение и взаимосвязь в нем необходимого и случайного. Согласно этой теории в альтернативной ситуации, в точке бифуркации, когда превращение возможностей в действительность становится исторической реальностью, поведение социума как слож-

ной системы характеризуется неустойчивостью и неопределенностью и зависит от некоторых, относительно немногих факторов, которые называются параметрами порядка. Параметры порядка, формирующиеся в системе более высокого уровня иерархии, становятся управляющими параметрами для подсистем более низкого уровня. Эти параметры определяют поведение подсистем сложной системы и как бы «подчиняют» его некоторой единой поведенческой структуре. В свою очередь, сами подсистемы формируют параметры порядка и, таким образом, возникает круговая причинная связь. Если учитывать временные масштабы, то изменение параметров порядка в системе происходит значительно медленнее, чем изменения «подчиняющихся» ей подсистем. Возникновение параметров порядка в сложной системе связано с взаимодействием и конкуренцией подсистем.

Параметры порядка следует отличать от управляющих параметров, которые представляют собой внешние воздействия, изменяющие параметры порядка. Воздействия на управляющие параметры в моменты бифуркации могут приводить к существенным изменениям в поведении сложных систем¹³⁸. Таким образом, «параметры порядка» и «управляющие параметры» играют решающую роль при объяснении процессов самоорганизации на всех уровнях сложных систем.

Для историка принципиальное значение имеет положение о том, что общество как сложная система в альтернативной ситуации может резко изменить свое состояние под воздействием самых незначительных факторов. Такими факторами выступают прежде всего управляющие параметры, или внешние воздействия на систему, которые выводят ее на определенный аттрактор исторического развития (относительно устойчивое существование макроструктур) и превращают одну из возможностей развития в историческую действительность.

Согласно синергетике в исторической реальности как нелинейной среде в точке бифуркации потенциально существует спектр структур (форм организации), которые в ней могут появиться. Причем то, какие структуры могут возникнуть в данной среде, т.е. каковы возможности исторического развития, определяется исключительно внутренними свойствами этой среды, а не параметрами внешнего воз-

действия. Иными словами, в самой исторической реальности как нелинейной среде в ситуации альтернативности скрыто поле органически возможных путей ее развития. Однако незначительные внешние воздействия (случайности) могут оказать существенное влияние на «выбор» вариантов этого развития.

Синергетика определяет также необходимое условие, при котором малое воздействие (случайность) может привести к большим результатам, к существенным изменениям системы. Таким условием является неустойчивое состояние нелинейной среды, означающее ее чувствительность к малым внешним воздействиям, порожденным историческими случайностями. Отсюда вытекает, что развитие общества как сложной системы носит, во-первых, вероятностный и, во-вторых, необратимый характер. Вероятность является атрибутом развития открытой системы, играющий важную роль в эволюционных механизмах, поэтому с позиций синергетики нельзя отождествлять вероятность развития с незнанием.

Рассматривая историю как необратимый процесс, синергетика обосновывает несостоятельность постановки в научном сознании таких проблем, как «исправление ошибок прошлого» или «поиск выхода из исторического тупика». С позиций синергетики «исправить ошибки прошлого» нельзя, поскольку каждая новая альтернативная ситуация создает свой спектр исторических возможностей, реализация которых зависит во многом от случайностей. Это же касается и «поиска выхода из исторического тупика», поскольку нельзя вернуться назад, на ту «развилку истории», которая якобы увела нас с истинного пути развития. С позиций синергетики прошлое в точке бифуркации не детерминирует настоящее. В связи с этим Н.Н. Моисеев писал: «Бифуркация – это состояние системы, когда «траектория» ее может ветвиться и выбор нового русла эволюционного развития становится неоднозначным, когда наследственность, т.е. зависимость настоящего, а, следовательно, и будущего от прошлого практически исчезает – многие говорят, что в такой ситуации происходит потеря системной памяти»¹³⁹.

Таким образом, синергетика при изучении перехода от хаоса к порядку ориентирует исследователя на поиск в истории альтернативных ситуаций, создающих реальные возможности для выбора путей

и средств общественного развития и их реализации в виде различных его вариантов, а также тех факторов, которые оказали влияние на этот «выбор».

¹ Синергетика как теория самоорганизации сложных систем объясняет также переход от порядка к хаосу, связанный с разрушением относительно устойчивого состояния упорядоченных структур. Для этого в синергетике используется понятие «диссипация», которое в физическом смысле означает процесс рассеяния энергии упорядоченного состояния в энергию неупорядоченного процесса. Диссипация – рассматривается в синергетике не как «зло» и фактор разрушения, а как важное свойство самоорганизации, необходимое для выхода в «детерминированный хаос». В этом плане разрушение относительно устойчивых социальных структур и выход в «детерминированный хаос», или кризис, сопровождаемый складыванием альтернативной ситуации, есть конструктивное начало, необходимое для дальнейшего развития общества как сложной системы.

Переход от порядка к хаосу обусловлен изменениями в управляющих параметрах, оказывающими разрушающее воздействие на параметры порядка сложной системы. Большую роль в этих изменениях синергетика отводит флуктуациям (случайным отклонениям). В истории переход от хаоса (неустойчивого состояния системы общественных отношений) к порядку (относительно их устойчивому состоянию) и обратно представляет собой ритмичный процесс, в котором случайность приобретает конструктивную роль.

Таким образом, существенной характеристикой нелинейного мира, сложных систем выступает случайность. Синергетика «открывает» особую, творческую роль случайности в процессах самоорганизации сложных систем. Синергетика формирует принципиально важный и нетрадиционный взгляд на случайность, играющую в нелинейных системах роль того спускового механизма, той силы, которая способна вывести систему на аттрактор (относительно устойчивое состояние), на одну из собственных структур самоорганизации.

Если в классической науке случайность является только дополнением к форме проявления необходимости, отражением внешних, несущественных связей действительности, то синергетика допускает, что при определенных условиях необходимость становится дополнением к

случайности. Согласно синергетике однозначное направление эволюции нелинейной системы после того, как пройдена точка бифуркации, является итогом корреляции взаимоусиливающихся флуктуации, и поэтому необходимость и случайность в сложных системах дополняют друг друга, и в плане укорененности в бытии они равноправны.

Синергетика рассматривает два вида флуктуации. Первый вид - это случайность, лежащая вблизи точки бифуркации (ветвление возможных путей эволюции системы). Такая случайность, находящаяся у истоков исторического развития, возникновения нового, определяет возможные «блуждания» по полю путей этого развития и задает, в конечном счете, его направление. В этом случае историческая необходимость рождается как следствие «игры случая». Второй вид - это случайность, которая дополняет необходимость и сопровождает всякий процесс, направление которого уже вполне определено. Здесь случайность «выжигает», «отсекает» все лишнее, мешающее выходу системы на аттрактор - относительно устойчивую структуру.

Таким образом, случайность в нелинейных процессах играет разную роль в зависимости от этапа самоорганизации сложной системы. Случайность вблизи точки бифуркации порождает необходимость, а между точками бифуркации выступает случайностью второго вида, т.е. конструктивной, благодаря своей разрушительности.

Классическая наука, рассматривая случайность только как дополнение к необходимости, игнорировала случайность как несущественный фактор в истории, отказывая ему, соответственно, в статусе самостоятельного измерения исторического бытия. Новое осмысление роли случайности в синергетике позволяет по-иному интерпретировать роль случайности в истории, рассматривая ее прежде всего как конструктивное начало исторического развития и причину появления нового. Конструктивная роль случайности в истории обусловлена тем, что она «запускает» механизм перехода от одной относительно устойчивой ситуации к другой, «выбирая» при этом один из путей этого перехода, возможный спектр которых определяется самой системой.

Это - один из существенных выводов синергетики, коренным образом изменяющий классические представления об историческом про-

цессе, которые хотя и были ориентированы на описание единичного и случайного, ибо без этого теряется сам смысл исторического познания, но в которых собственно научными признавались лишь знания об исторической необходимости и исторических закономерностях.

В классической исторической науке случайность трактовалась лишь как повод исторических событий, который никогда не смешивался с причинами (исторической необходимостью). Это происходило потому, что с позиций классической науки именно необходимость определяет развертывание исторического процесса, а случайности сказываются лишь на его форме. С позиций синергетики случайность «может оказаться тем фактором, который определяет, какая из объективных возможностей начнет реализовываться в действительность, и поэтому такая случайность уже является не поводом развертывания цепи исторических событий, а причиной того, что эта цепь будет развертываться именно в такой последовательности, а не другой, хотя сам спектр этих возможностей обусловлен исторической необходимостью.

Синергетика как теория самоорганизации сложных систем, широко используя математический аппарат для описания и объяснения происходящих в ней процессов, формализуя тем самым ход исторического развития, вместе с тем «поэтизирует» историю. Восстанавливая в историческом познании роль и значение флуктуации (случайностей) как самостоятельного и важного измерения исторического бытия, синергетика наполняет историю творческими процессами эволюции, рассматривает надындивидуальную историческую реальность как креативную систему. Мир творим случайностью – таков один из важнейших постулатов синергетического стиля мышления, и благодаря случайности и в своих случайных чертах исторический мир становится прекрасным.

Рассматривая общество как сложную систему, синергетика вместе с тем не отождествляет механизмы природной и социальной эволюции. Синергетика рассматривает социальную реальность как креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями, мир, в котором будущее может быть представлено во многих вариантах. При этом социальная проблема ценностей в широких пределах может быть вполне увязана с нелинейностью, ибо ценности –

это духовные коды жизнедеятельности, которые используются людьми, чтобы удержать социальную систему на некоторой линии развития, которая была выбрана историей. Система ценностей поэтому всегда противостоит дестабилизирующим эффектам флуктуации, которые порождаются самой системой. Это и придает историческому процессу в целом черты необратимости и непредсказуемости.

Используя идеи синергетики, научное мышление демонстрирует преимущества плюралистической интерпретации истории и одновременно ограниченность монистических к ней подходов, предупреждая вместе с тем увлеченное историческое сознание от признания за синергетикой статуса универсальной научной парадигмы. Синергетика рассматривает процесс познания как «диалог» субъекта и объекта, независимо от того, является этот объект природным или социальным. Суть этого «диалога» заключается не только в том, что ученый постоянно «вопрошает» предмет своего исследования, но и в том, что «видение мира, который находится вокруг нас, и того, который мы имеем внутри себя, конвергирует»¹⁴⁰. Поэтому в гносеологическом плане идеи синергетики достаточно созвучны идеям неоклассической исторической науки, в рамках которой переосмысливает роль субъекта в процессе познания как «нейтрального наблюдателя».

Неоклассические теории локальных цивилизаций. На рубеже XX — XXI вв. актуализация цивилизационного дискурса была обусловлена темой социокультурного плюрализма человечества, возвращающегося от униформизма к специфике¹⁴¹. Представителей неоклассической модели исторического исследования отличает стремление к синтезированию различных метатеоретических конструктов. Это отчетливо проявляется, например, в попытках, связанных с проблемами синтеза формационной и цивилизационной теорий в исторических исследованиях.

Так, в последнее время в рамках «синтетического» подхода была выдвинута концепция «формационно-цивилизационного резонанса», согласно которой исторический процесс представляет собой «продвижение» человеческого общества, состоящего из взаимодействующих цивилизаций, от одной формации к другой. В ходе этого «продвижения» возникают особые исторические ситуации так называемого «формационно-цивилизационного резонанса», при которых «формационные

характеристики оказываются в наибольшей степени органично соответствующими цивилизационным характеристикам, что обеспечивает наиболее быстрое развитие той или иной цивилизации по сравнению и с другими этапами ее собственного развития, и с другими цивилизациями»¹⁴².

Другой попыткой синтеза различных метатеоретических конструкций является построение теории локальных цивилизаций в контексте глобализации¹⁴³. События, произошедшие в мире в начале XXI в., еще более актуализировали проблему их цивилизационной интерпретации. Речь сегодня уже не идет о конце истории как торжестве цивилизационных идей Запада. Предметом споров стала цивилизационная концепция формирования нового мирового порядка, предложенная С. Хантингтоном. В центре внимания оказались проблемы, связанные с содержанием и перспективами взаимодействия цивилизаций в современном мире. Вопрос - «конец истории или борьба цивилизаций?» - был трансформирован в дилемму: «конфликт или диалог цивилизаций?»¹⁴⁴.

Однако эвристические возможности существующих цивилизационных теорий оказались недостаточными для решения этих проблем. Появилась потребность в создании новых теорий, которые, в отличие от более ранних их вариантов, будут способны органически соединить изучение духовно-родственного и «чужого», общего и особенно в истории, основных тенденций мирового развития и локальных вариантов исторического процесса, логику которых можно понять только в рамках мировоззрения и системы ценностей местных культур¹⁴⁵.

Методологическая рефлексия подсказывает, что необходим новый уровень концептуализации, который может задать парадигма нового универсализма. Его основу составляют теории «культурного плюрализма» и те теории глобализации, которые постулируют позитивную связь между процессом глобализации и культурной разнородностью мира. Эти теории определяют глобализацию как становление мироцелостности в виде единого пространства, включая сюда и осмысление этого процесса в различных культурных дискурсах.

В рамках этой парадигмы «глобалисты», отказавшись от европоцентристского видения мира, пошли навстречу «локалистам», при-

зная цивилизации важнейшими компонентами глобальной общности и подчеркивая, что их теории глобализации постулируют позитивную связь между процессом глобализации и социокультурной разнородностью мира. Современные «локалисты», в свою очередь, преодолев шпенглеровский тезис о единстве человечества как «ложной концепции», уже не отрицают наличия проблем глобального взаимодействия. Поэтому взаимодействие локальных цивилизаций они рассматривают не только под углом их взаимной социокультурной соотнесенности, но и в ракурсе их сопричастности к проблемам и нормам глобального, универсального порядка. В связи с этим специалисты подчеркивают, что императивом теоретического анализа цивилизаций в современном мире становится поиск принципов их взаимодействия, обусловленного и опосредованного мировым контекстом¹⁴⁶.

Неоклассики выступили с идеей преодоления односторонностей глобалистского и мондиалистского подходов и предложили синтетическую концепцию локальных цивилизаций в условиях глобального их взаимодействия, учитывающую как тенденцию к глобализации, так и тенденцию к локализации. Признавая существование глобальной конфигурации универсальных символических форм и даже глобального сознания, они начинают применять понятие «цивилизация» только к тем социокультурным образованиям, которые обладают творческой способностью вырабатывать (или перерабатывать) универсальные символы, т.е. обладают способностью к коммуникации, усвоению и толкованию универсальных идиом и значений. При этом подчеркивается, что отдельные цивилизации вырабатывают собственные оценки этих универсалий (например, свободы, прав человека, власти и т.д.) и выражают таковые через призмы своих ценностей и исторического опыта. И в этом плане некоторые исследователи вообще рассматривают локальные цивилизации как «вызовы» глобальным императивам¹⁴⁷.

Представляя функциональное стремление цивилизации к универсальности как постоянную способность к генерализации и коммуникации, исследователи предлагают положить в основу определения локальной цивилизации не ее социокультурный код, как это обычно делается, а принцип «соотнесенности» присущих ей символических универсалий¹⁴⁸.

В рамках такого понимания цивилизации признается, что в современном мире, с одной стороны, идет процесс глобализации, а с другой - возрастает значение цивилизационных различий. Универсальные идиомы и значения воспринимаются и осмысливаются людьми через цивилизационную призму своего исторического опыта, противопоставляющими свои ценности «семиотическому империализму» глобальной культуры. Поэтому различные локальные цивилизации сохраняют свою жизненную силу, поскольку служат основой для самовыражения масс населения, для выработки соответствующих символов.

Таким образом, в рамках этой версии цивилизационного подхода, с одной стороны, современный мир рассматривается как *polylogue of civilizations* (многозначность цивилизаций) и *civilization of meeting* (цивилизация встречи), с другой - сами цивилизации становятся возможными лишь как «встреча цивилизаций», как их диалог на базе всеобщих символических форм. На этой основе происходит как специфически цивилизационная интерпретация всеобщих универсалий, так и вырабатывается их глобальная конфигурация.

Такая коммуникационно-герменевтическая трактовка цивилизаций преодолевает представление о них как дискретных социокультурных единицах. Новации в такой трактовке понятия «цивилизация» состоят в том, что одновременно реализуется и цивилизационный, и мондиалистский подходы, признается социокультурная специфика цивилизаций и сохраняется экуменистское видение мира, устанавливается взаимосвязь «локализма» и «глобализма» через посредство универсально-символических форм.

Трудность создания новых цивилизационных теорий состоит в том, что в современном научном дискурсе существует широкий разброс значений и смыслов, в которых употребляется понятие «цивилизация». Это дает основание некоторым ученым утверждать, что в настоящее время единого, общепринятого значения термина «цивилизация» не существует, в разных контекстах этот термин может обозначать прямо противоположные понятия¹⁴⁹. Поэтому термин «цивилизация», как отмечают они, стал воплощением «цветущей и жужжащей неразберихи», в которой то возникают десятки цивилизаций на одном континенте, то фигурирует единая «мировая цивилизация»¹⁵⁰.

В специальной литературе отмечается, что понятие «цивилизация» принадлежит к числу семантически весьма емких, и в современном мире его используют так часто, что порой просто забывают о дефинициях¹⁵¹. При этом подчеркивается, что в современных представлениях о цивилизациях существует полный произвол, и наука вообще «не располагает методологическим инструментарием для выделения системообразующих оснований цивилизации»¹⁵². У некоторых ученых вообще возникают сомнения в целесообразности использования этого понятия в исследовательской практике¹⁵³.

В научной литературе подчеркивается, что многообразие трактовок понятия цивилизации не позволяет однозначно определить некую специфическую социальную реальность, которая могла бы раз и навсегда быть занесена в рубрику «цивилизаций». Исследователи пока не в состоянии выделить то глубинное внутреннее основание, которое делает все эти «цивилизации» чем-то единым, позволяет интегрировать в едином «логическом пространстве» этнические, экономические, социальные и культурные характеристики, взятые в их всемирно-исторической разверстке. Поэтому понятие цивилизации в большей мере выступает не как отражение некой социальной реальности, а как философский принцип с весьма неопределенным содержанием, как достаточно размытая общесоциологическая установка, которая позволяет «расчленять» общество на определенные «срезы»¹⁵⁴.

Это наводит на мысль, что понятия цивилизации, используемые в современной литературе, – это мыслительные конструкты, созданные независимо от эмпирической реальности. Впервые на это обратил внимание, по-видимому, Р.Дж. Коллингвуд, который полагал, что «цивилизация» принадлежит к тем понятиям, которые называются «философскими», «метафизическими», или, по Канту, «трансцендентальными», возникающими в силу «рефлектирующей способности суждения», независимой от эмпирического материала¹⁵⁵. Об этом свидетельствуют и замечания некоторых исследователей, занимающихся изучением творчества А.Дж. Тойнби, одного из классиков цивилизационного подхода. Они отмечают, что предложенное им определение термина «цивилизация» как «умопостигаемого поля исторического исследования», на котором основывается вся его концепция, не позволяет сделать вывод о реальном существовании самого фе-

номена. Возникают серьезные подозрения - не является ли «цивилизация» у А.Дж. Тойнби всего лишь мыслительным конструктом?¹⁵⁶

В связи с этим одной из важных методологических задач является «прояснение» значения понятия «цивилизация», подверженного в настоящее время самым различным интеллектуальным интерпретациям.

Актуализация проблемы «взаимодействия цивилизаций в условиях глобализации» предполагает выяснение эвристических возможностей, в первую очередь различных локально-исторических концептов цивилизации. Таких концептов можно выделить два - одномерный и многомерный. В рамках одномерного концепта сложились «узкое» (однофакторное) и «широкое» (многофакторное) толкования понятия цивилизации. В русле «узкого» толкования понятия локальной цивилизации с учетом доминирующего фактора можно выделить несколько подходов в его интерпретации: культурологический, этнопсихологический, экологический и социологический.

В специальной литературе (за исключением - немецкой) в целом преобладает культурологический подход, в рамках которого локальная цивилизация или отождествляется с культурой, или культура рассматривается как основание цивилизации¹⁵⁷. В русле культурологического подхода от М. Вебера идет традиция, в рамках которой основания локальных цивилизаций усматриваются в религии. В русскоязычной литературе наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в работах Л.С. Васильева, в которых цивилизация представляется «в смысле уникальной развитой религиозно-культурной традиции»¹⁵⁸. Сходных позиций придерживается и В.М. Межуев, считающий, что при некоторой спорности «определения цивилизации, отождествляющего ее с культурой (что вообще характерно для англо-американской научной традиции), оно верно фиксирует исходное отличие одной цивилизации от другой - тип религиозной веры, т.е. культуры в той ее части, в какой она еще не отделилась от культа». В этом смысле «религия является как бы последней границей между цивилизациями»¹⁵⁹.

Этнопсихологический подход базируется на посылке: сколько народов - столько и цивилизаций. Начало ему положила «этнографическая концепция цивилизаций» Т. Жюффруа, высказавшего в 30-х гг.

XIX в. мнение о том, что у каждого народа – своя цивилизация¹⁶⁰. Поэтому в рамках этого подхода понятие цивилизации связывается, с одной стороны, с особенностями этнической истории, а с другой – с психологией (национальным характером) того или иного народа. Некоторые современные исследователи специфику локальной цивилизации усматривают в суперэтническом архетипе¹⁶¹.

В современной литературе существуют представления о локальных цивилизациях, базирующиеся одновременно на этнопсихологическом и культурологическом подходах. В этом случае понятие «цивилизация» сводится к «самобытности культуры и психологии каждого народа» при сохранении их взаимообусловленности и внутренней целостности на всех этапах истории. Благодаря чему в определенном «историко-культурном и географическом пространстве тысячелетиями происходит воспроизводство различных «факторов духовной и материальной культуры», «традиций и обычаев» народов¹⁶².

В рамках экологического подхода сложилось представление о том, что решающее воздействие на характер цивилизации оказывает географическая среда существования того или иного народа, которая оказывает влияние прежде всего на формы кооперации людей, постепенно изменяющих природу¹⁶³. Этот подход предполагает рассмотрение локальных цивилизаций в контексте единства общества и среды его обитания. При этом цивилизация понимается как развивающаяся, устойчивая в своих основных типологических чертах историко-культурная и социально-экономическая система, детерминированная особенностями природно-ландшафтных условий и находящая свое выражение в специфическом комплексе хозяйственных, социальных, духовных и психологических черт¹⁶⁴.

В русле социологического подхода локальные цивилизации определяются как социальные образования, носящие гетерогенный этнический, культурный и конфессиональный характер. При этом одни исследователи считают, что цивилизации, имеющие общий временной и пространственный ареал, существуют как социальные системные общности, благодаря действию механизмов социально-политических связей, включающих отношения сотрудничества и конфликтности¹⁶⁵. Другие рассматривают локальные цивилизации как устойчивые «метаэтносоциокультурные общности» и считают, что систе-

мообразующие их связи лежат в сфере коммуникации, представляя глубокие символические структуры¹⁶⁶.

В русле «широкого» (многофакторного) толкования понятия локальной цивилизации сложился «синтетический» подход, представители которого считают, что основу локальной цивилизации составляет не какой-либо один фактор, а взаимодействие самых разных факторов¹⁶⁷. Так, по мнению одних исследователей, «цивилизация - это сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу»¹⁶⁸. Другие исследователи, считая, что критерием выделения цивилизаций должна быть «система ценностных ориентиров общества», указывают на большую цивилизационную роль геоэкономических и историко-политических факторов, а также различных форм эксплуатации¹⁶⁹.

Основы «широкой» интерпретации понятия цивилизации были заложены французскими учеными. Так, у А. Ничифоро цивилизация - это совокупность способов бытия и деятельности группы людей, выражающихся в материальной, интеллектуальной и моральной жизни, политической и социальной организации¹⁷⁰. По мнению М. Крузе, каждая цивилизация определяется совокупностью идей и политических институтов, условиями материальной и культурной жизни, производительными силами и общественными отношениями, всеми проявлениями религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности¹⁷¹.

«Широкой» интерпретации понятия цивилизации придерживались и представители школы «Анналов», у которых оно по существу оказалось синонимом слова «общество». Это позволяло, как отмечается в литературе, применять термин «цивилизация» по отношению к любым сложно устроенным обществам, в которых важное значение имеют как экономические факторы, так и социальная система, как моральные принципы регуляции отношений, так и политическое устройство, как практические знания, так и эстетические идеалы¹⁷².

В российской научной традиции в русле «широкого» толкования понятия цивилизации сложилось представление о ней как целостной саморазвивающейся общественной системе, включающей в себя все

социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов. Основы такого понимания цивилизации были заложены М.А. Баргом, который охарактеризовал цивилизацию как обусловленный природными условиями жизни, с одной стороны, и объективно историческими ее предпосылками - с другой, уровень развития человеческого субъективизма, проявляющийся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными¹⁷³.

В зарубежной литературе в рамках «широкой» интерпретации понятия цивилизации, последняя рассматривается не только как внешний по отношению к человеку мир, но иногда противопоставляется и культуре¹⁷⁴. Надо отметить, что традиция противопоставления цивилизации и культуры была заложена в странах германского языка. Вне Германии преобладало согласие с Ф. Бродемом, что «желание на немецкий манер отделить культуру от ее основы - цивилизации - обманчиво»¹⁷⁵. Однако в последнее время в рамках «широкой» интерпретации понятия цивилизации эта традиция была актуализирована учеными в других регионах мира, в частности в Японии¹⁷⁶ и России¹⁷⁷.

Использование одномерных «узких» (однофакторных) и «широких» (многофакторных) интерпретаций понятия «цивилизация» в исследовательской практике порождает ряд методологических трудностей, поскольку они не являются универсальными, и поэтому, несомненно, обладая определенным эвристическим потенциалом при изучении одних цивилизаций, обнаруживают методологическую неэффективность при изучении других. Широкий, или «синтетический», подход вообще не содержит четких критериев выделения той или иной локальной цивилизации, отождествляя по существу понятия общества и цивилизации.

Анализ существующих подходов к конструированию понятия локальной цивилизации позволяет сделать достаточно существенный, на наш взгляд, вывод. Попытки вывести из эмпирического материала универсальное содержание понятия цивилизации пока не увенчались успехом. Более того, под само понятие «цивилизация» подводят зачастую разные явления действительности. Это дает основание некоторым исследователям предположить, что термин «цивилизация»

является «рамочным концептом», т.е. в рамках одного и того же концептуального содержания допускается наложение его на различные ареалы, общества и стадии¹⁷⁸. В целом можно констатировать, что понятия локальной цивилизации, представленные в современном дискурсе, во многом являются интеллектуальными проектами - идеями, воплощенными в «конструктивной реальности».

Представление о локальной цивилизации как идее и «трансцендентальном» понятии, возникающем вследствие «рефлектирующей способности суждения», независимой от эмпирического материала, требует соответствующей методологической рефлексии, заставляющей задуматься в первую очередь о тех «системообразующих основаниях цивилизации», которые позволят превратить идею цивилизации в инструмент познавательной деятельности. Это предполагает создание такого универсального методологического конструкта изучения уникальных цивилизаций, эвристический потенциал которого может быть использован в решении конкретных исследовательских задач, в том числе и компаративного характера. Универсального не в смысле того, что он претендует быть единственным, а в том плане, что его можно использовать при выявлении специфики локальных цивилизаций в ходе сравнительного их изучения на основе некоторых общих для них параметров.

Один из таких конструктов может быть создан в русле неоклассической модели научного исследования. Этот конструкт, представляя собой реализацию многомерного концепта локальных цивилизаций, включает в себя три параметра - спатильный, темпоральный и конативный. Выбор этих параметров обусловлен следующими методологическими соображениями. Во-первых, цивилизация - это локальная общность, ее ареал пространственно (спатильно) ограничен. Во-вторых, цивилизация - это историческая общность, которая имеет временные (темпоральные) ограничения. В-третьих, для каждой локальной цивилизации характерен особый тип коллективного поведения (конативный аспект). Каждая цивилизация, как локально-историческая общность, представляет собой единое целое в спатильном, темпоральном и конативном отношениях.

Спатильный параметр локальной цивилизации предполагает не просто выделение определенного ее ареала, но и выявление особен-

ностей ее единого нормативно-ценностного пространства (символического универсума). Этот символический универсум представляет собой «цивилизационную матрицу», или «доминантную форму интеграции». «Цивилизационная матрица», или «доминантная форма интеграции», задавая базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с природной средой и окружающим миром, объединяет эту общность в единое целое и делает ее уникальной. «Цивилизационные матрицы» могут формироваться разными основаниями, генерирующими спатальное единство цивилизаций: религией, культурой, идеологией, государственностью. Выделение «цивилизационной матрицы» позволяет преодолеть представление о локальной цивилизации как «конгломерате разнообразных явлений», а также стремление свести цивилизацию к специфике, например, культуры или религии, ибо в качестве «доминантной формы интеграции» могут выступать разные основания.

Темпоральный параметр локальных цивилизаций выражается в социотипе развития, под которым понимаются алгоритмически повторяющиеся в длительной перспективе наиболее характерные черты этого развития и способы решения его проблем. Специфика этих алгоритмов позволяет выделить несколько социотипов развития: эволюционный, инновационный и мобилизационный.

Эволюционный социотип представляет собой развитие за счет постепенного органического вызревания факторов и условий социальной динамики без сознательного вмешательства людей в общественные процессы. Инновационный и мобилизационный социотипы развития характеризуются, напротив, активной целесообразной деятельностью людей, направленной на преобразование всех сторон жизни общества. В основе инновационного социотипа лежит процесс поиска и реализации нововведений, позволяющий повысить эффективность функционирования общественного производства и усилить степень реализации потребностей членов общества за счет сознательного культивирования внутренних факторов развития, прежде всего таких, как наука и техника, область применения которых постоянно расширяется во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Мобилизационный социотип развития осуществляется за счет сознательного вмешательства людей в общественные процессы, которые опирают-

ся при этом на традиционные ресурсы и экстраординарные методы деятельности¹⁷⁹.

Конативный параметр локальных цивилизаций определяется культурными архетипами как совокупностями неосознанных архаических образов, ценностей и установок, носящих устойчивый характер и проявляющихся как в сфере повседневной жизнедеятельности людей, так и в области элитарного творчества. Подобно юнговским архетипам, культурные архетипы, как только возникают подходящие ситуации, активизируются, в результате «развивается принудительность, которая, подобно силе инстинкта, прокладывает себе дорогу, вопреки разуму и воле».

Преимущества такого многомерного подхода состоит в том, что в его рамках можно описывать различные поликультурные цивилизации, характерной чертой которых является интенсивное взаимовлияние многих уникальных культур и мировых религий, определять потенциальное поле возможных взаимодействий цивилизаций в условиях глобализации, а также цивилизационные реакции на ее вызовы.

Примечания

¹ *Тарнас Р.* История западного мышления... С. 346-348.

² *Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России. Очерк теории и методологии мироцелостности. М., 1999. С. 102.

³ Там же. С. 93.

⁴ *Бузгалин А.В.* Постмодернизм устарел... С. 14.

⁵ *Володихин Д.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // <http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>

⁶ *Кравцов В.Н.* Трансформация оснований профессионализма исторического знания... С. 194-195.

⁷ *Юдельсон А.В.* Реферат: The Postmodern History Reader... С. 305-311.

⁸ *Нагорная О.* Культура памяти о «веке катастроф» в современном российском обществе // http://www.iriss.ru/display_project?id=000150070124

⁹ *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999.

¹⁰ *Ким С.Г.* В поисках интегральной версии историописания... С. 30.

" *Володихин Д.М.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // <http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>

- ¹² *Кравцов В.Н.* Трансформация оснований профессионализма исторического знания... С. 174.
- ¹³ *Jenkins K.* Rethinking History... P. 68.
- ¹⁴ Там же. С. 161.
- ¹⁵ *Ильин В.В.* Человек в политической истории (антропологический анализ) // *Человек и современный мир.* М., 2002. С. 331
- ¹⁶ *Tout Д.* Стремление к истине.... С. 158.
- ¹⁷ *Могильницкий Б.Г.* Историческая теория как форма научного познания // *Историческое знание и интеллектуальная культура...* С. 3-6.
- ¹⁸ *Хвостова КВ.* Методологические поиски в современной исторической науке // *Новая и новейшая история.* 1996. № 4. С. 79-80. См. также: *Хвостова К. В.* Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // *Одиссей Человек в истории.* М., 2000.
- ¹⁹ *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 43.
- ²⁰ *Ястребицкая А.Л.* «Новая историческая наука» в контексте современной культурной традиции // *Теоретические проблемы исторических исследований.* Вып. 1. М., 1998. С. 47.
- ²¹ *Боткин Л.М.* Полемические заметки // *Одиссей. Человек в истории.* Представления о власти. М., 1995. С. 209.
- ²² *Тош Д.* Стремление к истине... С. 56, 287.
- ²³ *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный поход: методологические основания, социологические измерения // *Вопросы философии.* 2005. № 2. С. 17.
- ²⁴ Там же. С. 21-23.
- ²⁵ *Володихин Д.М.* «Призрак третьей книги»: методологический монизм и «глобальная архаизация» // <http://zaborische.narod.ru/history/ghost.html>
- ²⁶ *Ким С.Г.* В поисках интегральной версии историописания... С. 40.
- ²⁷ *Репина Л.П.* Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 7. М., 2001.
- ²⁸ *Патрушев А.И.* Вернер Конце и пути немецкой социальной истории // *Диалог со временем: историки в меняющемся мире.* М., 1996. С. 127-141; *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994—1997 гг. // *Новая и новейшая история.* 1998. № 4.
- ²⁹ *Ким С.Т.* В поисках интегральной версии историописания... С. 39.
- ³⁰ Там же. С. 31.

- ³¹ *Tout Д.* Стремление к истине... С. 286.
- ³² Берега рациональности. Беседа с В.С. Швыревым...С. 122-123.
- ³³ *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. .. С.15.
- ³⁴ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 160.
- ³⁵ *Кока Ю.* Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 18-19.
- ³⁶ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 182,160.
- ³⁷ *Spiegel G.* History, Historicism, and the Social Logic of the Text in the Middle Ages//Speculum. 1990. V. 65. N 1.P. 59-86.
- ³⁸ *Joyce P.* History and Postmodernism // The Postmodern History Reader / Ed. by K. Jenkins. London; New York: Rutledge. 1998. P. 247.
- ³⁹ *Evans R.J.* In Defence of History. Granta, 1997.
- ⁴⁰ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 160
- ⁴¹ *Бордюгов Г.А.* Вместо заключения. Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.- М., 1996. С. 432
- ⁴² *Тош Д.* Стремление к истине... С. 180.
- ⁴³ Там же. С. 183.
- ⁴⁴ *Elton G.R.* Return to Essentials; Arthur Marwick, «Two approaches to historical study: the metaphysical (including «Postmodernism») and the historical» //Journal of Contemporary History. XXX. 1995. P. 5-35.
- ⁴⁵ *Бойцов М. С.* Вперед к Геродоту // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999.
- ⁴⁶ *Mathias P.* Living with the neighbours: the role of economic history // The Study of Economic History / Ed. N.B. Harte - Cass, 1971. P. 380.
- ⁴⁷ *Barzun J.* Clio and the Doctors. Chicago University Press, 1974.
- ⁴⁸ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 190-191.
- ⁴⁹ *Шанин Т.* Россия как «развивающееся общество». Революция 1905 года: момент истины. (Главы из книги) // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Ред.-сост. С. Б. Чернышев. Т. 1: Россия как предмет. М., 1995. С. 430.
- ⁵⁰ *Thompson E.P.* The Poverty of Theory. Merlin Press. 1978.P. 78.
- ⁵¹ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 187,218.
- ⁵² *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002. С. 34.

- ⁵³ Розов Н. С. Философия и теория истории... С. 35-37.
- ⁵⁴ ТошД. Стремление к истине... С. 218.
- ⁵⁵ Там же. С. 195.
- ⁵⁶ Шанин Т. Революция как момент истины... С. 20.
- ⁵⁷ Там же. С. 18-19.
- ⁵⁸ Могильницкий Б.Г. Историческая теория как форма научного познания... Сб.
- ⁵⁹ ТошД. Стремление к истине... С. 183-184.
- ⁶⁰ Смоленский Н.И. Возможна ли общеисторическая теория?... С. 3-4.
- ⁶¹ Смоленский Н.И. Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 8-9.
- ⁶² Методологические поиски в современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 79.
- ⁶³ Могильницкий Б.Г. Историческая теория как форма научного познания... Сб.
- ⁶⁴ ТошД. Стремление к истине... С. 18-20.
- ⁶⁵ Elton G.R. The Practice of History. Fontana, 1969. P. 31.
- ⁶⁶ ТошД. Стремление к истине... С. 168.
- ⁶⁷ Там же. С. 36.
- ⁶⁸ Там же. С. 52.
- ⁶⁹ Шанин Т. Революция как момент истины... С. 1—19.
- ⁷⁰ Appleby J, Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History... P. 221.
- ⁷¹ Шанин Т. Корни инакости. // Иное. Т.4: Путеводитель. М., 1995. С. 34.
- ⁷² Spiegel G. History and Postmodernism // The Postmodern History Reader / Ed. by K.Jenkins -London; New York: Rutledge, 1998 P. 266.
- ⁷³ Юдельсона А.В. Реферат: The Postmodern History Reader... С. 312—313.
- ⁷⁴ Смолина А.Н. Глубина времени, поверхность истории и проблема объективности события // Историческое знание и интеллектуальная культура... С. 36.
- ⁷⁵ Юдельсона А.В. Реферат: The Postmodern History Reader... С. 306.
- ⁷⁶ Spiegel G. History and Postmodernism... P. 261-262, 321.
- ⁷⁷ Смолина А.Н. Глубина времени, поверхность истории... С. 37.
- ⁷⁸ Мапковская Н.А. Россияведение: между символом и симулякром // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 79.
- ⁷⁹ McNeill W.J. Mythistory and Other Essays. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1986

- ⁸⁰ Култыгин В.П. Классическая социология. М., 2000. С. 466–474.
- ⁸¹ Гречко П.К. Концептуальные модели истории... С. 19–25.
- ⁸² Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая... С. 245.
- ⁸³ Бордюгов Г.А. Вместо заключения. Каждое поколение пишет свою историю... С. 432.
- ⁸⁴ Зотов А.Ф. Истина/Глобалистика: Энциклопедия... С. 415–416.
- ⁸⁵ Зуев К. Следует ли считать архаизмом понятие научной истины?.. С. 127.
- ⁸⁶ Кроткое Е. Эпистемологические образы научной истины... С. 123–124; Розин В.М. Контекстное, полифоническое мышление... С. 129.
- ⁸⁷ Агафонова М.Ю. Проблема насилия в познании... С. 48.
- ⁸⁸ Смолина А.К. Глубина времени, поверхность истории... С. 36.
- ⁸⁹ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History... P. 276.
- ⁹⁰ Тош Д. Стремление к истине... С. 131.
- ⁹¹ Бордюгов Г.А. Вместо заключения. Каждое поколение пишет свою историю... С. 432.
- ⁹² Хотя некоторые неоклассики считают, что идея истории как целого может быть предметом только спекулятивных философских размышлений (См.: Гречко П.К. Концептуальные модели истории... С. 23).
- ⁹³ Тош Д. Стремление к истине... С. 40.
- ⁹⁴ Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 331.
- ⁹⁵ Там же. С. 115–117.
- ⁹⁶ Кока Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Весна. С. 174–189.
- ⁹⁷ Abrams Ph. Historical Sociology. Open Books. 1982. P. 2–3.
- ⁹⁸ Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 321–322.
- ⁹⁹ Тош Д. Стремление к истине... С. 241–242.
- ¹⁰⁰ Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 323.
- ¹⁰¹ Тош Д. Стремление к истине... С. 134
- ¹⁰² Савельева И.М., Полетаев А.В. История как знание о социальной реальности // Историческое знание и интеллектуальная культура... С. 8–9.

- ¹⁰³ Ильин ВВ. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 114.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 331.
- ¹⁰⁵ ТошД. Стремление к истине... С. 134.
- ¹⁰⁶ Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 335.
- ¹⁰⁷ ТошД. Стремление к истине... С. 137.
- ¹⁰⁸ См.: Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М, 1992; Панишин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; Панишин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003.
- ¹⁰⁹ Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 318.
- ¹¹⁰ Там же. С. 329-330.
- ¹¹¹ Азроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелепин Л.А. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 94-103.
- ¹¹² Ильин МВ. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Политические исследования. 1999. № 6. С. 137-138.
- ¹¹³ Ким С.Г. В поисках интегральной версии историописания... С. 40.
- ^{1,4} Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.8. С.27.
- ¹¹⁵ ТошД. Стремление к истине... С. 133-134.
- ¹¹⁶ Tawney R. H. History and Society. Routledge & Kegan Paul. 1978. P. 54.
- ^{1,7} Ильин В.В. Человек в политической истории (антропологический анализ)... С. 337-338.
- ¹¹⁸ Уилсон Э.О. Возобновляя поиски, начатые Просвещением // Интеллектуальный Форум / 2001 год / 5 выпуск // if.russ.ru/2001/5/20010626_w.html
- ¹¹⁹ Гросс ПР. Порыв Икара // Интеллектуальный Форум / 2001 год / 5 выпуск // if.russ.ru/2001/5/20010626_gross.html
- ¹²⁰ Качанов И.О. Синергетика // Глобалистика: Энциклопедия... С. 919—920.
- ¹²¹ Лубский А.В. Синергетика и историческая наука // Проблемы истории. Ростов н/Д, 1993; Гамаюнов С.А. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории // Общественные науки и современность. 1996. № 4; Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии. 2000. № 4; Бородин Л.И. «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2.

¹²² *Стегнин В.С.* Смена типов рациональности // Синергетика и психология. Вып. 1. «Методологические вопросы». М., 1999. С. 113.

¹²³ *Бочаров А.В.* Проблема альтернативности в истории: традиционные и нетрадиционные подходы // Интеллектуальное знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С. 31; *Топольский Е.* Дискуссия о применении теории хаоса к истории // Исторические записки. М., 1999. №2 (120). С. 91.

¹²⁴ *Сапронов М.В.* Концепция самоорганизации в общественном знании: мода или необходимость? (Размышления о будущем исторической науки) // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 150.

¹²⁵ *Бородкин Л.И.* История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Историческое знание и интеллектуальная культура... С. 25.

¹²⁶ *Князева Е.Н.* Случайность, которая творит мир // В поисках нового мировидения: И. Пригожий, Е. и Н.Рерихи. М., 1991. С. 3-5.

¹²⁷ *Шепелева В. Б.* Синергетика и проблемы исторического познания // Историческое знание и интеллектуальная культура... С. 24.

¹²⁸ *Моисеев Н.Н.* Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 30-37.

¹²⁹ *Князева Е.Н.* Случайность, которая творит мир... С. 15.

¹³⁰ *Пригожий И., Стингер И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2000.

¹³¹ *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса. М., 2003.

¹³² *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования... С. 75-76.

¹³³ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования... С. 71.

¹³⁴ *Бочаров А.В.* Проблема альтернативности в истории: традиционные и нетрадиционные подходы... С. 28-29; *Бочаров А.В.* Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 2002.

¹³⁵ *Лубский А.В.* Исторические альтернативы и выбор путей общественного развития: Россия в конце XIX - начале XX в. // Россия (Конец XIX - начало XX века: политическая история). Ростов н/Д, 1992.

¹³⁶ *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования... С. 78,81.

¹³⁷ *Тош Д.* Стремление к истине... С. 38.

¹³⁸ *Качанов И.О. Т.* Синергетика // Глобалистика: Энциклопедия... С. 920.

¹³⁹ *Моисеев Н.Н.* Проблема возникновения системных свойств // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 30.

¹⁴⁰ *Figli* / Natur, Wissenschaft und neue Rationalität // Die Dialektik und die Wissenschaften. Köln, 1986. S. 15.

¹⁴¹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 484.

¹⁴² Шулындин Б.П. Исторический путь России в аспекте цивилизационного и формационного подходов // Социально-гуманитарные знания. 2001. №2. С. 5.

¹⁴³ Лубский А.В. Глобализация и идея локальных цивилизаций // Глобализация и регионализация в современном мире. Материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону. 15-20 сентября 2001 г.). Ростов н/Д, 2001.

¹⁴⁴ Тимофеев ТТ. Противоречия глобализации и цивилизационные процессы // Глобализация. Конфликт или диалог цивилизаций? М., 2002. С. 10.

¹⁴⁵ Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. СПб., 2002. С. 7-8.

¹⁴⁶ Четкое М.А. Осмысление мироцелостности: новая оппозиция идей или их сближение? // Мировая экономика и международные отношения. М., 1995. №2. С. 148.

¹⁴⁷ Там же. С. 151.

¹⁴⁸ Kavolis V. History of Consciousness and Civilizational // Comparative Civilizations Review. 1987. N 17. P. 1-19; Kavolis K Nationalism. Modernization and Polylogue // Comparative Civilizations Review. 1991. N 25. P. 124-143.

¹⁴⁹ Лалетин Д.А. Цивилизация // Энциклопедический словарь по культурологии. М., 1997. С. 431.

¹⁵⁰ Ерасов Б.С. Послесловие. Категории «цивилизация» и «революция» в концепции Ш. Эйзенштадта на фоне «нового мышления» // Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 392.

¹⁵¹ Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса... С. 150.

¹⁵² Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. М., 1991. №3. С.31.

¹⁵³ Ерасов Б.С. Введение. Цивилизация: слово-термин-теория... С. 25.

¹⁵⁴ Найдыш В.М. Проблема цивилизации в научной мысли нового времени... С. 20.

¹⁵⁵ Киссель М.А. Цивилизация как диалектический процесс. Проблема цивилизации в философии Р.Дж. Коллингвуда // Цивилизации». Вып. 1. М., 1992. С. 39.

¹⁵⁶ Каст СИ. Российская цивилизация и идеи А.Дж. Тойнби // Свобод-

ная мысль. М., 1995. № 2. С. 77.

¹⁵⁷ Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка... С. 117; Мчедлова ММ. Цивилизация//Российская цивилизация... С. 486.

¹⁵⁸ Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса... С. 150.

¹⁵⁹ Межуев В. Российская цивилизация: утопия или реальность? //Россия. XXI. М., 2000. № 1. С. 48-50.

¹⁶⁰ Jouffroy Th. Du role de la Grece dans le developpement de l'Humanite // Joaffroy Th. Melanges philosophiques. P., 1833.

¹⁶¹ Нещадин А.А., Горин Н.И. Судьба России в современной цивилизации. М, 2003. С. 9-11.

¹⁶² Абдулатипов Р. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность //Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1995. № 1. С. 55.

¹⁶³ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924; Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М, 1987; Кульпин Э.С. Путь России. М, 1995.

¹⁶⁴ Черноус ВВ. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX - начале XX века. Научные чтения, посвященные памяти профессора Ю.И. Сеорого. Ростов н/Д. 1992. С. 6-41.

¹⁶⁵ Wilkinson D. Centr Civilization // Comparative Civilizations Review. 1987. N 17. P. 31; Wilkinson D. Cites. Civilizations and Oikumens: I // Comparative Civilizations Review. 1992. N 27. P. 51.

¹⁶⁶ Найдыш В.М. Проблема цивилизации в научной мысли нового времени... С. 21-23.

¹⁶⁷ Черняк КБ. Цивилиография. М., 1996. С. 7,369.

¹⁶⁸ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций, М, 1994. С. 37.

¹⁶⁹ Садков В., Гринкевич Л. Цивилизационно-информационный подход к анализу общественного развития // Общество и экономика. М., 2000. № 1. С. 166.

¹⁷⁰ Niciforo A. Les indices numeriques de la civilisation et du progres. Paris, 1922. P. 114.

¹⁷¹ Crouzet M. Preface generale des civilisation. Paris, 1953. V. 1. P. 25.

¹⁷² Ерасов Б.С. Введение. Цивилизация: слово-термин-теория... С 16.

¹⁷³ Барз М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительно-истори-

ческих исследований // История СССР. М., 1991. № 5.

¹⁷⁴ Робин Р. Культура // 50/50: Опыт словаря нового мышления. 1989. С. 233.

¹⁷⁵ Braudel F. On History. Chicago: University of Chicago Press, 1980. P. 205.

¹⁷⁶ Japanese Systems. An Alternative Civilization? A Research Project Team for Japanese Systems. Yokohama., 1992. P. 3.

¹⁷⁷ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация... С. 21.

¹⁷⁸ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 525

¹⁷⁹ Фоотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993. С. 257-258.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отправляясь в поход за истиной, ученый испытывает волнение - он хочет постичь сущность, упрятанную в тайну. Однако истина постоянно ускользает от него, и историку уготована участь подбирать лишь ее осколки. Но и осколки истины доставляют ему наслаждение - удивительное чувство соприкосновения с тайной.

А.Л.

Особенность современной методологической ситуации, сложившейся в исторической науке, состоит в переходе от монистической интерпретации истории к плюралистической. В методологическом сознании актуализировались проблемы языка научного дискурса, субъективности и объективности в историческом познании. Развернулась дискуссия между сторонниками корреспондентной, когерентной, контекстной и семантической концепциями исторической истины, а также постмодернистами, которые считают истинностную гносеологию продуктом мифологизированного репрессивного сознания.

В истории познания были снаряжены три великих экспедиции в поисках истины, каждой из которых соответствовала своя модель исторического исследования. Первую научную экспедицию в XIX в. возглавили позитивисты, которые предложили классическую модель исторического исследования. Вторую - в первой половине XX в. - возглавили антипозитивисты, которые предложили неклассическую модель исторического исследования. В последней трети XX в. большое влияние на историческое познание оказали постмодернисты, под влиянием которых началось переосмысление методологических принципов исторического исследования. Третью научную экспедицию в конце XX в. возглавили реалисты-критики, чей поход за истиной положил начало складыванию неоклассической модели исторического исследования.

Модель исторического исследования - это когнитивный аналог, концептуально воспроизводящий такие параметры исторического ис-

следования, как его предмет, когнитивная стратегия, эмпирические и методологические средства, роль ученого в исследовательской практике.

В рамках дискурсивного моделирования когнитивные практики в историческом познании могут быть сведены к трем моделям исторического исследования - классической, неклассической и неоклассической, а также постмодернистской модели исторического познания.

Классическая модель исторического исследования сформировалась в XIX в. Она явилась порождением рационалистической культуры Нового времени, дискурса Просвещения, позитивизма и классической рациональности. Для этой модели характерен объективистский, социологистско-номотетический стиль исторического мышления. Ее предметом выступает надындивидуальная и каузальная историческая реальность. Когнитивная стратегия носит номотетический характер, направленный на установление причинно-следственных связей, исторических закономерностей и реконструкцию объективной исторической реальности в виде системы эмпирического и теоретического знания, свободного от оценочных суждений.

Принципы классической модели исторического исследования получили реализацию в таких концепциях истории, основанных на методологии однолинейного прогрессизма, как теория общественно-экономических формаций, теория постиндустриального общества, стадийная теория цивилизаций, миросистемная теория, теория модернизации.

Неклассическая модель исторического исследования начала складываться на рубеже XIX-XX вв. Ее возникновение было когнитивной реакцией на кризис позитивизма как методологической основы классической науки. Эта модель сложилась в русле культуры «благоговоения перед жизнью», дискурса Контрпросвещения, антипозитивизма и неклассической рациональности. В ее рамках сформировался аксиологический, номиналистско-идиографический стиль мышления. Предметом исследования является индивидуальная, уникальная историческая реальность. Когнитивная стратегия носит идиографический характер, цель которой заключается в восстановлении смысла чужой индивидуальности, ее коммуникационной и символической природы посредством аксиологического в нее «вживания».

Неклассическая модель исторического исследования оказала большое влияние на «новую культурную историю», представители которой, благодаря «лингвистическому повороту», стали воспринимать результаты исторических процессов как глубоко структурированные культурой и зависящие от локальных событий. В XX в. традиции неклассической модели исторического исследования развивали такие научные направления, как «история локальных цивилизаций», «история повседневности», «история ментальностей», «микроистория».

Большое влияние на историческую науку во второй трети XX в. оказал постмодернизм, который возник как антитеза культуре, базирующейся на ценностях и идеалах Просвещения. Постмодернизм сложился в рамках культуры «индивидуализированного общества», в условиях той конфигурации «мироцелостности», в которой отчетливо проявились тенденции глобализации и локализации. Постмодернизм - это «поминки» по дискурсу Просвещения, антитеза интеграции, глобализации и апология дезинтеграции, локализации. Истоки постмодернизма связаны с «лингвистическим поворотом» - языковой революцией, нашедшей свое выражение в лингвистической философии. Постмодернизм - это особая рациональность. Это - такой стиль мышления, основным принципом которого является утверждение «*affirmo - ergo est*» («утверждаю - значит, так есть»). В постмодернистском мышлении особенно ценятся пластичность и постоянное изменение; отдается предпочтение конкретному опыту перед застывшими отвлеченными принципами.

Основой эпистемологических претензий постмодернизма выступает представление о том, что мир начинает существовать только в интерпретациях и лишь благодаря им. Отличительной чертой постмодернизма является приоритет языка над опытом. Особую роль в историческом познании постмодернисты придают текстам, считая их единственной конкретной данностью, с которой имеет дело исследователь. В постмодернистской эпистемологии главное место отводится проблемам интертекстуальности и деконструкции. В рамках постмодернизма радикальной критике подвергается классическая модель исторического исследования, ее когнитивная стратегия, направленная на получение объективно истинного знания, а также такие ее базовые принципы, как эмпиризм, объективизм и холизм.

В рамках субъективистского, ассоциативно-образного стиля постмодернистского мышления процесс исторического познания рассматривается не как диалог между субъектом и объектом, а как диалог между текстами. В ходе этого диалога возникает специфическая власть языка текста, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир дискурса», в котором презентуется историческая реальность. Постмодернисты считают, что в историческом познании достойным внимания является лишь единичное, уникальное, индивидуальное, и поэтому они с недоверием относятся к всякого рода метанарративам.

В рамках постмодернистской модели познания историческая реальность из целостной системы превращается в мир социальной «разорванности» и самодостаточности отдельных его фрагментов, становится «зрелищем», «калейдоскопом знаков». В постмодернистской парадигме знание рассматривается не как «отражение» исторической реальности, а как субъективное выражение интересов и потребностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в гипертекст современности.

В целом постмодернистская модель исторического познания к науке отношения не имеет, поскольку отрицает атрибутивные признаки научного исследования. Вместе с тем с постмодернизмом связано осознание того, насколько исторически специфическими являются те инструменты, с помощью которых историки пытаются расшифровать прошлое.

Неоклассическая модель исторического исследования стала формироваться в конце XX в. в русле культуры неоглобализма, в рамках «новой мироцелостности», постнеклассической рациональности, поставившей проблему синтеза когнитивных практик, а также методологии нового универсализма, основу которого составляют теории «культурного плюрализма» и те теории глобализации, которые постулируют позитивную связь между процессом глобализации и культурной разнородностью мира. Для неоклассиков характерен критический, реалистско-синкретический стиль исторического мышления.

В научном плане возникновение неоклассической модели исторического исследования было реакцией на вызовы постмодернизма, связанные с покушением на профессию историка и социальный ста-

туе самой исторической науки. Представители неоклассической модели исторического исследования подвергают критике в первую очередь постмодернизм и вместе с тем всю предшествующую историографию за методологическую односторонность.

Формирование неоклассической модели исторического исследования сопровождается переходом от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза «положительных» когнитивных установок классической и неклассической моделей исторического исследования, а также с учетом всего того когнитивно ценного, что содержится в постмодернизме.

В рамках неоклассической модели исторического исследования широкое распространение получили идеи и методы синергетики, которые позволяют наиболее эффективно изучать исторические структуры и процессы на крутых «поворотах» истории, в альтернативных ситуациях перехода от хаоса к порядку. Синергетика дает возможность в рамках теории самоорганизации по-новому рассматривать такие вопросы исторического развития, как возможность и действительность, традиции и инновации, прошлое и настоящее, альтернативность и выбор.

Развитие исторического познания в XIX–XX вв. сопровождалось не плавным накоплением научных знаний (кумулятивная теория), не «сменой парадигм» (теория научных революций), а «когнитивными прорывами» и возникновением новых моделей исторического исследования в условиях сохранения методологического потенциала старых. Поэтому развитие исторического познания сопровождалось острой конкуренцией различных моделей исторического исследования, доходящей до эпистемологического ригоризма.

В современном историческом познании в условиях методологического плюрализма взаимодействуют различные модели исторического исследования, составляя конкурентное пространство исторической эпистемологии. В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную дисциплину», в когнитивное поле многообразных мнений и интеллектуальных «языковых игр», вследствие которых историческая реальность растворилась во множестве теоретических конструкторов и концептов, смысловых миров и метафорических значений.

Это, по мнению исследователей, является свидетельством эпистемологического кризиса исторической науки, выход из которого видится на путях методологического синтеза различных когнитивных практик, существующих в современном историческом познании.

Табл. 1. Культурно-эпистемологический контекст, стили мышления и принципы познания

Признаки	Модели исторического исследования			
	Классическая	Неклассическая	Постмодернистская	Неоклассическая
Культурно-эпистемологический контекст	Культура Нового времени (Cogito), дискурс Просвещения, позитивизм	Культура «благоговения перед жизнью», дискурс Контрпросвещения, антипозитивизм	Культура индивидуализированного общества, дискурс Антипросвещения, «лингвистический поворот»	Культура «неоглобализма», дискурс новой мироцелостности, новый универсализм
Стиль мышления	Объективистский, социологистско-номотетический	Аксиологический, номиналистско-идиографический	Субъективистский, ассоциативно-образный	Критический, реалистско-синкретический
Принципы познания	Эмпиризм, холизм, объективизм, социологизм, номотетизм, теоретизм, монизм, реконструктивизм	Эмпиризм, индивидуализм, аксиологизм, номинализм, идиографизм, интерпретационизм, плюрализм, реконструктивизм	Лингвизм, фрагментаризм, субъективизм, интертекстуализм, деконструктивизм, презентизм, релятивизм, конструктивизм	Эмпиризм, холизм, реализм, синкретизм, синтетизм, теоретизм, плюрализм, реконструктивизм

Табл. 2. Предмет и когнитивная стратегия исторического исследования

Параметры	Модели исторического исследования			
	Классическая	Неклассическая	Постмодернистская	Неоклассическая
Что изучается? (предмет)	Надындивидуальная реальность, социократизм, холизм, каузалность, процессы, структуры, институты, интересы, макроистория	Индивидуальная реальность, антропократизм, индивидуализм, каузалность, повседневность, менталитет, ценное™, микроистория	Тексты, антропоцентризм, фрагментизм, язык, микроистория	Надындивидуальная и индивидуальная реальность, индивид, социум, каузалность, каузалность, интересы, ценности, макро-, микроистория
Как изучается? (методология)	Социологизм, объективизм. Методы: системный, структурно-функциональный, реляционистский, объяснение	Номинализм, аксиологизм. Методы: феноменологические, герменевтические, символик-интеракционистские, понимание	Субъективизм, интертекстуальность. Методы Лингвистические, деконструкция	Реализм, синтетизм, Методы классические и неклассические, объяснение, понимание
Какова когнитивная стратегия?	Номотетизм, эмпирия - описание - теория, корреспондентная истина, реконструктивизм	Идиографизм эмпирия - описание - концепт, когерентная истина, реконструктивизм	Нарративизм, язык-риторические стратегии - нарратив, «осмысленность» конструктивизм	Синкретизм эмпирия - описание - конструкт, контекстная истина, реконструктивизм
	Субъект - объектные отношения, принцип «нейтральности»	Субъект - субъектные отношения, принцип «вживания»	Интертекстуальность («смерть автора»), Affirmo- ergo est («утверждаю - значит, так есть»)	Субъект - субъект - объектные отношения, принцип реализма

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	29
§ 1. Природа методологической деятельности в исторической науке.....	29
§ 2. Методологическая ситуация в современной исторической науке.....	45
§ 3. Научность исторического исследования и его модели.....	68
ГЛАВА 2. КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	93
§ 1. Социокультурный и эпистемологический контексты: дискурс Просвещения, классическая рациональность и позитивизм.....	93
§ 2. Классическая модель исторического исследования: предмет и когнитивная стратегия.....	98
§ 3. Концептуальные модели истории.....	107
ГЛАВА 3. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	133
§ 1. Социокультурный и эпистемологический контексты: дискурс Контрпросвещения, неклассическая рациональность и антипозитивизм.....	133
§ 2. Неклассическая модель исторического исследования: предмет и когнитивная стратегия.....	145
§ 3. Основные направления изучения исторической реальности.....	157
ГЛАВА 4. ПОСТМОДЕРНИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА.....	199
§ 1. Новая конфигурация «мироцелостности» и постмодернистское мышление.....	199
§ 2. Эпистемологические претензии постмодернизма и критика классической исторической науки.....	216
§ 3. Предмет и когнитивная стратегия постмодернистской парадигмы исторического познания.....	230

ГЛАВА 5. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО	
ИССЛЕДОВАНИЯ.....	256
§ 1. Неоглобализм и новый универсализм:	
проблемы методологического синтеза.....	256
§ 2. Когнитивная стратегия и принципы научного исследования.....	286
§ 3. Новые подходы к изучению исторической реальности.....	306
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	340
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	346